

Александр ЗИНОВЬЕВ

СМУТА

**Александр
ЗИНОВЬЕВ**

Александр Зиновьев

Смута

Калворн
Москва
1995

ISBN 5-85917-010-6

© А. А. Зиновьев. 1994

© Ю. Станишевский. Оформление. 1994

Предисловие к российскому изданию

В эту книгу вошли повести «Катастрожка» и «Искушение». Первая была закончена в 1989 году. В основу сюжета ее было положено описание ситуации, которая сложилась в России вследствие горбачевской перестройки, и тенденции к контрперестойке, которая наметилась еще в то время и привела к попытке переворота в августе 1991 года. Я предполагал, что нечто подобное должно произойти. Но, конечно, я не мог предвидеть, что это произойдет в такой форме, и кончится провалом.

Книга «Искушение» была начата еще в 1982 году как часть серии «Смута», но по не зависящим от меня обстоятельствам работу над ней пришлось отложить, а в связи со стремительными и радикальными переменами в России пришлось основательно переработать. Закончил я эту переработку вскоре после событий в августе 1991 года.

Хотя эти книги суть самостоятельные хроникально-социологические повести (так я называю мой литературный жанр), их можно рассматривать как часть единого произведения, в чем читатель может убедиться сам.

Июнь, 1994 г.

А. Зинovieв

Катастройка

Повесть о перестройке в Партграде

ПРОЛОГ

Раньше Партград был закрыт для иностранцев. Для этого были две причины. Первая причина — в Партграде не было ничего такого, что следовало показывать иностранцам. Было несколько церквей, но они не имели никакой исторической и архитектурной ценности. К тому же все они, кроме одной, самой захудалой, были закрыты. Был старинный монастырь. Но в нем помещался антирелигиозный музей. В Партграде нельзя было найти даже расписной ложки, плошки и матрешки, которые на Западе считаются высшим достижением русской национальной культуры, хотя давно уже изготавливаются в Финляндии. На весь Партград был всего один самовар, да и тот находился в краеведческом музее.

Вторая причина, почему Партград был закрыт для иностранцев, заключалась в том, что в нем было много такого, что не следовало показывать иностранцам. Здесь расположены многочисленные военные заводы и училища, химический комбинат, выпускающий не столько стиральный порошок, сколько секретное оружие, микробиологический центр, занятый сверхсекретными исследованиями, психиатрическая больница, имеющая дурную славу в диссидентских кругах. Около города расположены исправительно-трудовые лагеря, тоже известные в кругах диссидентов, атомное предприятие, хотя и предназначенное для мирных целей, однако превратившее целый район в зону повышенной радиации. А главное, что не следовало показывать иностранцам, это убогие жилища, пустые магазины, длинные очереди и прочие атрибуты русского провинциального образа жизни.

С началом горбачевской «перестройки» положение изменилось коренным образом. Оно изменилось не в том смысле, что вид страны и жизнь людей улучши-

лись (они то как раз ухудшились), а в том смысле, что взгляд высшего руководства на вид страны и жизнь людей ухудшился. Закончился первый период советской истории — период сокрытия недостатков. Начался новый период — период признания и обнажения недостатков. Причем, недостатки стали обнажать не столько для своих граждан, которые об этих недостатках знали и без указаний начальства, сколько для Запада. Можно сказать, что началась оргия любования своими язвами и хвастовства ими перед Западом. Этот перелом совпал с переломом в отношении к Советскому Союзу на Западе. Там стали интересоваться не тем, что было плохого в советском образе жизни, а тем фактом, что в Советском Союзе официально признали наличие плохого, и именно это признание стали считать самым большим достоинством советского образа жизни. Признание советских властей, что в Советском Союзе дела делаются плохо и люди живут плохо, на Западе истолковали как показатель того, что дела в Советском Союзе идут совсем не плохо и люди живут не так уж плохо. На Западе простили Советскому Союзу все зло, случившееся в нем и из-за него, за признание ничтожной доли этого зла.

Тучи советских людей устремились в западные страны, превознося «перестройку» и заодно приобретая дефицитные в Советском Союзе вещи. На Западе стали сравнивать Горбачева с Петром Великим и приписали ему намерение широко открыть двери на Запад. Горбачевское руководство решило подкрепить этот перелом в общественном мнении Запада, организовав поток западных людей в Советский Союз. С этой целью в ЦК КПСС было принято решение превратить Партград в образцово-показательный с точки зрения хода перестройки город (в маяк перестройки) и открыть его для иностранцев. Произошло это при следующих обстоятельствах.

На высшем уровне

Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев, утомившись от реформаторской деятельности, раньше обычного покинул свой рабочий

кабинет в Кремле и уехал на свою подмосковную дачу. Он был не в духе и имел на то серьезные причины. Трудящиеся вместо минеральной воды, которую Михаил Сергеевич советовал пить вместо водки, пили самогон и всякого рода одуряющие жидкости. Снабдить трудящихся минеральной водой оказалось труднее, чем водкой. Конечно, трудящиеся могли бы довольствоваться водой из водопровода. Она у нас не хуже минеральной. Трудящиеся, однако, этого еще не осознали. Тут явный пробел в идеологическом воспитании. Тут тоже реформа нужна. Надо ускорить процесс идеологического воспитания. Конечно, в деле коммунистического воспитания мы опередили Запад. Значит, надо ускорить процесс опережения Запада в деле воспитания. Имеет смысл начать переводить трудящихся на систему самовоспитания, подобно тому, как мы переводим предприятия на систему самофинансирования.

Эта идея несколько улучшила настроение Михаила Сергеевича. Но ненадолго. Он вспомнил о том, что производительность труда стала расти на четверть процента медленнее, чем было намечено, и в западной прессе появились намеки на то, что «великие горбачевские реформы находятся под угрозой срыва». Зачем эти данные опубликовали в наших газетах?! И откуда их взяли?! Заставь, как говорится, дураков Богу молиться, так они рады лоб расшибить. Гласность вещь хорошая. Но надо же и меру знать.

Дома Михаила Сергеевича ждала новая неприятность. Любимая супруга Раиса Максимовна, прозванная обожающими ее трудящимися Горбачушкой, категорически заявила, что она хочет в Париж. По Эйфелевой башне соскучилась. По Лувру побродить захотелось. А главное — годы уходят, ее красота, потрясая весь мир, вянет. Пройдет еще пара лет, и «Ненька», престарелая супруга бывшего президента Рейгана, опять будет считаться первой красавицей мира. Американцы в этом деле далеко пошли, даже египетскую мумию могут в такой вид привести, что она «Мисс Америкой» станет. А уступать «Неньке» первенство по красоте нельзя ни в коем случае. Это будет грубая идеологическая, политическая и даже военная ошибка. А чтобы держать первенство по красоте, Раисе

Максимовне надо обновить гардероб в самых модных магазинах Парижа. Михаил Сергеевич и сам был бы рад посетить Париж, чтобы подкрепить репутацию самого сексибельного мужчины на планете и обладателя самой очаровательной улыбки, — по крайней мере в смысле улыбок мы догнали и перегнали США. Но выкроить для этого пару дней никак не удавалось. Надо было каждый день проводить какую-нибудь реформу, а то и по две и более. И за соратниками надо в оба смотреть. Стоит чуть-чуть зазеваться, как обвинят в перегибах, недогибах и изгибах. И сбросят. И реформы отменят. И похоронят не в Кремлевской стене, а на Новодевичьем кладбище, где-нибудь рядом с Хрущевым. Вот возьмет Михаил Сергеевич в свои руки всю полноту власти, тогда он всем покажет, где раки зимуют.

Размышляя таким образом, Михаил Сергеевич решил пригласить к себе соседа по даче Петра Степановича Сусликова, недавно избранного в секретари ЦК КПСС и возглавлявшего работу всех советских учреждений по надзору за Западом, по воспитанию его в просоветском духе и по использованию его на благо советского народа. Петр Степанович был не только соратником и единомышленником Михаила Сергеевича, но его личным другом. Так что Михаил Сергеевич попросил Петра Степановича заглянуть к нему на минутку — поговорить по душам. Пригласил на чашку чая, а не на бутылку водки. Водка в дружеской беседе была бы, конечно, лучше. Но партия объявила неприемлимую войну пьянству. И вот выдающиеся партийные руководители вынуждены поэтому во время дружеской беседы довольствоваться самым банальным безалкогольным напитком. Доживи их отцы и деды до этого времени и узнай об этом, они сочли бы это изменой русским национальным традициям и происками масонов и сионистов.

Как уже было сказано, дачи Михаила Сергеевича и Петра Степановича были расположены рядом. В заборе, разделявшем их, была особая калитка, охраняемая с обеих сторон. Охранник, стоявший на территории дачи Петра Степановича, отдал ему честь и дыкнул на него водочным перегаром. Петр Степанович отметил про себя, что тот пил «Столичную». Охранник на территории дачи Михаила Сергеевича тоже отдал честь

Петру Степановичу и дыхнул на него водочным перегаром, который напомнил ему «Зубровку». Петра Степановича охватили ностальгические воспоминания о тех временах, когда и они, партийные руководители, «тоже жили по-человечески». Но он взял себя в руки и проследовал в кабинет Михаила Сергеевича.

Разговор по душам

Домашняя работница, точная копия домашней работницы Сусликова (их штампуют что ли в КГБ?!) принесла чай. Петр Степанович, до последнего мгновения надеявшийся, что слово «чай» есть лишь условное обозначение чего-то более серьезного, несколько приуныл. Но виду не подал (партийная выучка!) и реагировал на чай с энтузиазмом поборника трезвой генеральной линии партии. Разговор пошел, естественно, о внутренних трудностях проведения упомянутой линии. Посетовали на то, что пьяницы и бюрократы суют палки в колеса изнутри. Поговорили о внешних трудностях. Посетовали на то, что западные империалисты суют палки в колеса извне. Поговорили о недостатках. Поговорили об успехах. Перешли на ведомство Петра Степановича. Михаил Сергеевич сказал, что на него возлагается особо важная задача. Общественное мнение на Западе — великая сила. А средства массовой информации там вообще суть настоящая власть. Надо их заставить служить нам. Тут нужна особая гибкость. В наше время в коммунистические сказки мало кто верит. Надо дать понять западным обывателям, что и мы в них не очень-то верим, что и мы теперь ко всему подходим практически, можно сказать, прагматически. Они это любят. Подумают, что и мы такие же, как они. И нам это надо использовать.

Петр Степанович с вниманием слушал словоизлияния Михаила Сергеевича, помещивая ложечкой в чашке остывшего чая. Михаил Сергеевич вошел в настроение и говорил, наслаждаясь потоком своих мыслей и задушевым голосом. Заговорили о гласности.

— Странно получается, Петр Степанович! Раньше у нас недостатки замазывали, а успехи раздували.

Теперь же — наоборот. Теперь мы стыдимся об успехах говорить, а недостатки раздуваем сверх меры. А ведь по-ленински понятая гласность означает, что людям надо всю правду говорить, не скрывая не только недостатки, но и достижения.

— Очень верная и свежая мысль, Михаил Сергеевич, — с энтузиазмом согласился Петр Степанович, отхлебнув глоточек чая и поперхнувшись с непривычки к безалкогольным напиткам. Очень и очень важная!

— Так вот, я и думаю: пусть иностранцы побольше и почаще приезжают к нам и сами смотрят, как мы живем, как боремся с недостатками и добиваемся успехов. Посмотрят своими глазами, вернуться домой — расскажут, что сами увидели. Это будет серьезная поддержка нам на мировой арене.

— Очень верная и свежая мысль, Михаил Сергеевич! У меня давно была задумка организовать большие делегации из представителей различных слоев населения западных стран в нашу страну. Но показывать им не церкви, музеи и балет, а нашу повседневную жизнь. Пусть посмотрят наш, советский образ жизни! Конечно, у нас есть что критиковать. Но у нас есть и многое такое, чему западные люди позавидовать могут. Например, у нас нет безработицы. Террористов нет.

Петр Степанович не заметил того, что говоря о том, что «у нас есть», он перечислял то, чего «у нас нет». Не заметил этого и Михаил Сергеевич, смолodu привыкший к такого рода перлам партийного красноречия.

— Надо выбрать какую-то область, где перестройка идет успешнее всего, и превратить ее в образцово-показательную, можно сказать — в маяк демократизации, — продолжал Петр Степанович. — Мы должны такие маяки использовать как орудия революционных преобразований, осуществляемых под Вашим руководством. На Западе, Михаил Сергеевич, Вас сравнивают с Петром Великим, прорубившим окно в Европу. Я думаю, что они Вашу роль преуменьшают. Вы прорубаете не окно, а двери на Запад. Даже не двери, а ворота! А еще точнее говоря — стену проламываете. Можно сказать, ломаете Китайскую стену, отделявшую...

— Одобряю задумку, Петр Степанович, — прервал сусликовские дифирамбы Михаил Сергеевич, делав-

ший вид, будто он не тщеславен. — Насчет Китайской стены слишком сильно сказано. Но двери в Европу — это, пожалуй, верно. Для начала двери. А потом мы и всю стену проломим. Надо маяки демократии превратить в такие двери на Запад, объявив их свободными зонами. Пусть иностранцы через эти двери едут к нам и своими глазами смотрят нашу революцию. С какой области начнем, как ты думаешь?

Комментарий

Прочитав эти страницы, читатель воскликнет: все это злой вымысел! Согласен, это действительно вымысел. Но не злой, а добрый. Я лично знал Сусликова. Знал, можно сказать, с пеленок. Выше я допустил две неточности в его описании. Но они не ухудшают, а идеализируют его. Первая неточность: Петр Степанович на самом деле не пил чая, тем более — вместо водки. Он всегда пил водку вместо чая. И от этой привычки его избавили период Великой Трезвости. Вторая неточность: Сусликов за всю свою сознательную жизнь не произнес ни одной грамматически правильной фразы. И дело тут не в некоей необразованности. Сусликов имел за плечами высшее образование, и не одно, а два, если считать Высшую Партийную Школу при ЦК КПСС (ВПШ) за таковое. Говорить грамматически неправильно есть качество профессионального партийного работника.

Выбор маяка перестройки

Сусликов предложил в качестве маяка перестройки Партгградскую область, в которой он сам прошел путь от рядового сперматозоида до первого секретаря областного комитета партии. При этом он умолчал о том, что еще совсем недавно Партгградская область была упомянута в передовой статье «Правды» в числе тех, где еще не включились со всей серьезностью в перестройку. В число таких областей могла быть включена любая другая. Партгградскую область выбрали для того, чтобы дискредитировать и снять с поста первого сек-

ретаря обкома партии брежневца Жидкова и назначить на его место горбачевца Крутова. Промолчал об этом и Михаил Сергеевич, поскольку поставил своего человека в Партграде. Предлагая теперь Партградскую область в качестве маяка перестройки, Петр Степанович выдвинул следующие аргументы. Область находилась в самой глубине России и на Западе считалась символом русской отсталости и провинциализма. Когда иностранцы увидят в Партграде все признаки современной городской жизни, они будут ошеломлены. Кроме того, до последнего времени Партград был закрыт для иностранцев. Теперь этот запрет будет, очевидно, отменен. И иностранцы потоком хлынут в бывший сверхсекретный советский город, в котором, по слухам, делалось самое современное атомное, химическое, биологическое и генетическое оружие. Это рассекречивание даст дополнительный пропагандистский эффект.

Но главная причина, почему Петр Степанович предложил именно Партград, заключалась в том, что он надеялся получить вторую Золотую Звезду «Героя социалистического труда», и его бронзовый бюст на гранитном пьедестале будет установлен на его Родине — в Партграде. Это внесет свою лепту в его мировую славу. Иностранцам наверняка будут показывать монумент Сусликова и рассказывать о его жизненном пути. И кто знает, может быть со временем Партград переименуют в Сусликовград...

— Не будем откладывать дело в долгий ящик, — сказал Михаил Сергеевич. — Иначе наши консерваторы и бюрократы загубят наше ценное начинание. Если какие трудности встретятся, обращайся прямо ко мне. Следовало бы за это выпить что-либо более серьезное, чем чай. Ну, да ты сам понимаешь...

— Понимаю, Михаил Сергеевич. Вот одолеем пьянство и проломим стену на Запад, тогда мы эту историческую победу отпразднуем не чаем, а чем-нибудь покрепче!

На том великие исторические деятели расстались. Что они потом пили в одиночестве, это навечно останется загадкой для истории. Зато последствия этой их трезвой встречи для той же самой истории вскоре обнажились с полной очевидностью.

Вещий сон

Сусликову приснился вещий сон. Ему привиделся его родной Партград. Город он узнал не сразу. Он увидел нагромождение небоскребов из стекла и стали с роскошными витринами магазинов. Витрины были заполнены джинсами, жевательной резинкой, дубленками, компьютерами, кожаными пиджаками и прочими заграничными вещичками. В небе горели гигантские буквы: Суслик-Йорк. Вдалеке, там где должна была выситься статуя Свободы, виднелся монумент самого Сусликова. Только по перерытым улицам, по длинным очередям и по валявшимся на тротуарах пьяным Сусликов узнал бывший Партград. В центре города зияла черная дыра.

— Что это за дыра? — спросил Сусликов.

— Великая Дыра в Европу, — ответил внутренний голос. Через нее трудящиеся ходят на Запад за заграничными вещичками.

— А зачем ходить на Запад за заграничными вещичками, если они имеются в изобилии в самом Суслик-Йорке?

Они имеются тут в витринах, но не в магазинах. Тут тебе все-таки не капитализм, а социализм. Кроме того, наши люди ходят за заграничными вещичками на Запад для того, чтобы этих вещичек не оставалось на Западе. Пусть западные люди сами просят к нам, чтобы приобретать у нас свои заграничные вещички.

— Но ведь Запад закроет для наших людей границы, визы давать nebude! Они же там не совсем еще сдурели!

— Запад пробовал было ограничить въезд наших людей. А мы в ответ вопрос ребром поставили: а где же ваша хваленая демократия?! А как же насчет прав человека?! Они испугались, что о них плохо подумают, и открыли границы для наших людей.

— А почему не видно портретов Горбачева?

— Его скинули.

— За что?

— За то, что слишком узкую дверь открыл на Запад. Танки через нее не проходили, ракеты застревали. К тому же Горбачушка стражу у двери установила, которая жен других членов Политбюро на Запад не пуска-

ла. Себе все заграбастать хотела. Вот они и настропали своих мужей, чтобы те Горбачеву под зад коленкой дали.

— А кого вместо него поставили?

— Сусликова, конечно. Больше некого было. Он-то и проломил дыру в Европу. Хотел было всю стену проломить, но ему помешали.

— Почему?

— А потому что западное тлетворное влияние хлынуло бы к нам с такой силой, что остановить его было бы невозможно.

— А зачем останавливать?!

— Если не остановить, то произойдет вот что.

Тут мощная коленка ЦК КПСС ударила Сусликова под зад, и он полетел в дыру на Запад. И Суслик-Йорк рассыпался в прах.

Комментарий

Читатель опять-таки может усомниться в правдивости только что описанного сна. Откуда, спрашивается, известно, что именно Сусликов видел во сне? Есть, по крайней мере, два достоверных источника для этого. Первый из них — рассказы самих сновидцев. Когда Сусликов учился в ВПШ, он довольно часто принимал участие в попойках околоцековской интеллектуальной элиты. Обычно он помалкивал, руководствуясь правилом: молчи, дурак, умнее будешь. А когда он раскрывал рот, чтобы заявить о своем существовании, то рассказывал о своих сновидениях. Больше ему говорить было не о чем. Второй достоверный источник сведений о снах Сусликова и ему подобных — их речи, состоящие в основном из того, что в народе принято называть бредом сивой кобылы. А откуда, спрашивается, этот бред берется, если не из бредовых сновидений?!

Совещание в ЦК КПСС

Для Сусликова операция по превращению Партграда в маяк перестройки и демократизации была пер-

вой операцией большого масштаба в его положении секретаря ЦК. И он решил показать пример нового стиля мышления и работы. На другой же день он назначил совещание.

— В том мероприятии, которое нам поручено осуществить, сказал Петр Степанович, открывая совещание, — надо различать внутренний и внешний аспекты. С точки зрения внутреннего аспекта наша задача состоит в том, чтобы превратить Партград в образец перестройки, который станет маяком для всей страны. Это означает, что перестройку там надо провести так, чтобы в результате ее наш коммунистический социальный строй стал еще крепче, чем раньше. Я думаю, что вы не первый год в партии, понимаете, что именно я имею в виду. Ни для кого не секрет, что в последние годы мы несколько ослабили политико-воспитательную работу и распустили вожжи. Этим воспользовались всякого рода безответственные лица, подпавшие под тлетворное влияние Запада. Надо этим лицам дать понять, что мы не допустим подрыва основ нашего общественного устройства. Мы многое можем позволить. Но всему есть предел. Перестройка только тогда будет успешной, когда в ходе ее мы сумеем укрепить основы нашего общества и веру в наши идеалы.

— С точки зрения внешнеполитической, — продолжал Петр Степанович, — наша задача состоит в том, чтобы на конкретных примерах показать западным людям сущность и ход нашей перестройки. Западные люди в идейно-политическом отношении являются недоразвитыми. Им головы забили сексом, порнографией, насилием и погоней за прибылью. Им все надо разъяснять буквально на пальцах. Мы, товарищи, теперь начали жить по-новому. Нам ничего скрывать не надо. Недостатки замазывать не следует, но и успехи таить не надо. Пусть иностранцы посмотрят учреждение, где процветает бюрократизм и коррупция, и учреждение, где эти пережитки прошлого уже преодолены. Пусть на живого взяточника поглядят. Можно и суд над ним показать. Западные люди любят такие зрелища. Покажем им, что у нас теперь свободы слова не меньше, чем у них. Пусть они встречаются, с кем хотят. Пусть разговаривают, о чем хотят. Никаких ограничений! Но мы не должны это пускать на самотек. Мы должны провес-

ти воспитательную работу с населением, чтобы наши люди прониклись чувством ответственности и проявили себя как политически зрелые граждане нашего социалистического отечества.

— На данном этапе нашего развития, — закончил свою речь товарищ Сусликов, — нам чрезвычайно важны дружеские отношения с Западом. С его помощью мы быстрее и лучше преодолеем временно возникшие трудности. Вот с этой целью мы и решили превратить Партград в орудие нашей внешней политики.

На совещании создали особую комиссию, в задачу которой вменили оказать помощь партградскому руководству в деле подготовки города и области на роль маяка перестройки. Во главе комиссии поставили товарища Корытова, ближайшего помощника Сусликова.

Совещание в КГБ

Одновременно состоялось совещание в КГБ. Товарищ Пыжиков, один из заместителей председателя КГБ, начал свою речь с того, что рассказал подчиненным популярную в городе пародию на послание Пушкина декабристам: «Товарищ, верь, пройдет она, так называемая гласность. И вот тогда госбезопасность припомнит наши имена».

— Вы видите, товарищи, — сделал вывод из этой шутки товарищ Пыжиков, — что наш народ по-прежнему любит и уважает нас. Но вместе с тем, перестройка обязывает нас усовершенствовать методы нашей работы, проявить гибкость, творчески переосмыслить наш опыт.

На совещании обсудили следующие вопросы: состав западных туристических групп и делегаций, участие в них агентов западных разведок, внедрение в них наших людей, вербовка иностранцев в нашу разведку, контроль за иностранцами, общение иностранцев с советскими гражданами, помощь партградскому управлению КГБ и милиции кадрами, техникой, информацией.

Острая дискуссия возникла по второму вопросу. Одна половина участников совещания («либералы»)

настаивала на том, что лишь половина иностранцев будет агентами западных секретных служб, а другая половина («консерваторы») — что все сто процентов. Победили «консерваторы». Но при обсуждении третьего вопроса столкнулись с затруднением: если мы внедрим наших людей в группы иностранцев уже на Западе или завербуем кого-то из иностранцев в нашу разведку, то нельзя будет считать все сто процентов иностранцев агентами западных секретных служб.

— Противоречие тут кажущееся, — сказал товарищ Пыжиков по этому поводу. — Вы рассуждаете метафизически, т.е. по принципу «Либо, либо». Что вы думаете, если человек служит одной разведке, то он не служит другой? Надо рассуждать диалектически, как нас учил Ленин, т.е. по принципу «И». Наши люди могут быть агентами западных разведок. Мы им не запрещаем. Даже рекомендуем. А западных шпионов перевербовать на нашу сторону — тут никаких трудностей нет. От них даже отбиваться приходится. Еще товарищ Андропов нас учил: вот когда руководители западных разведок будут приезжать к нам на Лубянку отчитываться о проделанной работе, мы можем спать спокойно.

Откровенный разговор

Передотбытием комиссии в Партград Сусликов имел конфиденциальную беседу с Корытовым. В весьма туманных и двусмысленных выражениях Сусликов высказал идеи, смысл которых Корытов понял так.

Легко судить об ошибках прошлого руководства. А ты попробуй избежать их, когда приходится принимать решения исторического масштаба, и при этом все академии мира вместе взятые не могут с уверенностью предсказать ход событий хотя бы на ближайшие десять лет. Перед тем, как пойти на радикальный поворот в нашей политической стратегии, мы должны были дать ясный ответ по крайней мере на такие вопросы: 1) сможем мы своими силами, без помощи Запада, преодолеть наши трудности или нет, 2) способны мы защитить себя с имеющимся у нас оружием или нет, 3) наступит в ближайшие годы экономический спад на Западе или нет? По всем трем вопросам мы пришли к отрицатель-

ным выводам. Поэтому мы пошли на перестройку.

Мы пошли на перестройку не от хорошей жизни. Это — отступление, вынужденное неблагоприятными обстоятельствами. Чтобы преодолеть трудности, назревшие в стране в застойный период, мы не могли действовать старыми, привычными методами. На Западе это произвело бы плохое впечатление. А без помощи Запада нам не выкарабкаться. Да и наши люди нас не поддержали бы. Люди устали, озлобились. Пришлось кое в чем сделать вид, будто мы перестраиваем страну на западный манер, а кое в чем на самом деле пришлось пойти по этому пути.

Но время вносит свои коррективы в наши расчеты. Теперь нам становится все более ясным, что мы не получим от Запада помощь в тех размерах, на какие мы надеялись. К тому же Запад вместе со своей помощью навязывает нам свои формы жизни, пагубные для нашего общества. Оборонную мощь Запада мы переоценили. И с наличным вооружением мы остаемся смертельно опасным противником для Запада, по крайней мере, в ближайшее десятилетие.

Мы зашли слишком далеко. Перестройка породила непредвиденные последствия, угрожающие основам нашего социального строя. Ее минусы уже теперь очевидны, тогда как обещанные плюсы сомнительны. Если дело и дальше так пойдет, партия потеряет кредит доверия в массах населения. Получится то, что сейчас можно видеть в Польше. А главное — преодолеть кризисное состояние без использования наших собственных методов мы не можем, какой бы не была помощь Запада. Китай дает на этот счет убедительный пример.

Какой из всего этого следует вывод? Я думаю, Вы сами догадываетесь: продолжать прежний курс — значит катиться к катастрофе. Надо готовиться к повороту. Но по-умному, чтобы комарноса не подточил. Внешне все пусть выглядит как нарастание темпов и силы перестройки. Побольше шуму в прессе. Для Запада главное не то, что мы делаем, а то что мы говорим. Пусть все болтают все, что хотят. Чем еретичнее слова, тем лучше. Надо дать людям возможность договориться до абсурда, чтобы они сами почувствовали, чем может кончиться их свобода. Надо на первый план выдвигать Советы. Мол, они теперь суть высшая власть. Ответ-

ственность за все на них постепенно перелagать. Пусть в парламентаризм поиграют. А мы, партийный аппарат, должны отойти на время в тень и готовить силы для нового поворота, к остановке отступления и к новой атаке. Надо потихоньку укреплять партийный аппарат надежными кадрами. Пусть КГБ тоже отойдет на задний план. Пусть милиция занимается общественным порядком. В печати пусть критикуют КГБ. Пусть требуют сокращения и даже роспуска. На деле же надо усилить КГБ новыми кадрами. И численно увеличить. Кто это проверит?! И кто в это поверит, если слухи пойдут?! В печати подчеркивать, что милиция есть орган Советов. Пусть недовольство на них направляется. А КГБ должно наблюдать и все запоминать. Мы ничего не забудем и не простим. Надо исподволь готовить недовольство населения заимствованием западных форм жизни. Создавать неформальные объединения и движения за верность идеалам коммунизма. В печати надо начать давать информацию об отрицательных последствиях перестройки. Не броско. В виде писем трудящихся. В виде критики перегибов. Особое внимание обратить на молодежь, на школьников и студентов. Это им придется решать судьбу страны. А мы отвечаем за то, в каком направлении она пойдет. Все нужно делать без спешки, спокойно, уверенно, без ажиотажа. Подготовку Партграда к открытию для иностранцев надо использовать как средство для этого.

Мысли Кoryтова

Корытов как старый аппаратчик понимал, что Сусликов не мог так говорить на свой страх и риск. Он выражал умонастроения каких-то сил в аппарате власти. Но каких именно? Или это компромиссный сговор? Неявный, молчаливый, но сговор. Корытов догадывался, что сейчас вообще ни у кого определенности нет, все выжидают, идет скрытое брожение умов, в котором еще только должны выкристаллизоваться более или менее ясные идеи, намерения и решения. Ему, Корытову, предоставляется свобода самому определить свою позицию. Если бы его власть, он вообще не допустил бы перестройку. Разоблачение сталинизма в хрущевские

годы было грубой ошибкой. Перестройка — еще более серьезная ошибка. Может быть даже непоправимая. Если теперь эту ошибку не исправить, дело может кончиться катастрофой. Короче говоря, как преданный идеалам коммунизма член партии, как старый аппаратчик, как русский патриот он, Кобытов, будет поступать так, как подсказывает его совесть.

Комментарий

Слово «совесть» тут употреблено все, так как никакой совести у Кобытова никогда не было. Утверждение насчет свободы самому определять свою позицию может показаться преувеличением. Как на такое осмелится какой-то безвестный Кобытов, если сам великий Сусликов на это не может пойти?! Именно потому, что он есть безвестный помощник великого человека. Мысли и волю сусликовых формируют именно кобытовы.

Эмиссары революции

Члены комиссии на другой же день вылетели в Партград, случай в советской истории беспрецедентный. В брежневские годы на это потребовалось бы несколько месяцев всяческих совещаний, после которых комиссия в полном составе совместно с домохозяевами улетила бы отдыхать в Крым или на Кавказ. И в самом деле, зачем лететь в какой-то Партград, если заранее всем известно, что эти «маяки» суть сплошная липа. Они и изобретаются для того, чтобы пыль в глаза пускать как своим, так и чужим. А липу у нас и без московских комиссий хорошо делать умеют. Так думали бы брежневские бюрократы и консерваторы. Но горбачевские новаторы и инициаторы думали по-новому. Они решили выполнить порученную миссию на самом высоком перестроечном уровне.

Пока московская комиссия добирается до Партграда, будет небесполезно познакомиться с прошлым города и с той ситуацией, которая сложилась там к моменту прибытия комиссии. Выражаясь языком высокой философии, Партград до недавнего времени вообще не

жил исторической жизнью. Он где-то и как-то существовал, в нем что-то происходило, но все это не стоило того, чтобы называться историей. И даже не то, чтобы не стоило, а скорее то, что считалось нестоящим. В Партграде можно было открыть Америку или атом, изобрести велосипед или даже автомобиль, но человечество все равно не обратило бы на это внимания. И сами партградцы знали это лучше других. Они считали, что у них и с ними не могло быть ничего такого, что стоило бы даже их собственного внимания. Даже открыв Америку или изобретя автомобиль, они сочли бы это пустяком в сравнении с изобретением приборчика для прокаливания яичной скорлупы в жившей исторической жизнью Германии. И все же в Партграде имело место какое-то течение событий во времени, можно сказать — своя историйка или историшка.

Происхождение названия

Первоначальное название Партграда было Князев. Первые упоминания о Князеве встречаются уже в самых древних русских летописях. Согласно последним, Киевский князь Олег, направляясь с дружиной против хазар, несколько дней отдыхал в некоем «граде», который после этого стали называть Князевым. Возвращаясь из победоносного похода, Олег вновь посетил Князев. Там его укусила Бог весть откуда взявшаяся змея. От ее укуса Олег и умер. В краеведческом музее Партграда на самом видном месте висит картина местного художника, на коей князь Олег изображен в тот самый момент, когда его укусила змея. Картина написана по мотивам знаменитого стихотворения А.С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге».

Некоторые прогрессивные советские историки отвергают гипотезу насчет смерти Олега в Князеве на том основании, что в Партградской области вообще не водятся змеи. А главное — змея не могла укусить Олега, так как он был одет в железные латы. Но сторонники змеиной гипотезы, в свою очередь, опровергают аргументы противников следующими контраргументами. Во-первых, в те времена никаких областей еще не было. Во-вторых, климат тогда был мягче, и змеи води-

лись даже севернее Москвы. В-третьих, змею могли подбросить враги Олега. А что касается железных штанов, то змея могла подкараулить князя в тот момент, когда он спустил железные штаны, справляя естественную нужду.

Жители соседних с Партградом городов считают, что князя Олега змея укусила не в Партграде, а у них. Во Франции несколько населенных пунктов спорят относительно родины д'Артаньяна, а в Испании — относительно родины Дон Кихота. В России же, как видите, спорят насчет того места, где змея укусила легендарного князя Олега. Чувствуете разницу? Между прочим, и насчет места, где удушили бывшую царицу Марью, тоже идет спор между многими русскими городами. В связи с этим произошел один забавный курьез. Бывшего второго секретаря (т.е. секретаря по идеологии) городского комитета назначили деканом исторического факультета университета. Выступая на заседании ученого совета по упомянутой проблеме, он сказал, что «все большее число населенных пунктов области включается в социалистическое соревнование за звание города, в котором произошло укушение князя Олега змеем и удушение бывшей царицы Марьи». При Горбачеве этого партийного работника вновь выдвинули на партийную работу, причем — с повышением, т.е. уже на областной уровень. Выдвинули как выдающегося ученого с целью повысить интеллектуальный уровень руководства.

Во времена Ивана Грозного Князев переименовали в Царев, поскольку Великий Князь Московский получил титул Царя. После Октябрьской революции 1917 года город был переименован в Троцкий. В двадцатые годы Сталин начал борьбу против культа личности Троцкого, и город назвали именем героя Гражданской войны Тухачевского. После расстрела Тухачевского как врага народа городу присвоили имя соратника Сталина Ежова. После ликвидации последнего, Сталин назвал город своим именем, Джугашвилиград. После смерти Сталина городу присвоили имя Гражданск. Но это название удержалось всего несколько лет: город назвали именем самого Хрущева. После падения Хрущева город некоторое время вообще был без названия. Брежнев настоял на том, чтобы город назвали именем

его фронтового друга маршала И.С. Рукосуева, раненого в конце войны шальной пулей и умершего в госпитале в этом городе. В конце правления Брежнева город по непонятным причинам и как-то незаметно переименовали в Брежневск. Андропов, став Генеральным секретарем ЦК КПСС, велел назвать город в честь партии его теперешним именем — Партград, полагая, что это будет естественным продолжением старинной русской традиции. Трудно предсказать, как долго продержится это название. Партградские подхалимы Горбачева вроде бы обратились в Москву с просьбой переименовать город в Горбачевск. Но им ответили, что для Горбачева зарезервирован Ставрополь. Скорее всего город будет назван именем Сусликова, который прошел в Партграде путь от рядового сперматозоида до Первого секретаря Областного комитета партии. Сейчас Сусликов — секретарь ЦК КПСС, скоро будет членом Политбюро. Так что он имеет полное право на город своего имени.

Предыстория Партграда

На территории Партграда никогда не производились археологические раскопки. Однако именно здесь были сделаны самые сенсационные открытия в советской археологии. Произошло это при следующих обстоятельствах. Еще в тридцатые годы в городе сломали главный собор, намереваясь на его месте воздвигнуть (по примеру Москвы) величественное здание, в котором должны были разместиться партийные и правительственные учреждения области. Выкопали глубокий котлован для фундамента. Но потом стройку забросили по тем же причинам, по каким на месте сломанного храма в Москве сделали не Дворец Советов, а бассейн. Когда (уже после войны) стали расчищать котлован без всякого намерения или снамерением просто построить глубокую яму, то обнаружили скелет доисторического человека. Ученые установили, что скелет принадлежит самому древнему человекообразному существу на Земле. Его называли партопитеком. Партопитек имел приплюснутый череп, немногим превосходящий череп шимпанзе. Передвигался он на четы-

рех конечностях, лишь иногда вставая на задние конечности. Ученые сделали вывод, что человек в Партградской области «возник спонтанно, из местных животнорастительных ресурсов» (как сообщали газеты), причем произошло это значительно раньше, чем в Лондоне, Париже, Риме и тем более Нью-Йорке.

Старики, однако, утверждали, что скелет принадлежал известному в городе до войны пьянице, который действительно имел приплюснутый от частых побоев и падений череп, передвигался обычно ползком от одной питейной точки до другой и вставал на задние конечности только для того, чтобы дотянуться до стойки, за водкой или пивом. Этот пропойца якобы свалился в котлован в состоянии сильного перепития, где его засосало в грязь. В доказательство своих утверждений старики ссылались на то, что у партопитека были запломбированные зубы, и около него нашли значок «Ворошиловский стрелок». Но так как заявления стариков не соответствовали тогдашней установке высшего руководства на приоритет России во всем, включая процесс превращения обезьяны в человека, то стариков посадили в лагерь строгого режима за клевету на советский общественный строй. Старикам повезло в том отношении, что лагерь находился на территории области, и они закончили свой жизненный путь, можно сказать, дома.

Потом строители ямы нашли кусочки бересты с непонятными письменами. Ученые расшифровали письмена и выяснили, что письменность на территории Партграда возникла задолго до Древней Греции и даже Египта. Первыми словами предков жителей Партграда были ругательства, которые теперь так полюбили советские интеллектуалы и знатоки советского общества на Западе, изучающие русский язык по словарям нецензурных выражений. Прогрессивные советские лингвисты (структуралисты) развили на основе партградского открытия целую теорию, согласно которой русский мат является самым древним праязыком в истории человечества. Особо прогрессивные ученые пошли еще дальше в своих дерзаниях: они обнаружили зачатки мата уже у партградских коров, овец и даже кур. Но так как эти идеи поставили под сомнение тезис марксизма о происхождении человека от обезья-

яны, их авторов раскритиковали в местной печати и направили на лечение в местную психиатрическую больницу.

Писаная история Партграда

Как уже было сказано, первые сведения о Партграде встречаются в самых древних русских летописях. Но затем никаких упоминаний о нем в исторических документах не было. Лишь недавно партградские ученые открыли, что в Партграде не прекращалась богатая событиями жизнь и в те годы, о которых ровным счетом ничего не известно. В частности, в связи с тысячелетием крещения Руси выяснилось, что партградцы крестились на две недели раньше, чем киевляне. Киевский князь Владимир колебался, принимать христианство или мусульманство, — он не знал, какая между ними разница. Узнав, что партградцы приняли христианство, он возмутился таким нахальством и присвоил приоритет себе.

В Партграде крещение осуществил легендарный князь Игорь, внук легендарного Олега, укушенного легендарной змеей. Согласно газетам, этот Игорь был реформатором вроде Горбачева. Благодаря его реформам Партград поднялся на уровень высших мировых достижений тех времен. Поскольку тогда вершиной прогресса был феодализм, то перед Партградом стояла задача догнать передовые феодальные страны в экономическом, политическом и культурном отношении. На дворце князя красовался лозунг: «Да здравствует феодализм — светлое будущее всего человечества!». А на первом христианском храме водрузили лозунг: «Вперед к победе крепостничества!». Были учреждены устные глашатаи, которые ходили по городу и выкрикивали информацию о событиях в мире и в Партграде, приложив для усиления звука ладони рупором ко рту. Тогда-то впервые в мировой истории появилось слово «гласность». Его образовали от слова «голосить», означавшего истошные вопли, от которых даже мертвые ворочались в гробах. Князь Игорь задолго до Петра Великого задумал прорубить окно в Европу. Но он еще не знал, где эта Европа находится, и

прорубил его не в ту сторону, а именно — в Азию. Партград в результате погрузился во мрак и тьму. И застойный период там продолжался вплоть до Горбачева.

Во время татаро-монгольского нашествия монголы (или татары?) обошли Партградскую область стороной. Только один раз отряд монголо-татар показался на том берегу речки, отделявшей не столько Партград от внешнего мира, сколько внешний мир от Партграда. Жители города открыли ворота (это — фигуральное выражение, так как никаких ворот в городе вообще не было), дружно наложили в штаны (тоже фигуральное выражение, так как жители Партграда тогда еще не носили штаны) и вынесли огромного размера хлеб-соль, приготовившись к безоговорочной капитуляции. Но татаро-монголы, уstraшившись зловония, исходившего из города, и приняв хлеб-соль за Троянского коня, ускакали прочь. В результате Партградскому князю Пустославу пришлось целый год обивать пороги в Золотой Орде с просьбой принять дань от области. Говорят, что именно тогда возникла исконно русская идея выплачивать пятилетнюю дань в четыре года. Выражение «обивать пороги» употреблено здесь исключительно из эстетических соображений, так как у татар и монгол никаких порогов вообще не было.

Во времена смуты начала семнадцатого века отряд Лже-Лже-Лже-Дмитрия по ошибке забрел на окраину Партграда. Но безвестный крестьянин отвел поляков подальше от греха в соседнюю область и передал их с рук на руки Ивану Сусанину. Потом этот крестьянин, узнав, что про Сусанина сочинили оперу, горько сожалел о том, что не завел поляков в трясины сам. Но было уже поздно. Поляки завязли в трясины социализма по уши независимо от Партграда. И даже Римский Папа, назначенный американцами из поляков в надежде на то, что он вернет Польшу в лоно западной цивилизации, примирился с этим историческим фактом.

До Петра Великого партградцы ходили без штанов. Петр приказал покончить с этим варварством и прислал в Партград иностранцев в качестве образца для подражания. Партградцы иностранцев прогнали, сняв с них штаны и всыпав по голым задкам по сто ударов хворостиной. Петр расsvирепел и погрозился отрезать

у тех, кто будет ходить без штанов, половые органы. Партградцы покорились великому реформатору, стали носить домотканые порты, не снимая их даже тогда, когда справляли естественную нужду.

Нашествие французов в 1812 году тоже не коснулось Партграда. Историки до сих пор ломают голову над тем, почему Наполеон бежал из Москвы тем же путем, каким пришел в нее, и строят остроумные гипотезы. Если бы они знали о существовании Партграда, надобность в таких гипотезах отпала бы. Французы просто панически боялись того, что, свернув с привычного пути, они попадут в Партградскую область (тогда — губернию), где их засосет трясина, и они бесследно исчезнут со страниц истории. До них доходили слухи, будто партградцы питаются сушеными тараканами, дают клопов и пьют их кровь. И это еще более усиливало страх иноземных захватчиков перед неведомой Россией.

Все великие события русской истории вообще обходили Партградскую область как-то стороной или глохли в ней бесследно. В других областях происходили крестьянские бунты, а в Партграде в ответ на это производились всеобщие порки населения. Впрочем, людей тут пороли и без этого. Пороли на всякий случай, чтобы «неповадно было», по традиции. Когда наступали «либеральные» периоды, и порки откладывались или ослаблялись, население области само проявляло инициативу. Мужики спускали драные штаны, бабы задирали драные юбки, и все лупили друг друга по тощим задам хворостиной, которая в изобилии водилась в области.

Комментарий

Читатель, если ты расценишь изложенный очерк предреволюционной истории Партграда как сатиру в духе Салтыкова-Щедрина, ты совершишь грубую ошибку. В этом очерке нет ничего сатирического. Есть лишь некоторое упрощение, неизбежное во всяком кратком описании огромной истории. В свое время мне довелось читать курс лекций в Партградском университете. Там я познакомился с местным историком. Он

пичкал меня отрывками из своего многотомного труда по дореволюционной истории города и области. Он произвел самые дотошные расчеты с целью показать грандиозность исторического процесса в данной точке планеты. У меня волосы встали дыбом на голове, когда я прочитал, сколько каши и щей сожрали партградцы с момента зарождения человека в этих краях до Октябрьской революции, сколько они износили лаптей и зипунов, сколько экскрементов исторгли из себя в окружающую среду. Если бы не исторические ураганы, уносившие миллионы людей и вынуждавшие уцелевших поглощать отбросы, одна только Партградская область загадила бы всю планету настолько, что не только Горбачев, но даже Рейган, Тетчер, Миттеран, Коль и прочие политические деятели Запада совместно не смогли бы прорубить окно даже в Азию, а не то что в Европу. И никакой сатиры в сочинении того историка не было. Не было никаких преувеличений, искажений и приукрашиваний. Была лишь голая правда. Тогда я сказал себе: избави меня, Боже, от зрелища голой правды!

Революция в Партграде

Хотя идеи коммунизма были изобретены в самом центре цивилизации, на Западе, реальное коммунистическое общество впервые появилось на ее периферии — в России. Поговорить о коммунистическом земном рае западные люди еще могут себе позволить иногда, но жить в этом раю они предоставляют народам внеисторическим, русским в первую очередь. Последние привыкли жить по-свински.

Хотя социалистическая революция произошла в столице Российской империи, родившееся в ее результате новое общество достигло зрелости прежде всего в русской провинции вроде Партградской области. И это произошло тоже не случайно. Социалистическое (или коммунистическое) общество оказалось на практике обществом провинциальным по существу.

Никаких революционеров в Партграде до революции вообще не было. Не было и большевиков. Советскую власть в области установили сами эксплуататор-

ские классы сразу же после Февральской революции, т.е. раньше, чем в Петрограде и Москве. Сделали они это в силу политической безграмотности. Когда Ленин велел временно снять лозунг «Вся власть Советам!», в Партграде его не послушали. Не послушали, во-первых, по той причине, что ничего о Ленине не знали. А во-вторых, на лозунги ушло много красной мануфактуры и краски, что стоило немало денег. И студент, писавший лозунги, куда-то исчез. Новые лозунги писать было некому.

Переход к новому социальному строю в Партграде произошел без всякого шума и кровопролития. Городские власти назвали старые учреждения новыми именами, увеличили их раз в десять и заполнили их выходцами из народа. Совершив это историческое дело, бывшие эксплуататорские классы отправили ходоков к Ленину. Но тот их не принял. Он не мог поверить, что в Партграде советская власть появилась раньше, чем в Петрограде, причем — без участия Троцкого. И где этот Партград?! Что-то он, Ленин, не слышал о таком. Партградские ходоки в Петрограде спились. Эксплуататорские классы Партграда уехали в Париж. А советская власть тут осталась надолго и всерьез. Судя по всему навечно, так как никакое человеческое изображение не в силах выдумать для этих мест ничего иного. И теперь трудно поверить в то, что в этих местах когда-то не было советской власти. Но было ли это на самом деле? Похоже на то, что власть тут всегда была советской, только она называлась иначе.

Послереволюционный период

Гражданская война тоже обошла Партградскую область стороной, так как обе враждующие армии (красные и белые) боялись завязнуть в болотах и заблудиться в лесах, где бродили стаи голодных волков, пожиравших без разбора как красных, так и белых. После окончания войны в Партграде появились большевики. По одним сведениям они пришли из голодающей Москвы, по другим — возникли из собственных дезертиров, прятавшихся в болотах еще с 1914 года. После смерти Ленина до Партграда дошел слух, будто в Мос-

кве объявлен призыв вступить в партию, — ленинский призыв. Десятки тысяч партградцев устремились в партию. Если бы из Москвы не дали указание приостановить наплыв в партию всех без разбора, то все сто процентов взрослого населения области стали бы членами партии. После окрика Москвы в Партграде начался обратный процесс, все без разбора стали покидать партию. Если бы не начали арестовывать и отсылать в исправительные лагеря таких беженцев, то Партград так и остался бы беспартийным.

В Партграде все стало происходить то с опозданием сравнительно с Москвой, то опережением. Ленинский НЭП начался лишь после того, как он кончился в Москве. Но не успел он набрать силу, как началась коллективизация. Зато теперь Партград оказался впереди прогресса: в колхозы вступили все те, кого следовало бы считать кулаками. Опять вмешалась Москва, и из колхозов повыгоняли даже бедняков. Пришлось создать свой исправительно-трудовой лагерь для них. С началом индустриализации крестьяне устремились в города, бросая опустылевшую и уже ничего не рожавшую землю. Наряду с упомянутым лагерем пришлось создать новый, укомплектовав его беженцами из деревень. Потом в оба лагеря стали сажать всех без разбора, причем — и из других областей. И эти лагеря стали первыми в области предприятиями республиканского значения.

В тридцатые годы в Партграде дважды арестовывался полный состав работников районных учреждений и трижды областных. Причем, сажали их за дело, за бытовые и служебные преступления, приписывая им «политику» в соответствии с духом времени. Сами жертвы охотно шли на это, предпочитая считаться врагами народа, а не просто жуликами, развратниками, дураками, разгильдяями, пропойцами. Около города начали строить тюрьму европейского значения. Строили ее силами самих заключенных, деятелей коммунистического движения стран Европы, а затем и Азии. И тюрьма приобрела евразийские масштабы.

Но нет худа без добра. Наличие в области большого числа заключенных способствовало промышленному и культурному прогрессу. Еще до войны с Германией в городе и в области построили пять заводов всесоюзного

значения, более двадцати предприятий областного масштаба, университет, пять институтов, три техникума, филиал консерватории, оперный театр, два драматических театра, балетную школу, три научно-исследовательских института, психиатрическую больницу всесоюзного значения. Число школ, больниц, спортивных сооружений и прочих учреждений, ставших неотъемлемой частью советского образа жизни, не счесть. Около города начали строить крупнейший в Европе химический комбинат.

Война

Во время войны 1941-1945 годов с Германией в Партграде подготовились к оккупации, учтя опыт других, уже оккупированных областей. Наметили лиц, которые должны были сотрудничать с немцами. Отвели для будущих немецких концлагерей наиболее комфортабельные исправительные лагеря. Создали мощные партизанские отряды. Для них построили на трясине капитальные базы, в которых партизаны могли бы просидеть всю войну, дабы потом рассказать потомкам о своих героических подвигах. Руководителем партизанского движения назначили Митрофана Лукича Портянкина, будущего первого секретаря обкома партии и секретаря ЦК КПСС. Для маскировки такого ответственного поручения Митрофан Лукич был назначен командиром гарнизонной бани и вошебойки. Но и этот пост был значителен сам по себе. В город и его окрестности эвакуировали множество военных училищ. Здесь стали формировать части для отправки на фронт. Так что баня и вошебойка стали играть роль не менее важную, чем прочие высшие военные и гражданские учреждения. Впоследствии Митрофан Лукич по примеру Брежнева, опубликовавшего воспоминания о войне, написал книгу «В тылу врага». Но его конкурент обратил внимание на то, что название книги звучало двусмысленно, область оставалась в нашем, а не во вражеском тылу. И книгу потихоньку изъяли.

Война пошла Партграду на пользу. Сюда эвакуировали из других мест ряд военных предприятий, институтов и научных учреждений. Поскольку немцы на

Партградскую область не покушались, а обычная партградская нищета на фоне войны показала сытостью и спокойствием, сюда из Москвы и других городов устремилась масса деятелей культуры и предпринимчивых людей, не испытывавших желания закрывать своими телами амбразуры вражеских дотов и бросаться со связками гранат под вражеские танки. Они нарушили историческую непорочность Партграда. Хотя после войны они все испарились обратно, Партград благодаря им вкусил прелестей всестороннего идейного, духовного и морального разврата и уверенно встал на путь приобщения к мировой цивилизации.

Послевоенный период

Еще при жизни Сталина в Партграде завершили строительство химического комбината. Сырья для него в области не было. Потому пришлось провести несколько железнодорожных линий и шоссежных дорог, построить серию предприятий. Так одно тянуло за собой другое, и скоро в области появились заводы велосипедов, холодильников, стирального порошка, авиационных приборов и многое другое. Как острили местные интеллектуалы, область из отсталой сельскохозяйственной превратилась в отсталую промышленную.

Смерть Сталина партградцы отметили двойным запоем. Первый запой был с горя. Длился он две недели. Второй запой был от радости. Длился он тоже две недели. После разоблачительного доклада Хрущева на съезде партии партградские лагеря опустели, и их пришлось временно законсервировать. Целый месяц партградцы вывозили на трясику сочинения, бюсты и портреты Сталина, где они исчезали бесследно. Как будто никакого Сталина и не было. Площадь и проспект Сталина переименовали в площадь и проспект Ленина. Статую Сталина переделали в статую Ленина.

При Хрущеве и при Брежневе поток всеобщего прогресса захватил и Партградскую область. Средний рост жителей увеличился на два сантиметра, а средняя высота домов — на два этажа. Такой темп роста города сопоставим с темпами роста Нью-Йорка, Токио и Нью-

Мексико. Молодые люди стали носить джинсы и бороды. Джинсы носили уже на законных основаниях, так как они были местного производства. В прошедший период разрядки напряженности страна закупила в США завод по производству джинсов. И теперь она успешно конкурирует с США на рынках «третьего мира», правда — не по джинсам, а по чехлам для танков, самолетов и ракетных установок. Джинсы переименовали в молодежно-спортивные брюки. В газетах написали, что в советском обществе джинсы, в отличие от прогнившего Запада, служат делу построения коммунизма, что у советской молодежи и в джинсах бьется пламенное комсомольское сердце. О том, что джинсы стоили больших денег на черном рынке и были доступны совсем нетрудовой молодежи, об этом газеты умолчали. Бороды сначала встревожили руководителей области. Обратились за инструкциями в Москву. Оттуда ответили, что на данном этапе бороды временно допускаются, лишь бы за ними не прятались нездоровые мысли и настроения.

Девицы стали терять невинность на три года раньше, чем до войны. При этом они в два раза реже беременели, хотя противозачаточные средства выдавались по особому списку и только к революционным праздникам. Впрочем, число внебрачных беременностей возросло во много раз сравнительно с довоенными годами. Женщины избавлялись от плодов греха «дедовскими методами» (по словам прессы), а именно — путем абортов.

Начало подниматься сельское хозяйство. Именно в это время начала свою карьеру Евдокия Тимофеевна Телкина, ставшая впоследствии заведующей сельскохозяйственным отделом обкома партии и прозванная Маоцзедунькой. На совещании передовиков сельского хозяйства она высказала крылатую фразу, которая мгновенно облетела всю область и принесла ей (Маоцзедуньке) популярность в народе: «В нынешнем году, — сказала она, — наш урожай в США обещает быть хорошим». Если бы фраза не была крылатой, то как она облетела бы область размером со среднее европейское государство?

В семидесятые годы модернизировали военный завод. Теперь стало не стыдно показывать отсталую тех-

нику западным шпионам. Построили предприятие по освоению сворованной на Западе новейшей технологии. Одним словом, ко времени начала горбачевской перестройки одна Партградская область производила промышленной продукции больше, чем вся Российская Федерация в конце двадцатых годов.

Освоение трясиновых земель

На территории области расположена самая большая в стране (а может быть и в мире) болотная трясина. Трясина — это не просто болото или место, заливаемое водой. Воду там совсем не видно. Внешне трясина выглядит весьма привлекательно: трава, цветы, ягоды, кустарники, полянки. Прямо-таки природный рай. Но если вы по неведению или по неосторожности туда забредете, вы обнаружите, что это райское обличье прикрывает бездонную вязкую грязь. Но будет уже поздно, и вы не успеете предупредить никого о тающейся здесь опасности. И вам никто не сможет помочь. И вы исчезнете навечно и бесследно. Расположенные по соседству исправительные лагеря и сверхсекретные предприятия (атомное, химическое и бактериологическое) со стороны трясины вообще не охраняются, она надежнее любой охраны. Еще ни одному заключенному не удалось бежать этим путем. И ни одному любопытному не удалось проникнуть в район секретных предприятий через трясину. Местные критически настроенные интеллектуалы рассматривали трясину как символ нового общественного устройства. За это их время от времени наказывали, высылая из города в упомянутые секретные предприятия и лагеря.

Обуреваемые заботой о благе народа партийные вожди области не раз предпринимали попытки начать освоение трясины (как писали в газетах, «трясиновых земель»). Получив за это награды и повышения в чинах, они оставляли свои затеи. Как потом писали те же газеты, «попытки освоения трясиновых земель глохли в трясине бюрократизма». Последнюю попытку (самую значительную) предпринял Петр Степанович Сусликов, когда он стал первым секретарем Партградского обкома партии. За эту попытку Петру Степановичу

присвоили звание Героя Социалистического Труда. После этого Петр Степанович стал готовиться ко взлету на вершины партийного руководства в Москве и попытку свою оставил, как и его предшественники. Но в отличие от предшественников, он обратил внимание на одно достоинство трясины, благодаря которому она может сыграть выдающуюся роль в истории: поскольку она засасывает в себя абсолютно все без всяких следов, то она способна засосать и осадки от атомного взрыва, ядовитые химические вещества и смертоносные бактерии. Если взорвать над трясинной самую мощную водородную бомбу, то последствия от взрыва будут не сильнее, чем от взрыва газа, который недавно произошел в новом десятиэтажном доме в новом жилом районе. Уже через пару дней трясина будет выглядеть так, как будто никакого атомного взрыва не было. А последствия от взрыва газа не могли ликвидировать в течение года.

Еще тогда, когда Сусликов возглавлял Партградскую область, он сказал, что «в случае атомной войны все население области переселится на трясину и воздвигнет на ней еще более грандиозное и светлое здание коммунизма, чем то, которое западные империалисты помешали нам воздвигнуть на сухом месте». А уже упоминавшаяся выше Маоцзедунька заявила, что область на трясине будет выдавать на-гора морквы, картошки, капусты и прочей сельскохозяйственной снеди в таком количестве и качестве, что даже свиньи жрать не будут. Выражение «выдавать на-гора» она усвоила во время встречи с шахтерами Донбасса. Партградские интеллектуалы по поводу этого заявления Маоцзедуньки острили, что свиньи эту «снедь» жрать не будут по той простой причине, что свиньи в области исчезли задолго до того, как Маоцзедуньке присвоили звание Героя Социалистического Труда за выдающиеся успехи области в сельском хозяйстве. Зато в области расцвело всеобъемлющее и всепоглощающее свинство. А трясину без шума и газетных сенсаций стали использовать как помойку для отходов атомной и химической промышленности.

Когда в Москве решался вопрос о строительстве первого в мире атомного предприятия для мирных целей, то выбрали именно Партградскую область, руководствуясь следующими соображениями. Область занимала первое место в стране по насыщенности исправительными лагерями. Заключенных можно было использовать на самых секретных и вредных для здоровья работах. Партградская трясина является самым удобным местом захоронения отходов атомного производства. Область расположена далеко от Москвы и закрыта для посещения иностранцами. В ней не происходило ничего такого, что могло бы привлечь внимание общественности. В области строились и планировались многочисленные секретные предприятия, которые нуждались в энергетической базе, независимой от обычных источников энергии и неуязвимой в случае войны.

За строительством как-то само собой закрепилось название «Атом». Оно постепенно вошло в газетные статьи и официальные документы. Когда строительство закончилось, и предприятие вступило в строй, всему району официально присвоили имя Ленина. Однако население упорно продолжало называть его «Атомом».

О жизни в районе «Атома» поползли самые невероятные и противоречивые слухи. По одним слухам, там — рай земной, полный коммунизм, все есть в изобилии и почти бесплатно. По другим слухам, там поселили заключенных, осужденных на большие сроки или на смертную казнь, которую им заменили опасной для жизни работой в условиях повышенной радиации. На самом деле в «Атоме» было и то и другое — и рай, как его представляли себе рядовые жители области, и ад, о котором не хотели думать те же самые жители. В «Атоме» специалистам с высшим образованием и квалифицированным рабочим платили удвоенную зарплату, сразу же предоставляли квартиры, о каких они не могли и мечтать в иных условиях, отпуск вдвое длиннее обычного и многие другие привилегии. И снабжение предметами потребления и быта было лучше, чем в городе. Но с другой стороны, они жили под постоян-

ным надзором, как в заключении. Отпуска они должны были проводить тоже в определенных местах, где свобода передвижения их была строго ограничена. А главное — они скоро начинали ощущать в себе снижение всех основных жизненных функций, апатию, подавленность, состояние непреходящей тревоги и страха.

Вскоре после того, как атомное предприятие вступило в строй, там произошла катастрофа. В чем она заключалась, хранилось в величайшей тайне. Но шила в мешке не утаишь. О катастрофе узнали по многочисленным признакам, — в частности по тому, что из района эвакуировали целые поселки, больницы переполнились странными больными, стали рождаться дети уроды. К несчастью для Партграда, тогда о перестройке и гласности никто не помышлял. К тому же ветер дул не в ту сторону и унес радиоактивные осадки не в Западную Европу, а в Сибирь. Подул бы ветер на Запад, может быть эпоха гласности началась бы раньше, и Партград стал бы знаменит на весь мир, как впоследствии Чернобыль.

Возник слух, будто в «Атоме» в результате катастрофы появились мутанты, способные жить в условиях повышенной радиации, будто их хотели специально разводить для военных целей и для работы в зараженных местах, но они будто вы взбунтовались, и их пришлось уничтожить. Но в этот слух мало кто верил. По мнению партградцев, в Партграде никаких мутантов вообще быть не может, так как тут климат и харч не тот. Наверняка там в «Атоме» какая-нибудь труба лопнула или крыша протекла, у нас такое постоянно случается. А скорее всего уголовники в атомном реакторе самогонный аппарат устроили, перепились и передрались. Для работы же в зараженных местах у нас здоровых больше чем достаточно.

«Атом» стал привычным элементом жизни области. Многих выпускников институтов и техникумов направляли на работу в «Атом». И они охотно соглашались на это, соблазняясь выгодными условиями. В «Атом» из города высылали лиц, уклоняющихся от трудовой деятельности, а также «внутренних эмигрантов», — так называли всех тех, кто подпал под тлетворное влияние Запада и вступал в конфликт с советским общественным строем, его идеологией и властями. Крестьяне из

района «Атома» стали появляться с овощами и молочными продуктами на рынках города, продавая их дешевле, чем прочие крестьяне. В питейных заведениях стали иногда появляться забулдыги с толстыми пачками денег, которые они проматывали за один вечер. Их вылавливала (вернее, подбирала на улицах) милиция и отправляла обратно в «Атом». Эти забулдыги рассказывали, что они порою за один час на каких-то «сверхсекретных работах» получали по двести и даже пятьсот рублей. Правда, от такого часа «сверхсекретных работ» они становились импотентами, лысели, теряли аппетит и приобретали невыносимые боли в желудке, груди и голове. Но зато они могли себе позволить хотя бы один день пожить «по-коммунистически», т.е. промотать деньги с первыми встречными проходимцами.

Партград и Москва

Взаимоотношения между Патрградом и Москвой являются сложными и даже противоречивыми. С одной стороны, Москва для партградцев есть высший надсмотрщик и указующий перст. А с другой стороны, роль Москвы для Партграда аналогична той, какую для Москвы играет Запад. В Москве люди что-то вытворяют, надеясь на то, что на это обратят внимание на Западе. В Москве даже высшие власти прежде, чем ляпнуть какую-нибудь чушь, узнают через шпионов о том, как на это будет реагировать продажная западная пресса и реакционные западные политики, а очухавшись поутру первым делом ищут свои рожи на страницах западных газет и журналов. В Партграде же делают нечто отдаленно похожее на это, питая надежду на то, что слух об этом дойдет до Москвы. Если в Москве начинают отращивать бородки, то в Партграде отращивают бороды до пояса. Если в Москве за явное вольнодумство дают три года тюрьмы, то в Партграде за скрытый скептицизм дают пять. Новый жилой район в Москве называли Новыми Черемушками, хотя там никогда не росла черемуха. В Партграде же новый жилой район называли Новыми Липками, хотя там не росло ни одной липы. Подзаборный партградский пьяница, зарабатывавший себе на выпивку тем, что хрипел под

гитару сочиненные им же песенки, был по примеру Москвы назван бардом. Когда его как тунеядца выселили из города в «Атом», возник слух, будто он уехал в Париж завоевывать там мировую славу.

Желание тянуться за Москвой принимает в Партграде поистине патологические формы. Здесь гордятся даже окриками из Москвы. Если партградских руководителей поругают в Москве, то партградцы с гордостью сообщают друг другу, что «нашему Хозяину (имеется в виду первый секретарь Обкома партии) в Москве шею намылили, значит теперь в гору пойдет».

Влияние Москвы на Партград многосторонне. Вот два примера тому. Одному почтенному служащему запретили туристическую поездку в Болгарию, поскольку его ближайший друг и собутыльник в шутку сказал, что сей служащий собирается просить политическое убежище в Болгарии. Это была очевидная шутка, все знали, что просить политическое убежище в Болгарии — это все равно, как скрыться от партградского КГБ в главном здании КГБ в Москве на площади Дзержинского («на Лубянке»). Нов КГБ шутку восприняли как сигнал, и поездку запретили. Служащий счел запрет бессовестным и начал кричать об отсутствии свободы совести в Партграде. Ему объяснили, что такое свобода совести. Тогда он в знак протеста окрестил сына — как раз такая мода появилась в Москве, породив на Западе надежду на религиозное возрождение в России и, естественно, крах «режима» вследствие неверия в марксизм. Служащий заработал за это строгий выговор по партийной линии. В интеллигентских кругах, склонных к словоблудию на любом материале, в связи с этим заговорили о том, что именно Партграду предстоит сыграть ведущую роль в религиозном обновлении России. Глава областной церкви, однако, этот слух опроверг в партийной печати. Заодно он осудил президента США как поджигателя войны. Упомянутый служащий должен был после этой истории целый год усиленно заниматься антирелигиозной пропагандой, чтобы снять выговор и вновь обрести репутацию старого и политически зрелого коммуниста.

Еще один пример. В Москве одна женщина, жаждущая выехать на Запад, но в течение ряда лет не получившая разрешение на это, приковала себя цепью к

решетке посольства США. Об этом поступке москвички сообщили западные радиостанции, ведущие передачи на Советский Союз. Узнали об этом поступке и в Партграде. И у москвички в Партграде нашелся последователь. Он приковал себя цепью к унитазу в своей собственной квартире в знак протеста против того, что в их квартире этот унитаз не ремонтировали полгода. Соседи заявили в милицию. В милиции решили, что тут пахнет политикой, и сообщили в КГБ. Сотрудники КГБ явились на четырех машинах, разогнали толпу зевак, выломали дверь в туалет, отсоединили унитаз от канализационной трубы (это было легче сделать, чем пилить цепь напильником) и увезли «протестанта» вместе с унитазом. Западная пресса никакого внимания на мужественный поступок партградского борца за права человека не обратила. Благодаря этому, он отделялся годом тюрьмы за бытовое хулиганство. Когда он вернулся из заключения, унитаз все еще не был отремонтирован.

Партград и Запад

Хотя настоящих диссидентов в Партграде не было, избежать тлетворного влияния запада в городе не удалось. Многие партградцы слушали передачи западных радиостанций, смотрели западные фильмы, читали западные книги. Кое-кто ездил на Запад или имел знакомых, бывавших на Западе. На черном рынке продавались заграничные вещи. Причем, инициатива «западничества» шла сверху, от привилегированных слоев общества, особенно — от детей начальства.

Партградское руководство и идейно здоровая часть населения видели опасность влияния Запада и принимали меры, сдерживающие его. Мнения при этом были противоречивые. Одни требовали запретов и репрессий. Другие смотрели на это более либерально. «Пусть потешатся западными пустяками, — думали они, — лишь бы в политику не лезли». Консерваторы, однако, считали, что эти «пустяки» опаснее политики. Против политических загибов у нас есть защита: идеология и КГБ. А против американских джинсов, жевательной резинки и истощных воплей защиты нет.

В Парттраде стали понемногу проникать и кое-какие веяния, касающиеся демократических свобод и прав человека. И виноваты в этом были сами власти. В сети политического просвещения и пропаганды парттградцам начали с такой настойчивостью разъяснять, что этих благ в области имеется больше, чем «на их хвалебном Западе», что это породило в народе нездоровое любопытство и необоснованные надежды. Одна старушка две недели добивалась приема в Обкоме партии, чтобы попросить «чуток этих прав и свобод». А то она скоро умрет. Перед смертью хотела бы попробовать, что это такое. Старушку поместили в дом для престарелых, откуда ее уже не выпустили до смерти. Она-то и явилась родоначальницей правозащитного движения в Парттграде.

Старушка умерла, но ее дело осталось живо. Одна сотрудница научно-исследовательского института за какие-то заслуги получила бесплатную туристическую путевку в Японию. Известие об этом потрясло город: за всю историю человечества еще ни один партградец не бывал в Японии. Но в райкоме партии ей не дали характеристику, необходимую для поездки за границу, мотивируя отказ тем, что эта научная сотрудница с ее могучими габаритами не втиснется в миниатюрный японский туалет и тем самым уронит достоинство советского человека. Возмущенная сотрудница заявила, что право поездки за границу есть прирожденное право человека, и что оно не зависит от размеров зада. Председатель комиссии сказал на это, что право поездок за границу не есть прирожденное право человека, так как человек появился еще до того, как появились границы. Сотрудница была сражена таким аргументом и взяла обратно слова на счет прав. Но было уже поздно: ее исключили из партии.

Бездиссидентная зона

Еще в те годы, когда Митрофан Лукич Портянкин правил в Парттграде, он часто беседовал со своим зятем Петром Степановичем Сусликовым о проблемах государственного значения.

— Глянь, Петр, — говорил Митрофан Лукич, нали-

вая водочку в трофейные хрустальные рюмочки из хрустального графинчика, тоже доставшегося Митрофану Лукичу в качестве боевого трофея в разгромленной Германии, когда он ездил туда в командировку с целью изучения постановки банно-вошебойного дела в нацистских концлагерях, — что творится в Москве! Распустились, мерзавцы. А у нас — тишь и благодать. А почему?

Петр Степанович подобострастно пожирал глазами своего высокопоставленного тестя. Тот опрокидывал «рюмашку» в широко разверстую пасть, сверкавшую золотыми коронками. Крякал. Сыпал прибаутками насчет первой рюмки. И тут же наливал по второй, поскольку откровенный партийный разговор (по его мнению) мог начаться лишь «на высоком градусе».

— А потому, — продолжал Митрофан Лукич, закусив вторую «рюмашку» осетринкой или икоркой, — что мы тут голову на плечах имеем. Диссиденты не появляются в нашей области по той причине, по какой южный фрукт не произрастает на холодном севере. Что нужно для того, чтобы южный фрукт произрос на севере?

Митрофан Лукич прерывал свою речь, чтобы налить по следующей «рюмашке». Петр Степанович подобострастно молчал, зная, что Митрофан Лукич не ждет у него ответа. Митрофан Лукич ставит вопросы для того, чтобы самому дать на них ответы, риторический прием, усвоенный им еще в те годы, когда он командовал гарнизонной баней и вошебойкой. Тогда он, приказав построить голых солдат на улице перед баней, ставил перед ними стратегические вопросы вроде: «Можем ли мы одолеть врага, не одолев вошь?», и давал на них исчерпывающие ответы в духе речей обожаемого им Сталина.

— Чтобы южный фрукт произрос на севере, — продолжал Митрофан Лукич, наливая по третьей «рюмашке», — нужны особые теплицы. А чтобы у нас в Партграде выросли заграничные фрукты, именуемые диссидентами, тоже нужны такие особые теплицы. Главное — не допустить появление таких теплиц. А раз нет теплиц, не будет и фруктов, выращиваемых в них. Понял?

Сусликов кивал в знак согласия головой. А Портян-

кин, пропустив по третьей рюмашке и закусив как следует, наливал по четвертой, продолжая передавать свой партийный опыт молодому, подрастающему поколению в лице Сусликова.

— Иностранных посольств у нас нет. Никаких западных журналистов нет. На наших стройках работают кое-какие иностранцы. Но что это за иностранцы?! Итальяшки. Они не в счет. Радио западное у нас слушают, это верно. Ну и пусть слушают на здоровье. Эта чепуха нам не опасна. Эти западные права человека и демократические свободы у нас в Парттграде все равно, как попу гармонь, рыбе зонтик или корове седло...

Когда Сусликов стал первым секретарем Парттградского Обкома партии, он дал клятву своему покровителю Портянкину, что превратит область в «бездиссидентную зону». При этом он руководствовался такими принципами. Подавлять диссидентов дело нехитрое. Не допустить их появление — вот к чему надо стремиться. Тогда и подавлять не надо будет. Но если уж они появились по недосмотру, их надо нейтрализовать, дискредитировать, уничтожать всеми доступными средствами. После того, как они будут уничтожены, исчезнут или станут безобидными и даже полезными, их можно будет разрешить. В этом Сусликов следовал примеру Сталина, который собирался отменить расстрелы после того, как будет расстрелян последний «враг народа».

С целью реализации своей программы Петр Степанович предложил расселять интеллигентов так, чтобы они не имели возможности устраивать неподконтрольные сборища. Потом он создал особую идеологическую комиссию, которая очистила все библиотеки города от литературы, содержавшей малейшие намеки на критику советского общественного строя и идеологии, приняла решительные меры против спекулянтов на черном рынке, распространявших «самиздат» и заграничные книги, установила строгий учет всех множительных аппаратов и радиоприемников.

Короче говоря, результаты мудрого руководства Петра Степановича не замедлили сказаться. Каждое утро, появляясь в своем кабинете в Обкоме партии, Петр Степанович первым делом спрашивал у своего помощника Корытова: «Ну как?».

— Чисто, — рапортовал Кобытов.

— Ну и слава богу, — мурлыкал Петр Степанович. Соедини-ка меня с Центром.

И Петр Степанович докладывал Митрофану Лукичу, что во вверенной ему области никаких диссидентов нет.

— Так держать! — слышалось в ответ.

Черный день

Но вот наступил черный день, когда на привычный вопрос товарища Сусликова «Ну как?» его верный помощник Кобытов не произнес бодрое «Чисто!», а сам Сусликов не отрапортовал в Москву о полном порядке во вверенной ему области и не услышал в ответ поощрительное «Так держать». Голосом, полным скорби, Сусликов лепетал невнятно о том, что они тут дали промашку, не доглядели, не доценили и проявили либерализм.

— Я, товарищ Сусликов, — услышал Сусликов в ответ леденящий голос Митрофана Лукича, — человек простой и сердечный. Но когда возникает угроза завоевания Октября, пощады от меня не жди. Не выправишь положение — положишь партийный билет. Понял?!

В эту ночь в зданиях ответственных учреждений Партграда до утра не потухал свет. Войска военного округа были приведены в предвоенную готовность. Военные и милицейские патрули заполнили город.

Но что, собственно говоря, произошло? Оказалось, четыре гражданина Партградской области прорвались в Москву и сделали попытку вступить в связь с западными журналистами с намерением изобличать язвы советского общества.

Появление в Партграде своих, доморощенных диссидентов было полной неожиданностью, но особого рода. О существовании чудаков, которых теперь стали называть мудреным заграничным словом «диссиденты», жители города знали давно. Такие чудаки тут водились всегда. Но они до сих пор служили лишь объектом насмешек. Знали о них и в КГБ. Но тоже не очень-то тревожились, так как там тоже знали им цену.

Положение, короче говоря, сложилось такое: явление существует, все знают о нем, но делают вид, будто его нет, так как нет формального признания факта его существования. И потому оно как бы и не существует совсем. Хотя оно существует эмпирически, оно не существует как социально значимое явление, — оно существует ниже того социального порога, который разделяет существующие явления на как бы существующие и существующие без «как бы».

Что произошло теперь? Из Москвы поступило распоряжение считать партградских диссидентов существующими без «как бы», поскольку они заявили о себе на уровне мировой прессы. Лишь после этого Сусликов доложил Портянкину о их появлении в области. Порог социальной значимости был перейден. Новый социальный феномен с иностранным названием «диссиденты» получил право на официально признанное бытие.

Партградцы, причисленные к диссидентам, были: настоящий коммунист, потомственный пролетарий, Трижды Иван и студент, организовавший нелегальный журнал «Гласность». Их подлинные имена не имеют значения, — западные журналисты, упомянув о них в своих газетах, не назвали их имен. Они мельком упомянули о них просто как о «диссидентах из провинции». Запад не захотел признать историческое бытие Партграда даже в такой негативной форме.

Настоящий коммунист

Есть два вида коммунистов — натуральный и выморочный. Натуральный коммунист есть советский человек, приученный жить в советском обществе и как-то выкручиваться в нем. Он готов ко всему и готов на все. Для него коммунизм есть не отдаленный земной рай, в который он не верит, а сегодняшняя неумолимая реальность, в которой следует урвать для себя максимально доступный кусок. Выморочный коммунист мало чем отличается от натурального в своей обычной жизни. Но он избирает для себя роль человека, лучше и больше других преданного идеалам коммунизма, и превращается в мелкого педанта по поводу необдуманных замечаний классиков марксизма. Сболтнул какой-

то классик, например, о заработной плате служащих не выше рабочих. Педант-коммунист требует ввести партийный максимум зарплаты. Причем, ему невдомек, что большинство советских служащих имеет зарплату ниже зарплаты квалифицированных рабочих. Сболтнул другой классик о том, что при коммунизме кухарки будут управлять государством. Педант-коммунист носится с этой идеей по партийным инстанциям, хотя от кухарок в старом смысле не осталось и следа. Сболтнул какой-то классик о том, что рабочие будут сами управлять заводами. Педант-коммунист ратует за заводское самоуправление, хотя рабочих теперь силой не заставишь пойти на эту глупость. Одним словом, выморочный коммунист считает, что коммунизм в Советском Союзе строится неправильно, что не выполняются указания классиков марксизма. Вот если бы Ленин был жив, все было бы иначе. Большая часть выморочных коммунистов остается на уровне чудаков, которых терпят в коллективах и даже порою поощряют. Но отдельные экземпляры заходят настолько далеко, что становятся бичом в своих коллективах и для учреждений, которые они атакуют с параноической настойчивостью. С ними обычно расправляются самым беспощадным образом, сажая их в сумасшедшие дома или высылая в отдаленные районы. В их защиту никто не вступается: вот еще работа — коммунистов защищать! Туда им и дорога!

Один из таких коммунистов уже давно раздражал органы власти Партграда. Его исключили из партии и уволили с работы. Но в психиатрическую больницу сажать не торопились, считая его полумумным. Это было явно ошибочно: он на все сто процентов был сумасшедшим. Воспользовавшись оплошностью КГБ, настоящий коммунист сбежал в Москву с намерением сообщить западным журналистам, что коммунизм в Партградской области строится неправильно, и попросить руководителей западных стран повлиять на советское руководство, чтобы оно исправило советский коммунизм и восстановило его, подлинного коммуниста, в партии.

Потомственный пролетарий

Более опасным врагом советского строя в области оказался слесарь-водопроводчик, называвший себя потомственным пролетарием. Он занимался установкой и ремонтом заграничного оборудования ванн и туалетов в квартирах партградоначальства. Он ухитрился записать на кассету звуки, издаваемые руководителями области в туалете. Сотни копий записей распространялись в городе и имели успех, особенно — «анальные речи» Маоцзедуньки и самого Сусликова. Причем, слушатели безошибочно идентифицировали звуки. В руководстве области началась паника. Одна Маоцзедунька отнеслась к истории спокойно.

— Пусть приходят ко мне после обеда, — говорила она, похлопывая себя по необъятному заду, — я им такую музыку выдам, что ихние Бетховены и Пикассы сразу заткнутся.

Маоцзедуньке сказали, что Пикассо — художник, а не музыкант. Она на это невозмутимо ответила, что ей и на художников тоже на...ть. Сусликов же усмотрел в событии угрозу своей карьере. Начальник областного управления КГБ Горбань заявил, что если бы туалетные звуки высших руководителей предали широкой гласности, то советская власть не продержалась бы и года. Между прочим, западным советологам, ищущим самые уязвимые места в советской социальной системе, не мешало бы принять во внимание мнение начальника Партградского Управления КГБ.

Все силы милиции, КГБ и общественности были брошены на поиски преступника. Почуввав опасность, «Потомственный пролетарий» убежал в Москву с мешком кассет, на которых были записаны «анальные речи» партградских руководителей. Он собирался опубликовать эти речи на Западе и заработать на них по примеру писателей-диссидентов славу и миллионы.

Конец рабочей династии Ивановых

Иван Иванович Иванов с гордостью называл себя Трижды Иваном. Его отец был Трижды Иваном. Он

работал на заводе, в начале войны с Германией ушел добровольцем на фронт и вскоре погиб. Второй Трижды Иван пошел по стопам отца и тоже стал рабочим. После армии он женился и произвел на свет сына, которого тоже назвал Иваном. Третий Трижды Иван рос, в отличие от предшественников, в сравнительно благополучное время и в благополучной семье. Он отлично учился в школе, особенно преуспевая в математике. Учителя сулили ему будущее выдающегося ученого.

Но произошло событие, зачеркнувшее мечты и планы Ивановых. Партград посетил сам Брежнев. Среди рабочих завода, выделенных для пожимания руки Брежневу, оказался второй Трижды Иван. Пожав ему руку, Брежнев вдруг вспомнил, что в начале войны он выдавал партийный билет Ивану Ивановичу Иванову. Уж не сын ли Иванов тому Трижды Ивану? Директор завода, не дожидаясь ответа Иванова, сказал, что это именно так, что рабочая династия Ивановых знаменита на всю область. Второй Трижды Иван растерялся и сдуру сболтнул, что его сын тоже Иван, и что он тоже пойдет по стопам отца. Брежнев сказал, что это замечательно, когда дети рабочих наследуют профессию отцов, — самую почетную профессию на свете. Надо это сделать повсеместной традицией. В газетах напечатали фотографию Брежнева, пожимающего руку второго Трижды Ивана, слова Брежнева и опрометчивое обещание Иванова.

Так возникло движение, инициатором которого сделали второго Трижды Ивана. Третий Трижды Иван пробовал было артачиться, но на него «нажали» и заставили подписать обращение к детям рабочих продолжать профессию отцов. Ивановым дали вне очереди отдельную двухкомнатную квартиру. Второго Трижды Ивана наградили орденом. В среде рабочих его возненавидели и стали устраивать всяческие пакости. Третьего Трижды Ивана дети из рабочих семей, которых вынудили идти работать на заводы, не раз избивали, так что первое время его на завод сопровождал милиционер.

Хотя третий Трижды Иван работал добросовестно, думал он только об одном: как можно поскорее выбраться из рабочего класса, для начала — хотя бы

поступить на обещанное заочное отделение института. Но и тут неумолимая судьба вмешалась в его жизнь. Кампания, жертвой которой он стал, окончилась. Про рабочую династию Ивановых забыли. Рабочие спровоцировали третьего Трижды Ивана на такое выступление по поводу беспорядков на заводе, за которое его исключили из комсомола, уволили с завода и выслали в «Атом» как тунеядца. Оттуда он убежал в Москву, погрозившись сжечь себя на Красной площади.

Комитет гласности

Но больше всего партградские власти были напуганы тем, что в городе стал циркулировать нелегальный журнал «Гласность», подготовленный студентами университета. В журнале сообщалось об образовании «Комитета гласности», который ставил перед собой задачу информировать партградцев о событиях в области, о которых умалчивают газеты. Кто бы мог тогда подумать, что идею гласности через несколько лет присвоят себе высшие власти страны, а первооткрыватели ее к тому времени исчезнут безвестными в исправительно-трудовых лагерях?!

Поборники гласности подготовили первый номер журнала, в котором приводили сведения о коррупции в высшем руководстве области и о злоупотреблениях служебным положением. В частности, они подсчитали, что Сусликов стал обладателем ценностей, на приобретение которых законным путем даже при заработной плате в тысячу рублей в месяц потребовалось бы по крайней мере сто лет. Редактор журнала уехал в Москву с намерением переслать журнал на Запад.

Конец партградского диссидентства

Западные журналисты в Москве особого значения партградским диссидентам не придали. Кто-то из них вроде бы даже донес на партградцев в КГБ, оправдываясь тем, что будто бы принял их за провокаторов КГБ. Но все же в западной прессе появилось короткое сообщение о том, что наблюдается оживление диссиден-

тского движения в русской провинции, в частности — в городе Партграде. Этого короткого сообщения, однако, было достаточно, чтобы Сусликов покрылся холодным потом и схватился за сердце.

В Москве партградских диссидентов задержали и передали для расправы партградским властям. На заседании бюро Обкома партии Сусликов доложил, что в области «в силу гнилого либерализма некоторых руководителей, ослабления идейно-воспитательной работы и тлетворного влияния Запада появились отдельные признаки диссидентства, но они вовремя обнаружены и пресечены».

Прошло немного времени, и на вопрос Сусликова «Ну как?» его помощник Коротков ответил «Чисто!». Сусликов доложил Портянкину, что положение в области выправлено, и услышал долгожданное «Так держать!». Мог ли он тогда предположить, что пройдет немного лет, и вся Россия будет наводнена диссидентами нового типа, и что он сам станет чуть ли не диссидентом?!

Глубинная история

Но все то, о чем говорилось выше о советском периоде, составляло лишь ничтожную часть подлинной истории Партграда, причем — часть десятистепенной важности. Это была лишь пена партградской истории, а не ее глубинный поток. Последний заключался в том, что можно назвать социальной жизнью масс населения, а именно — в различного рода социальных процедурах, ритуалах и мероприятиях, которые стали привычным элементом повседневной жизни людей: принятие в октябрюта, в пионеры, в комсомол; октябрютские и пионерские сборы; комсомольские собрания; принятие в партию; партийные собрания; общественная работа; общие и профсоюзные собрания; митинги, демонстрации; пропагандистские кружки и семинары; комсомольские и партийные школы; университеты марксизма-ленинизма; заседания органов власти и управления на всех уровнях, начиная первичными коллективами и кончая высшими органами власти области; руководящие совещания, указания, контроль. Короче говоря, суть коммунистического образа жизни

образует в первую очередь все то, что делает человека именно гражданином коммунистического общества и в чем заключается его социальная жизнь в таком качестве. Все остальное суть лишь средства и материал для социальной жизни. Фабрики и заводы строятся не ради некоего абстрактного производства, а прежде всего как средства, позволяющие организовать людей в коммунистические коллективы. Лишь в последнюю очередь они суть средства создания продуктов потребления и вообще каких-то материальных вещей. Произведения культуры создаются не ради культуры как таковой, а лишь как средства воспитания людей и контроля за их сознанием и поведением. И в деятельности власти главным является все то, что позволяет сохранять единство социального целого и поддерживать нормальный ход его социальной жизни.

Если бы можно было подсчитать усилия населения области, направленные на поддержание социального ее аспекта, то получились бы величины, перед которыми померкли бы официальные показатели жизнедеятельности общества (добыча угля, выплавка стали, урожай, число телевизоров и т.п.). Самый грубый подсчет числа людей, прошедших через пионерские и комсомольские организации, принятых в партию, участвовавших в демонстрациях и собраниях, подсчет числа собраний, совещаний, речей, резолюций и прочих элементов официальной жизни, подсчет числа участников пропагандистских групп и лекций и т.д. дал бы картину, от которой у вас зашевелились бы волосы на голове. А если бы эти подсчеты произвести по годам и на различных уровнях иерархии, вы ощутили бы сущность прогресса, произошедшего в Партграде за годы советской власти.

Кузница кадров

В свете только что изложенной идеи становится понятным то, почему главной отраслью производства в Партградской области стало производство руководящих кадров. Взгляните на высшее советское руководство, на аппарат ЦК КПСС и КГБ, на высшие правительственные и культурные учреждения! Кого вы там

увидите? Прежде всего — выходцев из таких мест, как Партградская область. Со сталинских времен высшую власть в стране всегда захватывали выходцы из провинции, что соответствует провинциальной сущности самого коммунизма.

Многие видные партийные и государственные деятели страны вышли из Партграда и его окрестностей. Объяснение этому феномену дал недавно скончавшийся бывший секретарь ЦК КПСС Митрофан Лукич Портянкин, начавший свое блистательное восхождение на высоты власти в Партграде.

— Это происходит потому, — сказал он на торжественном митинге по поводу открытия его бронзового бюста в Партграде, что Партград находится в недрах народа, в толще народа, в гуще народа.

Митрофан Лукич сказал, что партийно-государственные кадры в Партграде не просто выращивают. Их тут выковывают. Так что Партград в первую очередь есть кузница партийно-государственных кадров и лишь во вторую очередь доильница страны. Выражение «доильница» изобрела Маоцзедунька по аналогии с тем, как некоторые другие области называются житницей страны. Согласно отчетам, Партградская область поит всю страну молоком, а Ставропольский край кормит всю страну хлебом. Поит так же плохо, как Ставрополь кормит хлебом. Между прочим, Ставропольский край стал превращаться из житницы страны в кузницу партийных кадров, конкурирующую с Партградом, под руководством Горбачева и превзошел в этом отношении Партград.

Партград поставляет стране не только практиков, но и теоретиков руководства. Именно здесь родилась формула, обобщающая опыт руководства народом за все годы советской власти. Высказал ее сам Петр Степанович Сусликов, сменивший Митрофана Лукича на посту первого секретаря Партградского Обкома и затем секретаря ЦК КПСС.

— Нашим величайшим достижением, — сказал он в речи на партийной конференции, где его избрали на пост секретаря ЦК КПСС, — является то, что не только мы, партийные руководители, научились руководить нашим народом, но и то, что наш народ научился быть руководимым нами.

Слух, однако, был такой, будто эту формулу избрела все та же Маоцзедунька. Она якобы сказала, выпив десятую стопку водки, что главным в руководстве нашим народом является правило: не надо мешать нашему народу быть руководимым нами.

В том самом выступлении на партийной конференции Сусликов привел такие данные о масштабах партградской кузницы партийных кадров. За годы советской власти в Партградской области было выковано двадцать пять тысяч триста сорок шесть партийных руководителей районного масштаба, шестнадцать тысяч сто тридцать один — областного масштаба, пять тысяч сто сорок пять — республиканского масштаба, тысяча девятьсот девяносто девять — общегосударственного масштаба. Так что в случае победы коммунизма в мировом масштабе, как пошутил товарищ Сусликов, одна Партградская область может обеспечить партийными кадрами все страны мира. Как сказала та же Маоцзедунька после двадцатой стопки водки, ковать партийных трепачей — это вам не картошку и поросят растить, тут мы кого угодно за пояс заткнем.

Выходцы из Партграда и других аналогичных мест России привносят в центральный аппарат власти намерение неуклонно охранять завоевания Октября. Но делают они это в такой форме, что это выглядит как прогресс, как борьба молодых, инициативных и образованных «голубей» против престарелых, консервативных и безграмотных «ястребов». Но утвердившись в центральном аппарате, провинциальные «голуби» сами превращаются в столичных «ястребов».

Историческая справка

Самыми выдающимися личностями, выкованными в партградской кузнице кадров, являются несомненно Портянкин и Сусликов. О них со временем будет написана особая книга, как они того и заслуживают. Здесь же ограничимся лишь краткой справкой о них.

Портянкин Митрофан Лукич. Из крестьян. Образование — ветеринарный техникум, курсы младших поллитруков, школа НКВД, областная партийная школа, заочное отделение ВПШ (Высшей Партийной Школы

при ЦК КПСС). С 22 лет член партии. Во время войны — политрук партизанского отряда, который предполагалось создать в области, если бы немцы ее оккупировали. Немцы до Партграда не дошли. Одновременно Портянкин был начальником гарнизонной бани и вошебойки. Поскольку в Партграде формировались воинские части для отправки на фронт, баня играла важную роль. Портянкин устраивал высокому воинскому начальству попойки с «бабами» (т.е. с девочками связистками, зенитчицами, санитарками) в особом отделении бани, чем завоевывал популярность в армии. В портянкинской баньке не раз парился Брежнев. Войну Портянкин закончил с десятком орденов и в чине подполковника. После войны — на партийной работе. Стал первым секретарем Обкома партии. За успешное выполнение поставок молочных продуктов государству был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Был слух, будто он при этом скупал масло в соседних областях и сдавал как якобы произведенные в области. Его собирались судить за это, но почему-то скандал замяли. При Портянкине в области развернулось грандиозное строительство, включая упомянутый выше «Атом» и крупнейший в стране химический комбинат. Сам Портянкин тут был ни при чем, так как стройки были союзного масштаба. Но в числе награжденных он всегда был одним из первых. Став во главе партии и государства, Брежнев вспомнил о том, как парился в портянкинской баньке, и взял его в аппарат ЦК КПСС, где он стал заведующим отделом, секретарем, кандидатом в члены и членом Политбюро. Регулярно избирался депутатом Верховного Совета РСФСР и СССР. Награждался многочисленными орденами и медалями. Лауреат государственной премии за книгу «В тылу врага». В связи с тридцатилетием победы над Германией стал Героем Советского Союза за выдающиеся заслуги и личный героизм в войне. В послебрежневские годы не сориентировался в ситуации, поддержал Черненко и попал в консерваторы. При Горбачеве был обвинен в коррупции и бюрократизме и уволен на пенсию. Его книга стала предметом фельетона, который заканчивался вопросом: кого Портянкин называл врагами, если учесть, что Партградская область, в которой он пропьянствовал всю войну, не была оккупирована

немцами? После этого Портянкин умер от инфаркта и инсульта одновременно. Похоронен даже не на Новодевичьем, а лишь на Донском кладбище.

Сусликов Петр Степанович. Из рабочих. Образование техникум пищевой промышленности, сельскохозяйственный институт, ВПШ. Во время войны — студент. Комсомольский активист. Осведомитель «органов». Разоблачил группу «пораженцев» среди соучеников, за что был награжден медалью «За отвагу». Женился на дочери Портянкина, тогда секретаря райкома партии. В 24 года член КПСС. Инженер и затем секретарь партийного комитета мясомолочного комбината. Перешел на партийную работу. Освобожденный секретарь партийного комитета строительства «Атома». Учеба в ВПШ. После окончания ВПШ второй секретарь горкома и затем обкома партии, наконец, первый секретарь обкома. Знакомство с Андроповым, лечившимся на курорте в области. Знакомство и дружба с Горбачевым. За освоение трясины (о чем говорилось выше) награжден Золотой Звездой Героя Социалистического Труда и орденом Ленина. Переведен в аппарат ЦК КПСС, где скоро стал заведующим отделом. При Горбачеве избран секретарем ЦК и кандидатом в члены Политбюро. Активный сторонник перестройки, «левая рука» Горбачева. Регулярно избирался в Верховный Совет РСФСР и СССР. Лауреат Ленинской премии за руководство трудом об освоении трясинных земель. Награжден многочисленными орденами и медалями.

После того, как Портянкину дали вторую золотую звезду Героя, ему установили в Партграде бронзовый бюст. На другой же день на лбу бронзового Портянкина появилось ругательство из трех букв. Его стирали, но оно появлялось вновь. В конце концов на это махнули рукой, и ругательство навечно утвердилось на лбу Портянкина. К нему привыкли и уже не представляли бюста без него. Говорят, будто Сусликов тоже скоро получит вторую звезду героя. Тогда и ему будет установлен бронзовый бюст. И на его бронзовом лбу тоже будет написано то самое ругательное слово И партградцы вздохнут с облегчением при виде этого символа незыблемости и преемственности их коммунистического образа жизни.

Вслед за Портянкиным и Сусликовым идет Евдокия Тимофеевна Телкина, заведующая сельскохозяйственным отделом обкома партии, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда. Раньше ее называли Маоцзедунькой за пристрастие к волюнтаристским методам руководства. Теперь она стала поклонницей Бухарина, и ее стали называть Бухариком, намекая на пристрастие не только к идеям Бухарина, о коих она знает понаслышке, но и к алкогольным напиткам. Известна повсей России как пламенная проводница любой генеральной линии партии. Была страстной брежневисткой. Стала еще более страстной горбачевисткой. В своем перестроечном рвении превзошла даже Ельцина: предложила распустить колхозы, перевести на самофинансирование все предприятия области, открыть для партграждан границу на Запад, превратить партийные органы в советы, переименовать коммунистическую партию в народную.

Из прочих личностей стоит упомянуть писателя, который при Сталине восхвалял Сталина и получил Сталинскую премию, при Брежневе восхвалял Брежнева и получил Ленинскую премию, а при Горбачеве стал восхвалять Горбачева и был объявлен жертвой сталинского и брежневского террора. Наряду с этим писателем мировую славу приобрел также художник, который при Сталине малевал Сталина и получил Сталинскую премию, при Брежневе малевал Брежнева и получил Ленинскую премию, а при Горбачеве стал малевать Горбачева и был объявлен жертвой сталинского и брежневского террора. Наряду с этим писателем и художником мировую славу приобрели также театральный режиссер и кинорежиссер, которые... (смотри сказанное выше о писателе и художнике). В период перестройки все они стали народными депутатами и членами бюро райкомов, горкома и обкома партии. Писатель стал членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР. За это он был избран в ряд международных организаций и награжден многочисленными премиями на Западе.

Хрущевская перестройка

Первая попытка перестройки имела место еще в хрущевские годы. Хрущев и его либеральные помощники официально признали и без того очевидные недостатки советского общества и приняли решение осуществить перестройку всех аспектов жизни страны, более чем на четверть века предвосхитив горбачевское «новаторство». Решили усовершенствовать работу предприятий, начали переводить многие из них на ту самую «самофинансируемость» и «самоокупаемость», о которых сейчас на весь мир трубят горбачевцы как об открытии в советской экономике. В результате число нерентабельных предприятий возросло, и о лозунге «самоокупаемости» забыли. Тогда употребляли словечко «хозрасчет», являющееся сокращением бессмысленного выражения «хозяйственный расчет». Усовершенствовали работу системы управления. Ввели некие «совнархозы» («советы народного хозяйства»), в результате чего бюрократический аппарат увеличился. Потом их ликвидировали, и бюрократический аппарат увеличился еще более. Делили, объединяли, перекombинировали и переименовывали министерства, комитеты, управления, тресты и т.п. А число бюрократов росло и росло. В те годы советские люди шутили: в ЦК КПСС принято решение разделить министерство железнодорожного транспорта на два — на министерство «туда» и министерство «обратно».

Особенно злые насмешки вызвала кукурузная политика Хрущева. Побывав со своими помощниками, советниками и родственниками в США, Хрущев решил догнать передовые капиталистические страны и построить полный коммунизм уже «при жизни нынешнего поколения» с помощью кукурузы. Партградцы, покоряясь приказу Москвы, засеяли поля американской кукурузой. То, что выросло, породило в области лишь гомерический хохот. Хрущев и его сообщники заработали презрительную кличку «кукурузников». В хрущевские годы сенсацию в Советском Союзе произвела идея, что начальники не должны сами затачивать карандаши, поскольку их драгоценное время и творческие силы нужны для более важных дел. Напечата-

ли по этому поводу миллионным тиражом брошюру привезенного из Америки менеджера. Кабинеты начальников украсились полными стаканами карандашей, остро отточенных секретаршами. Спроектировали специальную машинку для затачивания карандашей. Дело ограничилось, конечно, проектами. Начальники же, освободив свои творческие силы от затачивания карандашей, бросили их на усиленное взяточничество и карьеристские интриги.

Хрущевская перестройка закончилась без кровопролития. Хрущевские соратники заблаговременно предали своего вождя и стали брежневистами. За счет предательства и холуйства перед новым вождем они сделали очередные шаги в своей карьере. Особенно преуспели в этом. Портянкин, Сусликов и Маоцзедунька.

Застойный период

При Горбачеве брежневский период советской истории стали называть застойным. Партградцам же никогда в голову не приходила мысль, что их нормальная жизнь по законам реального коммунизма была отклонением от неких хороших норм, была всего лишь застоєм. Никакого застоя они не ощущали. В эти годы в области было сделано больше, чем за все предшествующие годы. И уровень жизни поднялся так, как об этом и мечтать не могли в довоенные и послевоенные годы. Стала обьчной отдельная квартира на семью. В каждой семье появился холодильник и телевизор. Многие обзавелись мотоциклами и автомашинами, построили дачи. Одеваться стали лучше. Конечно, этот прогресс не шел ни в какое сравнение с западным благополучием. Но тогда Запад еще не стал мерилем оценки состояния советского общества. Знали партградцы и обо всех дефектах своего образа жизни. Но относились к ним как к неизбежному злу. О них говорили, сочиняли шутки и анекдоты. Издевались над ними и над самими собою. Но понимали, что это все дано навечно, и каждый выкручивался на свой лад. Общая сумма таких индивидуальных выкручиваний и создавала нормальный (с их точки зрения) ход жизни. Так бы они и про-

должали жить до сих пор, если бы в Москве не заговорили о перестройке. Сами они до этого не то чтобы не додумались, а просто не стали бы додумываться во избежание ненужных и бессмысленных хлопот. Они знали стариковскую мудрость: то, что построено, может быть на самом деле есть куча говна, и потому ее лучше не ворошить, иначе совсем жить нельзя будет из-за зловония. Они восприняли Горбачева прежде всего как такого дурака, который нарушил это правило.

Коммунистический кризис

Прежде чем продолжить описание событий в Партграде, сделаем небольшое социологическое отступление, касающееся общей ситуации в стране в начале восьмидесятых годов.

К концу брежневского правления в стране назрел кризис, который разразился во всю мощь с приходом Горбачева к власти. Горбачевцы свалили вину за него на брежневское и даже сталинское руководство. Бесспорно, Сталин и Брежнев наделали много ошибок и глупостей. Но не они породили кризис. Кризис назрел и разразился в силу объективных закономерностей самого коммунистического социального строя. Человечество пропустило очередную (третью) мировую войну, и эти закономерности получили достаточно мирного времени, чтобы проявить свою неумолимую силу. Созреванию кризиса способствовали также и внешние причины. Необходимость тягаться с Западом, укреплять военную мощь страны и развивать международную активность в огромной степени истощили силы советского общества, снизили его способность сопротивляться надвигающейся болезни. Но не это породило самую болезнь. Благодаря тому, что третья мировая война была пропущена, Запад не был разгромлен, а, наоборот, стал сильнее и приобрел новые перспективы. Если бы не было Запада или если бы он был ослаблен в пропущенной потенциальной войне, состояние советского общества превозносилось бы как верх совершенства, советская система власти превозносилась бы как верх демократии, а условия жизни советских людей — как земной рай. Но Запад уцелел и усилился. Он стал

мерой и образцом для всего серьезного, что стало происходить и делаться в коммунистических странах. Усилилось наступление Запада на коммунистический мир в форме борьбы за демократию. Оно охватило не только сферу пропаганды, но и практической активности (экономические и политические санкции, стимулирование демократических движений, дискредитация политических режимов). Развитие в странах Запада и их давление на коммунистические страны оказались настолько сильными, что руководители последних впали в состояние растерянности, отказались от открытого применения специфически коммунистических методов решения своих проблем и встали на путь своего рода западнизации своих стран. Вследствие влияния Запада на умонастроения масс населения кризис углубился, а процесс переживания его и попытки выйти из него приняли западнообразные формы. Это породило чрезвычайно сложную и противоречивую ситуацию в коммунистических странах, а на Западе — иллюзии и надежды на то, что коммунистический режим скоро рухнет в силу внутренней несостоятельности.

Рассматриваемый кризис явился первым в истории специфически коммунистическим кризисом. Он охватил все сферы общества, включая систему управления, экономику, идеологию, моральное и психологическое состояние масс. Он проявился в дефиците предметов потребления, в инфляции, в росте коррупции и преступности вообще, в распушенности, в идеологическом цинизме, в падении трудовой дисциплины, в пьянстве и прочих отрицательных явлениях, ставших предметом гласности и критики. Но самая глубокая суть и специфика его заключается в том, что система власти и управления утратила контроль над обществом, а высшие органы власти утратили контроль над всей системой управления.

Коммунистическое общество есть единый социальный организм — органическое целое. В силу отсутствия в нем частного предпринимательства, классов частных собственников, свободного рынка, политического плюрализма и других явлений общества западного типа, здесь система власти и правления приобретает особую роль. Она здесь понижает общество во всех

измерениях, становится фактически фундаментом всего здания общества. Ее роль здесь можно сравнить с ролью нервной системы в высоко развитом биологическом организме. Разрушение этой системы или ее заболевание, выходящее за пределы некоей нормы, ведет к гибели всего организма. Она здесь разрастается до таких размеров и приобретает такую силу, что становится господином общества. Коммунистическое общество поэтому есть общество чиновников прежде всего, подобно тому, как капиталистическое общество есть общество частных предпринимателей (капиталистов), а феодальное — земельных собственников. Огромное число учреждений и людей, занятых в системе власти и управления, является абсолютно необходимым атрибутом реального коммунизма. Он так же немислим без этой системы, как капитализм без частных предпринимателей, денег, прибыли, конкуренции, банков.

Система власти и управления коммунистического общества имеет сложную структуру и сложные функции. Она подчиняется особым объективным законам структурирования и функционирования. Есть определенные нормы, касающиеся соотношения управляемого тела общества и его управляющей системы, а также взаимоотношений частей последней. Рассматриваемый кризис заключается прежде всего в том, что нарушились нормальные соотношения между управляющей системой и управляемым обществом. Во втором возникли бесчисленные явления, выходящие из-под контроля первой. Хотя управляющая система разрасталась, управляемое тело общества разрасталось в еще больших масштабах в смысле роста числа и усложнения объектов, подлежащих управлению. Слишком много всего построили. Слишком усложнили структуру и функции деловых коллективов и их отношений. Разрастание же системы управления не только не предотвратило дезорганизацию, а со своей стороны усилило ее. Оно привело к тому, что нарушилась координация частей управляющей системы, и высшие органы власти потеряли контроль над всей системой управления, в результате чего снизились возможности последней контролировать общество.

Горбачевское руководство начало реформаторскую суету с целью заручиться поддержкой Запада и пред-

отвратить надвигавшийся кризис. Но далеко не все во власти всесильной системы власти советского общества. Именно реформаторская активность Горбачева способствовала развязыванию кризиса. С нее потенциальный кризис превратился в актуальный, стал реальностью. Процесс вышел из-под контроля советского руководства и вынудил его на такое поведение, о котором оно и не помышляло. Перестройка явилась попыткой предотвратить кризис, проявлением и следствием кризиса, а когда кризис стал фактом — попыткой выйти из него на пути поверхностной, иллюзорной и принудительной западнизации советского общества.

Вернемся, однако, к Партграду в тот период его жизни, когда развязанная Горбачевым перестройка докатилась и до него.

Перестройка

Несмотря на все описанные выше успехи и достижения, Партградская область продолжала считаться самой провинциальной частью России. О ее существовании далеко не всякий знал в Советском Союзе, а уж про Запад и говорить нечего. Советские люди узнавали о ее существовании главным образом из некрологов, в коих сообщалось, что такой-то выдающийся покойник происходил родом из рабочего класса, трудового крестьянства или столь же трудовой интеллигенции Партградской области. Рассказывали такую историю. Брежнев, желая избавиться от одного из своих противников, велел направить его на работу в Партград, будучи уверен в том, что это находится где-то в Якутии, на Камчатке или даже в Монголии. Каковы же были его удивление и гнев, когда он увидел этого опального партийного работника среди руководителей области во время своего визита в Партград.

Такое положение Партграда сохранилось бы и по сей день, если бы над страной не взошла заря новой великой эпохи — эпохи перестройки.

Партградские власти поначалу отнеслись к объявленному Горбачевым курсу на перестройку как к очередной кампании и показухе. Перестройку устраивало каждое новое руководство. Пройдет немного времени,

думали руководители области, перестройка сойдет на нет и все вернется на круги своя, как и в прошлые разы. Надо сделать вид, будто в Партграде относятся к перестройке всерьез и прилагают усилия к ее осуществлению. Партградское начальство развило кипучую деятельность, выразившуюся в заседаниях, конференциях, речах, резолюциях, призывах и починах. Поменяли кое-кого в руководстве, переместив одних на место других, и наоборот. Уволили на пенсию тех, кто и без перестройки собирался на кладбище. Разоблачили в коррупции тех, кто уже был под судом или сидел в лагерях.

Но дело оказалось гораздо серьезнее, чем обычно, и руководители области пришли в замешательство: в Партграде вообще не нашлось ничего серьезного, что можно было бы и стоило бы перестраивать. Жизнь в городе и в области шла в строгом соответствии с привычным порядком, и казалось, что никакие силы в мире были не способны заставить людей жить и работать по-новому, т.е. с ускорением и с большей эффективностью, как требовала Москва. Руководители области собрались в обкоме партии на первое перестроечное совещание, чтобы выяснить явные и скрытые возможности перестройки. Все прекрасно понимали, что возможностей почти никаких не было. Военные заводы никакой перестройке не подлежали. Они получали сырье бесперебойно. Сбыт их продукции не зависел от советских покупателей. Производительность труда и качество их продукции зависели не столько от советских трудящихся, сколько от западной технологии, от советских шпионов и от тех стран, куда Советский Союз поставлял оружие. Химический комбинат, бактериологический центр и атомное предприятие были до такой степени засекречены, что о их работе не знал ничего даже начальник областного управления КГБ. Школы, институты, больницы и прочие учреждения работали вполне нормально, и никакие радикальные улучшения там не требовались, если не считать текущих мелочей. То же самое можно было сказать о средствах транспорта и массовой информации, а также о бесчисленных учреждениях управленческого аппарата и органов власти.

Однако все понимали, что указания Москвы выпол-

нять придется так или иначе. Одни лихорадочно думали лишь о том, как бы в этой перестроечной суете не потерять свое место; другие — о том, как бы поднажить за ее счет. Первый секретарь обкома партии Жидков из кожи лез, чтобы двинуть руководимую им область по пути перестройки. Но его усилия натолкнулись на непреодолимые препятствия. Этим препятствиям оказались не консерваторы и бюрократы, как лицемерно жаловался Горбачев и как искренне писали западные газеты, а само население области и вся организация его жизни. На словах все стали сразу «перестройщиками», все начали критиковать консерваторов и бюрократов и призывать «мыслить и действовать по-новому». А на деле не выходило ничего, кроме усиливающейся неразберихи, болтовни, очковтирательства. На поверхность вылезли самые ловкие и циничные карьеристы и проходимцы. Начался разброд в самом руководстве областью. Чтобы не обвинять в консерватизме сам коммунистический социальный строй, стали искать козлов отпущения, которых можно было бы обвинить в консерватизме, бюрократизме и коррупции и на которых можно было бы свалить вину за первые неудачи. В обкоме партии собрались самые ответственные лица области и всю ночь обдумывали кандидатуры на роль тех, кто «встал поперек нашего стремительного движения по пути перестройки». Усталые, но довольные достигнутым соглашением «командиры области» разъехались по своим особнякам, квартирам и дачам.

Первые шаги

Новая эпоха в Партграде началась без грома и молний. В городе в этот день, как и во всей стране, шла обычная, полная героизма трудовая жизнь. В рабочее время трудящиеся мотались по магазинам в поисках предметов потребления, скупая по случаю все, что еще продавалось, и по питейным заведениям в поисках утешения, поглощая все, что льется. Во вне рабочее время они занимались тем же с удвоенной силой. В этот день в городе было прогулено без уважительных причин 80 000 человеко-часов, допущено 50 000 случаев

производственного брака, подобрано на улицах 2000 бесчувственно пьяных граждан, совершено 8000 хулиганских поступков и 400 крупных краж, совершено десять бандитских нападений с убийствами и тяжелыми телесными повреждениями, сделано 800 аборт, осуждено 2000 граждан на малые и большие сроки, дано и взято 20 000 взяток, произнесено 10 000 партийно-комсомольских речей... Короче говоря, был обычный полноценный день советской жизни, полный радостей и огорчений, успехов и неудач, приобретений и потерь.

Но вот трудящиеся Партграда наконец-то получили в руки газеты, которые в этот день почему-то запоздали. Развернув газеты, они были сначала изумлены, а затем разразились неудержимым смехом. На первой странице газет была опубликована речь самого товарища Жидкова, первого секретаря Партградского обкома партии. «В нашей области, — говорилось в речи, ухудшилось продовольственное снабжение».

— Как оно могло ухудшиться, — спрашивали друг друга хохочущие партградцы, — если оно всегда было хуже не придумаешь?!

«В области, — говорилось далее в речи, — упала трудовая дисциплина».

— Опять чепуха, — надрывались от хохота партградцы. — Она и раньше была на таком уровне, что ниже падать ей уже некуда было!

В речи говорилось, наконец, что в области возросло пьянство. Тут уж партградцы даже хохотать не могли. Они лишь стонали от чрезмерного внутреннего гогота и глотали катившиеся ручьем слезы.

— Чем они там сверху думают, идиоты, — хрипели они, когда спазмы веселья слегка ослабевали. — Пьянство в области давным-давно достигло высшего предела, превзошло его и в этом превышении достигло предела, выше которого подняться нельзя даже при самом сильном желании. Нельзя, если даже все ракетные установки, самолеты и подводные лодки превратить в самогонные аппараты, а все покупаемое на Западе и производимое дома зерно пустить на водку. Разве за счет покойников можно чуточку выше подняться. Советские покойники действительно не пьют. Пока не пьют. Не пьют, поскольку им не подносят, хотя страна

и шагнула в развитой социализм, до полного коммунизма все же еще не докатились. Это при полном коммунизме всем покойникам будут выдавать по пол-литра водки на день. Ах, какое ликование начнется тогда на наших перенаселенных кладбищах! Вот когда старые большевики, сгоревшие в крематориях, пожалеют о том, что клюнули на удочку марксизма!

В конце речи Жидкова шло перечисление предприятий и учреждений области, которые «еще не включились со всей серьезностью в перестройку». Назывались также имена консерваторов и бюрократов, которые суют палки в колеса новому курсу партии.

Обком предполагает, а ЦК располагает

А в Москве в это время на более высоком уровне решали, кого именно назначить врагами перестройки на местах. Петр Степанович Сусликов, недолюбливавший Жидкова, предложил его кандидатуру на эту роль. Горбачев, собиравшийся выдвигать своего сослуживца Крутова, одобрил кандидатуру Жидкова и предложил Крутова на его место. На другой день в центральной партийной газете «Правда» в передовой статье были перечислены районы страны, которые «еще не включились со всей серьезностью в перестройку». Среди них на первом месте шла Парттградская область. Имя Жидкова было названо среди консерваторов и бюрократов, сующих палки в колеса новому курсу партии. Судьба Жидкова была предreshена. Срочно собралось бюро обкома партии. На нем резкой критике подвергли самого Жидкова. Особенно усердствовала в этом Евдокия Тимофеевна Телкина, которая на предыдущем заседании особенно горячо поддерживала Жидкова. Второй секретарь обкома (секретарь по идеологии) сказал, что в западной прессе «муссируют слухи о мощной оппозиции новому курсу советского руководства на местах», что «мы должны продемонстрировать верность решениям Съезда партии и указаниям лично товарища Горбачева». Жидкова тут же с заседания отвезли в больницу с обширным инфарктом, причем не в больницу для высших лиц области, а в самую захудалую районную.

На другой день те же газеты сообщили о том, что гражданин Жидков снят с поста за консерватизм, бюрократизм, зажим критики, коррупцию и моральное разложение, исключен из партии и предан суду. На том месте, где вчера красовался подретушированный портрет Жидкова, была помещена карикатура, изображавшая Жидкова, сующим палки в колеса горбачевской перестройке.

Революция сверху

Согласно марксистско-ленинскому учению, социальная революция есть скачкообразный перелом (переворот) в развитии общества в отличие от постепенного (эволюционного) процесса. Она происходит тогда, когда низшие слои населения (народные массы) уже не хотят жить по-старому, а высшие (правящие) слои уже не могут управлять по-старому. Советские интеллектуалы, потерявшие или не приобретшие веру в постулаты марксизма-ленинизма и всячески осмеивающие их, придали этому марксистскому определению революционной ситуации более краткий и выразительный вид: революционная ситуация складывается тогда, когда внизу уже не хотят, а сверху уже не могут. Революцию осуществляют народные массы, возглавляемые революционерами. Последние сбрасывают прежних властителей, занимают их место и осуществляют преобразование общества.

Новейшая советская история внесла в марксистско-ленинскую теорию революции существенный корректив: была открыта новая форма революции, которая не соответствует приведенному выше описанию, а именно — революция сверху. Вернее, открыли эту форму революции в средствах массовой информации на Западе. Открыли ее люди, не имевшие никакого представления о марксистско-ленинском учении о революции и имевшие еще более смутные представления о том реальном процессе в Советском Союзе, который они называли революцией сверху. Но советским руководителям во главе с Горбачевым такая оценка их реформаторской суеты («перестройки») пришлось по душе, и они окрестили ее революцией.

Горбачевская революция отличается от ленинской революции 1917 года соотношением верхов и низов. На сей раз сложилась такая ситуация, что верхи уже не хотят управлять по-старому, а низы уже не могут жить по-новому. Те же самые насмешники сформулировали эту революционную ситуацию так: сверху уже не хотят, а внизу уже не могут. Такого рода революцию осуществляют высшие руководители страны, возглавляющие народные массы и принуждающие их к преобразованиям. Они спихивают консервативных руководителей с их постов и сажают на их место своих сторонников. Если этот тип революции назвать революцией сверху, то ленинский тип следует назвать революцией снизу.

Известие о том, что в Москве решили считать перестройку революцией сверху, пришло в Партград глубокой ночью. Пришло в редакцию «Партградской правды». Редактор тут же связался с помощником Крутова, а тот немедленно ринулся к самому Крутову и поднял его с постели. При слове «революция» Крутов впал в панику. Еще со школьной скамьи он знал, что революция означает низложение власти и экспроприацию привилегированных классов. А у Крутова было что экспроприировать, пожалуй, побольше, чем у партградского генерал-губернатора до той революции. Но когда помощник Крутова растолковал ему, что речь шла о революции нового типа, проводимой властями и в интересах укрепления власти, он несколько успокоился. И возглавил революцию в Партграде. На экстренном совещании в обкоме партии он сказал, что ничего страшного в этой революции нет, что это есть лишь новый этап в перестройке. Но с трудящимися надо провести разъяснительную работу. Не то, услышав о революции, они бросятся скупать мыло, соль, спички, мануфактуру, керосин и прочие предметы широкого потребления, начнут закапывать ценные вещи, а некоторые постараются сбежать за границу. Могут начаться грабежи и насилия.

Все так и было сделано. Но эффект разъяснительной работы оказался обратным желаемому. Все то, чего хотели избежать, произошло с удвоенной силой.

Повысили цены на алкогольные напитки и ограничили их продажу. Опустели и без того пустые магазины. Удлинились очереди. Подскочили цены на рынках. Дома, в очередях, в транспорте, на работе, на собраниях люди открыто поносили перестройку. Рассказывались бесчисленные анекдоты. Кто-то узнал, что слово «перестройка» на греческий язык переводится словом «катастрофа». На этой основе возникло новое слово «катастройка».

Пенсионеры и старые члены партии усмотрели в перестройке контрреволюцию и измену делу Ленина. Кампания гласности переросла в развенчивание всех идеалов коммунизма. Появление «неформальных» групп, какие раньше считались следствием тлетворного влияния Запада и преследовались, породило возмущение в среде рядового населения. А когда начали увольнять заслуженных работников из аппарата управления и закрывать некоторые учреждения и предприятия как нерентабельные, демонстрируя тем самым борьбу с бюрократизмом и за повышение эффективности производства, в области началась паника.

На экстренном заседании в обкоме партии руководители области доложили о реальном положении и потребовали от Крутова сообщить в Москву всю правду во избежание катастрофы. Крутов, боявшийся, что его за эту «всю правду» снимут с поста как консерватора и противника перестройки, юлил, призывал к спокойствию и к «творческому подходу к процессу революционного преобразования общества». Он как опытный партийный работник знал, что главное в таких ситуациях — набраться терпения и выждать, когда «все само собой образуется». Алкоголь партградцы все равно найдут, из-под земли выкоют, но найдут. Уволенные бюрократы рассосутся и устроятся. Закрытые нерентабельные предприятия откроются под другими названиями. К продовольственным трудностям люди привыкли, и не такое видали, да выжили. Молодежь перебесится и успокоится. На одной рок-музыке и жевательной резинке не проживешь. Надо учиться, устраиваться на работу, делать карьеру, добиваться

улучшений бытовых условий, короче говоря — надо жить по реальным законам жизни, а не по временным лозунгам.

Пьянство и коммунизм

Перестройка в Партграде, как и во всей стране, началась с борьбы с пьянством. Тут требуется небольшое отступление исторического порядка.

Борьба с пьянством в России началась с первых дней существования нового социального строя. А некоторые историки даже полагают, что она началась еще накануне Октябрьской революции. Вроде бы есть данные, будто бы Ленин послал по этому поводу специальную телеграмму из Разлива, где он скрывался от ищек Временного правительства, в штаб революции в Петроград еще за день до начала революции. В телеграмме вроде бы предлагалось питерскому пролетариату временно сократить пьянство, дабы не проспять революцию или не сделать ее наоборот. Но Сталин вроде бы скрыл телеграмму, сказав, что если пролетариат перестанет пить, то социализма нам не видать, как своих ушей.

К концу сталинской эры пьянство в России приняло такие размеры, что стало угрозой тому самому социальному строю, который был построен с его помощью. И партия начала исподволь проводить линию на сдерживание пьянства. Трудящиеся пьяницы, однако, стойко отстаивали свои позиции, завоеванные в течение многих десятилетий беспробудного пьянства. Их ряды неуклонно расширялись.

Еще в те годы, когда Петр Степанович Сусликов стоял во главе области, он не раз сиживал со своим другом Горбанем на террасе своей дачи, пил водочку, закусывал икоркой, севрюжкой, осетринкой и прочими дарами закрытого распределителя продуктов, вел неторопливую беседу о делах государственного значения.

— А знаешь, Григорий Яковлевич, ведь пропьют наши трудящиеся коммунизм, если мы меры не примем. У нас на заводах иной день ни одного трезвого в рабочее время не встретишь. Сколько брака и аварий

из-за пьянства! А прости! А воровство! А хулиганство! Ведь если по-честному, всех надо судить, мерзавцев.

— Знаю, Петр Степанович, сам знаю! А что поделаешь? Народ — сила. Одними уговорами тут не отделаешься. Сажать? Всех не пересажаешь. Наш народ еще не дорос до коммунистической сознательности. Вот мы с тобой! Мы же выпиваем, а голову не теряем. Главное — выпить в меру и закусить как следует. После работы, конечно. А они?! Пьют без закуски и на работе, мерзавцы.

— Я думаю, что наши ученые должны изобрести такую водку, чтобы она сохранила все положительные качества нашей водки, но чтобы не имела никаких отрицательных.

— Наш народ такую водку пить не будет. Что это за водка, если после нее не мутит в животе, не раскалывается на части голова и не хочется учинить дебош?!

— Ты прав. Но что-то делать надо. Ведь пропадает народ, спивается. Ну, давай выпьем за трезвость!

Петр Степанович и Григорий Яковлевич чокались, опрокидывали рюмочки, закусывали «чем бог послал» и расставались, довольные тем, что исполнили свой долг перед партией и народом.

Трезвость — норма жизни

Горбачевская кампания против пьянства превзошла все то, что на этот счет знала советская история. Крыши домов Парттрада украсились лозунгами вроде «Трезвость норма нашей жизни», «Трезвость — наше оружие», «Строить коммунизм на трезвую голову». Витрины магазинов украсились плакатами с изображением жутких последствий пьянства. Особенно сильное впечатление произвело изображение печени алкоголика. В этот день трудящиеся выпили алкоголя вдвое больше, чем обычно. Тысячи юношей и девушек пополнили ряды пьяниц. В течение трех дней было задержано более пяти тысяч граждан, пьянствовавших во время рабочего дня. Милиция обыскала пятнадцать тысяч домов и конфисковала двадцать тысяч самогонных аппаратов. Это означает, что в некоторых семьях жена и муж имели свои отдельные аппараты. В самых интеллигентных семьях свои маленькие аппаратики име-

ли, очевидно, и дети. По телевидению выступили ведущие алкоголики города с призывом к трудящимся пить только воду.

Но пьянство не уменьшилось. И резко возросла преступность, связанная с запретами на пьянство и с пьянством вопреки запретам. В этом году за мелкие хищения в интересах пьянства было осуждено в три раза больше людей, чем до начала кампании трезвости. Возросло число отравлений одуряющими жидкостями. Больше всего опечалило как пьющих, так и непьющих то, что повышение цены на водку нанесло непоправимый удар по особому рода культуре, возникшей на основе старой цены. Пол-литра водки стоило три рубля. Пьяницы скидывались по рублю и покупали поллитровку. Отсюда пошло выражение «на троих» и обычай «скидываться на троих». На этой чисто арифметической основе возникло множество анекдотов и шуток. Вот два примера. Как, спрашивается, разделить восемьсот на три без остатка? Ответ: триста грамм водки делится на три без остатка, а оставшееся пол-литра на троих без остатка разделит вам любой пьяница. Сбросили американцы на парашоте трех шпионов в России. Один из них спустился в лесу, закопал парашют. Все в порядке, никаких кагешников. Пошел в поселок К нему подошли два человека и сказали: «А вот и третий!». И шпион сознался.

Но все же культурный аспект пьянства не захирел совсем. Талант великого русского народа получил новую сферу применения, — изобретение новых видов одуряющих средств. Последние стали изготавливать из зубной пасты, столярного клея, стирального порошка и даже из старых патефонных пластинок. Так и стали говорить: «Пошли, тяпнем Шалапина!» или «Вчера наклюкались Собинова». Стали употреблять новые, специфически перестроечные выражения вроде «морду перестроить», «дать в глазность», «пороть горбачушь».

Борьба против бюрократизма

Второй по значению после антиалкогольной кампании была кампания против бюрократизма. И была она столь же бессмысленной и безрезультатной, как и первая.

Борьба против бюрократизма началась сразу же после революции. Был создан специальный орган для этого (Рабоче-Крестьянская Инспекция, сокращенно Рабкрин) во главе со Сталиным. Но чем упорнее велась эта борьба, тем сильнее разрастался государственно-бюрократический аппарат. Это не было отклонением от неких здоровых норм. Наоборот, это было закономерным следствием самого нового социального строя.

Партград не был исключением из общего правила. Из здесь велась борьба с бюрократизмом. Как и в других местах, она служила одним лицам в системе власти средством потеснить других и занять их место. Это была борьба внутри бюрократического аппарата, лишь внешне принимавшая форму борьбы против него. Находились козлы отпущения, расправа с которыми (часто лишь кажущаяся) создавала видимость серьезности мероприятия. Так и на этот раз на роль козлов отпущения были выбраны лица из «мафии» Жидкова. Публично их обвинили во всех смертных грехах, включая и бюрократизм. Выходило, что это по их вине в области образовался дефицит предметов потребления. Все неполадки с жильем, транспортом, школами, больницами свалили тоже на них. На них свалили даже то, что от них никак не зависело, например — катастрофу в «Атоме», засуху и дожди.

В руководстве области произошли изменения в личном составе. Поменяли секретарей обкома, горкомов и райкомов партии. Поменяли председателей советов. В общей сложности поменяли более двухсот должностных лиц. Многих уволили на пенсию. Но большинство все равно осталось на каких-то должностях в аппарате управления. Все они стали перестройщиками и критиками застойного периода.

Управленческий кризис

Общий кризис системы власти и управления захватил, однако, и управленческий аппарат Партграда. Крутов жаждал угодить Москве, чтобы удержаться на посту. Но он видел, что Москва не едина. Получая инструкции от Сусликова и советуясь с ним, он чувствовал во всем двойственность. От него требовали

более энергично проводить перестройку, и вместе с тем ему намекали на то, чтобы он не особенно усердствовал, берег опытные кадры и не забывал о воспитании населения в нужном духе. Выход из положения он находил в том, что все меньше и меньше вмешивался в работу подконтрольных частей системы управления и управляемых учреждений и предприятий области. Показуха, которой была объявлена решительная борьба, принимала новые, более рафинированные формы. Она углубилась по существу, внешне приняв вид открытости и объективности. И нечто подобное происходило на всех уровнях — городов, районов, отдельных предприятий и учреждений, более мелких коллективов, отдельных граждан. Вместо декларированной наверху перестройки получалась лишь имитация ее на более низких уровнях. Имитация грандиозная. Настолько грандиозная и глубокая, что многие воспринимали ее как нечто подлинное.

Интересным здесь является то, что разрегулирование аппарата власти и управления происходило несмотря на то, что представители и руководители различных подразделений этого аппарата в личном отношении образовывали мафии, тесно спаянные круговой порукой и взаимной выручкой. Образование таких мафий даже способствовало кризису аппарата. Если первый секретарь обкома партии выпивает в одной компании с председателем областного совета и начальником управления КГБ, это не означает, что система управления есть гармоническое целое. Расставшись и уйдя в свои ведомства, эти люди действуют уже независимо друг от друга, а панибратские отношения и совместные темные делишки дают им больше оснований игнорировать друг друга.

Натолкнувшись на неявное сопротивление широких слоев населения навязываемым сверху реформам и зная заранее, что эти реформы не могут быть реализованы так, как хотелось бы Горбачеву и его соратникам, партградский управленческий аппарат стал сознательно прилагать усилия к тому, чтобы сделать имитацию перестройки наиболее близкой к подлинности. Границы допустимого были нарушены. Имитация позитивных намерений перестройки перешла в подлинное кризисное состояние области. Люди уверо-

вали не столько в то, что в результате реформ общество подымется на более высокий уровень, а в то, что в результате глупостей руководства общество пало ниже самого низкого уровня. Кризис был в некотором роде спущен с вершин власти в Партград, а не возник спонтанно в самих основах жизни области. Партград постепенно втянулся в сферу действия кризиса, начавшегося с казалось бы обычных разговоров о реформах на вершинах власти.

Гласность

Эпоха гласности началась в Партграде раньше, чем в Москве. Собственно говоря, Москва сначала провела эксперимент с гласностью в Партграде. И лишь тогда, когда убедились в пользе гласности на этом примере, ее решили ввести по всей стране. Началось все с самого, казалось бы, заурядного события: на улице Робеспьера из-за каких-то неполадок с газом взорвался новый жилой дом. Взрыв был грандиозный. Его слышали во всем городе. Смотреть на результаты взрыва бегали все жители города, включая безногих инвалидов и валяющихся пьяниц. Ходили слухи, будто при взрыве погибло пятьсот человек. Любители сплетен и слухов увеличивали цифру погибших вдвое, а то и втрое. Недобитые диссиденты ринулись было в Москву с намерением передать информацию западным журналистам, но их перехватили по дороге на вокзал. В обкоме партии в экстренном порядке собрались руководители области. Крутов связался лично с Сусликовым. Тот посоветовал пресечь ложные слухи. Крутов истолковал это как совет предать факт гласности, но в такой форме, чтобы из этого польза вышла. Так и поступили. Информацию напечатали, уменьшив число жертв и взвалив вину на бюрократов из прежнего руководства. Поскольку число жертв оказалось огромным даже после сильного преуменьшения, на Западе эту информацию истолковали как начало новой эпохи гласности.

Настоящий ураган гласности в Партграде начался в связи с разоблачением наркомании, проституции и гомосексуализма. Хотя наркоманов в области не было вообще, кампания против них прошла так, что даже в

Москве позавидовали. В Партград завезли наркотики из Средней Азии и обучили употреблению их «неустойчивых элементов». Провели показательные процессы над «торговцами смертью». Более пятисот человек было приговорено к длительным срокам заключения в лагерях строго режима. Но что касается профилактики наркомании, то тут произошел срыв: партградцы к наркотикам привыкли и уже не захотели от них отказываться. И тогда появились настоящие торговцы смертью, против которых милиция и КГБ оказались бессильными.

Проституция в Партграде до начала перестройки тоже не существовала. Это не означает, что тут процветало целомудрие и сдержанность в отношениях полов. Как раз наоборот. В Партграде, как и во всей стране, процветал промискуитет, причем — в самых примитивных формах. Проституция не существовала в том смысле, что не было женщин, профессионально зарабатывавших на жизнь своим телом. Партградцы использовали свои сексуальные способности с целью добиться желаемого, но это не было проституцией в строгом смысле слова. Это вполне укладывалось в рамки норм коммунистической морали. Это с проституцией не имеет ничего общего.

Когда началась эпоха гласности, и по всей стране стали публиковать разоблачительные материалы о ранее скрывавшихся пороках, журналист «Партградской правды» разыскал двух старых шлюх, иногда подрабатывавших, проводя время с пьяными инвалидами, каковыми был переполнен Партград, и солдатами. Журналист угостил шлюх настоящей водкой и вызвал их на откровенность. И вот в газете появился очерк, потрясший партградцев и вызвавший массу откликов в центральной прессе. После этого множество молодых девушек приняло решение стать проститутками, поскольку, как об этом писали газеты, проститутки зарабатывают больше, чем профессора, инженеры, стюардессы и даже пилоты.

Экономическая реформа

Целый ряд предприятий Партграда перевели на самофинансирование и предоставили им неслыханную доселе свободу. Застрельщиком в деле перестройки экономики стал автомобильный завод. Руководители завода немедленно уехали в заграничные командировки с целью приобрести для завода новейшую технологию и найти рынки сбыта для продукции. Командировки оказались успешными. Руководители вернулись с сумками, набитыми заграничными вещичками, компьютерами, видео и прочей аппаратурой, продаваемой почти легально за бешеные деньги, кроме того, все они получили в подарок по автомашине от западных фирм, заключивших выгодные сделки с советским предприятием, минуя бюрократические инстанции.

Руководители завода особенно гордились тем, что закупили ультрасовременный сборочный конвейер. Даже не столько закупили (цена была символической), сколько получили в подарок в благодарность за то, что советское правительство согласилось принять от этой западной страны беспроцентный заем на неопределенный срок. Конвейер смонтировали сами западные мастера. Зная, что русские халтурщики пропускают бракованные детали, они установили на конвейере робота, который должен был хватать бракованные детали и сбрасывать их с конвейера.

Пуск конвейера отмечали весьма торжественно. На церемонию из Москвы прилетел помощник Сусликова Корытов с оравой западных и советских журналистов. Иностранцы продемонстрировали работу конвейера, используя при этом детали, привезенные с Запада. Эффект был ошеломляющий. Экономисты подсчитали, что производительность завода возрастет более чем в пять раз, и завод по экономической эффективности поднимется на уровень ведущих мировых автомобильных предприятий. К тому же на заводе высвободится пять тысяч рабочих, которых можно будет использовать в Сибири и на севере страны. Руководители области рапортовали в Москву об успешном претворении в жизнь горбачевской экономической реформы.

Но одно дело — детали, изготовленные на Западе. И другое дело — отечественные. Кончились торжества. Сенсация с конвейером сменилась другой сенсацией с дебатами в Верховном Совете. Иностранные мастера уехали домой. На конвейер пустили отечественные детали. И тут произошло то, о чем старались не думать ранее. Робот начал хватать одну деталь за другой и сбрасывать их с конвейера в кучу брака. Не пропускал ни одну! На заводе началась паника. Начальство собралось на экстренное совещание. Что было делать? Робот — не человек. Его не напоишь водкой, не подкупишь взяткой или премией, не проработаешь на партийном собрании, не уволишь. Не известно, как окончилась бы эта история, если бы инженеры в шутку не обратились к пьяному работяге, проходившему мимо, с просьбой выручить. Тот, не говоря ни слова, взял грязную веревку и подвязал руку робота ровно настолько, чтобы он обозначил хватательное движение, но чтобы бракованную деталь оставлял на конвейере. И конвейер заработал на полную мощность. Проблема была решена. Машины, правда, получались бракованные. Но это уже было не столь важно. Главное, производительность завода поднялась до западного уровня.

Заслугу инженеры присвоили себе. Работягу за пьянство в рабочее время уволили и выслали из города в «Атом». Попробовали было заменить веревку металлической цепочкой, но ничего хорошего из этого не вышло. Пришлось вернуться к старой веревке, восстановив на работе того пьяного работягу. Робот слушался почему-то только веревку, подвязанную именно этим пьянчужой. В чем секрет этого феномена, не могли разгадать ведущие ученые страны. Академия Наук предложила переориентировать робота на сбрасывание небракованных деталей. Хотя идея была разумной, рисковать не стали. Бракованные автомашины, производимые в Партграде, охотно покупала за гроши какая-то итальянская фирма, занимавшаяся утилизацией старых машин.

Примеру автозавода последовал протезный комбинат. Он принял решение наладить производство миниатюрных автомобильчиков на основе инвалидных колясок, причем таких, что их могут использовать не только инвалиды, но и здоровые. Моторчики для авто-

мобильчиков решили закупать в ФРГ, на заводе детских игрушек. Колеса решили закупать в Японии, на заводе детских велосипедов. Кузова взялась поставлять итальянская фирма, утилизирующая бракованную продукцию партгградского автозавода. И опять-таки десятки сотрудников комбината вместе с сотрудниками КГБ и ГРУ укатили за границу с пустыми чемоданами, надеясь наполнить их предметами западного комфорта.

Скоро все партгградские предприятия включились в ускоренное развитие экономики на основе свободы предпринимательства и самофинансирования. В городе по этому поводу возник анекдот. На вопрос, чем ускоренное развитие отличается от обычного, партгградец отвечает: тем же, чем понос отличается от обычного испражнения, а именно то же самое говно, только с ускорением.

Партгградский Чаадаев

Крутов, живший в постоянном страхе, что гласность доберется до подноготной перестройки, и он станет предметом насмешек распоясавшейся прессы, собрался было проситься на пенсию по состоянию здоровья, но его помощник, бывший ранее помощником Жидкова, отсоветовал ему совершать такой опрометчивый поступок.

— Если Вы, Сидор Егорович, попроситесь на пенсию, Вас немедленно объявят консерватором и свалят на Вас вину за все грехи перестройки. Я Вас сведу с одним человеком. Должность у него маленькая — всего лишь заведующий овощной базой. Зато голова у него большая. Можно сказать, гений. На Западе он наверняка стал бы финансовым воротилой или президентом. А у нас в России он вынужден прозябать на какой-то паршивой овощной базе, на которой и овощей-то никаких нет. Одним словом, как Чаадаев.

— А это еще кто такой, — спросил Крутов.

— Друг Пушкина. С декабристами был близок. Письма писал о положении в России. За это его сумасшедшим объявили.

— Диссидент, короче говоря. Ну, да теперь дисси-

денты реабилитированы. Полезное дело делают. Ладно, давай твоего Чаадаева!

И вот состоялась встреча Крутова с партградским «Чаадаевым» — с заведующим овощной базой Гробыкой. Встреча произошла в загородной вилле последнего. Снаружи вилла выглядела как заурядная дача заурядного советского жулика среднего масштаба. Но войдя внутрь, Крутов понял, что он, первый человек в области, просто бедняк в сравнении с этим «Чаадаевым». После ужина, поразившего видавшего виды Крутова царским изобилием, прошли в кабинет хозяина.

— Вот это библиотечка, — воскликнул Крутов при виде огромного количества книг.

— Всю жизнь собирал, — сказал Гробыка с гордостью. — Теперь ей цены нет. Пустить на черный рынок — все финансовые трудности области покрыть можно. Только не стоит это делать.

— Почему?! За такой патриотический поступок мы Вас орденом наградим, в газетах прославим.

— Почести мне не нужны, я не тщеславен. И не жаден. Дело не в этом. Трудности не мешают жить. Без них вообще нельзя. Избавитесь от одних трудностей, появятся новые, еще более трудные. Так уж лучше со старыми жить, с привычными.

После таких намеков разговор зашел об экономической реформе и вообще о положении в области.

— Вы, Сидор Егорович, не первый год на руководящей работе, не мне Вас учить, — сказал Гробыка. — Эта реформа не в первый раз у нас проводится. А результат?.. И на сей раз результат будет тот же. В чем тут загвоздка?

— В чем, по-Вашему?

— А в том, что наши вожди и теоретики не принимают во внимание специфику нашего строя. Вот возьмите мою базу! Она с первых дней существования находится на самофинансировании. Она финансирует не только себя, но и кое-кого еще.

Гробыка не стал уточнять, кого именно. Да Крутов и сам знал, что все руководители области пользовались услугами таких экономических гениев, как Гробыка, делая вид, будто понятия о них не имеют.

— В Ставрополе, которым много лет руководил сам Михаил Сергеевич, овощей производили в пять раз

больше, чем у нас. А дефицит их ощущался уже тогда. У нас же никакого дефицита не было. И сейчас как-то выкручиваемся В чем тут дело?

— И в самом деле, в чем?

— Дайте мне вместо овощей заниматься автомашинами, компьютерами, ботинками или романами, и я за полгода наведу такой порядок, что в Москве взвоят от восторга. Согласен, машины и романы будут плохими сравнительно с западными. Но какое это имеет значение?! Дело же не в них. Со страной ничего особенного не случится, если роман будет скучный, а машина будет ломаться через каждый километр.

— Так в чем же секрет?

— Порядок должен быть. Уверенность. Люди должны думать, будто у них все есть или в принципе достижимо. В Ставрополе и в Москве думают, что нет картошки и капусты. И кричат. И страдают. И на Запад поглядывают. Вспоминают, что при царе картошки и капусты вдоволь было. У нас в Партграде люди думают, будто у нас, слава Богу, это еще есть. И помалкивают.

— Что же, по-Вашему, опять гайки закручивать?

— При чем тут гайки?! Я не против перестройки. Только как ее понимать? Если по-газетному, то пиши пропало. Первым делом, Сидор Егорович, перестаньте газеты читать. Пусть помощники читают, это их дело. А Ваше дело — руководить. И пошлите подальше московское начальство и московских трепачей. Наплюйте на все вообще.

— Как это так?!

— А вот так: тьфу на вас на всех и на все!

— Так ведь меня за это...

— Ничего, дорогой не случится. Уважать только больше будут. Они к Вам с приказами. А Вы на это: тьфу на ваши приказы! Они к Вам с нотациями. А Вы на это: тьфу на ваши нотации. Они Вам нагоняй. А Вы твердо на своем стоите: тьфу! Вы сразу почувствуете, как дело пойдет на лад, все постепенно образуется и успокоится Я, между прочим, ни на базе своей, ни в колхозах-поставщиках, ни на рынках никогда не появляюсь. Все само собой делается. Главное — не мешать делу самому делаться так, как оно может и хочет делаться. Если дело само не делается так, как нужно,

никакими силами его не заставите делаться так, как вам хочется.

Чем дольше и откровеннее говорил Гробыка, тем спокойнее и радостнее становилось на душе у Крутова. Зародилась надежда на успех реформы и перестройки вообще. А когда партградский Чаадаев намекнул ему на возможность обставить его новую дачу заграничной мебелью, надежда перешла в уверенность.

— Твой Чаадаев действительно голова, — сказал Крутов помощнику после встречи. — А что если его начать выдвигать на руководящую работу?

— Не пойдет, — ответил помощник. — Зачем это ему, если он и так фактически заправляет областью?!

Русское экономическое чудо

В Партграде никакого ленинского НЭПа фактически не было: не успели частники подняться и развернуться, как их всех засудили. Но после отмены ленинского НЭПа в Партграде началось некоторое оживление «частного сектора». Это — приусадебные участки колхозников и дачные участки городских жителей, на которых выращивались овощи и фрукты и продавались на городских «колхозных рынках», а также частные портные, сапожники, врачи, учителя-репетиторы. Постоянно возникали нелегальные частные предприятия более крупного размера. Создатели их время от времени разоблачались и сажались в тюрьмы. В Партграде в течение нескольких лет процветала подпольная фабрика, производившая «заграничные» вещи, — дамские кофточки, джинсы, сапоги, сумки. На самом деле вещи делались в Партграде, но на них приделывали заграничные этикетки и продавали их на черном рынке за большие деньги. Начальство смотрело на это сквозь пальцы, поскольку получало от жуликов взятки, превосходящие их заработную плату. Сам прежний первый секретарь обкома партии Жидков покрывал махинации жуликов. Его жена стала фактически главой партградских уголовных мафий. Помимо упомянутой фабрики, в Партградской области процветал нелегальный «дом отдыха», бывший фактически борделем для привилегированных лиц. В городе все

знали о существовании такого рода банд, писали письма в центральные газеты, в КГБ и в ЦК КПСС. Но без толку, так как Жидков был старым другом самого Брежнева. Лишь со сменой руководства области разоблачили и арестовали всю банду.

Намерение горбачевского руководства начать «новый НЭП», т.е. расширить частное предпринимательство, поставило партградские власти в затруднительное положение. Те люди, которые могли бы добровольно и успешно выполнить новую установку Москвы, сидели в тюрьмах. А желающих последовать их примеру пока не находилось, кроме жуликов. Никто не верил в серьезность новой установки. Все по опыту знали, что быть «частником» в советских условиях — значит быть жуликом. Как только изменится установка свыше (а она непременно изменится!), всех «частников» разоблачат и посадят.

Чтобы угодить Москве, решили досрочно освободить из тюрем кое-кого из бывших «частников» и спекулянтов. В частности, освободили организатора подпольной швейной мастерской, изготавливавшей американские джинсы. Многочисленные мелкие мастерские по ремонту домашней утвари, обуви, одежды, часов превратили в «частные» предприятия. Кроме того, открыли частный ресторан и частные зубные и гомеопатические больницы.

Мастерские, упомянутые выше, всегда были очагами преступности. Государству они приносили доход ничтожный, зато работники мастерских наживались основательно. Их регулярно разоблачали и сажали в тюрьмы. Обстановку в них «оздоравливали» новыми честными кадрами. Но последние уже через несколько месяцев превращались в отъявленных жуликов. Превращая эти мастерские в частные предприятия, руководствовались тем соображением, что «частники» воровать будут не больше, чем государственные служащие, зато дело будут делать лучше. Первые дни такой расчет, казалось, подтвердился. Но вскоре в органы власти посыпались бесчисленные жалобы жителей. «Частники» воровали еще больше, а дело делали ничуть не лучше, чем их предшественники.

Не лучше обстояло дело с частным сектором на колхозном рынке. КГБ арестовало одну старуху, кото-

рая ухитрилась со своего маленького приусадебного участка продавать на рынке овощей и мясо-молочных продуктов больше, чем четыре колхоза с количеством людей свыше двухсот человек. Местные прогрессивные экономисты, воспользовавшись неслыханной до селе свободой слова и установкой на гласность, написали кучу статей в газетах и журналах о достоинствах «разумного подхода к частной инициативе». Статьи эти произвели сенсацию на Западе. В Партграде, в свою очередь, восприняли западные восторги по поводу нового НЭПа как высшую похвалу. Высокопроизводительную старуху хотели было представить к званию Героя Социалистического Труда, но секретарь обкома партии по идеологии засомневался в том, можно ли частный труд считать социалистическим. Запросили Москву. Московские передовые мыслители заявили, что в известных условиях частный труд, служащий делу социализма, может рассматриваться как социалистический. Так бы и стала высокопродуктивная старуха Героем Социалистического Труда, если бы члены шайки жуликов, сбывавших колхозные овощи и мясо-молочные продукты через нее, не перегрызлись между собой и не настрочили друг на друга доносы в КГБ. Старуху и жуликов, которые были руководителями этих колхозов, арестовали. Аресты напугали прочих «частников», и они резко сократили свою активность.

Посоветовавшись с Москвою, товарищ Крутов предложил местному начальству старуху временно освободить, а по деревням провести разъяснительную кампанию, чтобы крестьяне спокойно везли продукты своей «частной» деятельности на городские рынки.

Но больше всего славы области, а затем — хлопот принесли два частных предприятия: мастерская металлических изделий и частный туалет, превратившийся в совместный советско-немецкий туалетный концерт.

Частная мастерская металлических изделий (гвоздей, винтов, гаек, шайб, кнопок, скрепок, петель, дверных ручек, замков и т.п.) буквально в течение нескольких недель развила такую экономическую эффективность, которая превзошла все самые высшие мировые показатели на этот счет, включая даже японские. Хо-

зьяном мастерской назначили старого члена партии, бывшего начальника цеха Машиностроительного завода. В Партграде заговорили о «русском экономическом чуде», сопоставляя с японским и немецким. Статья с таким заголовком появилась даже в столичной прессе и в журнале «Коммунист». Ведущие экономисты страны, включая ближайшего советника Горбачева академика Обалдяна, написали обстоятельные работы с чрезвычайно умным объяснением этого экономического феномена. Опыт этой частной мастерской в значительной мере способствовал решению высших властей переводить предприятия на систему самофинансирования или самоокупаемости, так как мастерская не только окупала себя с лихвой, но сделала возможным успешное самофинансирование целого ряда предприятий города, включая упомянутый Машиностроительный завод.

Еще более успешным оказался опыт с частным туалетом. Возглавил его бывший директор комиссионного магазина, осужденный пять лет назад за крупные хищения на десять лет лагерей строгого режима, но досрочно освобожденный за «образцовое поведение в месте отбытия наказания» и даже восстановленный в партии с сохранением стажа. Туалет стал самым образцовым предприятием города, маяком перестройки в самом высоком смысле слова. По финансовому обороту туалет превзошел мастерскую металлоческих изделий и вышел в число крупнейших предприятий города. А главное — туалет вступил в прямые контакты с западногерманскими фирмами, которые поставили ему оборудование высшего мирового класса, а также туалетную бумагу и различные туалетнокосметические средства. В газетах писали, что такие унитазы, какие установлены в партградском частном туалете, можно увидеть только в лучших мировых отелях и в виллах миллионеров, что даже у принца Чарльза и леди Дайяны унитаз и биде хуже партградских. При туалете вскоре открылся частный магазин, в котором можно было приобрести вещи высших мировых достижений туалетного дела. Кроме того, при туалете открылось еще одно частное учреждение, в котором граждан обучали, как правильно пользоваться достижениями туалетной цивилизации, частный медицинский

пункт и еще кое-что, о чем знали все, но помалкивали во избежание нареканий в консерватизме.

Когда до Партграда дошла информация (не слух, а именно информация) о случаях заболевания СПИДом в Москве, туалетный концерн закупил сто миллионов презервативов в ФРГ по бросовой цене. Немцы собирались их выбросить на свалку как устаревшие. Партградцы презервативами не пользовались. Как писали в газетах, не доросли еще до такого уровня, отстали от Запада вследствие сталинского террора и брежневского застоя. Но покупали презервативы охотно: в связи с инфляцией рубля презервативы циркулировали как валюта наравне с долларами, марками и Библией.

— Если перестройка продлится еще пару лет, говорит глава туалетного концерна, попивая баварское пиво и рейнское вино, — мы возьмем в свои руки всю экономику области. А там, Бог даст, и советскую власть отменим. У меня в обкоме связи есть, поддержат. Парламентарную систему введем. Сахарова президентом поставим, Ельцина премьер-министром.

— На что нам сдался парламентаризм, — возражала его супруга. — Наш брат Иван к парламентаризму не приучен. Лучше монархию установим. Газеты пишут, кости царя нашли. Вроде бы кто-то уцелел. Непроста это!

— Хорошая идея! А кого царем поставим?

— Солженицына, конечно, кого же еще?!

— Предложение принимается! Завтра же над каждой стоячей и сидячей точкой портреты его повесить! Комитет создать по поводу его возвращения на Родину! Ты во главе встанешь.

— Мне, Вань, хотелось бы в народные депутаты.

— Будет сделано! Выдвинем. Платформу свою придумаем. Нажмем на канцлера Коля и на Геншера. Помогут.

Тревоги руководства

В «Партградской правде» появилась восторженная статья о «русском экономическом чуде». После этого КГБ и милиция всерьез взялись за изучение секрета

этого «чуда». Горбань встретился с Крутовым и имел с ним следующую беседу.

— Ситуация с частным сектором получается не просто криминальная, — начал Горбань, — а сверхкриминальная. Вот стоимость продукции, произведенной ММИ за полгода.

— Ого! Больше, чем Машиностроительный завод дал!

— Да. А ведь на заводе работает тысяча человек, тогда как в частной мастерской всего пятьдесят. Вот тебе установленные цены на продукцию мастерской. Возьми листок бумаги и раздели, если еще не забыл арифметику. А если забыл, попроси внука, он тебе вмиг расчет сделает.

— Увы, не сделает. Теперь у нас, как на Западе, таблицу умножения даже профессора математики не знают.

— Видишь, что получается? Эта ММИ должна была бы одними гвоздями всю область завалить, как снегом. А где они, гвоздочки-то? Поди, найди их в магазинах!

— Где?!

— А вот где! Эти жулики в соответствии с московской установкой сами нашли рынок сбыта для своей продукции. Они сбывают ее тем, кто строит частные дачи, причем по ценам в десять раз выше государственных. Даже в Прибалтике и в Закавказье продают, словочи! Что делать? Я обязан сообщить обо всем в Москву.

— Погоди, не торопись. В Москве на это все иначе смотрят. Может быть сумеем спустить все на тормозах.

— Мы с тобой не одни. Знаешь, сколько писем и доносов уже поступило в управление?! Наш народ хлебом не корми, а дай кляузы сочинить. Они, мерзавцы, и в Москву пишат. Но мастерская еще полбеды. Еще хуже дело с туалетным концерном. Тут, брат, нам не миновать фельетона в центральной прессе. Теперь у нас гласность, если пронюхают — наверняка настрочат. Вся страна смеяться будет. В этом частном туалете всего четыре унитаза («сидячих точки») и шесть писсуаров («стоячих точек»). Вот тебе установленные государством расценки. Стоячая точка без мытья рук — пятьдесят копеек, с мытьем рук — рубль, с причесыванием у зеркала — два рубля. Сидячая точка без бумаги — рубль, с бумагой — два рубля. Чтобы даже при таких

живодерских ценах дать такой доход, какой туалет получил за эти полгода, нужно было бы, чтобы весь Партград ходил справлять нужду в этот туалет, причем каждый должен был бы занимать стоячую точку на одну секунду, а сидячую — на две секунды. А по наблюдениям КГБ туалет пустовал. Посещали его лишь родственники да друзья «частников», причем — бесплатно. Откуда, спрашивается, такие доходы?! А вот откуда!

И Горбань нарисовал Крутову такую картину организованной преступности международного масштаба, о которой он слышал от своего сына, читавшего западные книги и журналы и слушавшего западные радиостанции. В сознании Крутова всплыло сочетание слов «высшая мера», которое он еще не так давно произнес сам в связи с делом своего предшественника. Но тут он вспомнил беседу с Гробыкой.

— Не будем пороть горячку и впадать в панику. Люди полезное дело делают. Побеседовать с ними, конечно, стоит.

После беседы с частниками Крутов и Горбань получили в подарок от частных мастерских по золотому портсигару и по ожерелью для супруг, а от частного туалета по новейшему унитазу и по биде из ФРГ. Прогресс в Партграде брал свое.

Либерализация в Партграде

Либерализацию в Партграде сначала истолковали так, как ее и следовало бы истолковать в соответствии с традицией. Из лагерей и тюрем выпустили несколько искалеченных людей, считавшихся диссидентами. Зато провели такую воспитательную кампанию, после которой партградцы перестали даже рассказывать анекдоты, сочиненные в годы брежневского террора. Партградцы привыкли к тому, что когда начинают много говорить о свободе, то дело кончается арестами. Из учреждений стали изымать под разными предлогами политически неустойчивых сотрудников, особенно молодых. Милиция совместно с народными дружинниками совершила облаву на места, где продавались запрещенные книги. На улицах стали задерживать

молодых людей с транзисторными радиоприемниками, приспособленными для слушания западных радиостанций.

Но вскоре по указанию из Москвы начались послабления. Появились «неформальные» объединения. Наибольшую известность из них в городе приобрели «липари» и «металлисты». Первые были молодые люди из района Новых Липок. Как правило, они были единственные дети в более или менее благополучных семьях, не сумевшие устроиться в приличные учебные заведения. Работали они лишь время от времени где придется. Спекулировали на черном рынке «заграничными вещичками» — книгами, кассетами, транзисторами, джинсами, сигаретами. По примеру москвичей того же рода организовались в группы, объявив целью групп — «культурное самовыражение и времяпровождение, независимое от комсомола и от марксизма-ленинизма». «Металлисты» же, разделяя программу «липарей», отличались от них тем, что одевались одинаково в заграничные куртки и джинсы, украшенные металлическими бляхами, и стриглись наподобие западных панков. Они были из рабочих семей и сами причисляли себя к «рабочему классу». Начальник областного управления КГБ Горбань сказал по этому поводу, что «у нас даже поддаваться тлетворному влиянию и разлагаться морально как следует не умеют».

В обкоме партии решили возродить диссидентское движение, но в таких формах, которые вполне укладываются в русло перестройки. Нашли одного бездарного и вполне преуспевающего писателя, которому однажды задержали на короткое время публикацию его сверхбездарного романа, и напечатали о нем статью в газете как о жертве брежневского «террора». Писатель однажды отсидел пятнадцать суток за хулиганство в пьяном виде. И это ему поставили в заслугу: был якобы репрессирован за критику брежневского бюрократизма и коррупции. Нашли не менее бездарного художника, отбывавшего когда-то наказание за растление малолетних. О нем тоже решили написать статью как о жертве брежневизма, устроить его выставку и рекомендовать его иностранцам как диссидента.

— Надо проследить за тем, — сказал товарищ Кру-

тов, — чтобы освобожденные узники совести не вздумали на радости вместо обличения язв нашего общества заниматься его восхвалением. Сейчас это было бы неуместно.

Западники и славянофилы

Еще в брежневские годы в Партграде по примеру Москвы возродились движения славянофилов и западников. Сначала они были едины, поскольку все были за прогресс. Различались они сначала тем, что первые пили водку и кричали от удовольствия, а вторые тоже пили водку, но при этом вздыхали по виски и кальвадосу, о которых вычитали в книгах западных писателей. Но вот однажды вождь западников пренебрежительно отозвался о русском квасе. Хотя квас в Партграде давно исчез, вождь славянофилов заявил, что он такое оскорбление русского национального достоинства стерпеть не может. И пошло!! И кончилось полным разрывом и противопоставлением. Западники настаивали на приобщении Партграда к джинсам, бородам, колготкам, транзисторам, Хемингуэю, Бергману, Антониони и всему прочему, что на Западе стало неотъемлемым атрибутом жизни культурного человека конца двадцатого века. Славянофилы обвиняли Запад в бездуховности и звали к основам народной жизни, восхваляли частушки, народные обряды и героическое прошлое. Вождь славянофилов опубликовал статью «Запад нам не указ». В ней он призвал к возрождению обычая мазать ворота дегтем, если невеста потеряла невинность до вступления в брак. Статья наделала много шума. Народные массы в лице одной столетней глухонемой старухи поддержали это предложение. Но в практическом его исполнении возникли трудности. Выяснилось, что в городе нет ворот и нет дегтя. Но это было еще полбеды. Выяснилось, что нет народа. Сунулись в деревню. И в каждом доме увидели холодильник и телевизор. А все девки красовались в колготках. Даже спали в них. Парни же поголовно ходили в джинсах с американскими нашлепками. После этого движение славянофилов пошло на спад. А потому прекратили существование и западники.

С началом перестройки, однако, эти традиционно русские линии возродились вновь, причем — в масштабах, какие были немыслимы не только в Партграде, но и в России вообще. Продолжением славянофильской традиции явилось патриотическое движение «Патриот», а западнической — интернационалистское движение «Демократ». Расхождение между ними началось сразу же на политической почве, так как водку в магазинах купить было трудно и дорого, и все глушили самогонку.

Патриоты

Патриоты, следуя примеру московской «Памяти», начали с заботы об охране памятников старины. Но таковых, если не считать монастыря и нескольких церквей, не имеющих никакой архитектурной и исторической ценности и уже находившихся под надежной охраной предприимчивых попов, в Партграде не оказалось. Охранять было нечего. И тогда патриоты сделали открытие, потрясшее партградцев своей неумолимой логикой: памятники старины не сохранились по той причине, что их умышленно уничтожили сионисты, космополиты и масоны, окопавшиеся во всех учреждениях страны. Эти темные элементы вообще виноваты во всех несчастьях русского народа. Не исключено, что это именно они в свое время подбросили змею, когда легендарный князь Олег справлял естественную нужду у стен будущего партградского Кремля. И строительство Кремля сорвали они, переслав деньги в Израиль.

Партградцы отнеслись к воззванию патриотов в общем и целом одобрительно. Только они столкнулись с некоторыми трудностями в его осуществлении. Во-первых, в Партградской области было очень мало евреев. Да и те, которые были, забыли о том, что они евреи. Этот факт патриоты истолковали как показатель хитрости евреев: мол, в такую глушь, как Партград, они не хотят поселяться. Это, мол, только всетерпеливые русские могут жить в таких свинских условиях. А евреи окопались в Москве, на более сытных местах и поближе к Западу. Во-вторых, «во всех звеньях партии» в

Партграде не нашлось ни одного еврея, который окопался бы там. Тогда пустили слух, будто Жидков сам был наполовину еврей, а может быть на все сто процентов, что его настоящая фамилия не Жидков, а Жидов, что если он и не еврей, то его жена была явной еврейкой, что если они и не были евреями, то их дети были ярковыраженными жидами.

На выборах народных депутатов патриоты выдвинули своих кандидатов. Среди них — упомянутых выше художника и писателя, а также супругу президента (как теперь стали называть заведующих) туалетного концерна Анну Спиридоновну (в народе — Нюшку). Возглавив комитет по возведению Солженицына на русский престол, Нюшка стала популярной общественной деятельницей области. Ее избирательная платформа состояла из одного пункта: добиться выдачи по куску мыла на каждую жопу населения ежемесячно. Поскольку в городе в это время мыло днем с огнем найти было нельзя, платформа имела бешеный успех. Нюшка получила в десять раз больше голосов, чем кандидат от КПСС второй секретарь обкома партии. На Западе заговорили о поражении коммунистов на выборах в парламент. Крупнейший эксперт по кремленологии объявил на этом основании о начале посткоммунистической эры.

Демократы

К демократам сначала присоединилось всего несколько личностей, которых в застойные годы посадили бы в «психушку» или выслали бы в «Атом». Во главе их встал тот самый чудом уцелевший студент, который в свое время подготовил первый номер нелегального журнала «Гласность». Его выпустили из лагеря с расчетом на то, что он будет действовать в духе перестроечной установки на гласность и демократизацию.

Демократы стали выпускать журнал «Демократ». Когда число участников движения перевалило за сотню, к нему примкнуло несколько преподавателей институтов и сотрудников научно-исследовательских учреждений. В их числе был доцент, по примеру знаменитого московского коллеги возглавлявший миро-

вой славы. Он отпихнул студента и возглавил движение.

Демократическое движение, однако, зашло дальше, чем предполагало начальство. Вернее начальство начало вытворять фортели, о коих раньше не могли помыслить даже диссиденты. Один из членов бюро обкома партии обвинил Крутова в непоследовательности и нерешительности в проведении перестройки, вышел из состава бюро, примкнул к демократам, отпихнул доцента и возглавил движение. На выборах народных депутатов он набрал больше всех голосов, создал оппозиционную парламентскую группу и заявил об образовании новой демократической партии. Группа выдвинула свою платформу со следующими требованиями: 1) передать всю власть Советам, превратив их в учреждения парламентского типа, 2) покончить с однопартийной системой, 3) передать средства производства тем, кто работает, землю передать крестьянам, а фабрики рабочим, 4) лишить органы управления командных функций, 5) превратить область в федерацию независимых районов, 6) не бросать битые бутылки на траву, не плевать на пол, не давить клопов и тараканов, не испускать сероводород по ночам, 7) разработать законодательство стояния в очередях, 8) разрешить партградцам выезжать на Запад и возвращаться обратно в любое время суток без разрешения властей и прямо, минуя Москву, установив для этого прямую связь Партграда со всеми столицами мира.

После опубликования платформы демократов Партград погрузился в дискуссию, какой в стране не было с двадцатых годов. Возникли, в частности, такие проблемы. Что делать, если Советы не возьмут высшую власть в свои руки. Что делать, если трудящиеся не захотят вступать в другие партии? Кого считать работающим? Какие средства производства отдать в собственность учителям, врачам, музыкантам, артистам, милиционерам, бухгалтерам, солдатам, офицерам? Кто будет командовать производством, если органы управления перестанут это делать? Как быть с железными дорогами, с воздушным флотом и прочими предприятиями большого масштаба? Как быть с армией и разведкой? В чью собственность передать тюрьмы и лагеря?

Дискуссия настолько завладела умами и чувствами партграждан, что они забыли не только о повышении производительности труда, но и о поддержании его на прежнем низком уровне. Пьянство приняло размеры, каких не было в самые застойные годы.

Неокоммунисты

Самые большие тревоги партградского руководства вызвало образование группы неокommунистов из студентов, школьников старших классов, молодых рабочих. Неокоммунисты заявили, что считают перестройку не революцией, а контрреволюцией сверху и изменой идеалам коммунизма, что они протестуют против оплевывания прошлого страны, что нынешнее руководство повинно в недостатках не меньше, чем брежневское и сталинское. Они организовали демонстрацию из нескольких десятков человек и двинулись к обкому партии с лозунгами: «Да здравствует коммунизм!» и «Отстоим положительные завоевания советской истории!». Из здания обкома к ним вышла Маоцзедунька. Под одобрительный хохот зевак она спросила, в чем именно неокommунисты («сопляки», как она их назвала) увидели положительные достижения советской истории в Партграде. Демонстранты пытались было ответить на вопрос, но им не дали говорить. По приказанию Маоцзедуньки «хулиганов» отвели в милицию, где их посадили на пятнадцать суток под арест. После освобождения они написали и размножили «Новый коммунистический манифест», в котором провозгласили борьбу за идеалы и достижения коммунизма основной формой социальной борьбы на современном этапе истории. В советской прессе выступление неокommунистов расценили как провокационную вылазку консерваторов. В западной прессе о них упомянули мельком, да и то как о неосталинистах. Их без шума изъехали из города и отправили в «Атом». Главными врагами реального коммунизма вновь становились коммунисты-идеалисты.

Культурный ренессанс

Согласно официальным отчетам и газетам, в Партграде идет интенсивная культурная жизнь. В городе есть все, что есть в Москве, только масштабами поменьше и качеством пониже. Здесь есть и отделение Союза писателей, и отделение Союза художников, и отделение Союза композиторов. Писателей, например, здесь больше, чем было во всей царской России до революции. Раньше здесь были свои Толстые, свои Чеховы, свои Горькие и Маяковские. Теперь времена изменились, и партградские писатели предпочитают считаться местными Хемингуэями, Ионесками, Дюрренматами, Стейнбеками, Гринами, Апдайками. Есть даже претенденты на местные Агаты Кристи, причем — это главным образом мужчины. И местные художники теперь все суть Пикассо, Дали, Кандинские. А после того, как книжные спекулянты завезли в Партград альбомы современных западных художников, тут появились все течения современной западной живописи и графики. Особенно модными стали абстракционисты. Даже любители, никогда не державшие в руках кисти, вдруг обнаружили, что они в течение нескольких дней способны наляпать нечто такое, что сразу же выдвигает их в ряды самых прогрессивных художников мира.

Конечно, такое положение сложилось не сразу и не без борьбы. Начальство и массы населения, руководимого начальством, долго сопротивлялись новым веяниям в культуре. После того, как эти новые веяния были разгромлены в Москве и, разумеется, во всех провинциальных городах, высшее руководство решило разрешить их до некоторой степени. В результате бывший партградский сюрреалист стал во главе Партградского отделения Союза художников, партградский авангардист стал во главе Партградского отделения Союза композиторов, а Партградский Камю — во главе Партградского отделения Союза писателей.

О том, что в стране начался «культурный ренессанс», партградцы узнали из передач западных радиостанций («голосов»), которые буквально стали захлебываться от восторгов по поводу свобод, предоставленных горбачевским руководством деятелям советской

культуры. За это в Советском Союзе перестали их глушить. Жителям Партграда показали несколько на редкость плохих фильмов, которые якобы (согласно «голосам») были шедеврами киноискусства, за что были запрещены реакционным брежневским руководством. Затем в книжных магазинах появились не менее скверные книжки, которые, согласно тем же «голосам», были шедеврами литературы, за что были запрещены тем же реакционным брежневским руководством. Партградским театрам представили право самим определять свой репертуар и устанавливать цены на билеты. В первую неделю ранее пустовавшие театры наполовину заполнились зрителями, хотя цены на билеты увеличились вдвое. Проводники горбачевского курса возликовали. В газетах появились огромные статьи с дифирамбами мудрому решению ЦК. Но в следующую неделю театры опустели совсем. Партградцы, убедившись в том, что ранее запрещенные спектакли были еще скучнее тех, которые разрешались, решили не тратить зря деньги на театры. Тогда билеты стали распределять по учреждениям и предприятиям города, обязывая комсомольцев и членов партии покупать их в порядке общественной нагрузки. Хотя профсоюзная организация оплачивала половину стоимости билетов, коммунисты и комсомольцы отказались их покупать, ссылаясь на горбачевскую же установку на «дальнейшую демократизацию» общества. А так как в Партграде не было иностранцев, которые, как в Москве, клюнули бы на удочку «культурного ренессанса», то в театральном ренессансе сложилась катастрофическая ситуация. Жаждавшие свободы творчества артисты и режиссеры попросились обратно под «жестокый контроль цензуры». Но их туда не пустили. «Хотели свободы, — сказали им в обкоме партии, — так и выкручивайтесь своими силами». Тогда актеры, считавшиеся самыми талантливыми и гонимыми, образовали свой «Независимый театр». Бездарный писатель-конъюнктурщик, прикинувшийся жертвой брежневского террора, срочно переписал пьесу живущего на Западе писателя, изгнанного из страны в застойные годы за критику Брежнева. Пьесу немедленно издали на Западе, и она принесла там партградскому мародеру сенсационный успех. Живущий на Западе писатель

заикнулся было о плагиате. Но партградский жулик заявил, что написал пьесу двадцать лет назад, что она распространялась в «самиздате», и что писатель-эмигрант сам позаимствовал из нее. На Западе охотно приняли такое объяснение. Пьеса в Партграде успеха не имела. Зато театр выехал с ней на гастроли на Запад, где от нее были в восторге. Впрочем, на Западе восторгались русскими в том же смысле, в каком восторгались искусством папуасов, похлопывая по плечу и понимающе перемигиваясь.

Аналогичная ситуация сложилась для партградских художников. На их выставки жители города перестали ходить совсем, поскольку они еще не доросли до западных «измов», ранее запрещенных и недавно разрешенных в Партграде. О продаже картин и думать нечего было, так как основными покупателями произведений изобразительного искусства были государственные учреждения и предприятия, которые предпочитали портреты вождей и знаменитых граждан страны, и сцены из трудовой и боевой жизни общества. А иностранцев, которые могли бы за валюту скупать мазню партградских модернистов и авангардистов, в городе тоже не было. Тогда партградских новаторов решили послать с их мазней на Запад вслед за театром. И там они имели бешеный успех.

Наконец, писателям разрешили создать независимый кооператив с правом издавать книги по своему усмотрению. Кооператив попробовал издавать сочинения партградских писателей, которые якобы были написаны еще в брежневские годы, но были запрещены. Прочитав две-три книжонки такого рода, партградцы пришли к выводу, что в свое время правильно поступили, запретив эту белиберду. И перестали их покупать. Тогда кооператив начал печатать западные детективы и порнографию. И дела его пошли успешнее. Затем при кооперативе открыли столовую, в которой по сносным ценам продавали пельмени и котлеты. Эта продукция имела гораздо больший успех, чем книги. Члены кооператива стали приобретать квартиры, дачи и автомашины, выезжать на Запад, привозя оттуда компьютеры, видео и прочие заграничные вещички, имевшие спрос как на черном рынке, так и в скупочных магазинах.

Группа начинающих писателей попыталась издать в кооперативе сборник своих сочинений. Но их прогнали в шею, отослав в государственное издательство. Там отказались их печатать, посоветовав обратиться в кооператив. Молодые писатели послали сборник на Запад. Но и там печатать не стали, сказав, что такой свободы творчества, как теперь в Советском Союзе, нет даже на Западе. И если уж независимый литературный кооператив не хочет их стряпню печатать, то это означает, что их вообще печатать не следует.

Религиозное возрождение

До революции Партградская область была очень набожной. Следы этой набожности сохранились до сих пор. Если верить западной прессе, они-то и послужат основой для религиозного возрождения в России. Вот один из характерных примеров глубокой набожности русского народа.

В Новых Липках в одной многосемейной квартире жили две старухи. Они ненавидели друг друга и всячески пакостили друг другу. И какие только пакости они ни измышляли! Бросить противнице кусок мыла в кастрюлю с супом было самым невинным делом для них. И вот одна старуха умерла. Другая злорадствовала: мол, покойную Бог наказал за ее пакости, а она еще поживет!

— Зря радуешься, бабка, — сказал живой старухе сосед, которому в жилищном отделе районного Совета пообещали отдать комнату старух после их смерти. Покойная на том свете пожалуется на тебя Богу, расскажет, как ты ей в суп куски мыла бросала. И Бог пошлет ее за это в рай, а тебя — в ад.

— Это не я ей, а она мне мыло в суп бросала! — завопила возмущенная старуха. — Ну, я этой стерве покажу! Я Богу всю правду о ней выложу!

Старуха решила как можно быстрее попасть на тот свет, чтобы оправдаться перед Богом и учинить какую-нибудь пакость ненавистной противнице. И в тот же день вечером она умерла, сжимая костлявой рукой кусок «хозяйственного» мыла — самого отвратительного и дешевого мыла изо всех мыл, когда-либо существовавших в истории человечества. Отпевавший ее

священник сказал, что покойная явила миру поразительный пример крепости веры. Похороны старухи превратились в своего рода демонстрацию. Стали поговаривать о том, чтобы присвоить старухе какой-то святой чин, кажется — чин великомученицы.

До революции все дома в Партграде были увешаны иконами. Иконы висели даже в амбарах и сараях. После революции почти все церкви были закрыты, и иконы еще более обесценились. Антирелигиозная пропаганда и «раскулачивание» крестьян привели к полной инфляции икон. Ими топили печи, заколачивали окна и двери, чинили дыры в стенах и заборах. Но вот до Партграда докатился слух, будто в Москве иконы стали входить в цену. Это произошло уже после войны. Несколько предприимчивых мужиков нагрузили иконами мешки, свезли их в Москву, продали за приличные (по их представлениям) деньги и вернулись обратно пьяные и довольные. После этого начался иконный бум. Иконы целыми возами собирались по деревням и отправлялись в Москву. А цены на них все росли и росли. Это породило слух, будто самого Бога скоро реабилитируют, будто московские вожди потихоньку окрестились на всякий случай и прочее. Когда отремонтировали монастырь и открыли церковь в центре города, слух обрел силу достоверности. Хотя по всем партийным организациям разослали закрытое письмо обкома партии, а пропагандисты на основе его провели широкую пропагандистскую разъяснительную кампанию, что это связано с вниманием к культуре прошлого и с разрядкой напряженности в мире, этому уже никто не поверил. Тяга к религии усиливалась с каждым днем. Наконец, в городе появились молодые люди с бородами, увешанные крестами и говорившие на «о». Они свели близкие знакомства с местными священнослужителями и верующими. Сняли на окраине города целый дом. Изъездили всю область. Возвращались в город только ночью, так что никто не видел, с чем. Это был самый светлый период в жизни области. Все ходили просветленные. Начальник милиции построил себе новую дачу. Многие работники руководящих учреждений приобрели новые машины. В городе замелькали модные заграничные вещи, зазвучали заграничные радиоприемники. Все чаще слышались слова «гуд-

бай», «о'кей», «герлы», «босс». На Западе заговорили о начале религиозного возрождения в недрах России.

Вдруг грянул гром: бородатые молодые люди оказались московскими жуликами. Они за бесценок скупали в деревнях иконы и продавали в Москве иностранцам за валюту.

Религиозное возрождение пришло в упадок и заглохло бы совсем, если бы не началась перестройка.

Перестройка церкви

В ведение попов передали монастырь имени Ленина, в котором помещался музей атеизма. Монастырь был назван именем Ленина в качестве музея, а не монастыря. Но это название за ним сохранилось и после того, как часть монастыря отдали под настоящий монастырь и под Духовную семинарию. Монахи обязались сохранять ту часть монастыря, где помещался антирелигиозный музей, в образцовом порядке. И надо отдать им должное, слово свое они сдержали. Партградский епископ сказал по этому поводу во время встречи в Москве с религиозной делегацией из Западной Европы, что марксистское учение нисколько не противоречит христианскому учению.

Монахи «реставрировали» монастырь, т.е. почти полностью отстроили его заново, причем — с учетом советской исторической концепции, идеологии и внешнеполитической ситуации. Реставрировали по последнему слову техники, включая компьютеры. Например, если экскурсовод хочет показать вам подземную камеру, в которую была когда-то заточена особа царского рода, он нажимает кнопку, пол раздвигается, перед вами открывается каменный колодец, на дне его вы видите чучело несчастной княгини, прикованное здоровой цепью к стене, вода начинает заливать пол, чучела огромных крыс забираются (кибернетика!) на возвышение, на котором на соломе лежит княгиня... Или экскурсоводу требуется охарактеризовать положение трудящихся в дореволюционной России. Опять-таки нажимается кнопка. Раздвигается стена камеры. За пуленепробиваемой прозрачной преградой вы видите подвешенное на дыбе чучело трудящегося. Еще нажим

на кнопку. Трудящийся поднимается вверх, руки выламываются, стоящие по бокам чучела палачи начинают его бить батогами, а другие — поджаривать ему пятки. И в это время вы слышите ледяной, безэмоциональный голос экскурсовода: вот так, мол, жили трудящиеся нашей области до революции. А теперь повернемся на сто восемьдесят градусов! Еще нажмем на кнопку. И перед вами залитая ярким светом панорама города. Вдали — заводы. В небе — самолеты и ракеты. Идут студенты в университет. Здоровые малыши купаются в бассейне и играют на детской площадке. Шикарная квартира рядового гражданина в разрезе. Тучные нивы. Тучные стада домашнего скота. Магазины, полные продуктов. Хотя посетители знают, что эти тучные нивы и стада, а также магазины с избытком предметов потребления суть плод воображения отделов пропаганды райкома, горкома и обкома партии, зрелище все равно потрясает их. И они покидают монастырь имени Ленина с надеждой на то, что может быть действительно скоро появится колбаса и селедка в магазинах.

На торжественное открытие монастыря и семинарии прибыли представители ЦК КПСС и культурных организаций, включая представителей антирелигиозного общества «Религия — опиум для народа», представители всех дружественных церквей и религий, а также представители «Эмнисти интернейшенел». Папа Римский не приехал, сославшись на запланированный визит на Галапагосские острова. Его за это осудили единодушно. Многие выступавшие говорили о том, что пора начать перестройку в Ватикане, что пап надо выбирать, по крайней мере, из двух кандидатов, причем — не обязательно из католиков и даже не обязательно из верующих, что пора наконец-то на пост папы выбирать советского человека. Все сошлись на том, что первым советским папой должен стать сам Горбачев или в крайнем случае Ельцин. Последний даже лучше, так как он сейчас фактически безработный. А перестройку в Ватикане он устроит такую, что там через год забудут, как нужно креститься.

Наконец, пронесся слух, будто Горбачев окрестился, чтобы привлечь православную церковь на сторону перестройки, затем сделал обрезание, чтобы завоевать

симпатии американских евреев и Израиля, и по настоянию мусульманки супруги перешел в магометанскую веру, чтобы завоевать на свою сторону весь арабский мир. В Партграде возникли комитеты, агитировавшие за построение в городе мечети и синагоги, а также за поголовное обрезание. Членам партии и комсомольцам разрешили посещать церковь, исполнять церковные обряды, крестить детей. Особенно рекомендовали гражданам соблюдать Великий пост. Общество «Религия — опиум для народа» предложило удлинить пост вдвое. Если все жители области будут поститься шесть месяцев в году, — писали в газетах, — то продовольственные трудности сократятся вдвое.

Перестройка образа смерти

Похоронным комплексом в Партграде называли кладбище совместно с моргом, крематорием, колумбарием и мастерскими по изготовлению надгробных сооружений (памятников, оград и крестов), урн для праха покойных, искусственных и естественных цветов.

Партградское кладбище является одним из самых замечательных во всей России. В центре кладбища находится крематорий, похожий на богатый дворянский дворец восемнадцатого века. Это производит удивительное впечатление. Товарищ Сусликов, бывший в свое время первым секретарем обкома партии, в речи на торжественном открытии крематория заявил, что «глядя на такое величественное здание, испытываешь радостное чувство строителя нового общества». В газетах написали, что «в нашем городе вступило в строй новое предприятие по производству останков скончавшихся трудящихся, равного которому не только по мощности, но и по красоте нет в Европе». За крематорием — колумбарий. Колумбарий тоже замечательный. Покойники в нем занимают точно такое положение, какое они занимали при жизни. Ритуал похорон через крематорий отработан настолько четко и артистично, что второй секретарь обкома партии (т.е. секретарь по идеологии) сравнил его с уровнем балета Большого театра. Он вроде бы даже внес предложение выезжать с крематорием на гастроли за границу. Но Москва от-

вергла его идею на том основании, что члены похоронной труппы полностью станут невозвращенцами. По словам того же главного идеолога области, Похоронный комплекс стал «составной частью нашего образа жизни».

Работников Похоронного комплекса в городе называют «тружениками загробного мира». Их регулярно сажают в тюрьму за жульничество и взятки. Но вместе с тем, Похоронный комплекс является единственным рентабельным предприятием области, если не считать отделенную от государства церковь.

Работники загробного мира первыми в области откликнулись на призывы высшего руководства начать мыслить по новому и включиться в перестройку всего образа жизни страны. Хотя они имели дело не столько с образом жизни, сколько с образом смерти, они, как это и следовало ожидать от советских граждан, озабоченных прогрессом своего общества, решили проявить инициативу и начать перестройку всего образа смерти страны. Вечером они собрались в конторе кладбища. Стол был уставлен и завален алкогольными напитками и закусками, какие теперь нельзя было достать даже в продуктовом распределителе обкома партии. Засиделись далеко за полночь. Заседание было очень содержательным и веселым. Были рассказаны все новые шутки и анекдоты про Горбачева, включая шутку насчет горбатого, которого способна исправить лишь могила. Между шутками и анекдотами обсудили и деловые проблемы. Сам заведующий Похоронным комплексом внес предложение вместо дорогостоящих и громоздких гробов хоронить покойников в целлофановых пакетах, предварительно расчлняя трупы на мелкие куски. Секретарь партийной организации предложил делать могилы не горизонтальные, а вертикальные. Такие могилы будут занимать меньше места. Кроме того, для рытья таких могил можно использовать недавно привезенные из ФРГ машины для посадки деревьев. Тем самым в несколько раз повысится производительность труда копальщиков могил, и в этом отношении Похоронный комплекс выйдет на уровень мировых стандартов. Секретарь комсомольской организации внес предложение прессовать покойников. Причем, при достаточно мощном прессе покойников мож-

но будет помещать даже в спичечные коробки. В спрессованном виде их можно будет помещать в колумбарий. Тем самым облегчится работа крематория и сократится потребность в могилах. Главный инженер внес ценное предложение, касающееся борьбы с бюрократизмом и коррупцией: уволить сторожа, который брал взятки, и вместо него завести пару злых собак. Кто-то добавил, что для собак надо нанять двух собаководов. Председатель месткома сказал, что областной Совет профсоюзов одобрит эту инициативу насчет собаководов. Но сторожа увольнять не следует. Достаточно изменить его статус — впредь называть привратником. Одним словом, на другой день все партградские газеты напечатали обращение партградских трудящихся загробного мира ко всем работникам похоронно-могильного дела страны включиться в перестройку образа жизни страны на порученном им участке строительства коммунизма.

Но, несмотря на все это, работников загробного мира опять посадили в тюрьму. На сей раз посадили не за взятки, а за дело более серьезное, можно сказать — политическое. Взятки они, конечно, брали. А кто их в наше время не берет?! Особенность тут заключалась лишь в том, что они, как написали в своем письме старые коммунисты-пенсионеры в газету «Партградская правда», «наживались на человеческом горе и драли три шкуры с покойников». Эти коммунисты-пенсионеры написали также письмо в управление КГБ, в котором обратили внимание «чекистов» на то, что «на кладбище сложилась нездоровая атмосфера». Как выяснилось, эта «нездоровая атмосфера» заключалась в следующем. В ответ на решение ЦК КПСС повысить эффективность работы предприятий сотрудники Похоронного комплекса взяли на себя социалистическое обязательство увеличить производительность своего предприятия вдвое. Но на их беду выяснилось, что темпы роста смертности в городе стали сокращаться. Что делать? Выход из положения нашли в том, что одних и тех же покойников стали хоронить по несколько раз и стали приобретать покойников за взятки в других населенных пунктах. В результате они скупили всех покойников в области, перевыполнив тем самым (по отчетам, конечно) план работы Комплекса в

три раза. За это «труженики загробного мира» получили премии и награды. Но зато все другие кладбища области недовыполнили план, что снизило общие показатели области в общесоюзном социалистическом соревновании...

Старики и перестройка

Дом престарелых имени Н.К. Крупской построили в непосредственной близости от Похоронного комплекса. При этом руководствовались самыми высокими гуманными соображениями: как писали в газетах, «советские люди должны с уверенностью и с открытыми глазами смотреть в будущее». Были приняты во внимание и практические соображения. Поскольку престарелые люди умирают чаще, чем молодые, как писали в тех же газетах, затраты на их захоронение оказываются непроизводительно высокими. А так как Дом престарелых расположен почти что на территории Похоронного комплекса, не нужно было строить особый морг и тратиться на перемещение покойников к месту захоронения.

Дом стал «предприятием» (опять-таки газетное выражение) республиканского значения. В него со всей России свозили стариков, от которых хотели избавиться родственники. Устроиться в него было не так-то просто: число желающих превышало число мест. Поэтому приходилось давать большую взятку. Кроме того, начальство Дома использовало его как нелегальную гостиницу для всякого рода жуликов и спекулянтов, что сокращало число «рабочих мест» (газетное выражение) для престарелых.

На содержание обитателей Дома отпускалось средств меньше, чем на солдат. Сотрудники Дома обворовывали их во всем. В результате старики мерли, как мухи осенью. В городе это никого не волновало — старики были чужие. Кроме того, в официальных отчетах это выглядело гораздо лучше, чем если бы старики жили долго: работу Дома оценивали по числу обслуженных душ. Городское начальство, контролировавшее Дом, получало солидные взятки от работников Дома и смотрело на происходящее в нем до поры до

времени сквозь пальцы. Работники Дома, как и Похоронного комплекса, регулярно арестовывались за жульничество. Когда центральное руководство выдвинуло лозунг ускоренного развития, работники Дома встретили его с энтузиазмом. Они взяли на себя обязательство увеличить пропускную способность Дома. Но это превысило меру, и энтузиасты перестройки попали в тюрьму вместе с работниками загробного мира.

Еще задолго до «перестройки» обитатели Дома престарелых занимались спекуляцией, перепродажей ворованных вещей, сводничеством и самогонварением, чтобы как-то заработать на существование. В свои мелкие махинации они вовлекали обслуживающий персонал. Последний в конце концов брал бразды правления в свои руки, и в Доме образовывались гангстерские банды из стариков и старух. Эти банды время от времени разоблачались. Персонал судили, а стариков отправляли в морг. Но на смену павших бойцов становились новые, и в Доме с удвоенной силой вспыхивал черный бизнес. С началом горбачевской антиалкогольной кампании Дом превратился в один из крупнейших центров спекуляции алкогольными напитками и самогонварения. Милиция однажды произвела тотальный обыск в Доме. Почти в каждой комнатухе был обнаружен самогонный аппарат. Старики устроили настоящее восстание, когда милиция попыталась изъять аппараты. Они забаррикадировались в комнатухах, угрожая спалить Дом со всеми обитателями. После консультации с Москвой стариков решили оставить в покое, полагая, что они сами скоро вымрут. Расчет был верный: половина умерла через пару дней, не выдержав нервного напряжения. И Дом престарелых заселили еще здоровыми пенсионерами. Они оказались умнее и предприимчивее предшественников. Совместно с частниками они организовали преступный синдикат с международными связями. В их среде зародилась идея прорубить через Партград если не окно, то дыру в Европу, превратив Партград в открытый для иностранцев город.

Борьба с коррупцией

Коммунизм не изобрел коррупцию. Но он и не уничтожил ее. Наоборот, он придал ей новые силы и формы. В задачу упомянутого выше органа по борьбе с бюрократизмом входило также руководство борьбой с коррупцией. Уже тогда коррупция приняла неслыханные ранее масштабы. В течение всей советской истории с коррупцией велась систематическая борьба. Но искоренить ее так и не удалось. И это не случайно. Коррупция оказалась естественной для коммунистического общества формой распределения и перераспределения жизненных благ. Фактически здесь принципом распределения стал не принцип «По труду», а принцип «Каждый имеет столько, сколько он может урвать от общества, используя свое социальное положение». Лицам в системе власти и управления приходится быть коррумпированными не столько в силу возможностей их положения, сколько в силу необходимости, в силу условий самой системы. Человек, уклоняющийся от коррупции, не может нормально и долго работать в этой системе.

Надо различить коррупцию как социальное явление и как преступление. Юридической оценке подлежат лишь отклонения от неких неписаных норм и правил коррупции, а не сама она как таковая. Причем, это делается на основе особых распоряжений сверху или согласованных решений местных властей. Когда начинается кампания по борьбе с коррупцией, то отбираются подходящие кандидатуры на роль козлов отпущения и по их поводу подымается шумиха. Обвинения в коррупции используются также как средство дискредитации противников и конкурентов. Горбачев, например, обвинил в коррупции Грищина, ставгенсеком. А если бы генсеком стал Гришин, он обвинил бы в коррупции Горбачева.

Горбачевская кампания против коррупции имела главной задачей скомпрометировать бывших брежневцев, выбросить их из аппарата власти и насадить на их место своих людей. Первой жертвой этой кампании пал Портянкин. В Партграде козлом отпущения стал Жидков, бывший ставленником Брежнева. На его место пришел горбачевец Крутов, который в отношении

коррупности превосходил Жидкова раза в два по крайней мере. Над Жидковым хотели устроить образцово-показательный процесс. Хотели предать гласности махинации его «мафии». Но он умер. Газетные статьи с разоблачением его особого эффекта не имели. Нужен был живой козел отпущения, который сам помог бы сыграть спектакль должным образом. На совещании в обкоме партии долго искали подходящую кандидатуру, такую, чтобы и волки остались целы, и овцы были сыты (так по ошибке перефразировал старую пословицу сам Крутов, но именно в такой форме она отвечала сути проблемы).

Выручил журнал «Демократ». В первом его номере была статья о партградских миллионерах, получающих официально мизерную зарплату, не занимающих высоких постов, но практически играющих огромную роль в жизни области. Были названы имена десяти «фактических хозяев области». Номером один среди них шел Гробыка. Но его на совещании в обкоме обошли молчанием. Все собравшиеся так или иначе имели с ним дело. И сам Сусликов ему покровительствовал. Если его тронуть, скандал может выйти на всю планету. Все высшие лица области и кое-кто в Москве могут оказаться скомпрометированными. Вторым в списке подпольных миллионеров шел завхоз протезного комбината. Тот тоже держал в своих руках десятки должностных лиц области, но рангом пониже. Кое-кем из них можно пожертвовать. Да и связь завхоза с должностными лицами не столь явные, как в случае Гробыки. Их замять можно, их можно обнаружить ровно настолько, насколько это требуется в данной политической ситуации. Завхоза и решили сделать образцово-показательным преступником, на разоблачении которого решили продемонстрировать серьезность начавшейся борьбы за оздоровление советского общества. Создали для этого специальную комиссию. Последняя обнаружила следующее.

Коммунистическое преступление

Есть преступления, общие всем временам и народам, всем типам общественного устройства. Но есть

преступления, которые неразрывно связаны со спецификой данного времени, данного народа, данного социального строя. То, что обнаружила комиссия обкома партии, было преступлением специфически коммунистическим.

Каждое советское учреждение украшено бюстами и портретами классиков марксизма, руководителей партии и правительства и других знаменитых личностей, а также лозунгами, плакатами, репродукциями и копиями картин известных советских художников и классиков мирового искусства. Члены комиссии подсчитали число и стоимость этих ритуальных украшений в комбинате. Цифры получились устрашающие. Гранитная четырехметровая статуя Ленина перед главным корпусом. Две гипсовые двухметровые статуи Ленина внутри помещений. Одна из них окрашена под бронзу, другая — под белый мрамор. Шесть четырехпудовых бюстов Ленина, восемь трехпудовых, двенадцать пудовых и менее. Один трехпудовый бюст Маркса и три пудовых. Почему-то классики марксизма измерялись именно в пудах, а не в фунтах и килограммах. Число портретов классиков марксизма, руководителей партии и правительства, всякого рода знаменитых и чтимых личностей перевалило за многие сотни. Плюс к этой красоте, которая находилась на виду, обширные подвалы комбината были битком набиты добром того же рода, оставшимся от прошлого и закупленным про запас. Огромное помещение занимали статуи, бюсты, портреты и картины с изображениями Сталина, Берии, Маленкова, Хрущева, Брежнева и прочих деятелей прошлого. Поразительно, что «произведений искусства», посвященных Брежневу, оказалось больше, чем посвященных Сталину. И стоимость их в два раза превзошла стоимость сталинских. Особый подвал был заполнен предметами для демонстраций и праздников.

— Ничего себе музейчик, — резюмировал впечатления членов комиссии ее глава. — По сравнению с ним Эрмитаж и Лувр суть жалкие коллекции любителей. А что же должно твориться в более крупных учреждениях?! А во всей области?! А в масштабах всей страны?!

Члены комиссии хохотали до слез, разглядывая портреты руководителей области, в особенности —

покойного Жидкова и здравствующей Маоцзедуньки. Последняя была изображена в виде Моны Лизы на фоне свинарника.

— Напрасно смеетесь, — сказал эксперт из Союза художников. — Через пятьсот лет эта картина будет стоять подороже Сикстинской Мадонны. Если уцелеет, конечно. Ведь и над Сикстинской Мадонной в свое время смеялись. Ее случайно нашли в каком-то сарае.

— А что, если это говно, извиняюсь за грубое выражение, вывозить на Запад и продавать там, — заметил представитель милиции. — Наверняка там найдутся любители, которые за это большие деньги дадут. А валюта нам теперь очень нужна.

Завхоз ухитрился украсть за счет идеологических шедевров огромные деньги. Оказалось, что на эти шедевры были установлены цены, в которых непосвященные разобратся не способны. Например, статуя Ленина высотой в два с половиной метра стоит на тысячу рублей дороже, чем статуя высотой два метра тридцать пять сантиметров. Стоит сделать подставку на десять сантиметров потолще и прикрыть ее красной тряпкой, как все будут воспринимать укороченную статую за двухсполовинометровую. А тысячу рублей завхоз вместе с жуликом из скульптурного комбината кладет в карман. Поделившись, конечно, с директорами, председателями месткомов и другими посвященными. Еще труднее заметить разницу между трехпудовым и двухсполовинопудовым бюстом Брежнева, поскольку второй по объему такой же, он лишь внутри пустее на восемь килограмм. А стоит первый на пятьсот рублей дороже, чем второй. Портрет Брежнева размером два метра на полтора в золоченой раме одного образца стоит на две тысячи рублей дороже, чем портрет того же Брежнева размером два метра на метр сорок пять в золоченой раме другого образца, почти ничем не отличающегося от первого.

Короче говоря, за десять лет работы в комбинате завхоз построил дачу, купил в кооперативе по квартире себе, сыну и дочери, купил по автомашине себе и сыну, регулярно отдыхал на лучших курортах страны. Заботясь о себе, он не забывал и начальство, делая им ценные подарки. А они сквозь пальцы смотрели на махинации предприимчивого завхоза.

— Этот подойдет, — сказал Крутов, ознакомившись с материалами комиссии. — Старый коммунист, ветеран войны, лично с Брежневым встречался, с Жидковым пьянствовал, в партийной школе учился. Он сам знает, как нужно вести себя на суде. Пообещаем дать малый срок со скорым освобождением по амнистии, и он сделает все, что нужно. И всему миру будет видно, как мы боремся с коррупцией, не взирая на лица.

— Будет неплохо, если он выступит с призывом ко всем жуликам страны включиться в борьбу с коррупцией и поддержать перестройку, — предложил Горбань.

— Отличная идея, — воскликнул Крутов. — Почин партградских жуликов подхватят миллионы жуликов по всей стране.

Перестройка сферы преступности

Кто-то из работников обкома партии сказал в шутку, что в сфере преступности мы смело можем конкурировать с Западом. Начальник областного управления милиции товарищ Рылов сказал следующее.

Сфера преступности является точным слепком с общества. Каждый тип общества развивает свой тип преступности со своими характеристиками. Собственно говоря, сфера преступности в некотором роде есть часть экономики. Но хватит теории. Конкретнее. Надо различать коммунистическую и капиталистическую эффективность. Если бы десятую долю совершаемых в Партграде преступлений предали гласности, Партград вошел бы в число самых знаменитых по преступности городов мира. Но если бы при этом предали гласности величину производительности труда преступников, т.е. то, ради чего совершаются преступления, то Партград стал бы посмешищем во всей гангстерской части человечества. Вот вам только некоторые данные на этот счет.

В пятидесяти случаях из ста преступления у нас совершаются бескорыстно. Это, можно сказать, преступления ради преступления, или чистые преступления, подобно тому, как бывает искусство ради искусства, или чистое искусство. При капитализме же про-

цент чистых преступлений ничтожен, близок к нулю. Погоня за прибылью («голый чистоган») захватила там сферу гангстеризма полностью. Вот несколько цифр, выявляющих бескорыстный характер нашей преступности. За последние три месяца в области было выбито стекол 516, выбито зубов 78, сломано ног и рук 25, сломано ребер 36, выбито глаз 18, просто набитых морд 987. И все это совершенно бескорыстно. А порою преступники даже от себя приплачивали. В тридцати случаях из ста выручка преступников у нас не превышает десяти рублей. Мы такие преступления называем поллитровыми, поскольку на десять рублей теперь можно купить лишь пол-литра самогонки. В пятнадцати случаях из ста выручка преступников достигает пятидесяти рублей. Мы такие преступления называем ресторанными, поскольку выручка тут же пропивается в ресторане. И лишь в пяти случаях из ста выручка преступников превышает сто рублей. Мы такие преступления называем пенсионерскими, поскольку преступники в таких случаях могут откладывать десять-двадцать рублей на черный день и на старость. Как известно, грабители у нас до сих пор не получают пенсию по старости, так как они не имеют документов, подтверждающих их трудовой стаж. Общая стоимость награбленного в Партграде за последние десять лет была меньше стоимости ювелирных изделий, которые один западногерманский министр украл всего лишь за одну ночь. Этот министр днем сражался в бундестаге за прирожденные права человека, а по ночам в порядке хобби грабил близлежащие ювелирные магазины, — вот что значит подлинная демократия.

Возьмем теперь технологический аспект нашей преступности. Застойный период тут сказался сильнее, чем в других сферах строительства коммунизма. Вот лишь некоторые данные на этот счет. Только за шесть месяцев накануне перестройки в городе было прибито кирпичом по голове 137 человек. Из них 50 не было добито до конца из-за плохого качества кирпича. За это время было заколото отверткой, ножницами, вилкой и другими бытовыми предметами 207 человек, задушено веревкой, ремнем, чулком и другими гибкими предметами 48 человек, утоплено в ванной, в корыте и других емкостях с жидкостью 37 человек. И лишь один

случай покушения с пистолетом! Покушавшийся сделал 16 выстрелов в собственную супругу, весившую 100 килограмм. И промазал, хотя стрелял с расстояния в 10 шагов. Промазал из-за неисправности пистолета. В наказание за небрежное обращение с оружием пришлось отобрать у него почетную грамоту «Отличный стрелок». Одним словом, с точки зрения экономической эффективности и технологической оснащенности наших преступников мы не можем конкурировать с Западом.

Но прошло всего несколько месяцев перестройки, и товарищу Рылову пришлось в корне изменить свою позицию. В Партграде появились все виды современной преступности, которые раньше он видел лишь в западных кинофильмах и искренне считал невозможными в своем родном городе. Расширение частного сектора породило организованный рэкет. Многие частники хотели было закрыть свои предприятия, но было уже поздно: бандиты заставили их продолжать дело, угрожая расправой. Другие частники стали нанимать бандитов и воров защищать их от мафии. Так возникла другая мафия, конкурировавшая с первой. После ряда кровавых стычек они объединились и взяли под свой контроль весь частный сектор города. В результате условия труда частных оказались более тяжелыми, чем в государственных предприятиях, а материальная выгода свелась к минимуму. И в среде частных стали возрождаться идеи Оуэна, Фурье, Прудона и даже Маркса, что не соответствовало установке Москвы считать марксизм устаревшим.

Мафия взяла в свои руки производство и распространение наркотиков. Наркотики стали изготавливать из местного сырья — из ядовитых грибов, из клопов, из солдатских портянок и отходов атомного предприятия. Наркотики получались необычайно сильные. От одной капли человек приходил в состояние полного одурения на целую неделю. Для употребления их не требовались никакие приспособления. В подражание американскому «крэку» их называли «дрэком».

Мафия монополизировала также всю сексуальную индустрию. Открылись курсы по повышению технологии секса. Они оттеснили куда-то на задворки гомеопатов, йогов и целителей. Открылась школа по подготов-

ке высококвалифицированных проституток и «проститутов», которых стали называть сексологами. Конкурс желающих поступить в школу превысил конкурс в университет. Принимали в школу только с хорошей характеристикой от пионерской или комсомольской организации. Почти легально стали выпускать порнографическую литературу, назвав ее эротической. По аналогии с западными журналами «Плейбой» и «Плейгел» стали выходить ежемесячные журналы, в названиях которых фигурировали названия мужского и женского половых органов. Очереди за журналами выстраивались с вечера и были длиннее очередей за перестроечными органами печати «Искорка» и «Партградские новости». Наконец, открылся клуб «Интимных встреч». О нем на Западе писали, что он возродил лучшие бордельные традиции, соединив их с достижениями мировой сексоинженерии.

Мафия приобрела огромную силу и вступила в конкурентную борьбу с туалетным концерном. Последний создал для самозащиты свою вооруженную охрану. Начались битвы, какие партградцы ранее видели лишь в американских фильмах о старом Чикаго. Ни одной ночи не проходило без перестрелки.

Начали похищать людей и требовать выкуп. Результат оказался обескураживающим: родственники похищенных, как правило, готовы были приплатить от себя, лишь бы похитители не отпускали похищенных. И этот вид преступности не привился. Начались также ограбления банков, магазинов и складов. Но и тут прочной традиции не сложилось: инфляция лишила деньги соблазна, а в магазинах и складах нечего было взять, их обчистили жулики старого образца.

Не привились в Партграде и захватывающие дух погони на автомашинах. Частные автомашины оставались еще труднодоступными. Их владельцы предпочитали прятать в гаражах и сараях по целому ряду причин: с бензином трудности, запасных частей нет, жаль дорогую вещь портить. Да и улицы в городе перерыты, особенно не разгонишься. Так что если тут и случались погони, то главным образом на четвереньках. Об одной такой погоне писали в газетах. На подпольном самогонном заводе изобрели новый напиток «горбачуху», одной капли которого хватило бы отра-

вить средний европейский город. Милиция получила задание захватить самогонщиков живьем, чтобы раскрыть секрет напитка. Дыхнув паров «горбачухи», милиционеры потеряли способность передвигаться на ногах и должны были гнаться за уползавшими самогонщиками на четвереньках.

Нет худа без добра

Прогресс преступности имел, однако, и положительные последствия. Поскольку из-за «дрэка» снижался аппетит, люди стали меньше есть, и это стало одним из источников улучшения продовольственного положения области. Не выдержав конкуренции с мафией, разорились подпольные миллионеры старого образца. Потерпев финансовый крах и Гробыка. В материальном отношении он пал ниже исторического Чаадаева, не приобретя его популярности мыслителя. Его объявили не сумасшедшим, а просто дураком. Мыслителей в городе появилось теперь такое изобилие, что от них проходу не стало. Повсюду слышались имена Бердяева, Розанова, Соловьева и прочих мудрецов прошлого. Им простили все то, что они говорили и делали против коммунизма и советского общества, и даже возвели это в добродетель. Гробыка с горя запил «горбачуху», закусывая пригоршнями «дрэка». Библиотеку он продал частично на черном рынке за полцены, а советских авторов продал на вес на макулатуру, из которой делали бумагу для порнографических журналов, для «Патриота» и «Демократа».

По телевидению стали показывать двадцатисерийный фильм «В новом Партграде» о расцвете гангстеризма. Фильм завладел душами партградцев. На время показа фильма они бросали все дела, включая политические собрания и пьянство, и кидались к телевизорам. Город замирал на это время подобно итальянским городам во время футбольных матчей. Власти сделали из этого практические выводы. Когда начались забастовки на заводах, гангстерские filmy стали показывать по одному из каналов телевидения круглые сутки. Забастовки прекратились, так как забастовщиков нельзя было оторвать от телевизоров даже обещаниями выдать бесплатно по чекушке «горбачухи».

— Нет худа без добра, — сказал по этому поводу Крутов. — Когда перестроечная мусть кончится, мы кое-что из нее возьмем на вооружение. В конце концов, что нужно народу? Хлеба и зрелищ. Так было. И так будет во веки веков.

Перестройка правосудия

В Москве заговорили о необходимости либерализовать систему правосудия. В Партграде эти идеи нашли самую благоприятную почву. Это и понятно: по крайней мере треть взрослого населения области составляли заключенные и бывшие заключенные, а другую треть — будущие заключенные и потенциальные преступники. В партградской прессе были выдвинуты и широко обсуждались идеи, приведшие в смущение даже издавших на этот счет виды западных специалистов. Вот несколько примеров этих идей.

Принцип «Не пойман — не вор» устарел. Теперь надо мыслить по-новому. Если тебя поймали на месте преступления, ты вызываешь своего адвоката. Последний ведет переговоры с органами правосудия. Ты на это время можешь ехать на курорт, и пострадавший обязан оплатить расходы. Конечно, после суда, если таковой состоится, и если тебя признали виновным, ты будешь обязан вернуть часть денег пострадавшему. Пострадавший обязан предоставить бесспорные доказательства того, что он на самом деле потерпевший и потерпел именно от данного индивида. Если адвокат обвиняемого находит доказательства недостаточными, против обвинителя возбуждается судебное дело. Пострадавший не имеет права оказывать сопротивление преступнику, если не установлено и не подтверждено судом, что он на самом деле потерпевший. Обвиняемый имеет право выбирать судей и народных заседателей из двух и более кандидатов. Если судья был трижды забаллотирован обвиняемыми, его дисквалифицируют. Заключенным предоставляется самоуправление в местах отбытия наказания. Сократить охрану, ликвидировать решетки и проволочные заграждения, поскольку они унижают достоинство заключенных. Семьям осужденных разрешить отбывать

заклучение вместе с ними. Предоставить заключенным свободу передвижений и деятельности в течение двенадцати часов в сутки. Вот в таком духе заработали мозги партградских либеральных мыслителей.

Тюремное и лагерное начальство отнеслось к этим идеям серьезно и по своей инициативе начало перестраивать тюремно-лагерный режим. К счастью для партградцев, места заключения окружили воинскими частями. Иначе в них не осталось бы ни одного человека.

Возник кооператив свободных адвокатов. Он взял под свою защиту преступный мир. Уголовники стали заниматься грабежами, мошенничеством и хищениями социалистической собственности совместно со своими адвокатами.

Перестройка в сумасшедшем доме

От обитателей психиатрической больницы долго скрывали, что в стране началась перестройка. Но, как говорится, шила в мешке не утаишь. В больницу в большом количестве стали прибывать сумасшедшие нового, специфически перестроечного образца. Это были горбачевы, ельцины, сахаровы, солженицины, троцкие, бухарины, тухачевские, власовы, николаи, анastasии, столыпины и имитаторы прочих личностей, ранее считавшихся эксплуататорами, реакционерами, врагами народа, предателями, а теперь возводимых в ранг невинных жертв сталинского террора, идейных борцов против сталинизма и гениев, предвосхитивших горбачевскую перестройку. Сначала их не решались сажать в больницу, поскольку они отличались от нормальных людей лишь несколько повышенной возбудимостью. Но они не остановились на уровне общего помешательства и стали требовать раздачи всех средств производства в частную собственность, ликвидации партии и КГБ, открытия границ, роспуска армии, разделения страны на множество независимых государств и многого другого, чего не хотели даже самые заядлые перестройщики и западники. Нависла угроза полной дезорганизации жизни города, так как сумасшедших было трудно отличить от здоровых перестройщиков, и население воспринимало бред сумасшедших как даль-

нейшее развитие идей Горбачева. Лишь после того, как психи обвинили Горбачева в том, что он не настоящий Горбачев, а подмененный в КГБ, руководители области собрались на экстренное совещание. После бурных дебатов, в которых чуть ли не половина собравшихся встала на сторону сумасшедших, последних решили временно изолировать от общества. Мотивировка была такая: перестроечные психи слишком далеко забежали вперед в обновлении общества, как в свое время диссиденты в критике застойного периода и сталинизма. Как только кончится перестройка, так этих новых психов, опередивших свое время, выпустим на волю.

Сумасшедших перестройщиков стали потихоньку забирать в «психушку». По ошибке схватили ряд здоровых граждан, искренне поверивших в обещания и призывы Горбачева. Сначала их хотели было выпустить. Но по здравом размышлении решили, что они опаснее больных, и их изолировали в отделении для особо опасных преступников.

Эти перестроечные психи и энтузиасты и принесли в психиатрическую больницу вести о перестройке. В больнице начало твориться такое, что, по словам самого Крутова, не увидишь даже в сумасшедшем доме. Психи нового образца потребовали самоуправления, невмешательства врачей в процесс лечения и перевода больницы на самоизлечение (наподобие самофинансирования), свободы свихивания с ума как неотъемлемого права человека. Психи старого образца объемили все это контрреволюцией и потребовали введения в больницу военного режима. Их стали выгонять на волю. Улицы города заволокли наполеоны, ленины, сталины, робеспьеры, хомейни, маоцзедуны, дзержинские, гитлеры, муссолини и прочие представители ушедшей в прошлое эпохи. Они гадили, где попало, хватали все, что попадалось под руку, и вытворяли такое, что многие граждане стали проситься в больницу, где, по слухам, царил подлинная демократия.

Рабочее движение

Перестроечное брожение умов началось в Москве и оттуда распространилось на провинцию. В провинции

оно, в свою очередь, сначала захватило «мозговую» верхушку, т.е. руководство и близких к нему «интеллектуалов», и затем распространилось на прочие слои населения. Таким образом и здесь оно шло от волевого и интеллектуального центра к прочим частям социального организма. Таким путем оно дошло до предприятий области. Начались забастовки. Работники предприятий выдвинули требования, суть которых сводилась к следующему: поддержать экономическую реформу Горбачева, убрать «консерваторов» со всех постов и поставить на их место горбачевцев. Так что забастовкой были довольны не только на Западе, где ее расценили как признак приближающегося краха коммунизма, но и в Москве, где в ней усмотрели признак успеха идей перестройки. Были выдвинуты и другие требования, например — улучшить продовольственное снабжение и бытовые условия. Руководители области признали требования справедливыми и обещали принять надлежащие меры. Попросили только подождать с мылом, пока не будет построен завод мыла и стирального порошка. Этот завод должны построить американцы как пример сотрудничества капитализма и коммунизма.

Национальное движение

Население области на 90 процентов было этнически русским, Десять процентов нерусских образовали выходцы из других мест, приезжавшие сюда в качестве преподавателей институтов, музыкантов, инженеров, партийных работников и представителей прочих непроизводительных профессий. Они вошли в привилегированный слой области и никогда не помышляли о каких-то особых национальных правах. И все же пробуждение национализма в Прибалтике и Закавказье не прошло незамеченным в Партграде.

В одном из районов области испокон веков жило несколько деревень бордян. Сами они считали себя русскими и не знали никакого другого языка, кроме русского. В университете работало несколько выходцев из этих деревень. Они-то и открыли в каких-то архивах, что жители этих деревень были насильствен-

но обращены в православие и руссифицированы. Услыжав о том, что прибалты взбунтовались против русского владычества и стали добиваться независимости, бордянские интеллектуалы решили пробудить национальное самосознание у своих односельчан. Упившись «горбачухи», потомки бордян потребовали от областного начальства предоставить им автономию и свою конституцию, дать право говорить на своем родном языке, ввести свои деньги, причем — конвертируемые. Приехавшие из города представители власти разъяснили взбунтовавшимся бордянам, что на бордянском языке сейчас в мире никто не говорит. А на изучение бордянской письменности нужно кончать университет и потом лет десять корпеть в научном кабинете. Из особых денег для бордян ничего хорошего не выйдет, так как иностранцы на них ничего купить не смогут. Отделиться от области бордяне не могут, так как их деревни находятся в середине области. Если они захотят куда-то переселиться, им препятствий чинить не будут. Но куда? Никто не знает, где была их историческая родина. В США их сами американцы не пустят, они уже сыты по горло советскими эмигрантами. В Сибирь — в любое время. Выслушав такие речи, потомки бордян еще раз упились «горбачухи» и набили друг другу морды, в первую очередь — своим родным интеллектуалам. Что произошло потом, сведений не имеется.

Массовое сумасшествие

Покатившись в каком-то направлении, страна, лишенная внешних препятствий и внутренних тормозов, должна была докатиться до самого дна пропасти. Партград долго сопротивлялся этому качению в силу провинциальной инертности. Но покатившись, скоро наверстал упущенное и стал катиться вровень с Москвой. В Партграде перестали употреблять понятия и утверждения марксизма-ленинизма. О Марксе как будто позабыли совсем, а о Ленине стали говорить даже не столько в противопоставлении Сталину, сколько с намеками на то, что «с него все это и началось». Преподаватели философии, марксизма-ленинизма и истории

КПСС, пропагандисты и вообще работники идеологии стали стыдиться своей профессии, скрывать ее и вместе со всеми покатались в идеологический хаос и цинизм.

Процесс идейного разложения общества дополнился общим кризисом морально-психологического состояния населения. Началось состояние, для которого трудно подобрать иное название, кроме как массовое сумасшествие. Всякого рода шарлатаны всплыли на поверхность и стали популярными. Власти стали относиться к ним с почтением, предоставляя им страницы газет и журналов, телевидение, помещения для выступлений. В Партграде в огромном количестве появились пророки, гадалки, целители. Кульминационным пунктом этого массового сумасшествия стало появление на экране телевидения выпущенного из сумасшедшего дома Ивана Лаптева, знаменитого в свое время в городе целителя и проповедника, имевшего намерение создать свою собственную религию «лаптизм».

Помнившие Лаптева партградцы узнали его с трудом: он поседел, сбрил усы и бороду, потолстел, вернее распух, так как на харчах сумасшедшего дома, как известно, поправиться было трудно. Его представили как легендарную личность, наделенную необыкновенными целительными способностями, несправедливо пострадавшего в застойные брежневские годы. Сообщили также, что он получает свою целительскую энергию непосредственно из каких-то отдаленных миров, предположительно — от звезды Сириус, и может передавать эту энергию другим людям и даже неживым предметам, причем — передавать даже посредством телевидения. Сеансы Лаптева по телевидению стали регулярными. На это время партградцы кидались к телевизорам. Чтобы приобрести целебную энергию про запас, перед телевизорами ставили кастрюли и ведра с водой, а также банки с мазями. Лаптев мысленно сосредоточивался на Сириусе и, вытянув вперед длинные пальцы, начинал источать целебную энергию на телезрителей, воду у их ног и мази. Таким путем он в течение часа вылечивал тысячи партградцев от тяжелых недугов и заряжал целебной энергией многие тонны воды и килограммы мазей. Партградцы потом пили целебную воду и мазались целебными мазями, здоро-

вез не по дням, а по часам. Чудеса евангельского Христа померкли перед таким чудом массового исцеления. Попы, однако, не сдавались. Будь во времена Христа телевидение, — говорили они, — Христос кое-что похлеще Лаптева придумал бы.

Услугами Лаптева стали пользоваться партийные и государственные служащие. Они стали заряжать целебной лаптевской энергией даже водку и закуску. А их матери, жены и дочери круглые сутки мазались мазями, заряженными энергией Сириуса, уверяя знакомых, что они с каждым днем становились здоровее, красивее и моложе. В газетах напечатали, что благодаря чудесному дару Лаптева наша медицина уже поднялась выше уровня западной, а очереди в больницах сократились вдвое.

Город заполнился слухами. Говорили, будто Лаптев за доллары будет заряжать своей энергией американцев через спутники. Говорили также, будто Лаптев собирается кормить партграждан через телевидение. Многие стали во время сеансов Лаптева ставить перед телевизорами пустые тарелки с ложками и вилками. И со страстью уверяли, будто испытывали чувство насыщения, воображая филе, бифштексы, дымят, икру, крабы и прочие вкусные вещи, о коих знали только из книжек.

Шутники называли сеансы Лаптева по телевидению облаптиванием населения. На самом деле исцелялись лишь те, кто не болел. Прочие же кричали о чудесных исцелениях и превозносили Лаптева в силу массового сумасшествия, овладевшего городом.

— Если этот шарлатан пообещает через телевидение напоить всех желающих водкой, — сказал Горбань, попивая заряженную Лаптевым «горбачуху», — то советский период русской истории можно будет считать законченным. Вспомните Распутина!

Насчет Распутина Горбань оказался провидцем. В газетах появились доброжелательные статьи о нем. А когда вспыхнула сенсация по поводу обнаружения останков царской семьи, в Партграде срочно сделали многосерийный фильм о Распутине.

— Заставь дурака богу молиться, так он рад лоб расшибить, — резюмировал Горбань свою оценку идейно-психологического состояния партградского общества.

- Кого ты имеешь в виду, — спросил его Крутов.
 — Всех без исключения. Нас с тобой в первую очередь.
 — Что же делать?
 — Ничего. Ждать, когда это наваждение пройдет само собой.

Помоечная оппозиция

Вернулся из ссылки старый пьяница и певец по кличке Бард, о котором упоминалось выше. На пустыре около рынка возродились пьяные сборища, на которых он пел политические песенки. Осведомители КГБ аккуратно переписывали их и, как в застойные годы, приносили своим начальникам, а те передавали самому Горбаню, слышшему покровителем искусств. Новые песенки Барда встревожили Горбаня. И было от чего. Вот, например, как расценить такое?

Весь мир вопит: Ура! Ура!
 Ликуют все свободные народы:
 Стал наконец ЦК источником добра,
 А КГБ — прибежищем свободы.

Все вроде бы правильно. Но ощущается скрытая насмешка.

А я в том хоре не пою.
 Я на своем стоял и на своем стою.
 Бывает, что, устав от пороков, палачи
 На время прячут кнут и дарят калачи.
 Но срок придет, узнаешь скоро ты,
 Припомнят кнут, устав от доброты.

А это намек на возврат к прежним суровым методам. Честно говоря, возврат такой необходим, иначе докатимся до полной катастрофы. Но это мы сами решать должны, а не какой-то помоечный поэтишка. А к чему зовет такая песня?

Набив мозги соблазнами идей,
 Из искры деда возгорали пламя.
 И ради призрачного братства всех людей
 На каторге звенели кандалами.

А мы от дедовских идей
Впадаем в скуку и зевоту
И в воплощение их затей
Не веруем ни на иоту.

Отцы, не требуя заслуженных наград,
Сгнив в лагерях, в огне войны сгорая,
Сполна познавши, что такое ад,
Воздвигли здание того земного рая.
Мы ж, эру новую открыв,
Не чтим отцовскую науку.
В нас вызывает гнев и скуку
Их исторический порыв.

Сыны пошли не так и не туда.
Не зная страха прошлого ГУЛАГА,
Отважно требуют свободы от труда
И прав на даровые западные блага.

Но если деды и отцы
Все подлецы или слепцы,
То кто же мы в конце концов?
Дрянь, недостойная отцов.

Это — настроения консерваторов. Конечно, в чем-то они правы. Народ распустился. Идеалы наши не ценят. Наше прошлое и наши достижения не ценят. Этот Бард вроде бы и хочет это сказать. Но как? Эти люди, собирающиеся на пустыре, — не наши союзники. Они суть наши будущие враги. С перестройщиками можно договориться. Изменится установка — они мигом перестроятся. А те, кто собирается на мусорной свалке и аплодирует этому Барду, навеки останутся нашими врагами. Надо за них взяться всерьез!

Неосталинисты

Появились, конечно, и неосталинисты. Это были отнюдь не «недобитые сталинисты», а молодые люди не старше двадцати пяти лет, в основном — учащиеся. Они сочинили воззвание «К гражданам Партграда!», размножили его в большом количестве, разбрасывали в местах скопления людей, запикивали в почтовые ящики. Крутов заподозрил, что это — дело рук агентов Горбаня. Но тот поклялся, что не имеет к этому никакое-

го отношения, что его агенты сбились с ног, пытаюсь раскрыть структуру организации, ее руководителей, тайную типографию и склады с оружием. Эти сопляки оказались достойными учениками Сталина, надо отдать им должное.

В воззвании неосталинистов говорилось следующее. «Неужели все пережитое нашей страной есть лишь черный провал в истории?! Неужели наши прадеды напрасно шли на виселицы, в тюрьмы, на каторгу?! Неужели был ошибкой выстрел «Авроры»?! Неужели наши деды ни за что погибли на фронтах Гражданской войны, мерзли, голодали, жертвовали самым дорогим в жизни и самими жизнями?! Неужели были впустую пятилетки и великие стройки, массовый героизм и энтузиазм?! Неужели зазря погибли миллионы наших отцов, матерей, братьев и сестер на фронтах Отечественной войны?! Зря горели в самолетах, бросались со связками гранат под вражеские танки?! Разгром фашизма — это тоже не в счет?! А покорение космоса?! А тот факт, что на нас боятся напасть?! Мы пережили страшную, но великую историю. Любой другой народ гордился бы такой историей. А мы? Что делаем мы? Мы сами черним и оплеываем нашу великую и многострадальную историю. И инициатива этого осквернения исходит сверху, от циничных и тщеславных карьеристов и авантюристов, готовых за ничтожную похвалу на Западе предать все то, за что жертвовали жизнью наши прадеды, деды, отцы. Позор этим изменникам! Мы, внуки и правнуки их, протестуем против этого. Защитим дело Ленина и Сталина от предателей!»

На толкучке стали продаваться уцелевшие бюсты, портреты и сочинения Сталина. Причем, последние стоили дороже, чем книги эмигрантских писателей, теперь разрешенные и прославляемые. Дороже была лишь книга Нострадамуса, якобы предсказавшего перестройку, но почему-то забывшего предсказать, чем она кончится.

Смута

Постепенно и как-то незаметно Партград втянулся в смуту, охватившую всю страну. Началось такое мазо-

хистское саморазоблачение и самобичевание, что даже самые злобные антикоммунисты и антисоветчики растерялись. Они на этом фоне стали выглядеть как мелкие жалобщики и порою даже как защитники коммунизма. Все старались превзойти друг друга в оплевывании прошлого и в очернении всего сделанного за послереволюционные годы. Лишь попы сдерживали город от религиозного мракобесия, неосталинисты — от разгула демократии, мафия — от засилия частников.

Неоднократно упоминавшийся выше писатель в интервью, напечатанном в «Партградских новостях», заявил, что «теперь дышать стало легче». И укатил на Запад с лекциями о перестройке. В Париже, напившись и нажравшись за счет советских эмигрантов, он в порыве откровенности признался, что «такой помойки, какая сейчас разбушевалась в России, еще никогда не было в русской истории». Эмигранты сделали из этого вывод, что Россия на самом деле встала на путь западной демократии. Но возвращаться на покинутую родину не захотел никто.

Власти стремительно теряли контроль за жизнью в области. Инициативой завладевали политические демагоги, ловкачи, наиболее циничные карьеристы, гангстеры, хулиганы, тунеяды и прочие отбросы общества. Нужны были чрезвычайные меры, чтобы остановить процесс, ведущий к катастрофе. Поползли слухи о введении военного положения. Но они скоро заглохли. Все понимали, что в случае применения крутых мер Запад не даст ни компьютеров, ни хлеба, ни мыла. Положение казалось безвыходным. Крутов фактически самоустранился от руководства, пустив все на самотек. Дни и ночи он проводил на даче и на рыбалке. Или сидел в кабинете, запершись и поглощая бутылку за бутылкой водку. И тут в его кабинете прозвенел телефонный звонок. На проводе был сам Сусликов.

Сигнал Москвы

После той исторической встречи с Горбачевым, о которой говорилось выше, Сусликов лично связался с Крутовым и сообщил ему о предстоящем превращении Партграда в маяк перестройки и об Особой комиссии во

главе с Кобыловым, которая вот-вот прибудет в Партград. Услышав эту новость, Крутов наложил в штаны, так как догадывался, чем для него пахнет такая перспектива. Показать Партград с его грязными и серыми улицами, пустыми магазинами, бесконечными очередями, неистребимыми пропойцами и прочими атрибутами советского образа жизни — это означало угрозу мирового скандала и превращение его, Крутова, в козла отпущения. Но делать было нечего. Крутов заверил Сусликова, что он оправдает высокое доверие партии. Он хотел было сказать, что ему такое представляется сделать «не в первый раз», но вовремя опомнился, так как это должно было произойти именно в первый раз в истории Партграда и в его, Крутова, личной карьере партийного руководителя областного масштаба.

Сразу же после разговора с Сусликовым Крутов приказал срочно созвать на совещание руководящий актив области и города. На совещание прибыли члены бюро обкома и горкома партии и заведующие отделами, начальники областных управлений КГБ и МВД (милиции), председатели областного и городского Советов, главы профсоюзов и комсомольские руководители области и города, секретари райкомов партии и председатели районных Советов и многие другие лица, фактически играющие важную роль в жизни области и города. Совещание закончилось далеко за полночь. «Командиры области» (как называл товарищ Крутов руководящих лиц области) разъехались по своим ведомствам, чтобы провести аналогичные совещания на более низких уровнях вплоть до уровня отдельных учреждений и предприятий, в которых будут проведены заседания партийных и комсомольских бюро и профсоюзных комитетов, партийные, комсомольские и общие собрания и другие многочисленные мероприятия.

На совещании в обкоме партии была создана комиссия в помощь комиссии, ожидаемой из Москвы. Аналогичные комиссии были созданы на городском и районном уровнях, а также в первичных партийных организациях. Были проведены совещания и образованы особые комиссии во всех учреждениях области, которых хоть в какой-то степени касалось решение Москвы. Короче говоря, один звонок секретаря ЦК КПСС товарища Сусликова привел в состояние возбуждения ги-

гантский механизм власти Партградской области и вынудил тысячи людей развить кипучую деятельность, причем — деятельность, имеющую целью не ускорение развития области и не повышение эффективности деятельности по производству всякого рода полезных вещей, а создание видимости того, что это «ускорение» и «повышение» на самом деле имеют место. В деятельности такого рода, т.е. в имитации настоящей деятельности коммунистическое общество имеет более высокую степень эффективности, чем общество западное. В этом отношении людей не надо принуждать и поощрять к функционированию в нужном духе: они к этому приучены и умеют это делать в совершенстве.

Прибытие комиссии

Раньше говорили, что город начинается с вокзала. В наше время стремительного прогресса можно сказать, что город начинается с аэропорта. Партградский аэропорт, как и вообще Партград, являет собою фантастическое сочетание современности и допотопной убогости. Привезенные из ФРГ «гармошки», к которым по идее должны были бы подруливать самолеты, не работали. Самолеты чуть ли не на волах подтаскивали к зданию аэропорта. Пассажиры выгружались, подводились к «гармошкам» и по примитивным лестницам поднимались в них. При выходе из них путь пассажиров преграждали невероятного вида уборщицы с ведрами и тряпками, от которых пассажиров со слабыми нервами начинало мутить. При этом уборщицы таскали за собой уборочные машины, тоже купленные в ФРГ и тоже не работающие.

Здание аэропорта было украшено портретами членов Политбюро. Портрет Горбачева был в два раза больше остальных. Такого не было даже в годы осмеянного Брежнева: его портрет лишь в полтора раза превосходил прочие. Повсюду висели лозунги перестройки и плакаты, бичующие пьяниц, консерваторов, бюрократов. Главный зал был разделен на две части прозрачной, но пуленепроницаемой перегородкой. Одна часть, предназначенная для прохода и встреч важных персон, была обычно пустая. Другая же, предназна-

ченная для простых смертных, была переполнена публикой, какую можно видеть на вокзалах.

Членов московской комиссии провели, конечно, через часть для важных персон. Прозрачная стена была построена еще тогда, когда Корятов жил в Партграде. Он пояснил членам комиссии, почему она была сделана прозрачной: чтобы трудящиеся могли видеть своих обожаемых руководителей, но чтобы они при этом не могли учинить им какую-нибудь пакость. Наш брат Иван способен, сам того не подозревая и не помышляя об этом заранее, запустить в важное лицо кирпичом или покрыть его матом, если лицо проходит поблизости. Так уж лучше избавить людей от такого искушения.

Из репродукторов на весь аэропорт неслись истошные вопли популярной певицы, завоевавшей первый приз на фестивале рок-музыки.

— Хоть убейте, но я эти истерические вопли не могу принять за музыку, — сказал один из членов комиссии.

— Сейчас это модно, — сказал другой. — На ее концерты в Лужниках десятки тысяч молодых людей собирается.

— Это не показатель прогресса искусства. Миллиарды людей слушали поповские бредни. И сейчас число так называемых верующих растет. А разве это прогресс культуры?

— Не нравится — не слушай. Заткни уши.

— Лучше заткнуть пасть одной истеричке без голоса и слуха, чем уши миллионов людей, падких на все западное.

Встречали москвичей все высшие лица области и города. Корятов сел в машину Крутова. Дорогой Корятов передал Крутову содержание его беседы с Сусликовым перед отлетом из Москвы.

— Выходит, поворот, — торжественно сказал Крутов, выслушав Корятова. — Давно пора!

— Пора, — сказал Корятов. — Мы должны как бы в подполье уйти. Пусть на поверхности всякое дерьмо болтается. А мы, работники партийного аппарата, должны в глубине опереться на самое лучшее, что еще сохранилось в наших людях. Не зря же мы семьдесят лет столько сил потратили на их воспитание. На карту поставлены завоевания революции и всей нашей истории.

Высокопарные слова Коротова не вдохновили Крутова. Ему было наплевать на все на свете, кроме самого себя. Если бы ему гарантировали пост генерал-губернатора в монархическом Царьграде, он предал бы все идеалы коммунизма вместе с их реализацией в Партграде. Но он понимал, что в демократической или монархической России ему не дадут даже должность дворника. И потому он изобразил всем своим существом готовность уйти в подполье, оставаясь первым лицом в области, и готовить аппарат партии к роли спасителя отечества.

— Мы за перестройку, — закончил речь Коротов. Но за такую, которая не ослабляет, а укрепляет основы нашего социального строя. Как это делать конкретно, ты сам не хуже меня знаешь.

Крутов кивал головой в знак согласия, а про себя думал только о том, как вылезти сухим из воды и сохранить шкуру. Коротов понимал это состояние Крутова. Но он понимал также и то, что в сложившейся обстановке сохранение шкуры крутовых совпадает с интересами сохранения системы, которой служат крутовы. Хорошо, что такие крутовы есть. Вот когда их не будет, тогда на коммунизме можно будет поставить крест.

— Особое внимание надо обратить вот на что, — продолжал Коротов. — Мы должны взять дело разоблачения язв прошлого и недостатков нашего общества в свои руки. Одно дело — когда этим занимаются нелегально диссиденты, и другое дело — когда это исходит от нас вполне открыто и легально. Мы можем придать разоблачениям нужное нам направление и выиграть при этом в глазах общественного мнения. Тем самым мы сводим на нет влияние нелегальной оппозиции. Надо у нелегальных критиков режима взять все их идеи и слегка их трансформировать. Пересказать их как наши собственные идеи, но затем сказать наше «Но», так чтобы и идеи остались за нами, и чтобы от них не осталось ничего действенного. А в отношении конкретных фактов мы должны пойти дальше диссидентов. На простаков это произведет сильнейшее впечатление, и нелегальная критика потеряет всякий смысл. Ну а потом... Да ты сам понимаешь, что потом.

— Ясно, Иван Тимофеевич! Раз страна покатила в

нежелательном направлении, мы должны катиться впереди всех, чтобы постепенно остановить это пагубное движение. Если табун коней мчится в панике к пропасти, нужно обогнать его и постепенно увлечь в другом направлении.

Торжественный ужин

Москвичей поместили в особняке для почетных гостей, расположенном в районе дач высших лиц города. В нем не раз останавливался Андропов, лечившийся на курорте в Партградской области. Останавливались Портянкин и Сусликов, посещавшие Партград по долгу службы, а иногда проводившие здесь отпуск.

Вечером устроили торжественный ужин в честь гостей. Ужин прошел так, как проходили такие мероприятия в брежневские годы, — с лучшими винами и закусками. Много и весело шутили. Рассказывали новые перестроечные анекдоты.

— Решил Михаил Сергеевич сам посмотреть, как работают рабочие в условиях трезвости. Пришел на завод. Подошел к рабочему, который вроде бы усердно трудился. Спросил, смог бы рабочий работать, если бы выпил стопку водки. Рабочий ответил с сомнением, что, пожалуй, смог бы. Ну а если две стопки выпил бы, смог бы тогда работать, — спросил Михаил Сергеевич. Рабочий ответил более уверенно, что смог бы. Ну а если бы поллитровку выпил, смог бы тогда работать, — не унимался Михаил Сергеевич. Видишь, работаю же, — ответил рабочий.

— Лежит Шеварднадзе с Раисой Максимовной в постели. Вдруг звонок в дверь. Михаил Сергеевич вернулся раньше срока — испугалась Раиса Максимовна. «Не пугайся, — успокоил ее Шеварднадзе, — мы же водку не пьем».

— Шутки шутками, а секс дело серьезное! В этом отношении мы отстаем от Запада еще больше, чем в экономике.

— Не могу согласиться. Блядства у нас хватает.

— Блядство не секс, а разврат. А секс — это культура.

— Верно. Пора пересмотреть нашу политику в этом отношении.

— Надо публичные дома открыть. С ресторанами. С медициной. С представлениями. Рок-музыка. Стриптиз. И прочее.

— Доход государству от таких предприятий большой будет.

— Лучше это дело частникам передать, иначе и тут халтура получится. Помните старый анекдот о том, как провалился бордель в сталинские годы? Все сделали, как на Западе, только блядей укомплектовали старыми членами партии.

— В годы террора и в застойные годы такие смелые начинания были невозможны. Теперь другое время.

— Да, возврата в прошлое нет. Прогресс необратим.

Одним словом, ужин удался на славу. Члены комиссии основательно упились, как это бывало в застойные годы. Кобытов двинулся на поиски «бабы». Попытался вломиться в комнату кастелянши. Но у той уже устроился представитель КГБ. Выручила пожилая уборщица: она увела засыпавшего на ходу Кобытова к себе.

Оздоровление атмосферы

На первом совещании комиссии обсудили общие вопросы — оздоровление атмосферы, активизацию населения и нормализацию снабжения.

В Партграде, как и в других городах России, перед каждым значительным событием проводилось «оздоровление атмосферы». Заключалась оно в следующем. Из дворов домов, расположенных близко к центру города, вывозили мусор, скопившийся в районе помоек. Сажали в сумасшедшие дома всех тех, кто состоял на учете в психиатрических больницах и имел какое-то отношение к политике. Сажали не только склонных к критике, но и склонных к апологетике. Последних в первую очередь, ибо они более склонны к разоблачению недостатков с целью их устранения. Первые же, хотя и разоблачают, улучшений никаких не требуют, ибо не верят в них. Одновременно запирали на замки множительные аппараты. В учреждениях устанавливали круглосуточное дежурство сотрудников. Проверялись огнетушители. Увеличивалось число дружинников в помощь милиции. Милиционерам выдавали

белые краги и ремни. Амнистированных жуликов отправляли обратнов лагеря. Высылали из города потенциальных диссидентов.

В Партграде ко всему прочему милиция, дружинники и военные патрули перекрывали все дороги, ведущие в город из окружающих его лагерей и промышленных предприятий, чтобы бывшие и настоящие уголовники и «честные» пьяницы из этих мест не позорили своим видом и поведением морально здоровое советское общество. На эти дни в упомянутых местах производилась расширенная продажа спиртного, причем — по сниженным ценам. Снижение цен производилось за счет того, что спиртные напитки продавались под другими названиями, под которыми они должны стоить меньше, чем под названиями, под которыми их продавали в обычное время. Кроме того, в местные магазины, столовые и ларьки на это время «подбрасывали» и кое-какие продукты, которые в другое время не найдешь и в городе. Это, например, дешевая колбаса «собачья радость» и сушеная вобла «закуска богов». Продукты эти продавались тоже дешевле, по себестоимости, т.е. без наценки под предлогом транспортных и иных расходов. В результате этих мер кнута и пряника лишь единицы из «околопартградского отребья» (термин милиции) просачивались в город. Одни из них просачивались из духа противоречия, другие — из любопытства, третьи — из намерения как-то пожить.

Заранее составлялись списки лиц, которых следовало совсем выселить из города как тунеядцев и злостных нарушителей общественного порядка, временно убрать из города под каким-либо предлогом, посадить в сумасшедший дом или на короткий срок в тюрьму. Особое внимание уделялось так называемым «внутренним эмигрантам», т.е. лицам, подпавшим под тлетворное влияние Запада, слушающим западные радиостанции, читающим запретные книги и склонным к общению с иностранцами. Если таковых не удавалось удалить из города, за ними устанавливалась слежка агентов КГБ и их добровольных помощников. Им предоставлялись полномочия в случае надобности принимать крайние меры. Обычно они устраивали провокации, вследствие которых «внутренние эмигранты» по-

падали в тюрьму на 15 суток за хулиганство или в психиатрическую больницу на обследование.

«Оздоровление атмосферы» обычно начиналось за неделю, а порою и за две до события, ради которого оно предпринималось, и прекращалось сразу же после этого события. В городе восстанавливался статус-кво. Особенность нынешней ситуации состояла в том, что надо было оздоровить атмосферу не на короткий срок, а навсегда. Конечно, эта перестройка не вечна. Но кто ее знает, когда она кончится. Она может затянуться на год, а то и на два. Причем, это оздоровление надо осуществить в условиях борьбы против пьянства, что было бы еще полбеды, а также в условиях либерализации и гласности, что являлось уже настоящим бедствием.

— Задача оздоровления атмосферы в области в условиях перестройки на первый взгляд вроде бы упрощается или даже отпадает совсем, — сказал Корятов. — Но это только на первый взгляд. На самом же деле она усложняется и становится еще более важной. Некоторые безответственные элементы стали злоупотреблять свободой, предоставленной им на данном этапе развития нашей страны. Мы должны дать почувствовать им, что не допустим подрыва основ нашего общественного строя, наших органов власти, нашей идеологии. Перестройка есть не отказ от того, что мы делали семьдесят лет, а переход к новым методам строительства коммунизма.

Члены партградской комиссии с большим удовлетворением выслушали довольно туманную и двусмысленную речь Корятова. Они поняли ее скрытый смысл.

Активизация населения

Операция по активизации населения в Партграде проводилась до сих пор в самых грубых и примитивных формах. Поэтому Корятов счел полезным пояснить ее суть применительно к новым условиям.

— Присмотритесь внимательнее к тому, кого в обычный рабочий день можно увидеть на улицах города, в магазинах, в кафе и ресторанах, вообще в общественных местах, — сказал он. — Достаточно ли репрезентативно эти люди характеризуют население города и области? Представляют ли они наиболее важную и

деятельную часть населения? Нет, конечно. Самая важная часть населения, определяющая собою характер нашего общества, в это время трудится на предприятиях и в учреждениях или отдыхает после и перед трудовой вахтой. А именно в это время наиболее вероятны контакты иностранцев с нашими гражданами.

— Поставим, далее, такой вопрос: где лучше проявляется сущность нашего человека — при случайных встречах на улице и в общественных местах или там, где он трудится и где участвует в жизни своего коллектива, т.е. на партийном, комсомольском и общем собрании? Я думаю, что тут двух мнений не будет: сущность наших людей наиболее полно и точно проявляется в их трудовых коллективах и в их общественных организациях. Вне этих коллективов и организаций у людей, естественно, несколько ослабляется чувство ответственности перед обществом и несколько снижается уровень сознательности. Они устают от напряжения жизни. А у тех, кто доминирует на улицах и в общественных местах в рабочее время, этот уровень вообще минимален.

— Какой вывод мы должны сделать из сказанного? Должны ли мы пустить на самотек дело ознакомления иностранцев с нашими людьми и ограничить их контакты случайными людьми в случайных обстоятельствах или должны что-то предпринять, чтобы иностранцы смогли увидеть сущность нашего человека в том виде, как мы привыкли видеть ее в наших трудовых коллективах, в труде, в общественной деятельности? Надеюсь, что и по этому поводу у нас споров не возникнет. Но тут встает проблема, которую мы до сих пор фактически игнорировали.

— Чтобы правильно понять наших людей, нужны не часы, не дни, не недели и даже не месяцы, а годы. А иностранцы к нам приезжают на несколько дней. Значит, мы должны помочь им за эти несколько дней понять то, на понимание чего требуются годы. Где выход из положения? Выход из положения дает такой отбор и такое распределение людей в пунктах соприкосновения иностранцев с нашим обществом, чтобы эти люди были, как говорят социологи, достаточно репрезентативны для населения города, области, страны. Вот эту операцию мы и называем активизацией насе-

ления. Надо подходящих для этого людей отобрать и подготовить надлежащим образом, причем в таком количестве, чтобы они могли дежурить по очереди. Таким путем мы подготовим армию надежных коммунистов и комсомольцев, на которую мы можем опереться в нужный момент.

— Эти наиболее репрезентативные граждане нашего общества окажут влияние и на прочую массу населения, так что в условиях сегодняшней установки «Говори, что хочешь» люди почувствуют ответственность за свои слова и будут говорить то, что нужно. На Западе говорят о крахе коммунизма, о начале посткоммунистической эры. Мы должны показать всему миру, что нас рано хоронить.

Нормализация снабжения

Нормализацией снабжения в Партграде раньше называли заброску дефицитных продуктов питания и предметов широкого потребления (ширпотреба) в магазины, расположенные на пути возможного передвижения важных лиц. Важные лица сами заранее знали, что магазины, в которые им придется заглянуть, будут охвачены операцией нормализации снабжения. Они сами на предыдущих этапах карьеры проводили такие операции. Но они делали вид, будто ни о какой нормализации снабжения не знали и будто выбирали магазины по своему произволу. Это был неписанный ритуал, в котором они должны были играть отведенную им роль.

Продукты и вещи в избранных («нормализованных») магазинах продавались лишь в тот момент, когда в них заглядывали важные лица. В качестве покупателей отбирались особо доверенные граждане, которым в награду кое-что перепало. Как правило, это были родственники и друзья работников магазинов. Особо дефицитные вещи они должны были сдать обратно. Но бывало так, что даже проверенные комсомольцы и члены партии эти вещи обратно не сдавали. Бывало и так, что в их среду ухитрялись пробраться жулики и спекулянты.

В нормализацию снабжения включалась также пос-

тавка дефицитных продуктов в столовые, кафе и рестораны, которые могли посетить важные персоны. При этом в качестве посетителей точно так же отбирались проверенные и доверенные граждане. Обслуживание их начиналось перед приходом важных персон и кончалось после их ухода. Бывало так, что они целый день сидели там голодные. Но им за эту службу после окончания визита тоже кое-что перепадало.

Иногда случались забавные курьезы. Однажды Портянкин посетил Парттград в разгар очередной кампании против пьянства. Его завели в «нормализованное» кафе. Там сидели молодые люди, которые должны были изображать трезвость и пить минеральную воду вместо водки. Молодые люди и в самом деле пили минеральную воду, но по привычке чокались и морщились так, как будто пили водку. Портянкин заподозрил неладное. Он перепробовал содержимое всех стаканов в кафе. Убедившись в том, что в них не было водки, он назвал поведение молодых людей провокационным. Их за это наказали: не дали водку, которую обещали им за то, чтобы они пили воду.

Другой забавный случай произошел в магазине одежды. Один ударник коммунистического труда попросил на примерку три костюма в тот момент, когда в магазин вошел Портянкин со свитой. Надев на себя все три костюма, он покинул магазин «через задний проход», как потом написали в протоколе милиции. На проверку оказалось, что такого ударника в городе вообще не было. Милиция и КГБ приложили титанические усилия, чтобы найти преступника. Но тот как сквозь землю провалился.

Операция по нормализации снабжения была освоена в Парттграде для кратковременных событий и в нормальных, неперестроечных условиях, когда на складах и в закрытых распределителях еще водилось кое-что такое, что можно было использовать для показухи. Теперь же надо было осуществить на длительный срок и в условиях, когда даже в закрытом распределителе обкома партии было шаром покати. Иностранцев, конечно, можно кормить независимо от своих граждан, как всегда. Но надо было создавать впечатление улучшения условий жизни трудящихся благодаря перестройке.

Комиссия обсудила три варианта. Первый вариант, откровенно признаться, что мы живем на грани нищеты и голода. Даже можно слегка преувеличить. На Западе будут потрясены тем, что мы открыто говорим о наших трудностях, не скрываем их от иностранцев, как бывало раньше. И безвозмездная помощь с Запада польется к нам полноводной рекой. Это можно будет превратить в систему. Второй вариант — передать снабжение города в руки частных фирм. Они будут драться с иностранцами за валюту. А за валюту они все необходимое из-под земли выкопают. Третий вариант — передать снабжение города в концессию западным фирмам. Например, фирме «Макдональд».

Каждый из упомянутых вариантов, имея свои плюсы, имел и несомненные минусы. На Западе скоро перестанут восторгаться гласностью и начнут подчеркивать наше обнищание. Помощь нам окажут, но при этом свои условия диктовать будут. Частники будут три шкуры драить со своих сограждан и доведут город до такого состояния, что без валюты корку черного хлеба не достанешь. Западные фирмы кормить весь город не в состоянии. К тому же в Партград устремятся жители соседних областей. Да и расплачиваться с западными фирмами нечем.

Обсуждение зашло в тупик. Но тут кто-то вспомнил про Гробыку. Вот кто мог бы найти гениально простое решение проблемы! Что он подделывает сейчас? Что-то не слышно о нем ничего. Кто-то сказал, что Гробыка не выдержал конкуренции с частниками и с мафией, запил горькую и удалился от дел.

— Такими ценными кадрами преступно разбрасываться, — сказал Корытов. — Надо найти его, привести в норму и подключить к операции, предоставив ему неограниченные полномочия. Я уверен, он быстро выправит положение. А на органы государственной безопасности возложить особое задание: обеспечить защиту Гробыки от мафии.

Маршруты для иностранцев

Решив общие проблемы, комиссия затем наметила маршруты для иностранных туристов и делегаций,

охватывающие основные аспекты жизни города. Наметив маршруты, решили проехаться по ним, и самим осмотреть все то, что намечено для показа иностранцам. Начать решили с гостиницы «Илья Муромец», предназначенной специально для иностранцев.

Гостиницу для иностранных туристов в Партграде построили еще при Брежневе. Это строительство — блестящий пример дальновидности политики партии: хотя город тогда еще был закрыт для иностранцев, и о перестройке еще никто не помышлял даже в Москве, а гостиницу для иностранцев построили самую большую в республике. Гостиница была одним из любимых детищ Петра Степановича Сусликова, который в те годы был одним из руководителей области и затем первым секретарем обкома партии. Он уже тогда мечтал о том времени, когда иностранцы потоком хлынут в руководимый им Партград.

Перед главным входом в гостиницу воздвигли монумент легендарному русскому богатырю Илье Муромцу, именем которого и назвали гостиницу. Партградские историки выдвинули гипотезу, будто легендарный (т.е. никогда не живший на свете) Илья был на самом деле уроженцем не Муромы, а Партграда (бывшего Князева). В Муроме же он нанес первое поражение татаро-монгольскому игу. Обком партии одобрил инициативу партградских ученых, и гипотеза превратилась в теорию.

Построили гостиницу с таким расчетом, чтобы из ее окон были видны красоты города и его окрестностей. Но при этом совершили ошибку: из окон были видны не только красоты, но и секретные объекты — военный завод, протезный комбинат, химический комбинат, атомная электростанция, вышки концлагерей и психиатрическая больница. Строителей за это, конечно, наказали. Но исправлять было уже поздно. Пока город был закрыт для иностранцев, про оплошность не вспоминали: все эти секретные объекты были хорошо известны даже младенцам. Теперь, когда город решили открыть для иностранцев, о ней вспомнили. Но решили, что ничего страшного в этом нет. И даже хорошо, что иностранцы все это увидят. Пусть видят нашу индустриальную и военную мощь и выводы делают, какие нам нужно! Психиатрическая больница издали смот-

рится как обычная больница. А что касается исправительно-трудовых лагерей, то вышки охраны можно переделать так, что они издали будут смотреться как башни старинного города или монастыря.

Построили гостиницу по последнему слову... нет, не строительной техники, а техники надзора за иностранцами. И за своими тоже. Подслушивающие устройства вмонтировали во всевозможных местах, так что обитатели гостиницы буквально чихнуть не могли без того, чтобы их не услышали в подслушивающем пункте сотрудники КГБ. Весь штат гостиницы обязали стать осведомителями КГБ, обучив предварительно приемам вскрытия и осмотра чемоданов, а также тайного фотографирования постояльцев в любое время суток и в любых позах.

Поскольку иностранные шпионы, политики, журналисты и туристы в Партграде не появлялись, гостиницей завладели спекулянты из южных фруктовых республик. Система подслушивания пришла в упадок. Любопытные спекулянты выковырили подслушивающие устройства. Сотрудники гостиницы превратили помещение, откуда должно было производиться подслушивание, в дополнительный источник «левых» доходов. Ценное оборудование (кстати сказать, добытое в США и переправленное в Советский Союз через ФРГ) выбросили в подвал и разворовали.

Осмотрев гостиницу, комиссия приняла такое решение: всех обитателей гостиницы выселить и заселить отобранными людьми из районов области и из самого города. Последние должны изображать из себя сельскую интеллигенцию и колхозников, проводящих отпуск в городе или навещающих родственников. Обслуживающий персонал следует укрепить студентами университета и институтов, срочно обучив их нехитрой профессии гостиничной прислуги.

Теперь гостиницу решили срочно отремонтировать. Для этого в помощь малярам прислали целый батальон солдат. Солдаты выданные им краски и обои пропили вместе с малярами. Пришлось выдавать новые. За малярами и помогавшими им солдатами установили строгий надзор, прислав для этой цели батальон из войск особого назначения. Целая дивизия таких войск дислоцировалась около Партграда. Это были войска, под-

готовленные для десантных операций, вооруженные новейшим оружием и обученные особым приемам, включая приемы карате. Результат не замедлил сказаться. Десантники заставили маляров и рабочих-солдат в два дня привести в порядок здание, пропив при этом только половину отпущенных для ремонта материалов. Объяснение такой экономики оказалось очень простым: спекулянты боялись десантников и продавали им спиртные напитки в два раза дешевле.

Один из членов комиссии высказал мысль, что иностранцы наверняка постараются завязать контакты с другими обитателями гостиницы. Чтобы одолеть эту проблему, другой член комиссии предложил в прочие номера спрятать живых «слушачей». Кто-то усомнился в необходимости такой меры. Зачем, в самом деле, дублировать осведомителей КГБ, если обитатели прочих номеров и без того все будут осведомителями КГБ?! Надо же доверять нашим советским людям! Представитель КГБ на это заметил, что доверять надо, но надо проверять.

Первый маршрут

Улица Горького, на которую выходит главный подъезд «Ильи», в одну сторону ведет в старый и грязный район города с убогими домами и заканчивается пустырем, ставшим мусорной свалкой. Еще до приезда комиссии Крутов заблаговременно приказал закрыть движение в этом направлении гигантским щитом. На щите было изображено здание в стиле современной западной архитектуры, которое якобы будет воздвигнуто на этом месте. Согласно проекту (или обещанию), в этом здании, помимо просторных и комфортабельных квартир для рабочих и служащих, будут расположены бассейны, столовые, рестораны, спортивные залы, кинотеатр, дискотека и прочие блага цивилизации. Едва успели установить щит, как хулиганы написали на нем: «А будут ли в этом современном здании бордели и вытрезвители?». Щит пришлось перекрашивать. Но на нем появлялись новые хулиганские надписи и порнографические рисунки. Пришлось установить около него круглосуточное дежурство милиции и народных дружинников.

Выехали на площадь и невольно залюбовались зрелищем самой высокой в России статуи Ленина. Корытов предложил начинать знакомство иностранцев с городом с возложения венков к подножию монумента. Это будет стимулировать развитие в области цветоводства.

— Глядите, — сказал председатель городской комиссии, указывая на монумент Ленина. — Вчера тут была группа венков. А сейчас?! Ни одного! Украли, сволочи! У нас всегда так: чуть не досмотришь, все испохабят и разворуют. Михаил Сергеевич трижды прав: нужно всерьез браться за дисциплину и порядок.

— И как только они ухитряются это делать? — сказал председатель областной комиссии с некоторой долей восхищения в голосе.

— Наш брат-Иван и не на такое способен! — ответил представитель КГБ. — Русская смекалка!

В осмотр города включили, помимо статуи Ленина, остатки партградского Кремля, магазины сувениров, краеведческий музей и могилу Неизвестного Солдата. К могиле Неизвестного Солдата, как и в Москве, приезжают после регистрации брака молодожены, приходят группы молодых воинов после принятия присяги и пионеры. Все возлагают венки. Эта традиция породила две отрасли местной индустрии: одна — изготовление венков, другая — их похищение и перепродажа. В КГБ и в милиции считают, что второе предприятие есть на самом деле дочерний филиал первого. Но поймать до сих пор не могут, хотя у «могилы» постоянно дежурят милиционеры, народные дружинники и даже солдаты.

Около магазина сувениров обсудили проблему продажи туристам икон. К туристам наверняка будут приставать фарцовщики, предлагая старинные иконы. Иконы на самом деле изготовлены местными художниками-нонконформистами. На них еще краска не успела как следует высохнуть. Но сделаны они лучше старинных. И выглядят более древними, чем старинные. А главное — стоят дешево. На старые джинсы турист может приобрести пару икон, на новые — одну. Почему, спросите, старые джинсы ценятся дороже, чем новые? Отвечу вопросом: а почему старые иконы ценятся дороже новых, хотя они хуже новых?

Корытов предложил создать частную артель по изготовлению икон, предоставив ей возможность прода-

вать свою продукцию в магазине сувениров. Тем самым будет нанесен удар по фарцовщикам. Глава партградской комиссии предложил построить фабрику по изготовлению старинных икон и вывозить иконы для продажи на Запад и в страны Третьего мира. Представитель КГБ сказал, что лучше это дело передать в ведение попов. Представитель профсоюзов предложил передать эту отрасль индустрии в концессию Западу.

В первый маршрут решили включить также посещение городского Совета с целью показать иностранцам демократизацию советской системы власти и управления. В здании горсовета решили соорудить особую ложу, из которой иностранцы смогут наблюдать заседания Совета. Ложу решили снабдить аппаратурой для синхронного перевода речей народных депутатов на западные языки. Кобытов посоветовал на время посещения иностранцами заседаний Совета ставить на обсуждение проблемы, в отношении которых можно позволить плюрализм западного образца. Например, ставится вопрос о починке канализации в новом жилом районе. Разгораются жаркие дебаты. Лидер оппозиции произносит пламенную речь, в которой обличает сталинизм, брежневизм и нынешних консерваторов. О канализации может вообще не говорить, — к чему забивать головы гостей такими вонючими пустяками?! Послушав такую речь, иностранцы по возвращении домой напечатывают кучу всякой чепухи об эволюции нашего общества к парламентаризму. Правда, канализация работает плохо по-прежнему. Но в этом виноваты Сталин и Брежнев.

Второй маршрут

Целью второго маршрута было показать иностранцам героический труд партградцев в условиях перестройки. По выезде на Ленинский проспект, который в одном направлении вел в индустриальный район города, автобус резко затормозил: проспект в неполюженном месте пересекали двое пьяных мужчин. Они шатались, падали, вставали, помогая друг другу, и горлачили какие-то песни. Кобытов укоризненно взглянул на

представителя милиции. Тот залепетал что-то насчет того, что «недосмотрели», и пообещал «снять стружку» с кого следует. Пьяные погрозили автобусу и зигзагом продолжили свой путь. Если бы они знали, кому они погрозили!

Автобус промчался мимо магазина для слепых, называемого «Рассвет», и магазина ножных протезов, называемого «Скорород». Люди настолько свыклись с этими названиями, что не замечали мрачного юмора в них. Не заметили этого и члены комиссии. Председатель областной комиссии сказал, что эти магазины следовало бы показать иностранцам. Такой заботы о слепых и безногих, как у нас, вы нигде в мире не увидите. Неплохо было бы в иностранные делегации включать хотя бы по одному слепому. Пусть своими глазами посмотрят, как мы заботимся о трудящихся, лишенных зрения.

Автобус мчался мимо домов с вывесками бесчисленных контор. Кто-то сказал, что было бы неплохо число таких вывесок сократить. Но представитель КГБ заметил, что он недавно был в Париже, так там таких вывесок в десять раз больше. Иностранцы наверняка не обратят на них никакого внимания. Люди вообще больше замечают то, что не укладывается в их обычные представления.

То, что комиссия увидела в индустриальном районе, привело ее в уныние. Повсюду валялся мусор, пустые перекорезанные бочки, поломанные ящики, невообразимого вида остатки машин. У завода авиационных приборов была построена проходная «будка», по размерам мало уступающая самому зданию завода. Но через нее никто не проходил. И ворота, через которые по идее должны были проезжать машины, были заперты на гигантский висячий замок, каким, вероятно, запирали ворота Партградского Кремля еще во времена князя Олега. Еще более мрачную картину комиссия увидела у машиностроительного завода. У одного из цехов, который был виден издали, вообще отвалилась часть стены. Дыру завесили фанерным щитом, на котором был изображен Ленин с красным бантом, с хитрой усмешкой и слегка приподнятой рукой. Под Лениным были слова: «Верной дорогой идете, товарищи!». Но от дождей и ветров плакат принял такой вид,

что даже политически выдержанные члены комиссии не удержались от смеха.

— Что будем делать? — спросил товарищ Кобытов, и в голосе его звучала угроза. — За неделю порядок тут не наведешь.

— Ничего страшного, — оптимистически заметил представитель городского комитета профсоюзов. — Перекроем проспект перед улицей Брежнева. Там на самом деле пора отремонтировать асфальтовое покрытие. Транспорт направим в объезд по улице Брежнева, затем по улице Карла Либкнехта и Розы Люксембург, наконец — по улице Мориса Тореза. И выедем прямо к электроламповому заводу и к текстильной фабрике. Они закрывают вид на весь район. И порядок там относительно приличный. А за неделю там такой блеск навести можно, что...

— Только смотрите не переборщите, — успокоенно сказал Кобытов, — а то подумают, будто мы «потемкинскую деревню» устраиваем. Кстати, улицу Брежнева следует переименовать.

— Надо назвать ее именем Бухарина, — предложил представитель культурных учреждений. — Ведь Партград раньше назывался Бухаринском.

— Троцким, — поправил кто-то.

— А какая разница, — сказал представитель КГБ. Этого тоже пора реабилитировать.

— Лучше именем Бухарина, так как Бухарин был за перестройку, — сказал представитель комсомола.

— А не пора ли весь Партград переименовать в Троцко-Бухаринско-Зиновьевск?! — восторженно выкрикнул представитель профсоюзов.

— Лучше в Горбачевск.

— В Горбачевск будет переименован Ставрополь. А Партград будет назван именем Петра Степановича.

— Верно! Это будет справедливо.

— В конце концов можно маршрут труда вообще изменить так, что ничего тут переделывать не надо будет, — сказал Кобытов. — Образован совместный советско-американский концерн по производству стирального порошка. Петр Степанович считает, что предприятия надо строить здесь, в Партграде. Надо выбрать для них такой район, чтобы люди ходили туда как в парк. Построить там кафе, рестораны, кино-

театры. И иностранцам там будет приятно отдохнуть.

— На стройку время нужно, не один год, — возразил кто-то.

— Предприятия будут строить сами немцы и американцы, — ответил Кобытов. — А они строят быстро. За полгода построят.

— Замечательно! — воскликнул представитель КГБ. Будем показывать иностранцам их же собственные заводы. Это произведет на них неизгладимое впечатление.

— Вот еще бы в придачу к западной технике у нас были западные рабочие, — мечтательно протянул представитель профсоюзов. — А то наш брат-Иван и на западной технологии разведет наше отечественное свиноводство.

— Об этом уже подумали в Москве, — заверил Кобытов. — Инженеры, техники и высококвалифицированные рабочие будут из США и ФРГ. Наши же люди будут перенимать их опыт.

— Боюсь, как бы не вышло наоборот, — сказал представитель милиции. — Западные специалисты научатся у наших рабочих пьянству, халтуре и очковтирательству.

— В этом тоже свой плюс есть, — заметил Кобытов в порядке юмора. — Чем хуже будет на Западе, тем лучше у нас.

Когда комиссия возвращалась обратно, перед площадью Ленина пришлось притормозить, так как те два пьяные, которых видели утром, расположились спать посреди улицы. К ним подъехали милиционеры на мотоциклах со специальными колясками для сбора пьяных. Нарушителей порядка сунули в коляски и увезли. Путь был свободен.

— Сажать таких мерзавцев надо, — сказал представитель комсомола.

— Воспитывать надо, — поправил Кобытов не в меру ретивого комсомольского вожака.

— Верно, — поддержал Кобытова представитель КГБ. — Сначала надо воспитывать, а уж затем сажать.

За ужином Кобытов вспомнил, что на прием к Сусликову приходил директор одного из парттрэдских заводов, энтузиаст перестройки. Как идут его дела?

Притча о директоре завода

Не все парттрадцы восприняли перестройку как очередной руководящий спектакль. Нашлись такие, которые отнеслись к ней с искренним энтузиазмом. Один из них — человек, получивший в городе кличку Перестройщик.

В застойные годы Перестройщик был рядовым инженером. Никаких особых заслуг у него не было. От других он отличался несколько повышенной склонностью к обличительству. А обличать было что. Техно­логия устарела. Регулярно случались аварии и про­стои. Рабочие пьянствовали в рабочее время, халтури­ли, воровали все, что попадалось под руку. План вы­полнялся фиктивно. Продукция завода почти на сто процентов была брак. А между тем директор и его подручные жили припеваючи, обзавелись квартира­ми, дачами, автомашинами, в изобилии имели дефи­цитные предметы потребления. Без взяток и блата рядовые работники завода не могли получить даже то, что им было положено по закону. Короче говоря, на заводе творилось то, что творилось на всех предпри­ятиях города и что стало привычным образом жизни. Время от времени на заводе появлялись правдборцы, стремившиеся хоть немного оздоровить жизнь кол­лектива, но их усилия терпели крах. И что самое пора­зительное, масса сотрудников завода не поддержива­ла правдборцев. Люди прекрасно знали, что твори­лось в их коллективе. Но они сами участвовали в такой жизни, приспособлялись к ней в меру своих возмож­ностей. Они ухитрялись урывать какую-то долю благ различными способами, включая воровство, халтуру, обман, сговор, взаимные услуги, левую работу и про­чие средства, соответствующие общему стилю жизни. Они были соучастниками всего того, что правдборцы обличали как преступления.

Наступила эпоха гласности. Высшие власти при­звали граждан всех стать правдборцами. Предпри­ятиям вроде бы предоставили неслыханную свободу деятельности, стали переводить на самофинансирова­ние, заговорили о самоуправлении и прочих вещах, о коих раньше и помыслить не смели. Наш Перестрой­щик стал глашатаем перестройки, начал с остервене-

нием разоблачать директора и «всю его мафию» в коррумпции, бюрократизме и консерватизме. Статью в газете напечатал. По телевидению выступил. Его подержали в партийных инстанциях. Директора завода и ряд других начальников сняли с постов, назначив на их место более молодых и инициативных специалистов. Перестройщика назначили директором завода. Вот тебе власть, свобода предпринимательства! Покажи, на что ты способен!

На первых порах казалось, что теперь начнется подъем, и завод выйдет на уровень мировых стандартов. Восстановили твердую трудовую дисциплину. Прекратили пьянство в рабочее время. Но последствия этого прогресса оказались обескураживающими. Работая по-новому, рабочие за пару часов выполнили всю дневную норму. Потом началось твориться нечто невообразимое. У одних станков накапливались горы деталей, которые не могли двигаться дальше. Другие станки пришлось остановить из-за отсутствия подлежащих обработке материалов. Через четыре часа завод остановился. И еще четыре часа ушло на наведение порядка в наступившем хаосе.

Перестройщик носился по цехам, проклиная консерваторов, халтурщиков, пьяниц и прочих врагов перестройки. Старые рабочие пытались объяснить ему, что люди стали консерваторами, бюрократами, халтурщиками и пьяницами не в силу личной испорченности, а в силу самого строя жизни. Иначе просто не получается. Они советовали не пороть горячку, а вводить новшества постепенно, не нарушая привычного порядка вещей. А еще лучше оставить все без изменений, а новые принципы работы вводить параллельно, создавая новые предприятия с новой технологией и новой организацией труда. Новое надо строить не за счет уничтожения и переделки старого, а рядом со старым, постепенно вытесняя старое. Перестройщик, однако, и слушать ничего не хотел, старался людей и машины заставить действовать вопреки их натуре. Но реальность взяла свое. Через несколько дней восстановился прежний ритм работы. В отчетах дело выглядело так, будто работать стали по-новому. Но это была лишь новая «липа».

Независимость от государственного плана и свобо-

да инициативы, казавшиеся такими соблазнительными на словах, на деле оказались совсем иными. Дал о себе знать закон взаимного связывания или взаимного ограничения. Предприятия, воспользовавшиеся свободой, столкнулись с тем, что другие предприятия, с которыми они имели дело, тоже стали использовать свободу в своих интересах. Потребовалось вмешательство государственных органов, чтобы урегулировать конфликты, а фактически восстановить прежнее положение. Свобода предпринимательства оказалась удобной лишь в порядке исключения и в очень ограниченных пределах.

Завод Перестройщика вступил в конфликт с поставщиками сырья и с потребителями продукции. Последние сократили заказы, а потом от них совсем отказались. Поставщики нашли более выгодным для себя контракты с другими заводами. Перестройщик сунулся в обком партии с просьбой помочь. Ему сказали, что обком сейчас не вмешивается в такие дела. Он сунулся в министерство. Ему сказали, что он не один такой, что он сам должен искать выход из положения. Всю страну объездил Перестройщик со своими соратниками в поисках оптимального решения. За границу съездил. А толку никакого, только кредиты растранижил. Зарплату рабочим выплачивать надо, а банк денег не дает. Помчался Перестройщик в Москву. Добился приема у Сусликова. Тот прочитал ему нотацию, состоявшую из перестроечных лозунгов и общих фраз. Вышел Перестройщик из здания ЦК КПСС, достал у спекулянтов на оставшиеся деньги бутылку «горбачухи», выпил ее залпом и бросился под поезд метро. В Партграде о нем не пожалел никто.

Третий маршрут

Третий маршрут решили посвятить бытовым условиям трудящихся. Для этой цели выбрали новый и самый благоустроенный микрорайон города — Новые Липки. Район был назван в подражание московским Новым Черемушкам. Подобно тому, как в Новых Черемушках никогда не росла черемуха, в Новых Липках никогда не было ни одной липы. И партградцы истолко-

вали это название как очередную «липу» (в социологическом смысле).

Строили микрорайон еще в хрущевские годы в соответствии с принципами: совместить кухню и столовую с туалетом и ванной, спальню с прихожей, потолок с полом. Дома, построенные по таким принципам, получили название хрущоб. Причем, строились они так, что на другой же день после сдачи в эксплуатацию их надо было ремонтировать. И все же это был колоссальный прогресс: все семьи здесь жили не в коммуналках сталинских времен, а в отдельных квартирах. Пусть в микроквартирах, пусть в хрущобах, зато в отдельных. Когда пропаганда обращала внимание на этот факт, интеллектуалы выдвигали в качестве контраргумента другой очевидный факт: на кладбище каждый человек тоже имеет свое отдельное жилье.

Путь в Новые Липки лежал мимо пустырей и мусорных свалок. Еще при Хрущеве на их месте планировали разбить парк. Когда Хрущева скинули, скинули и высших партградских руководителей, считавшихся ставленниками Хрущева. Им вменили в вину не только плохо построенные дома, но и невыполнение обещания разбить парк на пути к ним. Но дома не отремонтировали и в течение всего брежневского периода.

— Вот вам пример того, как жили и работали в застойные годы, — сказал назидательно Корытов, забыв о том, что именно в эти годы во главе области стоял Сусликов, а он, Корытов, и тогда был его помощником.

Кто-то предложил устроить несколько субботников и посадить деревья хотя бы вдоль шоссе. Другой возражил, что теперь к субботникам относятся критически.

— Это явный перегиб, — заметил Корытов. Субботники были и остаются школой коммунистического отношения к труду. Этому нас учил Ленин.

При въезде в Новые Липки члены комиссии увидели бронзовый бюст покойного Портянкина. На лбу разжалованного в консерваторы и бюрократы бывшего члена Политбюро красовалось знаменитое русское ругательство из трех букв. Увидя это, Корытов предложил перенести монумент в другое место, где его не смогут увидеть иностранцы. И у хулиганов пропадет стимул безобразничать. Русский человек вообще начинает безобразничать, если его безобразия видны всем.

К тому же Портянкин скомпрометировал себя коррупцией, так что бюст лучше всего убрать совсем. Скоро Сусликов получит вторую Золотую Звезду, и место потребуется для его бюста.

Автобус остановился в центре микрорайона перед зданием районного Совета, которое было украшено лозунгами перестройки и портретами Ленина и Горбачева. Не успели члены комиссии размяться после долгого сидения, как к ним подошла группа жителей и передала жалобу на беспорядки в районе. Они попросили передать жалобу лично Горбачеву. В жалобе говорилось, что дома были приняты в эксплуатацию с такими дефектами, что сразу же потребовался капитальный ремонт. В стенах образовались щели, через которые проникает вода во время дождя. Через мусоропровод и вентиляцию в квартиры заползают тараканы. Отопление плохо работает. Не работает прачечная. На весь район два кафе и одна столовая, в которых нечего есть. И очереди везде. С транспортом ужасно плохо. Автобуса приходится ждать иногда часами. Чтобы устроить детей в детский сад, приходится ждать очереди больше года.

Корытов счел жалобу справедливой. Лишь по поводу строк об отставании от Запада высказал несколько гневных слов. И в самом деле, давно ли мы радовались новым домам, школам, больницам?! Давно ли приходили в восторг от холодильников и телевизоров?! С нашим прошлым сравнивали. А теперь на Запад стали заглядываться. А ведь и на Западе не все живут припеваючи. И благополучие западным людям не даром дается. За него работать надо, да еще как! наших людей так работать не заставишь. Мы разучились ценить то, чего достигли у себя. А на Западе видим лишь магазины и курорты.

То, что комиссия увидела в лучшем жилом районе города, привело ее в уныние, несмотря на речь Корытова.

— Похвастаться, как видите, нечем, — сказал председатель райсовета, сопровождавший комиссию. Последствия застойного периода!

— Верно, — сказал Корытов. — Так и будем показывать это как последствие застойного периода. А вид на пустырь и свалку закрыть щитами с изображением жилого района, который будет построен благодаря пе-

рестройке. Разумеется, по последнему слову архитектуры и строительной техники. И с учетом всех потребностей граждан в бытовых удобствах.

По выезде из Новых Липок члены комиссии увидели такую сцену. Около монумента Портянкина расположилась группа пропойц с выпивкой и закуской. Один из пропойц делал по-большому в кустах около монумента, другой по-маленькому прямо на пьедестал, третьего рвало от выпитой гадости, а четвертый спал, широко раскинув руки. Около пьяниц сновали бездомные собаки. Нахальные воробьи клевали крошки на газетах. На загаженной голубями лысине Портянкина сидела драная ворона. Неподалеку на проезжей части улицы стоял оборванный старик. Он протягивал такой же рваный, как он сам, лист бумаги навстречу автобусу с комиссией. Автобус сделал резкий зигзаг, объехав старика и забрызгав его грязью.

— Что это за чучело, — спросил Корытов.

— Унитаз, — ответил кто-то из партграждан. Известный в городе сумасшедший, недавно выпущенный на свободу.

Притча об Унитазе

Выше, в разделе о влиянии Москвы на Партград говорилось о человеке, который приковал себя цепью к неисправному унитазу. Этот человек и был тот самый оборванный старик, стоявший на пути автобуса с комиссией. После истории с унитазом он получил кличку Унитаз. Но его героическое сражение против язв общества и за справедливость началось значительно раньше. Если бы кто-то заинтересовался его жизнью и описал ее в деталях, могла бы получиться картина, по своей трагичности превосходящая все обличительные книги вместе взятые. Собственно говоря, о его личной жизни и писать не надо было бы, — ее как таковой почти что не было. Достаточно было бы собрать письма, заявления, жалобы и просьбы, написанные им и с его участием в различные учреждения власти и различным должностным лицам, а также ответные бумаги. Это и было бы документально точным описанием его жизни.

А коротко говоря, история его такова. В 1939 году в многосемейной, коммунальной квартире, где жил тогда юный комсомолец, впоследствии прозванный Унитазом, окончательно вышел из строя унитаз. Он и раньше ломался, но после усилий всех сведущих в водопроводной и канализационной технике жильцов он приводился в относительный порядок. А тут поломался совсем. Жильцы обратились с просьбой в домоуправление. Не помогло. Обратились с жалобой в районный жилищный отдел. Не помогло. Написали письмо в «Парттрадскую правду». Не помогло. Написали письма в центральную «Правду», депутату Верховного Совета, Ворошилову, Буденному. И все равно никакого эффекта. В квартире не стало житья от зловония. Жильцы бежали справлять нужду по окрестным дворам, вызывая на себя злобу соседей. В этот критический момент комсомолец Унитаз подал идею написать письмо самому товарищу Сталину. Делать было нечего, и жильцы согласились с идеей Унитазы. Тот сочинил душераздирающее письмо о бездушных бюрократах, наносящих ущерб нашему обществу и строительству социализма в одной отдельно взятой стране (как раз в это время в школе изучали работы Сталина на этот счет). Жильцы подписали письмо и отослали. А на другой день Унитазы арестовали за антисоветскую пропаганду и организацию «коллективки». Хотя он был несовершеннолетним, его осудили на десять лет исправительно-трудовых лагерей.

Началась война с Финляндией. Унитаз попросился добровольцем на фронт. Его просьбу уважили. Он проявил героизм, был ранен, искупив тем самым свою вину кровью, был награжден орденом. После демобилизации он вновь включился в борьбу за ремонт унитаза. Опять пошли письма, просьбы, жалобы, резолюции. Не известно, чем кончилась бы для него эта волокита, если бы не началась война с Германией. Унитаз опять ушел добровольцем на фронт.

После войны он вернулся домой с «иконостасом» орденов и медалей, с тремя ранениями, в чине лейтенанта. Начались годы учебы и, само собой разумеется, борьбы за ремонт вечно ломающегося унитаза. На этот раз он углубил свою борьбу до обличений язв сталинизма, и его вновь осудили на десять лет. После разо-

благительного доклада Хрущева его освободили и реабилитировали. Он окончил институт, стал инженером, женился, завел детей. Старый его дом с неисправным унитазом пошел на слом. Унитазу дали комнату в другом доме, тоже старом, но еще не предназначенном на слом. Он был счастлив. Но счастье оказалось недолгим: сломался унитаз. Поскольку унитазы оказались неисправными во всем доме, Унитаз возглавил борьбу всех жильцов за ремонт всей канализационной системы. Это был более высокий уровень общественного движения, и Унитаз исполнял свой гражданский долг с большим увлечением. Тем более дело шло «оттепели».

В конце концов и этот дом пошел на слом. Унитаз с семьей получил отдельную двухкомнатную квартиру в новом доме. Невозможно словами описать ликование семьи Унитазы. Но уже через неделю в новой квартире сломался унитаз. Новый период сражений Унитаз закончился описанным выше эпизодом, когда он приковал себя цепью к неисправному унитазу.

Отбыв срок заключения, Унитаз посвятил свою жизнь целиком борьбе против бытовых неурядиц в районе. Он развелся с женой, поделив жилплощадь. Ему досталась комнатуха в шесть квадратных метров, по иронии судьбы — в многосемейной квартире с испорченным унитазом. Это его доканало. Он оказался в психиатрической больнице. С началом перестройки его освободили. В районе к нему привыкли и потешались над ним. А он продолжал сочинять жалобы по поводу неработающего унитаза в ЦК КПСС, в ООН, президенту США, Римскому Папе, Тетчер, Солженицыну, Сахарову. Но, как это и было во все прошлые годы, на них никто не обращал внимания.

Четвертый маршрут

Перспектива открытия Партграда для иностранцев подлила масла в огонь культурного ренессанса. Деятели культуры пришли в необычайное возбуждение, когда слух об этом разнесся по городу. Комиссию стали осаждать бесчисленные прожектеры, просители, жалобщики. С их помощью комиссия в кратчайший срок выработала программу мероприятий, осуществление

которых должно было вывести Партград в число ведущих культурных центров страны.

Решили предоставить артистам полную свободу творчества. Пусть открывают новые независимые театры любого типа и в любом количестве. Каждому актеру — свой театр! Пусть вытворяют, что хотят! Пусть критикуют кого и как хотят! Пусть голых баб и мужиков показывают! Пусть постельные сцены показывают! Чем бездарнее и грязнее, тем лучше, — иностранцы это любят.

Местным властям порекомендовали провести конкурс людей без голоса, без слуха и вообще без всяких артистических талантов, отобрать худших, создать из них ансамбли вроде западных и предоставить им сцены в местах появления иностранцев. Пусть вопят истошными голосами всякую чушь, пусть кривляются и трясутся, как обезьяны. Иностранцы увидят, что и у нас есть все такое, что им опротивело у себя в Париже, Нью-Йорке, Лондоне и Риме, и успокоятся. Мол, и в России сходят с ума, как у них, на Западе. Мол, и Россия покатила по пути демократии. Мол, надо помочь русским докатиться до конца в этом направлении.

Комиссия также посоветовала партградскому руководству создать множество объединений независимых художников и предоставить в их распоряжение помещения для выставок. Иностранцы наверняка будут посещать выставки и скупать мазню партградских «пикассят» и «пикассих» (выражения Кобытова). А на Западе это будет выглядеть как показатель «культурного ренессанса».

— Главное, — резюмировал обсуждение Кобытов, — иностранцы увидят, что хотя у нас нет еще результатов свободы творчества, зато есть нечто более важное, чем результаты творчества, а именно — свобода творчества, пусть даже с плохими результатами или совсем без оных. И пусть малюют голых баб и эротические сцены. Пусть дерзают и не побоятся коснуться темы гомосексуализма. Как говаривал сам Маркс, ничто человеческое нам не чуждо. И как говаривал Ленин, мы, большевики, не аскеты. Пусть новые музеи открывают. Каждому художнику — свой музей!

Писателям посоветовали основать столько журналов, сколько захочется. Каждому писателю — свой

журнал! За свой счет, конечно. Пусть сам бумагу достает, сам печатает, сам продает свои книги. Прибыль — пополам с государством. Печатать литературные произведения надо без всякой цензуры, без редактирования, даже не исправляя грамматические ошибки. Пусть будет видна индивидуальность авторов! Не надо бояться писать об убийствах, грабежах, изнасилованиях. Раз мы начали думать и жить по-новому, то и описывать нашу жизнь надо по-новому.

Корытов пообещал помочь писателям в издании журнала «Партградская трясина». Посоветовал изменить название на «В жопе России», дав следующее обоснование последнему. Вобычной жизни мы без мата и скабрзностей шагу ступить не можем. Но стоит кому-то в печати или в публичной речи употребить невинное словечко вроде «жопа», как подымется буря нравственного негодования. Во избежание обвинений в безнравственности нам приходится точные и выразительные слова, считаемые неприличными, заменять ужасающе серыми, скучными и туманными их синонимами. Вместо слова «жопа», например, мы употребляем выражения вроде «задняя часть тела», «часть тела, противоположная голове» или «то, чем сидят на стуле». При этом мы мнемся и сопровождаем такие перлы красноречия подленьким смешком. Задуманная ясность и красочность речи пропадает. А порою вообще приходится мычать нечто невразумительное, поскольку выражения вроде «А ты, Петр Иванович, есть типичная жопа!», «Наш отдел оказался в жопе» или «Пошли вы все в жопу» не имеют адекватного эквивалента в общественно одобряемом языке. В этой связи слово «жопа» заслуживает особого внимания. В неофициальном языке оно достигло степени общности и универсальности, позволяющей поставить его в один ряд с таким философскими категориями, как «материя», «сознание», «пространство», «время», «движение». Раз мы начали мыслить и жить по-новому, то нам надо осуществить перестройку и в языке. Вы, писатели, и должны возглавить языковую революцию. После того, как мы реабилитируем слово жопа», можно будет взяться и за всемирно знаменитое русское ругательство из трех букв. Я уверен в том, что оно войдет во все языки мира наряду со словами «спутник», «перестройка», «гласность».

Кровавое колесо

Вечером членов комиссии пригласили в Независимый театр на премьеру спектакля «Кровавое колесо» по роману упоминавшегося выше писателя. Спектакль был сверхноваторским. Как писали потом в газетах, авангард двадцатых годов показался бы в сравнении с ним старомодной классикой. Актеры шлялись по зрительному залу, приставали к зрителям с провокационными вопросами вроде: «А что ты делал в застойные годы?» и выволакивали пожилых людей, подозреваемых в сталинизме и брежневизме, на сцену на всеобщее посмешище. Актеры были одеты в грязные и вонючие костюмы, символизовавшие прошлую эпоху. От зловония многим зрителям становилось дурно. Их под улюлюканье актеров выводили из зала. А кто-нибудь из актеров назидательно вопил: «А каково было вашим жертвам?!».

Пьеса охватывала все основные вехи советской истории, начиная Октябрьским переворотом и кончая перестройкой. Начинался спектакль сценой в Смольном. Ленин с соратниками бежал по коридору. Навстречу шел Сталин. Ленин остановился на миг, спросил у Троцкого, указывая на Сталина, что это за бандитская морда. Троцкий сказал: «Шляются тут всякие!». Сталин сверкнул желтыми глазами, закурил трубку и проворчал с акцентом: «Погодите, я вам покажу, где раки зимуют!». В следующей сцене изображалось совещание вождей партии. Ленин полулежал в гробу, окруженный учениками и соратниками. Среди них крутились Хрущев, Горбачев, Сахаров, Ельцин. Обсуждались меры по перестройке всего того, что еще не начали строить. Рыков предлагал передать власть Советам, выбирать из двух кандидатов. Каменев предлагал разрешить несколько партий. Зиновьев предлагал ограничить функции партии идеологическим воспитанием трудящихся. Тухачевский предлагал уничтожить атомное оружие, а также ракеты ближнего, среднего и дальнего действия. Бухарин предлагал распустить колхозы и перейти на фермерское хозяйство, как в США. Он уверял, что один фермер с семьей будет производить больше, чем колхоз из трехсот человек. На вопрос, что делать с высвободившимися людьми, Буха-

рин посоветовал послать их учиться. Вдруг на сцену вбежал Сталин с сообщниками, среди которых, помимо известных сталинистов, фигурировали также Брежнев, Черненко, Громыко, Гришин, Робеспьер, Марат, Кромвель, Мао цзедун, Хомейни и даже Гитлер. Сталин запихнул Ленина в гроб и заколотил крышку гроба огромными гвоздями. Ленин еще долго кричал из гроба, что Сталин груб, что он захватил слишком большую власть над партией, что его надо снять с поста генсека. А Сталин спокойно сел на гроб и закурил трубку. Робеспьер вместе с Берией вкатил на сцену гильотину и начали рубить головы ленинской гвардии. Головы катились со сцены в зрительный зал. Как потом писали газеты, хотя все знали, что головы были не настоящие, зрители получили удовольствие от поразительной правдоподобности изображения духа эпохи. По рядам в это время бродили вонючие артисты, собирая подписи под требованием напечатать «Архипелаг ГУЛАГ».

Потом изображались коллективизация и индустриализация. На сцене валялись трупы. Их время от времени убирали и снова заваливали сцену трупами. С колхозников сдирали шкуру, причем — по три раза, как того требовала пословица. Заводы и машины складывали из трупов. Рабочих через каждые пять минут расстреливали. Все это делали Сталин и его подручные.

В следующем действии изображались предвоенное время и война. Сталин обнимался с Гитлером, договаривался о разделе Европы. Чтобы доказать Гитлеру свою дружбу, Сталин приказал арестовать и расстрелять всех офицеров, генералов и маршалов Красной Армии, за исключением самых глупых. Началась война. Сталин спрятался под землю, плачет, дрожит от страха, кричит «Братья и сестры, спасите меня!». Армия в панике. Один генерал Власов хочет спасти Россию. Просит Гитлера разрешить ему освободить Россию от большевиков. Гитлер, однако, не доверяет патриоту Власову и терпит поражение. Узнав об этом, Сталин вылезает из-под земли, присваивает себе плоды победы и опять принимается за старое — за аресты и расстрелы. Не известно, чем бы это кончилось, если бы не появились Хрущев и Горбачев. Они начали произносить разоблачительные речи. Сталин стал корчиться и упал бездыханным. Всеобщее ликование. По

сцене и по залу стали бегать хрущевцы с кукурузными початками. Но недобитые сталинисты во главе с Брежневым остановили праздничное ликование. Все замерло. Сцена и зал погрузились во тьму. Это продолжалось полчаса. Газеты потом писали, что это было самое сильное место не только в спектакле, но и в советской драматургии вообще. В зале царила такая тишина, что не было слышно даже жужжания мух, — они все сдохли от скуки в предыдущих действиях. Наконец, вспыхнул ослепительный свет. Началась перестройка. Появился Горбачев в облике Петра Великого и начал прорубать окно в Европу.

Члены комиссии с большим трудом досидели до конца представления. Но спектакль все же рекомендовали для показа иностранцам. При этом они руководствовались установкой, высказанной Корытовым.

— Спектакль, конечно, спорный, мягко говоря, — сказал он. — Но что является главным для нас на данном этапе? Провести определенную политическую линию с учетом конкретной исторической обстановки. Спектакль этот не для наших людей, а для иностранцев. Наши люди добровольно такое дерьмо смотреть не будут, а за деньги тем более. Иностранцев же хлебом не корми, только дай в нашем мусоре покопаться. А показывая этот спектакль иностранцам, мы одним выстрелом трех зайцев убиваем. Во-первых, валюту получаем. Во-вторых, демонстрируем критическое отношение к язвам прошлого. В-третьих, допускаем неслыханную ранее свободу творчества. А в подлинной исторической правде и подлинном творчестве иностранцы меньше всего заинтересованы. На подлинное нужны гении и время. У нас нет ни того, ни другого. Гениев, впрочем, мы нашли бы. Но ведь гении всегда идут не в ногу с нашими установками.

Пошел ты в жопу!

Не успели члены комиссии очухаться от «Кровавого колеса», как пришлось ехать на просмотр нового фильма, созданного в условиях полной свободы творчества. Фильм назывался «Пошел ты в жопу!». Само это название произвело сенсацию в мире искусства и его

поклонников. Еще не посмотрев фильма, критики объявили его самым выдающимся шедевром за всю историю советского кино. Глядя фильм, члены комиссии не знали, как реагировать на него. Это был действительно шедевр, но шедевр бездарности, пошлости, скабрёзности, хамства, распушенности и претенциозности.

— Такие помои мне еще ни разу не приходилось хлебать, хотя я просмотрел сотни плохих фильмов, — шепнул Корятову представитель культурных учреждений. — Из устаревших западных достижений взято все самое худшее. Все это перемешано хаотически. Плюс к тому порнография, идиотизм, идейное убожество. Одним словом, не просто плохо, а мразь.

— Превосходно, — шепнул в ответ Корятов. — Пусть мразь, лишь бы не настоящий шедевр. Передайте товарищам, что фильм дрянной, но вполне в духе перестройки. Будем хвалить.

Услышав установку Корятова, члены комиссии успокоились и слились в своих реакциях со зрителями. А те после каждой пошлости, нелепости и скабрёзности раздражались бурными аплодисментами. Особенно сильно аплодировали, когда показывались голые женщины и постельные сцены. Фильм кончился восклицанием главного героя, обращенным к секретарю обкома партии: «Пошел ты в жопу!». В зале после этого поднялся рев восторгов. Аплодировали стоя. На сцену вызывали создателей фильма. Их засыпали цветами.

После просмотра состоялось обсуждение фильма. Пару слов попросили сказать Корятова. Тот сказал, что фильм можно послать на кинофестиваль в Канны.

— Вы это серьезно? — спросил Корятова представитель культурных учреждений, когда комиссия покинула киностудию.

— Вполне, — ответил Корятов. — На Западе смотрят на нас, как на дикарей. Если мы начинаем делать что-то похожее на них, они начинают похлопывать нас по плечу и награждать премиями наше запоздалое дерьмо. А если уж делать дерьмо, то в этом отношении мы можем перегнать Запад в два счета. Одним словом, додермим и передермим Запад в культуре, — вот наша установка на данном этапе.

— Вы правы. С такой установкой мы справимся. А на создание настоящих шедевров нужно время. Да и

как определить, что есть шедевр?! И ко всему прочему, наша эпоха вообще есть эпоха торжества посредственности и уродства. Но все-таки немного грустно. Ведь делали же у нас фильмы, потрясавшие весь мир!

— Когда это было?! Во времена культа личности. Тогда люди еще верили в идеалы, на Запад не зарились. И вообще...

Корытов не закончил мысль, но всем было и без слов ясно, что он переживал. В гостинице собрались в комнате Корытова, основательно выпили и проговорили чуть ли не до утра.

Пятый маршрут

Следующий маршрут наметили в Дом Престарелых, Похоронный комплекс, монастырь и действующую церковь. Объединяя эти заведения в нечто единое, руководствовались не только их территориальной, но и жизненной близостью: старики готовятся на тот свет и задумываются о душе и загробной жизни, кладбище и церковь испокон веков были неразделимы.

Комиссия осталась чрезвычайно довольна тем, в какой вид попы привели монастырь за удивительно короткий срок. Настоятель дал роскошный обед в честь комиссии. На обеде он произнес речь, в которой говорил о росте числа желающих постричься в монахи и учиться в семинарии, о тяге комсомольцев и даже членов партии к религии, с одной стороны, и об интересе священнослужителей к марксизму-ленинизму, с другой стороны, о перестройке церкви, о готовности профессор семинарии читать бесплатно лекции по истории религии в антирелигиозном музее. Корытов в ответной речи призвал служителей культа начать борьбу против тлетворного влияния отрицательных сторон западного образа жизни на советских людей, некритически заимствующих их вместе со сторонами положительными.

— Эти ребята не подведут, — сказал Корытов своим коллегам, когда они покинули гостеприимный симбиоз веры и безверия.

В действующей церкви комиссию встретила туча откормленных попов. Их сытые, лоснящиеся физионо-

мии источали самодовольство и уверенность в завтрашнем дне. Они были одеты так, будто все были митрополитами и патриархами.

— Вот это маскарад, — шепнул представитель профсоюзов представителю КГБ. — Любой за патриарха сойти может. Они и до революции так роскошно не одевались.

— Церквушка малюсенькая, а попов как в Ватикане, — шепнул в ответ представитель КГБ. — А мы против бюрократии боремся.

— Попов это не касается, — сказал Корытов. — У нас церковь отделена от государства.

— И слава богу, — сказал представитель профсоюзов. — Если ее присоединят к государству, то от попов прохода не будет. Неужели все-таки бог существует?!

— Если бы существовал, то таких безобразий не допустил бы.

Комиссия посоветовала попам во время посещения церкви иностранцами устраивать образцово-показательные крещения младенцев, свадьбы, похороны и прочие обряды. Родители младенцев могут быть членами партии, новобрачные — комсомольцами, покойники — бывшими партийными работниками. В этих случаях будет убедительнее выглядеть свобода религии. И вообще, церковь вполне может теперь работать рука об руку с идеологией и пропагандой. Корытов пообещал помочь попам издать материалы, касающиеся гонений на церковь в сталинские годы. Попы попросили принять суровые меры в отношении церковных диссидентов, критикующих перестройку церкви и создающих еретические группы вне православной церкви. Свобода религии не есть свобода внутри религии.

В Доме Престарелых для комиссии показали концерт самодеятельности. Старики орали современные шлягеры, тряслись и кривлялись так, как будто им было не больше двадцати лет. Директор Дома пояснил, что старики, как оказалось, самой природой предназначены для новых веяний: они трясутся, корчат гримасы и скулят именно от старости. Если их подкрасить, приодеть и вколоть укольчики, то из них можно создать молодежный рок-ансамбль похлеще тех, что гремят в Москве.

После концерта группа старых большевиков вручила Корытову предложение с просьбой передать его

лично Михаилу Сергеевичу. Предложение заключалось в том, чтобы вывозить саркофаг с Лениным за границу и показывать его там за большие деньги. Тем самым будет поступать валюта, необходимая для перестройки. Старики при этом ссылались на то, что мумии египетских фараонов возят во всему миру и «зашибают большие деньги». А ведь Владимир Ильич сделал для освобождения человечества побольше, чем какой-то Рамзес или Аменхотеп.

В Похоронном комплексе членов комиссии сразу же усадили за стол. Хотя они уже набили животы в монастыре, устоять перед похоронной трапезой не смогли, настолько она выглядела соблазнительно. Заведующий Комплексом заверил Корытова, что новое руководство Комплексом исправило ошибки предшественников. Теперь труженики загробного мира будут уверенно претворять в жизнь установку Партии и Правительства на ускоренное развитие без всякого жульничества, используя скрытые резервы. В частности, они заключили договор с Домом Престарелых. Теперь обитатели Дома предоставляют свои тела для захоронения в Комплексе, а не на деревенских кладбищах. Ведутся аналогичные переговоры с психиатрической больницей и «Атомом». Есть, конечно, трудности. Продуктивность Комплекса сдерживается бюрократами учреждений, поставляющих Комплексу сырой материал. Большие надежды труженики загробного мира возлагают на развитие деловых контактов с западными компьютерными фирмами. Комплекс намерен наладить производство гробов с компьютерами, которые будут поддерживать постоянную температуру и влажность в гробовом салоне, и покойники будут сохраняться в свежем виде по крайней мере сто лет. Слух об этом уже распространяется в городе. Поступили заявки на компьютеризованные гробы от тысяч граждан. Тут открывается еще одна соблазнительная перспектива: если такие гробы продавать со скидкой или даже выдавать бесплатно, то миллионы граждан согласятся сократить пенсионный период до минимума. Тем самым мы остановим процесс старения общества и сэкономим государству миллиарды рублей за счет пенсий и облегчим жилищные проблемы.

Вечером членов комиссии пригласили на Суд Истории, организованный по инициативе Дома Престарелых и обкома комсомола.

Установку Москвы на восстановление исторической правды в Партграде истолковали именно так, как того и хотели в глубине души в Москве, а именно — как установку врать по-новому. Вспомнили о том, что Партград когда-то назывался именем Троцкого. Обратились в Москву с просьбой вернуть это имя городу, но Москва посоветовала подождать. Надо сначала как следует проэксплуатировать реабилитацию Каменева, Зиновьева и Бухарина. Когда сенсация по этому поводу на Западе сойдет на нет, тогда им можно будет подбросить новый материальчик для шумихи. А пока займитесь Бухариным, — приказали из Москвы. И в Партграде поднялась волна конференций по Бухарину. Возникло даже особое неформальное общество бухаринцев. Оно выпустило брошюру, из коей явствовало, что Горбачев просто позаимствовал идеи перестройки у Бухарина. Руководителей общества пригласили в обком партии и попросили умерить пыл.

— Что же получается, товарищи, — сказали бухаринцам. — Тогда еще только начинали строить, а уже о перестройке говорили? А не рановато ли? И товарищ Горбачев может быть кое-что новое по сравнению с Бухариным сказал?

Бухаринцы пообещали внести исправления в историческую правду. В связи с этой историей возник анекдот. На том свете встретились Хрущев и Брежнев. Они спросили друг друга, строили ли они что-нибудь. Получив отрицательный ответ, они изумились: так что же перестраивают горбачевцы?!

Помимо общегосударственной правды в Партграде начали восстанавливать правду местную. Стали искать подходящих кандидатов. Выяснилось, что все вожди области вплоть до Сусликова и Крутова были отъявленные мерзавцы. По их приказам были загублены сотни тысяч невинных жертв, прежде чем они сами стали жертвами террора. К тому же почти все они были нерусские. Остановились в конце-концов на некоем Иванове, которого расстреляли как бухаринца, хотя он никогда не встречался с Бухариным и политической вообще не занимался, как он сам заявил на суде. В наказание за это ему и приписали принадлежность к

троцкистско-бухаринскому блоку. Этого Иванова и сделали невинной жертвой и идейным противником сталинизма. Его именем назвали улицу города, издали его биографию и установили памятник. Потом выяснилось, что он возглавлял ЧК, затем — ГПУ и НКВД в области и был расстрелян за чрезмерное усердие в уничтожении «врагов народа». Но об этом писать не стали.

В Доме Престарелых разыскали одного нераскаявшегося сталиниста. Старик оглох, ослеп и впал в полный умственный маразм. Над ним решили устроить образцово-показательный Суд Истории. Отобрали на роль судей молодых людей с университетским образованием, ставших теоретиками и апологетами перестройки. Суд проводили в помещении драматического театра, иллюстрируя исторические экскурсы судей театральными представлениями. Зал был набит битком. Суд показывали по телевидению. Судьи под немолчающие аплодисменты собравшихся мужественно обличали «недобитого культиста» в жутких преступлениях, совершенных в сталинские годы. Его обвинили, в частности, в зверском убийстве товарища Иванова, о котором упоминалось выше. Старик на каждый вопрос, обращенный к нему, и на каждое обвинение кивал головой и бормотал что-то невразумительное. Какая-то пожилая женщина вякнула было, что это суд ей напоминает сталинские процессы тридцатых годов, только с обратным знаком. На нее обрушились всем залом, и ее вывели милиционеры за нарушение порядка. Председатель Трибунала Истории заявил, что в лице этого нераскаявшегося сталиниста тут судят всю сталинскую эпоху.

На другой день выяснилось, что по ошибке на Суд Истории привезли совсем не того старика. Судимый оказался жертвой сталинизма, отсидевшей в лагерях более двадцати лет. Но дабы не пострадала историческая правда, этот факт гласности не предали. И никто на этом не настаивал. Парттрад жаждал освободиться от прошлых грехов и двигаться в будущее с чистой совестью.

Шестой маршрут

Для показа иностранцам либерализации режима наметили посещение исправительного лагеря строгого режима, известного во всем мире благодаря уцелевшим жертвам сталинизма и диссидентам. В сталинские годы лагерь был одним из крупнейших в стране. При Хрущеве он опустел и был почти полностью разрушен. При Брежневем его частично реставрировали. Содержали в нем главным образом политических заключенных. Самых отпетых уголовников содержали в нем лишь для терроризирования политических. С началом перестройки часть политических выпустили, а других распределили по обычным лагерям. И лагерь снова опустел.

Представитель КГБ предложил устроить в брошенном лагере музей сталинского и брежневского террора наподобие Дахау и Бухенвальда. Идея такого музея наверняка найдет отклик во всем мире. Посыпятся жертвования. Бывшие узники лагерей и члены семей погибших завалят музей материалами и экспонатами. В центре лагеря надо водрузить памятник жертвам террора.

— Отличная идея, — сказал Корытов. — Только палку перегибать не следует. Наше прошлое — не одни провалы и преступления. Мы все-таки стали сильнейшей державой мира. Какую войну выиграли. Спасли человечество от фашизма. В космос первыми вышли. Не все же в лагерях сидели. Был же трудовой героизм. Был энтузиазм. Были репрессии. Были преступления, ошибки. Но нельзя же сводить к ним нашу великую историю. Председатель партградской комиссии подхватил мысль Корытова и развил ее далее. Он предложил вообще на территории лагеря сделать филиал краеведческого музея, в котором несколько стендов посвятить репрессиям в сталинские и брежневские годы.

После продолжительной дискуссии комиссия нашла более целесообразным отвести под прошлые репрессии один зал в уже существующем музее в самом городе. Это будет удобнее для иностранцев и много дешевле.

Решив проблему лагеря наилучшим образом, пере-

шли к другому объекту маршрута — к психиатрической больнице. Партградская «психушка» тоже имела дурную мировую славу. Сам тот факт, что ее разрешено посещать иностранцам, должен произвести сильное впечатление на Западе. Расположена она всего в полчаса езды от центра. Внешне она выглядит вполне прилично, не хуже западных заведений того же рода. Никаких диссидентов, подвергаемых принудительному лечению по политическим мотивам, там уже нет. Их всех выпустили на свободу или перевели в другие больницы. Содержащиеся в больнице пациенты все являются стопроцентными медицинскими сумасшедшими, и любые западные эксперты могут это подтвердить.

Но радость членов комиссии была непродолжительной. Они увидели, что больница была переполнена психами, свихнувшимися на перестройке. Если дать иностранцам поговорить с обитателями больницы, у них может сложиться ложное впечатление, будто тут содержатся искренние сторонники перестройки. Пойдут слухи, будто консерваторы в Партграде захватили власть и готовят контрреволюцию снизу в противовес горбачевской революции сверху.

Выход из затруднения нашли такой. Одно отделение больницы решили вообще освободить от больных и устроить в нем клуб для бывших жертв карательной медицины, выпущенных на свободу. Иностранцы из бесед с ними убедятся сами в том, что эти жертвы суть нормальные сумасшедшие, и распространят слух, будто прежние слухи на счет карательной советской медицины были сильно преувеличены.

В маршрут включили также встречи иностранцев с зелеными, патриотами и демократами. Зеленые как раз начали борьбу за спасение трясины. Они установили, что с осушением трясины в области исчезнут мухи, комары и оводы. В результате птицам нечем будет питаться, и они вымрут или эмигрируют на Запад. И тогда расплодятся те же мухи, комары и оводы, но уже в таких количествах, что людям житья не будет, и они вымрут или эмигрируют на Запад. В дискуссиях с зелеными иностранцы получают неповторимую возможность проявить свой гуманизм и чувство ответственности за судьбы насекомых.

Патриоты поняли москвичей с полуслова и во всем согласились с ними, кроме одного пункта: отношения к евреям. Комиссия попросила патриотов не обнажать свой антисемитизм открыто. Но патриоты заявили, что без явного антисемитизма никакого русского национализма не получится. А тайный антисемитизм вырождается в явную руссофобию.

С демократами произошел курьез, о котором стоит рассказать особо.

Посткоммунистическая эра

Слухи о том, что на Западе решили считать наступившую эпоху полным крахом коммунизма и началом посткоммунистической эры, дошли и до Партграда. Рядовые партградцы остались равнодушными к ним. Им было безразлично, как называется то свинство, в котором они жили испокон веков и обречены жить до скончания века — крепостничеством, военным коммунизмом, развитым социализмом или посткоммунизмом. Они с ускорением, но со все меньшей эффективностью рыскали по городу и его окрестностям в поисках съестного, глушили «горбачуху» и били морды перестройщикам, консерваторам и друг другу. Намерение Запада освободить их от оков коммунизма было им так же чуждо, как и намерение перестройщиков улучшить коммунизм.

Зато интеллектуалы с головой окунулись в дискуссию на эту тему. А что им оставалось делать?! Политические анекдоты были все рассказаны. Перестроечные анекдоты вызывали скуку. Все язвы коммунизма были разоблачены. Вся прошлая советская история была оплевана и замазана грязью настолько, что уже и плюнуть некуда было. «Горбачуха» утратила былую силу, — к ней привыкли и пили с отвращением. Вот в этот идейно-критический момент Запад и подбросил мыслящей элите Партграда животрепещущую тему: как организовать жизнь в области после того, как коммунизм совсем исчезнет?

Возглавили это интеллектуальное движение демократы. Как раз перед приездом московской комиссии они обратились в областной Совет с требованием (не с

просьбой, а именно с требованием!) предоставить им помещение для проведения конференции на означенную тему. На этой конференции они собирались сказать во всеуслышание свое: «Есть такая партия!».

В облсовете впали в панику. Обратились за советом в обком партии. Там сначала послали их «на...». Мол, вы теперь высшая власть, вы и решайте. Лишь после того, как председателя облсовета свезли в больницу с обширным инфарктом, Крутови Горбань пошли навстречу будущему парламенту. Горбань предложил предоставить под конференцию пустующий барак бывшего лагеря для политических заключенных или аналогичную палату психиатрической больницы. Крутов сказал, что на Западе это могут неверно истолковать, и предложил провести конференцию в помещении цирка, которое пустовало в связи с гастрольями цирковой труппы на Западе. Предложение Крутова приняли, покатываясь от хохота. Сожалели только о том, что клоуны Ванюшка и Петюшка тоже укатили на Запад. А то во время конференции «посткоммунистов» можно было бы чередовать номера клоунов с речами ораторов. Потребует, например, какой-то демократ приватизировать средства производства. После его речи на арену в слезах выходит Ванюшка, везет на тележке надутого резинового слона. Петюшка спрашивает его, в чем дело. Тот отвечает, что в цирке идет приватизация, и ему выдали слона в собственность. А чем его кормить, если сам перебивается с хлеба на воду? А где его держать, если у самого квартирка, ноги вытянуть нельзя? Петюшка утешает Ванюшку и советует ему складывать слона. Ванюшка вытаскивает затычку из слона. Из того выходит воздух. Ванюшка складывает слона и прячет в карман. В городе после этого неделю смеялись бы все до слез.

Комиссия в полном составе отправилась на конференцию. Ее появление было встречено аплодисментами. Корытова пригласили сесть в президиуме рядом с председателем. На повестку дня конференции был поставлен один вопрос: перспективы коммунизма в переживаемую эпоху. Глава демократов, открывая конференцию, сказал, что на Западе сейчас приобретает силу мнение, будто коммунизм терпит крах, будто начинается посткоммунистическая эра. Задача конференции —

обсудить, насколько это мнение соответствует реальности.

Начались выступления. И тут партградские интеллектуалы показали, что они не зря учились в советских школах, институтах и университетах, не зря сдавали экзамены по марксизму-ленинизму, не зря прошли школу жизни в советских коллективах. Они единодушно говорили, что сам факт разрешения конференции на такую тему красноречиво свидетельствует о силе и прочности коммунизма, о его способности развиваться в направлении демократии. Ораторы осудили преступления и ошибки сталинского периода, смело и бескомпромиссно обрушились на Брежнева и его мафию, пересказали речи Горбачева и прочих энтузиастов перестройки, пересказали газетные и журнальные статьи столичных трепачей. Что касается социально-политического строя и экономики посткоммунистической эры, то ораторы поддержали «платформу» демократов и «парламентской оппозиции».

После конференции Кобытов встретился с Крутовым и Горбанем. О посткоммунистах он сказал, что за ними надо глядеть в оба. Люди они грамотные. Из них можно укомплектовать всю пропагандистскую сеть области. Но они способны на любую пакость. Перед иностранцами они начнут выпендриваться. Ради похвалы на Западе они мать и отца продадут, а не то что идеалы коммунизма. С ними надо провести индивидуальную воспитательную работу. Дать им понять, что не все коту масленица, придет и Великий пост. Мы и без них проживем. Кроме того, надо особое внимание теперь обратить на неформальные объединения и движения, которые гораздо важнее для укрепления морально-политического единства нашего общества, а именно на такие: общество ветеранов Отечественной войны, союз ветеранов войны в Афганистане, общество комсомольцев 30-ых годов, общество активистов колхозного движения, общество ударников пятилеток, народные дружины. Одним словом, возможности тут огромные, и их надо использовать.

Говоря так, Кобытов ощущал себя действительно эмиссаром революции, но не этой демагогической «революции сверху», поднятой в средствах массовой информации на Западе и отчасти у нас самих, а той,

которая началась в октябре 1917 года и завоевания которой оказались под угрозой в нынешнюю газетную «революцию».

Седьмой маршрут

До революции область в изобилии производила мясо, масло, овощи, фрукты и хлеб, в общем — была отсталой сельскохозяйственной. После революции все это исчезло, и область поэтому стала считаться передовой промышленной. Хотя сельское хозяйство области во всю советскую историю находилось в жалком состоянии, Портянкин, Сусликов и Маоцзедунька стали Героями Социалистического Труда за успехи в его развитии. Маоцзедунька прошла путь от рядовой колхозницы до заведующего сельскохозяйственным отделом обкома партии исключительно благодаря тому, что руководимые ею участки сельского хозяйства и затем все оно постепенно приходили в упадок. К моменту описываемых событий оно дошло до предела деградации. И Маоцзедунька высказалась решительно против поездок иностранцев в деревню. Но ее вдруг осенило. Она вспомнила свою тетку, которая разводила кроликов и успешно торговала ими на колхозном рынке.

— У нее мешки набиты деньгами, — сказала Маоцзедунька, описав тетку как отъявленную спекулянтку. — Если сдать ей в аренду большой участок земли и позволить нанимать помощников, она кроликами всю область завалит. Кролики плодятся быстро, как кролики. Через пару месяцев от них житья не будет, как в Австралии в свое время. На кроличьей базе тетка построит птицеферму и свиноферму, а там и за коров возьмется. Ей только мешать не надо. Она в два года подымет животноводство в области на уровень мировых достижений. И город будет обеспечен мясом по горло.

— Отличная мысль, Евдокия Тимофеевна, воскликнул Корытов. — Пусть твоя тетка подымает сельское хозяйство. Пусть будет первым советским фермером американского образца. Пусть богатеет, лишь бы мясо в магазинах появилось. Пусть кролики, пусть хоть бы кошки, лишь бы мясо. Откроем для нее свой магазин.

А иностранцев будем водить в ее магазины и возить на ее ферму. Дорогу тудаотремонтируем.

Вечером провели время на даче у Маоцзедуньки. За ужином вспоминали хрущевскую перестройку. Вспомнили о председателе колхоза, посланце Москвы, трагически погибшем в те героические годы.

Притча о председателе колхоза

Произошло это в первые годы правления Хрущева. Решило высшее руководство перестроить работу колхозов, повысить их продуктивность и улучшить жизнь колхозников. Послали в колхозы из городов добровольцев в качестве председателей. Дали им кредиты и повышенные полномочия. Большинство таких посланцев быстро приспособилось к обстоятельствам и извлекло из них для себя пользу. Были, однако, среди них и идеалисты, поверившие в наступление новой эры. Один такой Посланец-идеалист оказался в Партградской области.

Перед войной этот Посланец окончил институт. В войну ушел добровольцем на фронт, дослужился до командира батальона, был трижды ранен, награжден многими орденами. После войны работал инженером в Сибири. Награждался за трудовые подвиги. Наконец, был назначен на важный пост в министерстве и зажил сытной жизнью столичного чиновника. Пошли бумаги, заседания, доклады, отчеты. Стали редеть волосы, появилось брюшко. А в душу стала закрадываться тоска: за что, спрашивается, боролись?! В этот психологически кризисный момент партия бросила клич: работники контор — в деревню! Он первым откликнулся на него. Жена отказалась ехать с ним, и он с ней развелся. Он попросил направить его в самый бедный колхоз, в самую глушь. И его послали в Партградскую область. Он отказался от всяких привилегий, поклявшись улучшать свои личные жизненные условия только вместе со всеми колхозниками.

Началась реальная жизнь. Кредиты оказались ничтожными, а полномочия призрачными. Все попытки Посланца поднять производительность труда колхоза разбились о полное равнодушие колхозников и скры-

тое сопротивление начальства. Колхозники над ним издевались, используя послабления для того, чтобы увильнуть от работы, заняться личным хозяйством, съездить в город на рынок. Начальство, одобряя на словах инициативу, фактически сводило ее на нет. Посланец начал выпивать. По пьянке женился. Жена оказалась оборотистой, и скоро дом председателя стал полной чашей. Жена взяла в свои руки закулисную колхозную жизнь. В колхозе началось твориться такое, что анонимные письма и открытые жалобы потоком пошли в органы власти и газеты. И Посланцу, как писали газеты, колхозники отказали в доверии, не выбрав его председателем. Придя домой после собрания, Посланец надел выходной костюм со всеми орденами, изорвал в клочья партийный билет и повесился.

Посланца решили считать жертвой «недобитых сталинистов». Кобытов посоветовал увековечить память о нем, назвав его именем колхоз и установив там памятник ему. Вспомнили также о Перестройщике. Обсудили, не стоит ли и из него сделать жертву консерваторов. Кобытов посоветовал подождать. Маоцзедунька намекнула, что ждать опасно, так как из Перестройщика могут сделать жертву реформаторов, а не консерваторов. Кобытов сказал, что именно поэтому надо подождать. Маоцзедунька мигом протрезвела и замерла с широко разинутой пастью.

Последний маршрут

Наконец добрались до приватизации. На первых порах комиссия пришла в замешательство: частные предприятия возникали и исчезали в течение считанных дней, и выбрать какое-то из них с надеждой на стабильность было просто невозможно. В большинстве случаев частники исчезали за тюремной решеткой. Лишь немногие избегали такой участи, а именно те, кто заблаговременно сворачивал дело и с чемоданом денег удирали из города. Процветал лишь туалетный концерн. Его и решили превратить в образцово-показательное частное предприятие.

В туалете членов комиссии встретили, как говорится, по высшему разряду. Дали посидеть на современ-

ных западных унитазах, причем бесплатно. Посадочная поверхность унитазов была сделана из синтетического материала, принимавшего форму зада. Корытов сказал, проведя целых полчаса в кабинке для особо почетных посетителей, что ему еще никогда в жизни не доводилось испытывать такое удовольствие от сидения. Не только система испражнения, но и мозг работали с поразительной ясностью. По выходе из кабинок всем членам комиссии выдали в подарок по куску немецкого мыла и по рулону ароматизированной туалетной бумаги. Потом администратор туалета, одетый в черный фрак, предложил гостям познакомиться с новинками зарубежного интимного туалета. Гости по одному уходили с администратором вглубь помещения через дверь, замаскированную под зеркало. Через некоторое время они появлялись обратно. Их глаза блудливо бегали по сторонам. Мужчины виновато застегивали брюки, а женщины поправляли юбки и кофточки.

— Если у нас все так работать будут, — сказал Корытов, — то мы через несколько лет не только догоним Запад в экономическом отношении, но и перегоним.

— Но лучше не перегонять, — сказал представитель КГБ.

— Почему?

— А тогда наша голая задница всем видна будет.

По выходе из туалета произошел забавный казус. Группа пожилых людей, принявшая членов комиссии за американцев, вручила им письмо Президенту Рейгану. В письме они просили Президента помочь им отремонтировать канализацию и вставить стекла в подъезде, выбитые пьяными хулиганами.

Чрево Партграда

После туалета комиссия направилась на колхозный рынок. Дорогой заспорили о том, почему рынок называется колхозным, хотя торгуют на нем в основном частники. Решили переименовать рынок в кооперативный и присвоить ему имя Бухарина.

Вид рынка напомнил членам комиссии толкучку самых мрачных лет советской истории. Бродили гряз-

ные, обросшие щетиной личности, высматривая, где и что можно стянуть. Валялись пьяные. Похожие на сказочных ведьм старухи торговались с забулдыгами, менявшими тряпье на самогон. На прилавках лежали тощие пучки укропа и петрушки, скрюченные морковки, синеющие картофелины, куски фиолетового мяса, издающие зловоние кости. За прилавками на мешках восседали краснорожие не то бабы, не то мужики. От них за версту несло самогоном.

— Да, это не «Чрево Парижа», — сказал Корятов, брезгливо зажимая нос. — Но все же хоть какое-то оживление экономики отрицать нельзя.

Поинтересовались ценами. Корятов аж присвистнул, узнав, сколько стоил жуткого вида кусок мяса, которое не стала бы есть его собака.

— Ого, — сказал он. — Раньше за такие деньги целого быка купить можно было.

— Такто когда было, — проворчала «колхозница». При царе. При культе личности. В застойный период. А теперича, милок, перестройка. Скажи спасибо, хоть еще есть.

Члены комиссии несколько оживились около ларька, в котором продавался русский квас. От ларька исходил чад, какой раньше можно было унюхать у пивных ларьков. К ларьку стояла длинная очередь. Испив квасу, граждане крякали, вытирали рот рукавом. Глаза у них округлялись и вылезали на лоб. Покачиваясь и рыгая, они уходили на пустырь, где уже валялись их предшественники. Одни из них тут же падали сами. Более стойкие вновь становились в очередь, так как квас отпускался, согласно объявлению, лишь «по одной кружке на рыло».

Члены комиссии тоже решили испробовать совсем было исчезнувшего в застойный период, но вновь возродившегося благодаря перестройке русского кваску. Толстомордая, хамского вида бабица рывкнула хриплым голосом, чтобы важных гостей пропустили без очереди, и приказала еле стоявшему на ногах помощнику напоить их «асобым очишшаным». Гости выпили по кружке и повеселели. После второй кружки они ощутили единство с народом и стали мочиться тут же у ларька. По дороге в гостиницу они беспричинно хохотали, обнимались, клялись в любви и дружбе и горлалили старинные песни на новый рок-манер.

Корытову в эту ночь приснился прекрасный сон. Он увидел гигантское здание гостиницы «Илья Муромец», перестроенной в соответствии с новым статусом Партграда. В гостинице теперь было двести этажей. Каждый этаж был высотой в полметра. Шириной тоже. Номера имели вид ящичков, куда иностранные туристы заползали на четвереньках. На всю гостиницу был один туалет с одной сидячей и одной стоячей точкой, которые были прикреплены к потолку. В туалет стояла длинная очередь, хвост которой уходил в Новые Липки. В очереди рассказывали перестроечные анекдоты.

— Почему такая очередь, — спросил Корытов, приотпывая голыми ногами от нетерпения.

— Все государственные туалеты вышли из строя, сказали ему, — и туалетное дело монополизировали частники. А им экономически выгоднее держать один туалет на весь Партград.

Чувствуя, что ему не дотерпеть, Корытов решил справить нужду у монумента Портянкина. Оглядевшись и убедившись, что за ним не подглядывают пенсионеры, он так и поступил. И сделал под себя. Проснулся на миг от ужаса по поводу содеянного, перевернулся на другой бок и уснул вновь. Теперь ему приснился Похоронный комплекс. К прессовальному цеху стояла очередь, такая же длинная, как в туалет. И в ней рассказывали перестроечные анекдоты. Корытов спросил, кто последний. Ему сказали, что живые стоят в очереди с другой стороны, а горбачевцев хоронят с ускорением. Корытов ринулся туда. По дороге заглянул в прессовальный цех, где покойников прессовали до размеров спичечной коробки. Рядом разместился частный магазин, где продавали миниатюрные гробики с американскими компьютерами. Узнав цену, Корытов ужаснулся: гробик стоил годовую зарплату работника ЦК среднего уровня!

— А где же такие деньги достать?! — воскликнул он.

— Нет денег — не помирай, — сказали ему.

Тут же продавался русский квас. Корытов выпил кружку, отдал за нее пальто, костюм, очки и совсем еще новые подштанники. Почувствовав опять приступ

естественной нужды, ринулся к монументу Портянкина. Все-таки нельзя к старым партийным кадрам относиться нигилистически! Но на сей раз его схватили пенсионеры и отвели в тюрьму. Там ускоренными темпами шла перестройка. Заключение отказались от дорогостоящей охраны и перешли на самоохрану. Опустевшие лагеря передали в концессию западным фирмам, которые наладили там производство наркотиков, проституток, абстракционистов, демократов, народных депутатов и прочих атрибутов перестройки. Кoryтoвa немедленно выбрали президентом. Сделав от радости еще под себя, Кoryтoв уснул спокойным сном эмиссара революции.

Последний разговор

Перед отъездом из Партграда Кoryтoв встретился с Горбанем.

— Тебе, Григорий Яковлевич, оказывается особое доверие. О том, что я тебе скажу, никому ни слова. Даже ни намек. Отвечаешь головой. Ясно?

— Ясно, Иван Тимофеевич! На меня можешь полностью положиться. Не подведу.

— Надо готовить замену Крутову. Нужен наш человек, железный, способный возглавить предстоящий поворот. Имеешь кого-то на примете?

— Тупицын, второй секретарь горкома.

— Знаю. Подойдет. Начнем его выдвигать постепенно. А Крутову надо помочь запутаться в личных делишках. Придет время — будем его судить за коррупцию, моральное разложение и авантюризм. А пока береги его, как зеницу ока. Не спугни преждевременно.

— Это легче легкого.

— Начинай подготовку к очистке области от всякой нечисти, накопившейся за эти годы. Во всех учреждениях и предприятиях следует создать секретные отряды из надежных людей. Взять с них подписку о неразглашении под страхом смертной казни. Если проболтаются, карать нещадно. Если журналисты и разоблачители сунут нос, не церемониться. Имей в виду, если что-то просочится на Запад, то...

— Понимаю!

— Чистку будем проводить молниеносно, в одну ночь. Заранее подготовь список лиц, подлежащих изъятию. Распредели роли. Наметь формы и места изоляции. Будь готов в любую минуту начать операцию. Сигнал дадим в наиболее подходящий момент.

— А Горбачев?!

— Мы хотим заставить его самого начать поворот. Когда он скомпрометирует себя в глазах общественного мнения, уберем. А если не пойдет на это...

— Все ясно, Иван Тимофеевич! Я свой долг коммуниста и патриота выполню, чего бы это мне ни стоило! Благодарю за доверие!

Великая история

В то время, когда объединенная комиссия занималась в Партграде проблемами, можно сказать, стратегического масштаба, во всех предприятиях и учреждениях города, во всех партийных, профсоюзных и комсомольских организациях, на всех уровнях системы власти и управления занимались проблемами меньшего масштаба, вплоть до отдельных личностей, окон, дверей, столов, плакатов, портретов, одежды, слов, улыбок, рукопожатий. Если бы всю интеллектуальную и творческую энергию, затраченную сотнями тысяч людей на все это, потратить на улучшение работы предприятий и учреждений области, то рывок вперед мог бы быть действительно грандиозным. Но коммунистическое общество организовано так и функционирует по таким объективным законам, что оно гораздо лучше справляется с проблемами имитации дела, чем с проблемами самого дела. К тому же формальная суэта по поводу дела тут считается более важным делом, чем то дело, по поводу которого поднимается суэта. Суэта по поводу дела привычна и легко выполнима. Она не требует длительных усилий, риска и потерь. Она прекрасно выглядит в отчетах. Она приносит удовлетворение и явную выгоду гораздо большему числу людей, чем само дело. Причем, она дает результат сразу, а не в отдаленном будущем. А главное, она прикрывает и компенсирует практическую невозможность осуществления дела в том виде, как оно было задумано в высших органах власти.

Так что все участники грандиозной суеты по поводу превращения Партграда в маяк перестройки делали свое дело с чистой совестью. В результате деятельности многих десятков тысяч людей были намечены сотни тысяч более или менее мелких мероприятий, которые в совокупности должны ввести в нужное заблуждение миллионы людей. Были составлены тонны документов. Они двинулись вверх, обрабатываясь должным образом, сокращаясь в объеме и обобщаясь на многочисленных ступенях социальной иерархии. Наконец они достигли штаба операции — Комиссии обкома партии. Здесь десятки чиновников из аппарата власти Партграда подготовили результирующий документ. Этот документ был передан главе Комиссии ЦК КПСС товарищу Кобытову. Он зачитал его в течение четырех часов на объединенном заседании Объединенной Комиссии и руководящего актива области. Бурные аплодисменты собравшихся означали одобрение документа.

Прощание с Партградом

Московская комиссия блестяще выполнила возложенную на нее миссию. Ясным солнечным днем москвичи покидали гостеприимный Партград. На площади Ленина они увидели нечто такое, чего еще никогда не было в издавшей виды человеческой истории. Облокотясь на мусорную урну, стоял маленький, но необычно толстый человек с физиономией, о которой в народе говорят, что ее за день на велосипеде не объедешь. Человек был одет в парадную форму генерала КГБ. На тротуаре перед ним лежала генеральская фуражка. Человек жалостным голосом вопил на всю площадь: «Подайте кто сколько может бывшему сталинскому палачу, загубившему тысячи невинных жертв!!!». Прохожие горстями бросали монеты и даже бумажные денежные знаки в переполненную фуражку.

Миновали колхозный рынок, переименованный в кооперативный. Даже через закрытые окна автобуса с кондиционером почувствовали квасное зловоние, исходившее из него. На мусорной свалке за рынком, слегка прикрытой щитами с перестроечными лозунгами и

плакатами, увидели группу забулдыг, распивавших «горбачуху» и распевавших песни.

Жизнь у нас всего одна.
Горбачуху пей до дна.

Кто-то сказал, что если бы результатом перестройки было бы только изобретение «горбачухи», то одним этим она была бы оправдана.

Выпив, тяпнем по второй.
Перестроим новый строй.

Москвичи рассмеялись, услышав эти слова. В самом деле, еще построить как следует не успели, а уже перестраиваем.

Третью тут же навернем.
Все обратно повернем.

Ну, это уж слишком. Горбачев сказал, что процесс перестройки необратим. Впрочем...

Пусть все видят: не потух
Наш исконный русский дух.

Вокруг певцов и пивцов стояли стукачи и записывали в блокнотики крамольные слова. Корытов вспомнил пародию на послание Пушкина декабристам в Сибирь, услышанную от Горбаня:

Товарищ, верь, пройдет она,
Так называемая гласность.
И вот тогда госбезопасность
Припомнит наши имена.

Вспомнил и радостно рассмеялся. Еще не все потеряно! Еще не потух наш здоровый русский дух! Рассмеялись и остальные, а чему, и сами не знали.

Сбывшаяся мечта

За огромный труд, проделанный по подготовке Партграда к открытию для иностранцев и превращению его в маяк перестройки, Сусликову вторично присвоили звание Героя Социалистического Труда. Таким образом, он получил право на бронзовый бюст в Партграде. Орденами Ленина были награждены Корытов и Кру-

тов. Награды получили и другие члены комиссии и руководящие лица области.

Сусликов отпраздновал награду в кругу семьи и близких друзей. Попробовав «горбачухи», которую ему привез в подарок Кобытов, Петр Степанович тут же заснул за столом. Ему приснился самый радостный в его жизни сон. Он увидел родной Партград, переименованный в Сусликовград. Город представлял собою гигантскую, розовую и пышущую здоровьем Жопу. На ней золотыми буквами блестел фундаментальный постулат суслизма, ставшего государственной идеологией вместо марксизма: «Жопа первична, голова вторична». Поверх его высился бронзовый бюст Сусликова на гранитном пьедестале. На лысом лбу Сусликова красовалось знаменитое на всю Вселенную русское слово из трех букв, признанное главным словом для всех языков. В центре Жопы зияла черная дыра, через которую на Запад исторгалось все то дерьмо, которое накопилось в Партграде за все годы советской истории. Дерьмо исторгалось с тем самым ускорением, на какое и рассчитывали инициаторы перестройки. А на Западе с наслаждением глотали это дерьмо и прославляли перестройку и ее вдохновителей, — горбачевых, сусликовых, крутовых, кобытовых, маоцзедунк.

ЭПИЛОГ

В «Интуристе» срочно подготовили путеводитель с призывным названием «Посетите Партград!». В предисловии к путеводителю стояло следующее. «Если вы жаждете не зрелищ и развлечений, а расширить и углубить свои познания о буднях советской жизни и о происходящей в стране перестройке, поезжайте в Партград! Гостеприимные жители Партграда будут рады принять любых западных гостей. Они распахнут перед вами не только двери своих домов, но и души. Знаменитая русская душевность здесь ощущается особенно сильно. Между прочим, русское слово душить происходит от слова «душа», т. е. имеет ту же основу, что и слово «душевность». И монастырь вам покажут. Иначе зачем же его построили?! Покажут вам и действующие церквушки, не имеющие архитектурной ценности, но зато интересные как пример свободы совести (т. е. вероисповедания) в советском обществе. Хорошо откормленные и образованные попы объяснят вам, что такой свободы религии, как в Партграде, вы не увидите даже в самом Ватикане. И икрой вас накормят. И водкой напоят, — вы же не советские трудящиеся, а иностранцы. На вас принудительная трезвость не распространяется. Пейте на здоровье, сколько захотите! И расписные ложки, плошки и матрешки специально для вас из Москвы привезут. И с народом поговорить разрешат без всяких ограничений. И даже агенты ЦРУ и других западных секретных служб не будут разоблачаться и арестовываться. Даже наоборот, им будет оказана всяческая помощь в раскрытии всего того, что ранее считалось секретным. Спешите посетить свободный Партград — маяк перестройки».

В конце 1988 года группа граждан одной западноевропейской страны решила посетить Советский Союз с намерением своими глазами посмотреть, как идет «перестройка», о которой так много говорят во всем мире. Они знали, что в Советском Союзе есть районы, доступ в которые иностранцам запрещен. К числу таких запретных мест относился город Партград. В советском консульстве членов этой группы спросили, где они хотели бы побывать. Они назвали Партград, будучи уве-

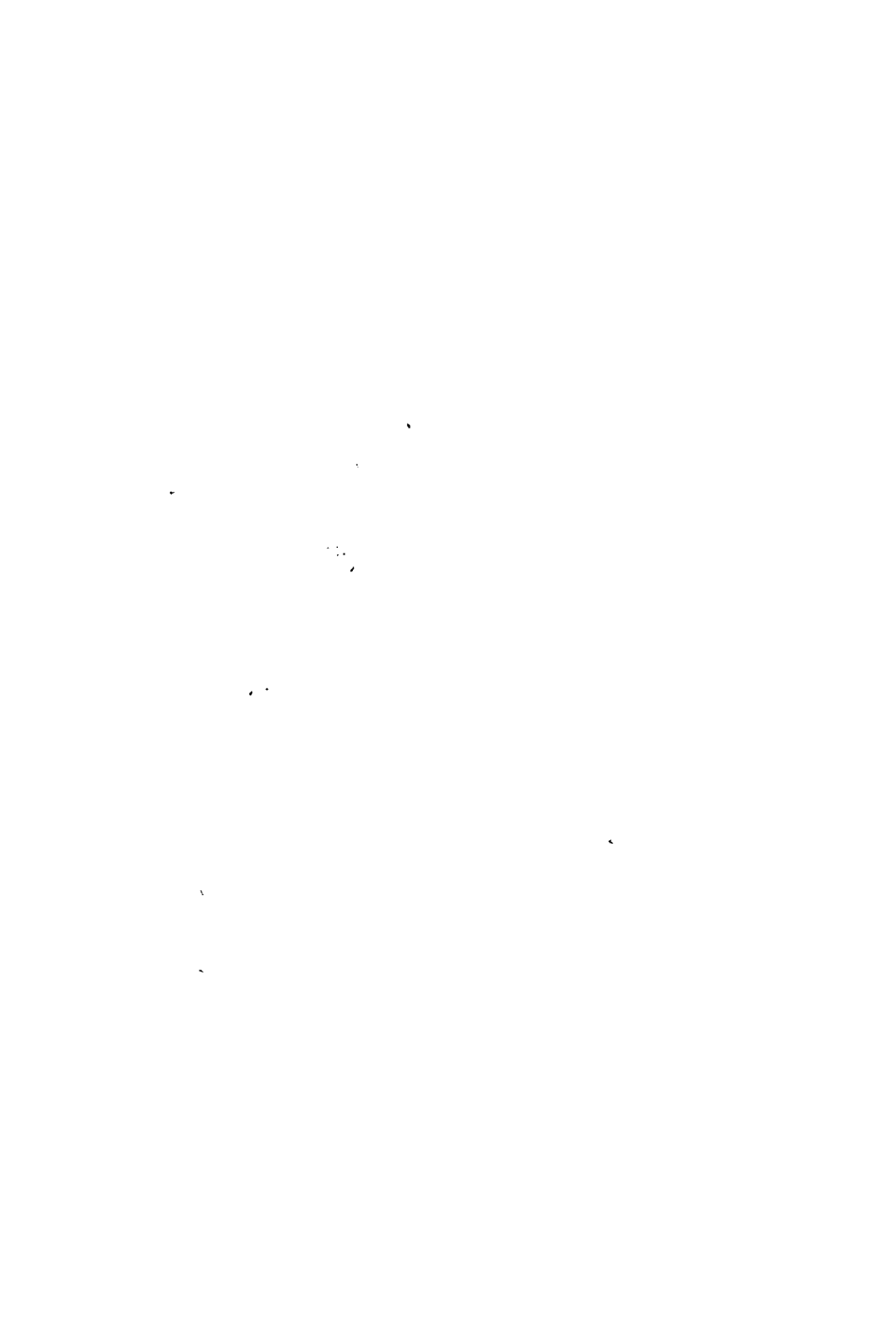

рены в том, что им откажут. Но к их удивлению им разрешили. Они сообщили о полученном разрешении в прессу, что произвело мировую сенсацию. Многие советские эмигранты, сомневавшиеся в серьезности намерений горбачевского руководства, после этого поверили в них, подали прошения о разрешении посетить Советский Союз и начали скупать на барахолках копеечные тряпки с намерением осчастливить ими своих родственников и знакомых на их бывшей родине. Один известный диссидент, в свое время отсидевший в лагере строгого режима около Партграда пять лет и покинувший Советский Союз с намерением до последней капли крови и до последнего вздоха бороться против советского режима, устроил в помещении издаваемого им антисоветского журнала прием в честь членов очередной советской делегации. Преподнеся им букеты цветов, трижды обняв их и облобызав, он со слезами умиления заявил, что горбачевское руководство воплощает в жизнь чаяния диссидентов, и что разрешение западным туристам посетить Партград есть убедительное тому свидетельство.

Первая группа иностранцев провела в Партграде неделю. По возвращении домой они напечатали восторженные статьи о том, что они увидели в Советском Союзе. Просматривая восторженные отзывы иностранцев о перестройке вообще и о Партграде в частности, начальник Партградского областного Управления КГБ товарищ Горбань сказал своему помощнику, что «этих идиотов на Западе надо слегка отрезвить, а то они там совсем перестанут нас бояться».

Мюнхен, 1989г.

А. Зиновьев

Искушение

ПРОЛОГ

21 сентября 1991 года в русском городе Царьграде (бывшем Партграде) убили женщину. Ничего особенного в самом этом факте не было. Не ее первую убили и не ее последнюю. Неподалеку от города расположены исправительно-трудовые лагеря. Многих заключенных после отбытия наказания, а иногда — освобождая досрочно, навсегда оставляли в области работать на химическом и атомном предприятиях. Так что город кишел уголовниками. Не отставали от них и честные граждане. Они от скуки и по пьянке порою вытворяли такое, что даже закоренелые рецидивисты начинали ощущать себя борцами за права насилуемого и ограбляемого человека. Грабежи, изнасилования, мордобой и даже убийства стали привычными буднями в общем и целом здоровой и дружной (как писали демократические газеты) семье царьградских трудящихся.

Найти преступников было бы делом пары дней, если бы не два из ряда вон выходящих обстоятельства. Первое из них — убитая оказалась персоной номер один города и области, т.е. представителем администрации президента России в области и мэром города Евдокией Тимофеевной Елкиной, прозванной в застойные брежневские годы Маоцзедунькой за ее махрово-сталинистские убеждения, от которых она в годы перестройки своевременно избавилась. Второе обстоятельство — убийство произошло всего через месяц после провала попытки государственного переворота 19-21 августа в Москве и в самый разгар расправы с «путчистами». Так что казалось бы самое заурядное уголовное преступление перерастало в событие, гораздо более значи-

тельное, чем убийство Кеннеди, Садата и Ганди, не говоря уж о покушениях на персон меньшего ранга.

Маоцзедунька была популярной личностью в Царьграде. Отставной полковник, в саду которого нашли ее труп сразу же опознал ее и поспешил сообщить потрясающую новость родственникам и соседям. Слух об убийстве Маоцзедуньки молниеносно распространился по городу. Так что оттянуть сообщение о ее смерти и скрыть причину смерти было уже нельзя. И уже через пару часов по телевидению сообщили о «трагической гибели лидера царьградской демократии и самого активного борца за перестройку». Известие ошеломило царьградцев, но не общеизвестным фактом убийства, а быстротой сообщения о нем и словесной формой. В сталинские годы не сообщили бы ничего, а если сообщили бы, то Маоцзедуньку изобразили бы как жертву врагов народа. И всем было бы ясно, что к чему. В застойные брежневские годы не сообщили бы ничего или с опозданием на неделю сообщили бы о смерти в результате несчастного случая, а скорее всего — просто о внезапной кончине. И тоже было бы ясно, что к чему. А тут сообщили сразу. Еще труп, можно сказать, не остыл, а уже поспешили предать гласности. И в каких словах! Трагическая гибель! Чтобы в Царьграде кто-то погиб трагически, такого в истории области еще никогда не было. Комически — это да. Смерть царьградца всегда смеха достойна. Но трагически — что бы это могло значить?!

Предварительные данные

Согласно предварительным данным следствия, убийство было совершено с целью грабежа. Убитая приехала из Москвы с объемистым чемоданом, набитым дефицитными вещами. Приехала ночным поездом. Из-за какой-то ошибки ее никто не встретил. Этим и воспользовались грабители. Увидев одинокую солидную женщину со столь же солидным чемоданом, один из них прикинулся шофером-частником, какие в большом числе появились с началом перестройки, и предложил ей свои услуги. Это не вызвало у жертвы никаких подозрений. Взяв тяжелый чемодан, мнимый частник повел свою жертву в переулок рядом с вокзалом. В этом тоже не было ничего настораживающего: все частники поступали аналогично, желая избежать

склок с государственными таксистами. В переулке два других грабителя набросились на жертву. Один заткнул ей тряпкой рот, чтобы не кричала. Другой слегка стукнул ее кирпичом по голове. Судя по прошлым случаям такого рода, грабители хотели лишь оглушить жертву. Но голова последней оказалась не такой крепкой, как показалось грабителям. Удар оказался смертельным. Увидев, что они чуть-чуть переборщили, грабители оттащили убитую метров на двести от места преступления и перебросили ее через забор высотой в полтора метра в сад отставного полковника. В одиночку это сделать было бы невозможно, так как убитая весила килограмм сто как минимум. Предварительно грабители сняли с жертвы все ценное, включая обручальное кольцо и колготки. Как сообщал в донесении дежурный милиционер, обнаруживший труп, «пострадавшая была одета в чем мать родила».

Газеты вышли с фотографией и некрологом Маоцзедуньки на первой странице. На фотографии она выглядела лет на двадцать моложе и килограмм на пятьдесят легче, чем была на самом деле. Некролог подписали высшие лица области и даже представители высшей власти, включая Президента СССР Горбачева и Президента РСФСР Ельцина. По сему поводу в одной из независимых газет Царьграда сострили, что теперь единство рядов перестройщиков можно наблюдать только в некрологах.

Согласно некрологу, Маоцзедунька родилась в 1939 году в крестьянской семье, окончила сельскохозяйственный техникум, в пятнадцать лет вступила в комсомол, работала зоотехником в совхозе, в двадцать три года вступила в партию и перешла на комсомольскую работу, была секретарем райкома комсомола, перешла на партийную работу, была заведующей отделом и секретарем райкома партии, инструктором и заведующим отделом обкома партии, Председателем Облсовета, и, наконец, мэром города. Избиралась депутатом районного, городского и областного Советов, депутатом Верховного Совета РСФСР и народным депутатом СССР. Награды: Герой Социалистического Труда, два ордена Ленина, ордена «Трудового Красного Знамени», «Октябрьской революции» и «Знак почета», многочисленные медали.

Слухи и паника начальства

Поползли слухи, будто Маоцзедуньку «шлепнули» из мести за неудачу «путча». Другие утверждали, будто ее убили националисты, якобы угрожающие отправить на тот свет всех перестроечников из руководства области, связанных с международным сионизмом и масонством. Кто такие масоны, никто не знал толком, и потому этот слух особенно напугал начальство. Чтобы понять, почему не столько факт преступления, сколько слухи по его поводу породили панику в царьградской верхушке, надо хотя бы вкратце пояснить роль слухов в советском обществе.

В словарях и справочниках слух определяют как неподтвержденное известие. Это определение устарело. Большинство советских слухов о настоящем и прошлом правдиво, а о будущем — сбывается. Советские люди настолько привыкли к этому, что ничуть не удивляются, когда слухи подтверждаются и сбываются. В советском обществе слух стал способом распространения правдивой информации. У людей здесь вообще не возникает потребность в подтверждении и обосновании слухов. Они воспринимают слухи совсем с иной точки зрения. Они рассматривают слух не только как форму распространения информации, но и как особую форму выработки общественного мнения, и как коллективное осмысление объективных фактов, как коллективное их истолкование и переживание, как коллективную психологическую реакцию на них. Потому роль слухов в коммунистическом (т.е. коллективистском) обществе не ослабляется, несмотря на развитие средств массовой информации. Последние здесь таковы, что роль слухов усиливается. К общечеловеческим функциям слухов здесь присоединяются специфически коммунистические, а именно — они становятся формой коллективного сознания, творчества и поведения. В этом случае люди общими усилиями искажают реальность в желаемом духе и влияют на будущие события.

В большинстве случаев слухи возникают на основе наблюдения фактов. Старая пословица «Нет дыма без огня» здесь дополняется ее конверсией «Нет огня без дыма», и обе они приобретают силу аксиомы. Факты советской жизни порождают слухи даже в случае их очевидности. Став привычной формой массового со-

знания, слух дает о себе знать и в случаях, казалось бы не дающих почвы для слухов. Причем, слухи становятся тем сильнее, чем яснее ситуация. Гласность как средство формирования сознания масс оказалась неспособным конкурировать со слухами. Люди все равно больше доверяли слухам, чем газетным сообщениям. А главное — в создании и распространении слухов массы сами принимали активное участие, тогда как средства массовой информации оставались чуждыми им.

Факты, лежащие в основе слухов, отбираются, воспринимаются и истолковываются в зависимости от состояния массы людей в данное время. Если вам известно это состояние, вы можете предсказать, какие слухи могут возникнуть. Слухи, возникнув, оказывают обратное влияние на настроения людей, осредняют их и ориентируют их сознание в определенном направлении. Это — форма сговора масс людей в отношении понимания некоторых фактов жизни и реакции на них. Именно сговора. Но сговора стихийного и обычно бессознательного. Слух дает некое кристаллизующее ядро для масс людей осмыслить множество волнующих их событий.

Царьградское начальство, знающее природу и силу слухов, отнеслось к слухам по поводу убийства Маоцзедунки как к реальной угрозе возникновения терроризма. Весь мир охвачен эпидемией терроризма. А что если эта эпидемия перекинется в Россию?! Ведь был же в нашей истории период, когда чуть ли не каждый день убивали важных чиновников! Даже царя убили! Если Россия заразится этой болезнью, то она покатится в этом направлении дальше Запада.

Еще совсем недавно в городе Горьком, которому вернули дореволюционное имя Нижний Новгород, семнадцатилетний мальчик бросил зажженную бутылку с бензином в здание Городского комитета КПСС. Мальчик начитался и наслушался разоблачительных статей и речей, в коих КПСС изображалась преступной организацией, и совершил свой поступок в знак протеста против нее. В прессе писали о мальчике с симпатией. Его не осуждали. Его поступок анализировали, искали глубокие причины его в преступлениях сталинизма и брежневизма.

Освободили лейтенанта Ильина. Напечатали о нем статьи и интервью с ним. Фразы, осуждающие терроризм, конечно, были сказаны. Но сугубо формально.

Доминирующий тон был скорее поощрительным. Его можно было истолковать вполне однозначно: бей сталинистов, брежневистов, консерваторов, партаппаратчиков! И последствия незамедлили сказаться. У секретаря горкома партии ограбили и разгромили квартиру, а у секретаря обкома партии по идеологии — дачу, изобразив это как идейную борьбу. Погрозились убить сына первого секретаря обкома партии Крутова, и тому пришлось нанимать личных охранников из числа тех же бандитов, от которых исходила угроза. Волна бандитизма грозила захлестнуть город под маркой идейного терроризма.

В последнее время добавилась еще одна тревога. Поскольку носители прежней системы власти («консерваторы») разгромлены, и наступило разочарование в перестройке, объектом покушений могли стать перестройщики. Попытка покушения Александра Шмонова на Горбачева 7 ноября 1990 года убедительно говорила об этом. Газеты писали, что случай Шмонова явился результатом разочарования в перестройке. Правда, с какой стороны шло разочарование — со стороны радикалов или со стороны консерваторов, — газеты не высказались отчетливо.

Теперь же после провала «путча» 19 — 21 августа в Москве и запрещения КПСС объектом терроризма могли стать сами новые хозяева страны — реформаторы, демократы, радикалы, начальники новых учреждений власти, частники. А что, если убийство Маоцзедуньки есть лишь начало антиперестроечного терроризма?!

В газетах и по телевидению сообщили, что Маоцзедунька была убита не обычным кирпичом, а осколком от монумента Ленина, взорванного по приказу Маоцзедуньки. И слухи о том, что ее убийство есть дело рук «коммуняков» (как стали называть бывших членов КПСС), приобрели силу достоверности. На другой день газеты напечатали опровержение, но никто не обратил внимания.

Перестройка и преступления

В газете «Царьградский вестник», которая на одной странице прославляла перестройку, а на другой поносила ее на всякий случай, появилась статья популяр-

ного журналиста Владлена Коровина. Статья заслуживает того, чтобы привести ее полностью, ибо в ней отражена вся сложность эпохи.

С началом перестройки, — говорилось в статье, — у нас в Царьграде началась неслыханная ранее эпидемия преступлений. Органы государственной безопасности и милиция фактически прекратили борьбу с преступностью, боясь обвинений в консерватизме, брежневизме и сталинизме. Царьградцы еще не опомнились от шока, какой вызвало страшное убийство в декабре прошлого года. Напомню читателям о нем. Житель района Новые Липки рабочий химического комбината Петухов убил своего товарища по работе Курочкина и всю его семью — жену и двоих детей. Завидую своему преуспевающему (в чем?!) коллеге, преступник зашел к нему домой и после непродолжительной беседы ударил его железным прутком по голове и убил. На шум в комнату вбежали дети жертвы — 10-летняя дочь и 12-летний сын. Преступник убил и их. Потом начал складывать в сумку вещи. Снял со стены ковер, свернул палас. Отнес все это домой. Жене сказал, что купил вещи на толкучке по дешевке. Через некоторое время он вернулся и начал собирать оставшиеся вещи. В это время вернулась с работы жена убитого. Преступник изнасиловал женщину и убил ее. На следующее утро он вернулся на место преступления. Упаковал книги, посуду. На другой день приехал на машине, чтобы вывезти крупные вещи. Соседи сообщили в милицию. Лишь после этого милиция нехотя задержала преступника. При аресте убийца заявил, что пришиб семейство Курочкиных за то, что они ругали Горбачева и агитировали против перестройки, и что он, Петухов, напишет письмо в «Московские новости» и «Огонек», в котором разоблачит сталинистские методы царьградской милиции. Арестовавшие Петухова милиционеры не на шутку испугались, так как накануне они на самом деле набили морду пьянице, пытавшемуся написать мелом на монументе Ленина нецензурное слово. Пьяница при этом вопил на всю площадь Ленина, что он теперь имеет право писать нецензурные слова где попало, так как цензура отменена. И Петухова выпустили на свободу! Чем кончилась эта история, вы знаете: Петухова пришлось арестовать, чтобы... спасти его от самосуда товарищей и родственников Курочкина. Ничего не скажешь, демократия!!

И вот — новое убийство в советском стиле, т.е. без пистолетных выстрелов и пятен крови, так как человека убили обыкновенным кирпичом. Это произошло не из-за того, что в Царьграде якобы не было более подходящего оружия. С началом перестройки тут можно было за гроши приобрести любое оружие от дуэльного пистолета и ятагана до миномета и базуки, а за американские сигареты можно было купить баллистическую ракету и танк. Это произошло в силу нашего русского национального характера. Огнестрельное оружие надо чистить. Его прятать надо. Прятать не от милиции и КГБ, а от своих собратьев: чуть зазеваешься, сопрут и тут же пропьют. Его надо изучать. Надо тренироваться в его употреблении. Нет, это явно не для нас! Для нас кирпич сподручнее. Всегда под рукой имеется. И не подведет, осечку не даст. И не промахнешься, в любом состоянии и в любой обстановке во что-то живое вдарись. Если бы араб, стрелявший в Римского Папу, действовал кирпичом, давно не было бы на свете поляка Войтилы. И кто знает, может быть оставалась бы Польша до сих пор под нашей дружеской пятой. Не отступи лейтенант Ильин от русской традиции, лежал бы Брежнев уже в 1969 году с проломленной черепушкой у Кремлевской стены. И не потребовалась бы никакая перестройка.

Предвижу негодование моих соотечественников-руссофилов: мол, автор обрекает нас, русских, на отставание от Запада и примитивный жизненный уровень. Мол, мы, русские, не хуже немцев, французов, англичан и прочих западных народов! Мол, и мы заслуживаем не каким-то примитивным кирпичом быть прибитыми, а современными средствами. Вы правы, уважаемые соотечественники. Мы вполне заслужили то, чтобы нас не кирпичом по черепушке отправляли на тот свет, а на уровне западной культуры, т.е. с помощью пистолетов с глушителями и ножей с лезвиями, выскакивающими путем простого нажатия кнопки. Но я вас не обрекаю на вековую отсталость — это не в моих силах, если бы я даже захотел этого. Я предвижу как раз нечто противоположное: поскольку у нас в результате перестройки стал стремительно исчезать даже кирпич, русским преступникам невольно придется приобщаться к достижениям мировой культуры ограбления, калечения и убиения своих наконец-то свободных собратьев. Как говорится, нет худа без добра.

Прошло шесть с лишним лет перестройки. Что нового внесла она в проблему преступности? Не будучи специалистом в этой области, я предоставляю слово начальнику Царьградского Уголовного розыска товарищу Крюкову.

— Вклад перестройки в рост преступности очевиден, — сказал товарищ Крюков, — она выросла более чем вдвое. Что касается разоблачаемости преступлений, то тут отношение обратное: она сократилась вдвое сравнительно с застойными годами.

— Чем это объясняется? Тем, что снизилась квалификация милиции?

— Нет.

— Так чем же?

— Поясню примером. Знаете магазин одежды на Дворянской (бывшей Ленинской) улице? Пари готов держать, что на следующей неделе его обчистят. Мы заранее знаем, кто и как это сделает. Знаем, где нагрябленное продаваться будет.

— Где?

— У частных, разумеется. А вот грабителей мы схватить не можем.

— Почему?! Сейчас же у нас перестройка! Гласность!

— Именно поэтому. В распоряжении грабителей лучшие адвокаты. На их стороне перестроечная пресса, которая считает, что деятельность преступного мира способствует переходу к рыночной экономике.

— А что Вы скажете о квалификации преступников? Выросла она сравнительно с застойным периодом?

— Нет. Преступления стали циничнее, наглее и примитивнее. И выполняются они так же плохо, как и все прочие виды деятельности, включая управление страной. До Запада нам далеко. Там экономическая эффективность преступлений намного выше, чем у нас, и качество исполнения выше. Что ни говори, Запад во всем есть Запад!

Следствие

Милиция быстро нашла преступников. Ими, как и следовало ожидать, оказались досрочно освобожденные уголовники, оставленные на работу в «Атоме».

Преступники были напуганы, — за такое преступление им грозила высшая мера наказания, т.е. расстрел. Спасая свою шкуру, они заявили, что их на это преступление надумили некие «переодетые консерваторы», якобы поносившие Горбачева, Ельцина и всех прочих «перестройщиков» и призывавшие к расправе над ними. Имя Маоцзедуньки при этом упоминалось в первую очередь. Сохранить в тайне такое было в принципе невозможно. Слухи о заговоре консерваторов против перестройщиков оттеснили на задний план все остальные. Газеты поддались общему настроению и напечатали «достоверное» сообщение об обстоятельствах гибели Маоцзедуньки. В Москву она поехала на совещание областных руководителей. Поехала поездом, так как ее якобы мутило в самолете. Но злые языки утверждали, что причина ее неприязни к самолету иная: ее задница не помещалась в самолетное сиденье. По возвращении из Москвы ее не встретили из-за халатности ее шофера: подрабатывая «налево», он выпил лишнего с пассажиром и свалился в кювет. Есть предположение, будто «авария» была подстроена, будто шофер находился под действием наркотика, будто пассажир, «охмутив» шофера, скрылся. В прессе были высказаны все логически мыслимые гипотезы, кроме одной, а именно — кроме той, что это могло быть самое заурядное убийство с целью ограбления. Общее сумасшествие исключало здравый смысл как нечто ненормальное.

Из Москвы в Царьград была послана комиссия в составе народного депутата Рябова, следователя Соколова и психиатра Воробьева.

Особая комиссия

Рябов начал свою карьеру в качестве сотрудника Института Америки. После защиты кандидатской диссертации перешел на работу в КГБ, в идеологический отдел. Зарекомендовал себя там как дельный работник, стал одним из близких советников Андропова по борьбе с диссидентским движением. Когда Андропов стал Генсеком, Рябов вернулся в Институт Америки, защитил докторскую диссертацию, был избран в члены-корреспонденты Академии наук, стал регулярно ездить на Запад с целями, которые ни для кого не были

секретом. Секретом оставались лишь «пустяки», а именно — связи Рябова с секретными службами Запада и счета в банках Швейцарии, США и ФРГ. При Горбачеве Рябов немедленно превратился в яростного перестройщика, приняв позу жертвы брежневизма, какую приняли тогда все перестройщики. «Зверства» брежневизма по отношению к Рябову выразились в том, что его провалили на выборах в действительные члены Академии наук и склонили его кандидатуру на пост посла в США. Как борец за демократию Рябов был избран в народные депутаты и стал одним из советников Горбачева. Большую часть времени Рябов проводил за границей. В Москву наезжал изредка, чтобы оставить тут приобретенные на Западе ценные вещи, опубликовать серию статей о том, как хорошо жить на Западе и как плохо в Советском Союзе, и пронюхать обстановку в правящих кругах с целью опубликовать на Западе серию статей о том, как плохо жить в Советском Союзе и как хорошо на Западе. Иногда Рябов в шутку признавался, что он представитель «пятой колонны Запада в Советском Союзе». Но эту шутку его знакомые, сплошь разделявшие пораженческие и антисоветские взгляды, поощряемые свыше, воспринимали вполне серьезно. Они сами мечтали о счетах в западных банках и о роскошной жизни на лучших курортах мира. Они, в конце концов, выстрадали и заслужили это!

На этот раз завистники Рябова подложили ему свинью: предложили послать в Царьград именно его как способного объективно и на высоком уровне понимания разобраться в весьма скользкой ситуации убийства Елкиной. И вот вместо солнечной Ниццы, где он должен был выступать с докладом о неизбежности распада «советской империи», ему пришлось лететь в грязный, вонючий и серый Царьград.

Как человек практичный и умеющий извлекать пользу из любого положения Рябов решил не терять времени даром. Уже в Москве он начал обдумывать статью об оживлении терроризма в Советском Союзе, предвкушая сенсацию, какую эта статья произведет на Западе. И тогда к премиям, которые Рябов уже получил на Западе за свои «смелые» (как писали в западных газетах) статьи, он присоединит новую, самую почетную за публицистику. Ему намекали на это ответственные лица. При условии, конечно, если он и

впредь будет проповедовать необходимость ликвидации советской империи и перехода России на путь западнизации.

Соколов и Воробьев в брежневские годы имели в кругах диссидентов дурную репутацию. Но в годы перестройки они несколько не пострадали. Даже наоборот, они стали печатать статьи с разоблачениями сталинских и брежневских методов расправы с инакомыслящими, заработав тем самым репутацию борцов за справедливость и демократию. Именно поэтому их выбрали в помощь царьградским «органам». В самолете москвичи беседовали на тему о терроризме в духе перестройки, т.е. с циничной откровенностью.

Откровенный разговор

— История нашего общества началась с террористического акта, — сказал Соколов. — Я имею в виду покушение эсерки Каплан на самого Ленина. И убийством Кирова Сталин лишь воспользовался, а не организовал его. Конечно, он убрал бы Кирова так или иначе. Но ему подвернулся удобный случай, и он его не упустил. А случай этот в основе был все-таки террористическим актом снизу. И лейтенант Ильин хотел стрелять не в космонавта (зачем это ему?!), а в самого Брежнева. У нас фактическое положение с такого рода преступлениями тщательно скрывалось или искажалось. Ильин был объявлен сумасшедшим. Точно так же сумасшедшим был объявлен человек, пытавшийся взорвать Мавзолей Ленина. Имя этого человека вообще скрыли от населения. В 1975 году произошло восстание на одном из кораблей Балтийского флота. Участники восстания расстреляли как обыкновенных предателей, не дав им возможности объяснить мотивы их поступка. Эти случаи хоть как-то стали известны. А сколько их осталось скрытых!

— Допускаете ли Вы, что случай в Царьграде окажется террористическим актом, — спросил Воробьев Соколова.

— Вполне, — сказал Соколов. — Особенно теперь. Вспомните покушение Шмонова на Горбачева.

— Сложная ситуация. Даже осудить это теперь нельзя, как следовало бы. Что Вы думаете по этому поводу?

— Трудность в том, что сейчас умышленно спутали

различные оценки такого рода событий — юридическую, моральную и историческую.

— И медицинскую.

— Да. Смотрите, что теперь получается, какая путаница образуется в мозгах людей. Возьмем для примера такой аспект дела. Можно ли с полной уверенностью считать моральным все то, что совершается в рамках наших законов? Можно ли считать аморальным все то, что есть нарушение наших законов? В 1982 году мы, например, судили некоего Шилова. По его собственному признанию, его действия имели целью ослабление позиций советской власти и ее официальной идеологии марксизма-ленинизма в умах окружающих и компрометацию партии и правительства. Он сознавал, что его действия были нарушением советских законов. Но он не признавал советский строй, его власть, его законы и идеологию единственно справедливыми, верными, непогрешимыми, наилучшими. В мире найдется немало людей, которые сочли бы незаконные (преступные) с советской точки зрения действия Шилова добром, а законную расправу над ним — злом. Случай Шилова интересен тем, что преступник — молодой человек, родившийся уже после войны, выросший в рабочей семье, учившийся в советской школе. Конечно, он исключение в среде нашей молодежи. Но такие исключения все же появляются более или менее регулярно, так что тут об исключении приходится говорить с оговоркой. Ведь и те, кто покушался на царя, были исключением.

— А чем занимался этот Шилов?

— Размножал и распространял запрещенные книги бывших советских писателей, изданные на Западе. Возьмем опять-таки этих писателей. Пересылая свои книги на Запад, они знали, что нарушали наши законы и наносили ущерб нашему социальному строю, власти и идеологии. Но они были убеждены в том, что тем самым делали доброе дело. С их точки зрения, причинение ущерба узаконенному злу есть добро.

— Закон есть закон!

— Да. Но есть юридическая оценка поступков людей. Есть моральная. И кроме того есть оценка историческая. Они далеко не всегда совпадают. Мы, например, официально считаем героями Желябова, Халтурина, Перовскую, Засулич, Каракозова, Ульянова и многих других революционеров, совершавших или

планировавших покушения на царя и царских сановников. А сколько людей в мире считало и считает до сих пор их обыкновенными убийцами, справедливо осужденными на основе признанных в то время законов. Нам надо быть готовыми к тому, что и у нас рано или поздно появятся новые желябовы, халтурины, ульяновы и им подобные личности, действия которых точно так же будут оцениваться кем-то не юридическими и моральными критериями, а историческими. Человек, которому удалось бы убить Сталина, навечно вошел бы в историю как один из величайших героев. И не приходится сомневаться в том, что такой человек был бы дискредитирован и казнен. И большинство современников осудило бы его не только юридически, но и морально.

— Думаете ли Вы, что следование Западу в отношении к такого рода преступлениям было бы полезно для нас?

— Что Вы имеете в виду? Их оценку? Так их там осуждают резче, чем у нас. Там они стали серьезной угрозой общественному порядку.

— Я имею в виду общую атмосферу в отношении к ним, включая реакцию в средствах массовой информации, публичность судов, практические возможности преступлений.

— Палка, как говорится, о двух концах. Положение с такими преступлениями (назовем их социальными) у нас пока таково. Расследованием их занимается не милиция, а КГБ. Решения по ним принимаются высшими органами власти вплоть до Политбюро, а не обычными судебными учреждениями. Последние принимают участие в таких ситуациях в заключительных стадиях и с целью придать юридическую видимость совсем не юридическим решениям высших властей. Люди, совершающие такие преступления, лишены какой бы то ни было возможности предать свои действия гласности именно в том виде, как это им хотелось бы, и публично объяснить их цели и мотивы. По этой причине фактическое положение с такими преступлениями остается неизвестным не только западным, но и советским людям. Если их в редких случаях не удастся скрыть, они становятся известными в извращенной форме, мало общего имеющей с их сущностью. Так например, вполне обдуманную и идейно обоснованную попытку покушения лейтенанта Ильина на Брежнева

изобразили как покушение сумасшедшего на космонавта, лишённое всякого смысла. Между прочим, сейчас эти обвинения критикуют Брежнева. А ведь Ильин все эти обвинения против Брежнева и его мафии выдвинул еще в 1969 году. Откуда ему было знать, что через пятнадцать лет начнется перестройка, и все то, что он надумал тайно, будут открыто говорить партийные работники, пропагандисты, официальные писатели, профессора, журналисты?! Вместе с тем, если бы мы ввели такие же порядки в отношении социальных преступлений, как на Западе, у нас началась бы эпидемия терроризма. Причем, в терроризм стали бы вовлекаться люди без глубокой убежденности, просто в силу моды и дурного примера, от скуки, ради известности. Знаете, ради одного лишь интервью по телевидению и фотографии в газетах сотни молодых людей пошли на самые тяжкие преступления. Поэтому мы настаиваем на профилактике этой болезни, а не на ее лечении, когда она уже завладела обществом. А что такое профилактика терроризма в наших условиях? То, что мы делали и делаем фактически. Мы ведь не прирожденные злодеи. Мы поступаем в силу целесообразности, а не в силу глупости или злобности. Легко обличать и рассуждать на эти темы в категориях морали и права. А на практике все равно придется к тому, что мы выработали в течение прошлой истории. Я думаю, Вы сами все это понимаете не хуже меня. Ведь и в Вашей работе приходилось поступать в силу целесообразности, не так ли? Вы, например, принимали участие в деле Ильина. Скажите откровенно, был он на самом деле сумасшедшим или нет?

— Ответить на Ваш вопрос однозначно в принципе невозможно, — сказал Воробьев. — Оценка человека как психически больного или здорового не является чисто медицинской. В общей форме поведение человека считается психически ненормальным, если оно не адекватно ситуации. Но кто определяет границы ситуации и степень адекватности поведения? Если человек, например, собирается совершить покушение, и если он при этом вместо настоящего пистолета использует палку, воображая, будто это пистолет, то он очевидным образом ненормален. Но можно ли считать нормальным человека, если он использует настоящий пистолет? Это зависит от того, что мы примем за ситуацию поведения. Если взять поведение Ильина с мо-

мента, когда он принял решение совершить покушение и обдумал план его, до того момента, когда он начал стрелять, то вы не обнаружите никаких признаков ненормальности. А если вы расширите ситуацию и включите в нее то время и ту совокупность обстоятельств, в которых созрело его намерение совершить покушение, то вы без особого труда найдете многочисленные признаки психической ненормальности. А если вы в качестве ситуации примете всю жизнь человека, то для любого человека вы найдете бесчисленные свидетельства психической ненормальности. И наоборот, сужая сферу ситуации, вы любого психически больного человека можете представить как здорового. Так, тот сумасшедший, который использует палку как пистолет, будет выглядеть как здоровый, если он палкой манипулирует как настоящим пистолетом. Где критерии, определяющие границы ситуации поведения и степень адекватности?

— Опасен человек для окружающих или нет, — сказал Соколов.

— Иногда здоровые опаснее для окружающих, чем больные. Степень опасности человека для окружающих есть тоже понятие не чисто медицинское. Короче говоря, хотим мы это или нет, но в практике экспертизы мы так или иначе вынуждаемся сочетать медицинскую точку зрения с юридической. Одно тут бесспорно: во всех случаях, когда поведение человека является отклонением от принятых норм, медицина всегда может обнаружить отклонение от норм медицинских. Раз человек осознает, что он встал на путь нарушения норм поведения, и что ему за это грозит наказание, в его психике с необходимостью происходит отклонение от психических норм. Поживите хотя бы один месяц с такими мыслями, с какими Ильин жил годы, и попробуйте при этом остаться психически совершенно здоровым! Не получится! Отклонение от медицинских норм в таких условиях есть самозащитная реакция организма. Иначе просто жить нельзя. И вообще, осознание человеком общественно принятых норм поведения становится фактором медицинским. Нас на Западе обвиняют в том, что мы помещаем в психиатрические больницы якобы здоровых «инакомыслящих». Это обвинение нелепо. Просто у нас и у них различные нормы социального поведения и различные критерии оценок. С нашей точки зрения, например, тот человек, кото-

рый совершил покушение на Рейгана, совершенно здоров. А если бы на Западе проявили такой же интерес к покушению на Брежнева, то Ильина сочли бы здоровым.

— Какие все-таки огромные перемены происходят в жизни! При Брежневе здоровых людей объявляли сумасшедшими. А при Сталине, наоборот, сумасшедших объявляли здоровыми. Если не возражаете, я расскажу Вам одну забавную историю на этот счет.

Рассказ Соколова

Около идеологических учреждений всегда околачивается множество сумасшедших, а около Института идеологии Академии наук они выются тучами. В 1950 году там назначили молодого выпускника университета специально заниматься сумасшедшими, беседовать с ними, отвечать на их письма, читать их рукописи и писать на них отзывы. Парень образованный, рафинированный интеллигент. С бородой. Среди сумасшедших, с которыми работал этот парень, был один, свихнувшийся на терроризме. Убедившись в том, что Бородатый (назовем так этого сотрудника института) заслуживает доверия, Террорист (назовем так этого психа) посвятил его в свои планы: взорвать Кремль, когда там будет проходить партийный съезд или сессия Верховного Совета. Террорист выбрал Институт идеологии потому, что он расположен недалеко от Кремля, там можно сосредоточить взрывчатку, оттуда удобно управлять доставкой взрывчатки в Кремль. Как? Очень просто. Террорист по образованию инженер, имел ряд патентов на изобретения. Без особых усилий он мог домашними средствами построить портативную ракетную установку, с помощью которой можно было минимум сто килограмм взрывчатки перебросить в Кремль.

Бородатый сначала отнесся к идеям Террориста с юмором. Но постепенно заинтересовался всерьез. Сначала чисто теоретически — проблемой роли терроризма в истории вообще. Он заказал в Ленинской библиотеке массу книжек, в которых прямо или косвенно говорилось о терроризме. Сотрудники библиотеки сообщили об этом в КГБ. Там взяли Бородатого на заметку. Но серьезного значения этому не придали: было известно, что Террорист — обычный безобидный су-

масшедший, а работать с такими психами есть обязанность Бородатого.

Но Бородатый заразился идеей покушения. Потом на допросе он сам признался в этом. О чем бы серьезном он ни думал, он так или иначе скатывался к ней. Причем, он обдумывал не столько моральный аспект покушения, сколько технический. Моральный аспект, как он утверждал, прост: раз власти систематически используют террор в отношении к населению, почему бы отдельным представителям терроризируемых не использовать его против самих властей?! Тем более власти в таком долгу перед терроризируемым населением, что им теперь не расплатиться во веки веков, если даже террористы будут убивать десяток руководителей ежегодно. Технический же аспект терроризма безнадежно сложен. Попробуй, например, добраться до Сталина! Если КГБ само не задумает провокацию на этот счет, ни за что не доберешься.

Одно время Бородатый стал склоняться к мысли, что начинать надо не сверху, а снизу, с районных чинов, а то и помельче — с директоров и заведующих предприятий и учреждений. Но Террорист отверг идею «малых покушений» на том основании, что любое покушение такого рода будет истолковано как обычное уголовное преступление и не будет иметь никакого резонанса. Надо начинать сразу на высшем уровне, причем с таким грохотом, чтобы нельзя было скрыть факт покушения. Бородатый возразил, что взрыв в Кремле тоже могут истолковать как взрыв газа. Террорист сказал, что в это никто не поверит.

Вскоре Бородатый и Террорист поменялись ролями: Бородатый сам созрел для террористического акта и решил использовать Террориста как орудие для этого. И они начали всерьез подготовку к грандиозной террористической операции. Если бы не случайность (кто-то из сотрудников института подслушал их разговор), дело могло бы кончиться плохо. Когда их допрашивали, то даже нам, неискушенным в психиатрии, было очевидно, что оба они сумасшедшие, причем — Бородатый даже более сумасшедший, чем Террорист. Но их, однако, судили и расстреляли как вполне здоровых.

В Царьграде москвичей поселили в лучшей гостинице города «Илья Муромец», предназначенной для иностранцев и особо важных советских граждан. Никаких иностранцев, однако, в гостинице не было видно, а особо важные личности были спекулянты, гангстеры и легализованные подпольные миллионеры, т.е. представители тех категорий граждан, которые стали опорой политики перестройки. Они сорили деньгами в ресторане и давали щедрые чаевые работникам гостиницы. Последние перед ними заискивали, низко кланялись, угодливо заглядывали в глаза. «Боже, — подумал Соколов, глядя на эти виды ожившей дореволюционной жизни, известной ему по книгам великих русских писателей, — неужели это не в кошмарном сне, а наяву?!»

Среди обитателей гостиницы особенно выделялся полный мужчина лет пятидесяти с лоснящейся и хамски самодовольной физиономией. Он вошел в ресторан с личной охраной; с двумя верзилами такого типа, каких можно увидеть в американских фильмах в качестве «горилл» — охранников главарей гангстерских банд. К нему со всех ног кинулись официанты и администраторы. Согнувшись перед ним в три погибели, они провели дорогого гостя к специально зарезервированному для него столу. Один из «горилл» остался дежурить у двери, другой встал за спиной «босса», внимательно оглядывая зал и держа руку под пиджаком, где, надо думать, у него был наготове пистолет. Соколов поинтересовался у официанта, кто это такой. Тот ответил, что это — сам Акопян, один из самых богатых людей в стране. Не миллионер, а миллиардер. Имеет связи с западными бизнесменами. Прилетел сюда на своем самолете из Тбилиси, где у него главная контора. Прилетел купить участок, на котором расположены пять колхозов, чтобы основать фермерское хозяйство американского образца.

— А куда колхозников, — спросил Воробьев.

— Как куда, — удивился глупому вопросу официант. — На свалку, разумеется. Там же одни старухи остались. Все равно помирать пора.

— Кто бы мог еще несколько лет назад подумать, что у нас такое будет возможно, — сказал потрясенный Соколов.

— Давно пора, — сказал Рябов. — Это еще только

начало. Не то еще будет. В Кишиневе три бывших подпольных, а теперь легализированных миллиардера заявили, что способны и готовы купить весь город со всеми домами, учреждениями и предприятиями.

— Неужели им продадут?! — возмутился Воробьев.

— А почему бы не продать, — сказал Рябов. — Все равно все идет прахом. А так хоть какая-то польза будет. По крайней мере миллиардов двадцать рублей попадет в государственный банк.

— А на что эти рубли, если они в бумагу превращаются, — сказал Воробьев. — И не проще ли объявить нынешние денежные знаки недействительными и ввести новые? Пока новые миллионеры появились бы, мы успели бы навести порядок в стране.

— Не будьте таким наивным, — сказал Рябов. — Подпольные миллиардеры не такие уж дураки. Они такую возможность всегда в виду имеют. У них в руках материальные ценности и иностранная валюта. Связи в верхах. Они не потеряют ничего, наживутся даже. Пострадают, как всегда, невинные простаки.

Москвичи ужинали в той части зала, где кормили командировочных, и где цены были не такие высокие, как для прочих. Воробьев, кивнув в сторону Акопяна, спросил официанта, во что обойдется ужин этого богача. Даже Рябов присвистнул, услыхав сумму: его месячной зарплаты в академии и как депутата не хватило бы на это. Акопян, узнав от официанта, что в зале сидит известный ученый и депутат Рябов, послал ему от себя бутылку французского шампанского. Рябов был тронут таким вниманием и раскланялся в сторону «босса» в знак благодарности. Тот снисходительно помахал ему пухлой ручкой. Рябов предложил своим спутникам шампанского. Воробьев согласился. Соколов отказался.

— Кто бы я ни был, — сказал он, — а перед такой мразью унижаться никогда не буду.

-- Придется, — сказал Рябов. — Никуда от этого не денешься.

— Это бабка надвое сказала, — возразил Соколов. — Погодите, мы до этой сволочи еще доберемся.

— Как бы они сами до Вас не добрались! Они любую газету купить могут. Захотят Вас разоблачить, купят журналистов, и Ваших начальников. Увы, таков неумолимый ход истории!

— Сегодняшняя смута еще не есть вся история.

Первые впечатления Соколова и Воробьева

Соколов отправился в Управление КГБ знакомиться с информацией об умонастроениях и поведении здоровой части царьградцев, а Воробьев — в психиатрическую больницу, где собирались сведения о психически ненормальной или считающейся таковой части жителей города. Это разделение было до известной степени условным, так как почти все сумасшедшие, свихнувшиеся на политике, состояли на учете в КГБ, а почти все здоровые, удостоившиеся внимания КГБ, состояли на учете в психиатрической больнице. Совпадение было не случайным. Все жертвы карательной медицины были в ведении КГБ до того, как были осуждены на принудительное лечение. С началом перестройки их выпустили на свободу, т.е. вновь под надзор КГБ. С другой стороны, перестройка пробудила к политической активности тысячи царьградцев, среди которых более пятидесяти процентов были психически больные и неустойчивые граждане. Они пополнили ряды политсумасшедших, немедленно взятых на заметку в КГБ и в политическом отделении психиатрической больницы.

Соколов был потрясен тем, какую информацию собрали осведомители КГБ о гражданах области с момента начала перестройки. Он думал, что работа такого рода ослабла или прекратилась совсем. А тут он увидел нечто противоположное: работа эта усилилась, стала квалифицированнее и продуктивнее. Горбань сказал, что число осведомителей у него сократилось раза в три или четыре. Зато осведомители стали лучше работать. Грамотнее. Раньше информация осведомителей на девяносто процентов была бессмысленной чепухой. Теперь процент чепухи снизился до десяти. Раньше рядовой осведомитель охватывал не более десяти объектов. Теперь же он охватывает до тридцати.

Горбань выделил в распоряжение Соколова двадцать сотрудников во главе со своим заместителем. Соколов объяснил им, какого рода материалы требуется отобрать. Заместитель Горбаня сказал, что будь у них компьютеры, он один выдал бы нужную справку через десять минут. А пока им приходится действовать «дедовскими методами». И на получение такой справки двадцать сотрудников должны трудиться в поте лица

целый день. Отставание от Запада ощутимое, как видите. Соколов сказал на это, что скоро положение изменится к лучшему, что США и ФРГ уже начали поставку компьютеров в Советский Союз, и КГБ получит новейшие компьютеры в первую очередь.

Соколов просматривал материалы, отобранные сотрудниками Горбаня по его указаниям, но не находил в них ни малейшего намека на политический терроризм. Из материалов было видно, какое озлобление владело жителями города. Причин для этого было более чем достаточно. Повышение цен на алкоголь. Преследования за самогон. Ухудшение продовольственного снабжения. Бесконечные очереди. Коррупция. Инфляция. Рост преступности. Моральное разложение молодежи. Крушение всех привычных ценностей. Одним словом, положение как во время войны и в первые послевоенные годы, но без надежды на улучшение. И все же ничего такого, что прямо относилось бы к политическому терроризму. Лишь в одном из доносов говорилось о молодом человеке, который собирал сведения о Маоцзедуньке с целью написать книгу об этой выдающейся дочери русского народа. К доносу было приложено заключение работника КГБ, беседовавшего с молодым человеком. Согласно заключению, молодой человек был земляком Елкиной, имел добрые намерения, и по совету работника КГБ прекратил это занятие, а собранные материалы уничтожил.

Результаты Воробьева оказались еще более скромными. Армия сумасшедших в Царьграде была огромной и, судя по больничной статистике, росла с каждым днем. Но в ней не было ни одного индивида, свихнувшегося на терроризме.

— Дела наши незавидные, — сказал Воробьев вечером при встрече с Соколовым. — Я по опыту знаю, что мир сумасшедших точно отражает в себе нормальное общество. Если в нем нет ни одного, обуреваемого идеей терроризма, то значит и в нормальном обществе нет потенциальных террористов.

— Вы упускаете одну возможность, — возразил Соколов. — Потенциальный террорист может гулять на свободе, не привлекая к себе внимания и не обнаруживая себя. Как бы тщательно в наших коллективах не следили за поведением своих членов, как бы тщательно КГБ и его добровольные помощники не прочесывали население на предмет выявления индивидов, не

отвечающих нормам нашего общества, всегда вне досягаемости остается некий Икс, который в своих мыслях и намерениях идет дальше того, что может вообразить обычный советский человек.

— Ваш Икс без достаточно серьезных оснований не обнаружит себя, а если обнаружит, то в каком-то действии. У нас времени пара дней. Как мы найдем его? И зачем он нам нужен?

— А зачем нас послали сюда?

Размышления Соколова

Нам нужно искать не некую беспристрастную истину, — думал Соколов, оставшись один. — Таковая вообще не существует. Нам нужно искать «истину» символическую или служебную. Тут есть свои правила. Например, преступники должны быть сомасштабны жертве их преступления. Для Брежнева было слишком мало, чтобы на него покушался всего лишь заурядный лейтенант. На его самую драгоценную в мире жизнь должны были покушаться силы некоей «мировой реакции». Возможно, что покушение Ильина не состоялось, поскольку не удалось притянуть к нему эти силы мировой реакции. Не исключено, что многие покушения на Сталина были скрыты именно в силу неадекватности покушавшихся объекту покушения. Для убийства Маоцзедуньки притягивать силы мировой реакции было бы слишком много. Но ограничиваться опустившимися алкоголиками, отсидевшими многие годы в лагерях за никчемные уголовные преступления, было бы слишком мало. Все-таки нужен некий Икс как посредник между алкоголиками и силами реакции, если не мировой, то хотя бы республиканской или даже областной.

Это напоминает сталинские методы? А разве существуют какие-то иные, несталинские?! Враги народа или консерваторы, — какая разница? Разница только во времени и в условиях. А суть дела та же.

Силы реакции, — что это такое? Почему это должны быть непременно консерваторы? Разве миллионеры и миллиардеры бывшей теневой экономики не силы мировой реакции?! Тут-то никаких сомнений быть не может. И почему идея покушения должна исходить от сил реакции, а не от сил противоположных?! Почему

покушение должно совершаться во имя перестройки, а не против нее?!

Размышляя таким образом, Соколов вспомнил о молодом человеке, собиравшем материалы на покойную Елкину. Он не поверил в добрые намерения этого молодого человека. Кто-кто, а он, Соколов, хорошо знал, что только прохвост мог писать книгу о советском партийном работнике с намерением возвеличить его. А такой прохвост раззвонил бы повсюду о своем намерении, включил бы книгу в план какого-нибудь издательства, связался бы с самой Елкиной, получил бы не одну тысячу рублей авансом. Вряд ли такого прохвоста стали бы вызывать в КГБ. Нет, тут что-то неладно! Надо об этом молодом человеке навести справки. Надо вновь просмотреть с этой точки зрения архивы КГБ. Вдруг обнаружится упоминание об этом поклоннике Маоцзедуньки!

А что, если повернуть эту историю против опостылевшей и ведущей к катастрофе перестройки?! Кто я в конце концов — коммунист или предатель коммунизма?! Не пора ли и мне свое слово сказать?! Почему я должен работать на перестройщиков?! Раз уж война, так война! Надо поработать над этим «поклонником» Маоцзедуньки. Тут что-то кроется.

Соколов позвонил в Управление КГБ и дал распоряжение дежурному собрать по тревоге выделенных в распоряжение Соколова сотрудников. Пусть они вновь прочешут архивы с интересующей Соколова точки зрения. Пусть соберут исчерпывающие сведения об упомянутом в доносе молодом человеке и его окружении.

Размышления Рябова

Рябов решил придерживаться тактики, какой следовал всю прошлую жизнь. Не нужно прилагать никаких усилий к тому, чтобы выяснить то, что тебе нужно, ибо то, что тебе нужно, придет к тебе в голову само собой без всяких усилий. А если тебе в голову что-то не придет, то это тебе не нужно. Главное — твое присутствие в том месте, где тебе в голову что-то может прийти. А присутствующие в том месте сами выболтают все то, что тебе нужно. Не надо только им мешать.

Рябов отправился к своему старому приятелю Кру-

тову, который еще до путча ушел в отставку с поста первого секретаря обкома КПСС, потихоньку выскользнул из партии и стал одним из заправил частного бизнеса в области. Совершил он этот самый радикальный шаг в своей жизни по совету Рябова, хорошо осведомленного о намерении верхов под каким-либо предлогом ликвидировать аппарат КПСС и вообще запретить КПСС как преступную организацию, как того и требовали лидеры Запада.

На обед к Крутову собрались все, кто имел что-либо достойное выбалтывания. В течение обильного обеда, перешедшего без перерыва в столь же обильный ужин, Рябов узнало о положении в области и в областном руководстве абсолютно все. Причем, в этом «все» для него не было ничего нового. Это «все» было точно таким же, как в Москве, только еще грязнее, пошлее, подлее и откровеннее.

Что касается Маоцзедуньки, то из бесед у Крутова Рябов составил о ней представление как о беспринципном приспособленце, карьеристе, хапуге и непроходимой дуре, в общем — как о типичном партийном работнике провинциального масштаба. Идея изобразить ее жертвой заговора консерваторов показалась Рябову смешной. Но разве не такими же нелепыми являются вообще все приключения с историческими личностями и более крупного масштаба?! Они лишь на расстоянии и со временем начинают казаться чем-то значительным. Кто знает, может быть с его, Рябова, подачи эта тупая и жирная свинья займет видное место в истории.

Итак, вырисовывается такая схема: технические исполнители преступления — организаторы — вдохновители. Первые пусть будут уголовники. Третьи пусть будут консерваторы. Дело за вторыми, за организаторами. Это — забота Соколова. Он мастер в таких махинациях. А он, Рябов, сделает в Москве отчет так, что комар носа не подточит. Он обрисует обстановку в области и в руководстве, опишет меры в отношении консерваторов, обрисует умонастроения интеллектуалов, которым жертва насолила порядочно, и обстоятельства убийства. Пусть эти три фактора не связаны нитями фактического сговора. Это и не требуется. Одно то, что они будут фигурировать совместно, придаст определенный поворот общественному мнению. Остальное люди домыслят сами. Потом он, Рябов, напи-

шет целую книгу на эту тему. Книга станет бестселлером на Западе. Ее переведут на все западные языки. Он тут же придумал название книги: «Покушение по-советски». Лишь бы этот недобитый сталинист Соколов не подпортил дело. Этому болвану может взбрести в голову идея докопаться до истины. А какая тут может быть истина?! Дело-то, честно говоря, не стоит выеденного яйца.

Власти и подвластные

Следователь Соколов был прав: Икс, о котором он говорил, на самом деле существовал в Царьграде. Начнем знакомство с ним с того, что перенесемся на десять лет назад, в 1983-ий год, и отправимся вместе со специально отобранными гражданами в аэропорт, где ожидается прибытие секретаря ЦК КПСС Митрофана Лукича Портянкина. Наш Икс тоже направляется туда вместе с другими представителями Протезного комбината имени маршала Буденного изображать энтузиазм народа по поводу визита столь важной персоны.

Визит важной персоны из Москвы в Партграде, как еще недавно именовался Царьград, превращался во всенародный праздник. В магазины на путях следования высокого гостя завозили дефицитные продукты питания и вещи — колбасу, селедку, сыр, туалетную бумагу, зубные щетки, бюстгальтеры, босоножки. В городе начинало твориться нечто невообразимое. Магазины буквально брали штурмом. Ослаблялись ограничения на пьянство. Пьяных не забирали в милицию и в вытрезвители. Правда, дефицитные предметы продавались далеко не всем, а лишь членам свиты высокого гостя и особо отобранным партградцам. Последние потом сдавали их обратно. В награду за это им продавали по банке растворимого кофе. Москвичи увозили все с собой, распространяя слух, будто в провинции живут припеваючи. Праздник так же резко обрывался, как и начинался. На другой день магазины снова пусты. Милиция и дружинники с удвоенной яростью набрасывались на пьяниц.

Такие праздники прочно врезались в память жителям города. Встречались, к примеру, два Ивана. Хотя, честно говоря, Иванов тут осталось мало. Преобладали Эрики, Эдики, Рудики, Гарики и прочие. Итак, встречаются два Ивана.

— Где ты такой шикарный костюм приобрел, — спрашивает один Иван.

— А помнишь, в прошлом году Портянкин приехал, — говорит другой Иван. — Забежал я в магазин, схватил этот костюм и черным ходом удрал. Говорят, КГБ до сих пор разыскивает, кто этот ловкач был.

Иваны хохочут и идут по такому случаю в ближайшее злачное место отметить удачную «покупку». Это тоже характерно для Парттграда: расходы на выпивки по поводу покупок товаров втрое превышают расходы на сами покупки. А в горбачевские годы парттградцы стали отмечать попойками даже приобретение бутылки водки или «горбачухи» — самой убийственной самогонки, изобретенной в Парттграде в связи с началом эпохи Великой Трезвости.

Такое отношение к визитам важных личностей является продолжением древней традиции. Парттградцы испокон веков упорядочивали свою историю посещениями города князьями, царями, воеводами, министрами, генералами, митрополитами, ханами. Теперь их место заняли партийные вожди. С началом перестройки и в особенности после открытия города для посещений иностранцами у парттградцев появилась надежда, что к ним в гости пожалуют западные президенты, канцлеры, премьер-министры, короли и принцы. Но пошел слух, будто теперь советское руководство намерено проводить политику приbedнения и попрошайничества. И к моменту визита важных персон с Запада магазины будут опустошаться дочиста, а парттградцев заставят ходить полуголыми и просить милостыню, как это и было принято во времена легендарного основателя Парттграда — князя Олега.

Хотя Портянкин уже давно подвизался в Москве, Парттград остался под его контролем и попечительством, так как он тут прошел путь от рядового стукача до первого секретаря обкома партии. На сей раз он прилетает в Парттград в связи с награждением области орденом «Октябрьской Революции» за выдающиеся успехи в развитии сельского хозяйства. Успехи, честно говоря, очень скромные. Правильнее было бы говорить об неудачах. Но в Парттградской области неудачи оказались меньше, чем в других областях, и это-то явилось выдающимся успехом. Как гласит народная мудрость, первым является последний от заду. В Москве учли также то, что «в свинских парттградских усло-

виях даже свиньи выживают редко и с трудом», как однажды выразилась Елкина, в те годы бывшая секретарем райкома партии и удостоенная звания Героя Социалистического Труда за упомянутые успехи. Героями стали также сам Сусликов и Матрена Ивановна Лаптева, колхозница, вскормившая (по словам Маоцзедуньки) «своей личной грудью больше ста свиней».

Областное начальство и специально выделенные для встречи Портянкина представители трудящихся собрались в аэропорту. Начальство и самые знатные трудящиеся находятся в особом зале, отделенном от зала для простых смертных пуленепробиваемой прозрачной стеной. Стена прозрачная, так как трудящиеся должны иметь возможность видеть своих вождей. Нельзя же их лишать удовольствия видеть, например, вот этого плюгавого человечешку, именуемого Сусликовым, или вон ту стокилограммовую бабищу с гнусной мордой, именуемую Маоцзедунькой! Стена сделана пуленепроницаемой, чтобы у трудящихся не появилось искушение причинить своим руководителям какую-нибудь пакость. И в самом деле, окажись рядовой гражданин в нескольких шагах от этого упыря Сусликова или от этого исчадия рая (как шутили по ее адресу интеллектуалы) Елкиной, у него наверняка появится непреодолимое желание дать им по морде, пырнуть чем-нибудь острым в пузо. Усиленные наряды милиции, агенты КГБ и дружинники охраняют порядок в здании аэропорта и его окрестностях. Личная охрана Портянкина прибывшая заранее, расположилась у входа и выхода из здания, готовая в любое мгновение выполнить свой священный долг. Служащие аэропорта приготовили специальный трап, по которому высокий гость будет спускаться с московского неба на партградскую землю, и развернули красную ковровую дорожку от трапа до здания аэропорта. Солдаты в два ряда выстроились по обеим сторонам дорожки. Перед входом в здание расположили микрофоны, через которые в Партграде зазвучит ликующе-торжествующий глас посланца Неба.

Послышался отдаленный гул моторов самолетов — лайнера, на котором прибывает Портянкин со свитой и охраной, и военных самолетов, охраняющих его в воздухе. От кого охраняют? От ворон? От мух? Вряд ли возможно такое, что подвыпивший труженик советского общества окажется на высоте десять тысяч мет-

ров с шилом или отверткой, чтобы пырнуть ими высокого гостя в бок или в пузо. Тем не менее такая мощная охрана положена Митрофану Лукичу согласно его высокому положению на иерархической лестнице власти. Кто без этого поверит в то, что этот маразматик, неспособный без помощников снимать и застегивать штаны и связывать слова в осмысленные предложения, является одной из могущественнейших фигур в советской системе власти ?!

Начальство впилося глазами в небо, откуда донесся шум моторов, и оцепенело в ожидании. Впереди начальной группой и в самом центре застыл в монументальном спокойствии и торжестве пигмей Сусликов. Справа от него и несколько позади заледенела в буддийское божество стокилограммовая Маоцзедунька. Слева от него и тоже несколько позади покрылась холодным потом Матрена Лаптева, держащая гигантский каравай хлеба, — традиционный русский хлеб-соль. Руки у нее начали мелко трястись. Хлеб-соль начал угрожающе подпрыгивать. И наверно выскочил бы из матрениных ручищ, если бы не начальник областного КГБ Горбань. Он нагнулся к Матрене и что-то шепнул ей на ухо. Матрена побледнела и застыла на подобие Маоцзедуньки.

В стороне от толпы, по ту сторону пуленепроницаемой перегородки, где собрались отобранные для встречи рядовые граждане, стоят два молодых мужчины. Один из них — Юрий Чернов. Ему двадцать четыре года. У него недоразвиты руки. Потому остроумные сослуживцы прозвали его Юрием Безруким по аналогии с основателем Москвы Юрием Долгоруким. Он не обижается на это. Как истинно русский человек он способен наслаждаться своим уродством и тем, что славящиеся на весь мир душевной добротой русские люди унижают его по этому поводу. Другой мужчина — Виктор Белов. Он вполне здоров, если не считать очки. Но очки давно перестали быть в России признаком уродства. Их носит иногда даже Маоцзедунька, когда пытается читать «Анжелику». Прочитав половину страницы, она засыпает и спит в очках, она уверена, что в очках сны видятся четче и красочнее. Что касается Белова, то он наоборот, страдает бессонницей и все ночи напролет читает нелегальную разоблачительную литературу, а также дозволенные сочинения мудре-

цов прошлого, в которых он мучительно ищет решение проблем будущего. Ему двадцать восемь лет.

Молодые люди наблюдают ситуацию в аэропорту, издеваются над начальственной группой по ту сторону перегородки и разговаривают о вещах очень серьезных, но в шуточной форме. Говорят они очень тихо, чтобы не слышали стукачи и агенты КГБ, составляющие половину собравшихся.

— Посмотри, какой гигантский караван испекли на это дурацкое хлеб-соль, — говорит Чернов. И где они муки на это нашли? Небось весь урожай года пошел на это.

— Не беда, — усмехается Белов. В этом году наш урожай в США был отличный.

— Это слова Маоцзедуньки.

— Я ее цитирую.

— Гляди, какая охрана! Побаиваются, сволочи! Сколько милиции! Сколько топтунов! Царь ходил в сопровождении одного жандарма, ездил в открытой коляске среди толпы зевак, хотя страна кишела революционерами, жаждавшими его убить. А эти — слуги народа, выходцы из народа работающие на благо народа. А ездят в бронированных машинах с мощной охраной. Чего они боятся?

— Для них бронированные машины и мощная охрана суть явления престижные. Они суть показатель их значимости. Они могли бы передвигаться так, что их никто не заметил бы. Но они должны передвигаться открыто и с помпой, но вполне безопасно. А в народе найдется немало таких, кто с удовольствием бросил бы в них бомбу или стрельнул.

— Это стекло не возьмет даже противотанковая граната.

— Во всем есть свое уязвимое звено, в особенности — в хорошо продуманной системе защиты и охраны. Тут действует закон нарушения меры: чем мощнее система охраны, тем вероятнее образование слабого пункта в ней. На отыскании такого слабого пункта основаны все удачные покушения и ограбления. Потом люди с удивлением задавались вопросом, как это они не заметили этот пункт ранее, почему не могли предусмотреть такую простую возможность.

— Ты прав. В прошлом году тут ограбили самолет, доставивший деньги. Знаешь, как это сделали? Видишь те люки?

— Я знаю эту историю. Психологически это понятно. Именно очевидность такой возможности мешает тому, чтобы на нее обратили внимание. Но в каждом конкретном случае надо быть гением, чтобы ее заметить.

— В таком случае считай, что я гений. Видишь, вон там телевизионная установка?!

— Ну и что? Их полно тут. О чем это говорит?

— Умному человеку это говорит о многом. Это наши отечественные установки. Значит, они регулярно ломаются. Их надо чинить. Следовательно, внутри есть особые пространства, по которым можно добраться до любой подслушивающей и подглядывающей точки.

— Но ведь доступ туда охраняется!

— Вряд ли. У нас усиленная охрана только на виду, для устрашения трудящихся и для отчетов начальству. А если что не на виду, делается халтурно и безалаберно.

— А к чему мы об этом говорим? Мы же все равно такую возможность не используем. Бессмысленно. Убьешь одно ничтожество — на его место выползет другое, столь же ничтожное. Убьешь, например, Маоцзедуньку, а на ее место назначат Крутова. Что изменится?

— Ничто. Может быть хуже будет. Но все-таки припугнуть их стоит. Какое-то разнообразие в жизнь внести.

Самолет с Портянкиным приземлился и подрулил к трапу для торжественных встреч. Из него выскочили охранники. Затем неторопливо вышел человек с физиономией упыря — секретарь ЦК Портянкин. За ним выползли сопровождающие его лица. Встречающие с цветами и хлебом-солью ринулись им навстречу, соблюдая положенный порядок. Матрена Лаптева сунула Митрофану Лукичу хлеб-соль, который схватили и унесли куда-то охранники.

— Неплохая идея, — шепнул Чернов своему собеседнику. — Взрывчатку можно заложить в хлеб-соль и взорвать по радио.

— С нашей техникой наверняка произошла бы задержка со взрывом, — прошептал Белов. — Или взрыв произошел бы раньше, чем нужно. А то и вообще не произошел бы. Так и сожрали бы хлеб-соль с бомбой.

Гости и встречающие подошли к микрофонам. Портянкин вынул бумагу с речью, нацепил очки и начал читать, подражая интонациям Брежнева.

«Именно наличие отсутствия серьезных промахов

и упущений позволили вашей области выйти на первое место в социалистическом соревновании за...», — гремел глас секретаря ЦК из репродукторов.

— Интеллектуально неполноценные существа захватили сферу руководства, — прошептал Чернов.

— Все это смеха достойно! — ответил Белов.

— Смеяться мало. Этих дегенератов надо убивать как ползучих гадов.

— Эта мразь не стоит того, чтобы жертвовать своей жизнью. Ради чего?!

— Хотя бы из ненависти. Хотя бы из мести. Хотя бы ради минутной вспышки гнева. Ты не допускаешь такое решение?

— Нет. Я рационалист. Даже прагматик. Если ты мне даешь гарантию, что в результате этого жизнь в стране хотя бы чуточку улучшится, я без колебаний пожертвую для этого собой.

— Такую гарантию тебе не даст никто. Но дело же не в этом.

— В чем?

— Что мы такое, в конце концов, есть: люди конца двадцатого столетия или болотные гады вне времени и пространства?

Церемония встречи окончилась. Гости и вожди области умчались в черных лимузинах. Толпа рассосалась. Чернов и Белов вместе со всеми покинули здание аэропорта и втиснулись в битком набитый автобус. Всю дорогу до города молчали, опасаясь осведомителей КГБ и доносчиков.

Начало жизни

Отец Юрия Чернова, капитан Советской Армии, награжденный многочисленными орденами за участие в боях в войне с Германией и несколько раз раненый, был арестован в 1946 году по клеветническому доносу и осужден на двадцать пять лет лагерей строгого режима. Срок он отбывал в лагере неподалеку от Партграда. В 1955 году он был освобожден, но оставлен для работы в «Атоме», т.е. на атомном предприятии, построенном в том же районе силами заключенных. Здесь он женился на восемнадцатилетней девушке из соседнего районного центра Красноармейска. В 1956 году, в тот день, когда Хрущев зачитал разоблачи-

тельный доклад на Двадцатом съезде партии, у них родился сын. Вместо рук у мальчика были такие отвратительные щупальца, что бедная мать при виде их лишилась сознания. Отец после этого запил пуще прежнего и вскоре умер от непонятной болезни.

Юрий (так называли мальчика) был уже не первым в «Атоме» инвалидом от рождения. До него тут уже родилось несколько детей без ног, без глаз, глухих и психически ненормальных. Рождались и такие дети, которых родителям вообще не показывали. Большинство родителей от таких детей отказывалось. Для них построили специальный интернат, куда стали помещать детей с дефектами от рождения со всей области и даже из других областей. Но мать Юрия отказалась отдать сына в интернат. После смерти мужа она переехала в Красноармейск к родителям. Для нее началась жизнь, о которой лучше промолчать.

Талант и ум русского человека тратится обычно на то, чтобы как-то выкручиваться в трудных житейских условиях. Мать Юрия проявила чудеса изобретательности, чтобы облегчить жизнь сына. Целью и смыслом ее собственной жизни стало научить его жить так, как будто он полноценный человек, и служить ему. Она приняла на свой счет вину всего общества и человечества перед ее сыном. Она научила его выполнять «ручками», ртом, головой и плечами многие жизненно необходимые операции. Приспособила для него одежду, мебель, посуду. Когда он чуть подрос, она добилась того, что его взял под свою опеку протезный комбинат в Партграде. Ему изготовили специальные протезы, с помощью которых он научился писать и обращаться с книгами в школе. Дома он писал, держа карандаш во рту или прижимая его «ручкой» к подбородку. В школе такой способ мог бы сместить детей, а мать Юрия непременно хотела, чтобы он посещал обычную школу, а не школу для инвалидов от рождения при интернате.

Как-то началась кампания по вовлечению инвалидов от рождения в нормальную жизнь. Черновых посетил журналист из Партграда. Он написал большую статью, в которой упомянул непонятное для матери Юрия слово «комплексный» метод. Когда Юрий вырос, окончил университет и стал работать в протезном комбинате, он стал свидетелем ажиотажа по поводу статьи американского ученого, выдвинувшего идею этого са-

мого комплексного метода включения инвалидов от рождения в нормальную жизнь. Это добавило свою долю в его мрачные переживания, но не удивило его: он уже знал, что сами русские иваны не позволят своим собратьям сделать что-то раньше и лучше, чем на Западе, а если все же это как-то сделалось, они не допустят признания приоритета и тем более не допустят внедрения открытия или изобретения в практику жизни. Чтобы какая-то деревенская русская баба, даже не знающая смысла слова «комплексный», сделала что-то раньше американцев или немцев?! Быть того не может!

У матери был хороший голос. Она пела сыну тоскливые русские песни. Он подпевал ей. По выходным дням мать уходила с сыном за город. Они бродили по полям и рощам, по берегам ручейков и озер. Мать пела в полный голос и плакала. Юрий подпевал ей и тоже плакал от еще неосознанного отчаяния и тоски. Зрелище изумительной, но до боли грустной русской природы, наряду с заунывными, рвущими душу на куски звуками русских мелодий, навсегда определили тонус его переживаний.

В бытовом отношении Черновы жили так, как жило большинство русского населения в провинции. С западной точки зрения это был уровень полунищенский. Но жители глубинной России начали сравнивать свою жизнь с западной позднее. А тогда, когда рос Юрий, они довольствовались тем что имели. Голода не было, и это было главным. Одеваться стали лучше, чем в послевоенные годы. Появились телевизоры, холодильники, велосипеды, мотоциклы, синтетические куртки, колготки, женские брюки. Жизнь понемногу улучшалась. Была надежда на лучшее. Молодые люди получали образование, уходили в города, устраивались лучше родителей. Ухудшения начались позднее, в конце семидесятих годов.

В окружении Юрия лишь изредка говорили о России и о русском народе, причем — без гордости за них. Преобладали жалобы, насмешки, зависть к тем, кто «ухитрился лучше устроиться», злоба. Потом в школе ему предстояло услышать слова, которые по замыслу должны были пробудить национальную гордость и патриотизм. Но это делалось так, что эффект получался противоположный.

В километре от дома Черновых начиналась трясина

— заросшие кустами и мелким лесом болота. О коварстве трясины складывались легенды, рассказывались правдивые истории. Во время коллективизации кто-то сломал огород, отделявший пастбище от трясины, и целое колхозное стадо засосало в трясины. В начале войны с Германией на трясины устроили склады с продовольствием и оружием для партизан на случай оккупации области немцами. Склады исчезли в трясины вместе с людьми. В войну на трясины прятались дезертиры. Ни один из них не выбрался оттуда. В хрущевские годы целая научно-исследовательская экспедиция из тридцати человек бесследно пропала в трясины. Число беглецов из лагерей, которые погибли в ней, перевалило за сотню. Со стороны трясины лагеря даже не охранялись совсем. Говорили, будто иногда охранники специально загоняли непокорных заключенных на трясины, списывая их потом как беглецов.

Юрию, как и другим детям, категорически запрещали даже близко подходить к трясины. Когда дети шалили и не слушались родителей, их пугали трясиной, грозились отвести их туда, где их засосет в бездонную грязь. Но Юрия трясины не пугала. Она представлялась ему таинственным и полным чудес миром. Бабушка рассказывала ему сказки о нечистой силе, ведьмах, леших, водяных и прочих существах иного мира, якобы живших на трясины. Иногда в ее рассказах появлялись принцессы, царевичи и прекрасные дворцы, скрытые на волшебных островах в недостижимых для людей местах трясины. А дед рассказывал «правдивые» истории о разбойниках, грабивших людей и топивших их в трясины. И якобы до сих пор где-то в глубине леса хранятся несметные сокровища, награбленные разбойниками, так как самих разбойников затянуло в грязь.

Конечно, рассказы бабушки и дедушки не отличались той красочностью воображения, как сказки пушкинской няни. Но он сам обладал даже слишком богатым воображением, чтобы на основе убогих рассказов других людей построить свой яркий сказочный мир. Когда он подрастет и станет способным анализировать явления жизни, он однажды вдруг заметит болотную, трясиновую основу своей детской мечты. В этом он увидит глубокий символический смысл.

Он рано узнал, что самые большие страдания причиняет не столько сам факт уродства, сколько неосу-

ществимая претензия стать полноценным человеком, несмотря на уродство. Жизнь ребенка-урода в среде здоровых детей оказалась для него с первых же шагов адом. Здоровые дети беспощадны к физическим недостаткам других детей. Защита же со стороны взрослых лишь усиливала в нем чувство неполноценности. В порядке самозащиты от всех он стал сторониться сверстников, много читать и думать. Он изобрел свой воображаемый мир, в котором и проводил большую часть своей жизни. В нем он превращался в прекрасного принца или в могучего богатыря, в отважного королевского мушкетера или благородного индейца. И мстил всему здоровому человечеству за свою несчастную судьбу.

Школа

В 1964 году, т.е. когда начался брежневский период советской истории, Юрий пошел в школу. Учился он блестяще. Некоторые учителя признавались, что такого ученика у них еще не было. Это породило раздражение и зависть у родителей здоровых детей. О его способностях стали помалкивать, преувеличивая успехи других, менее способных детей. Учителя не сговариваясь стали дружно занижать ему отметки. Так еще ребенком он понял одну из фундаментальных житейских истин: общество может быть к тебе справедливым, если ты бездарен или обладаешь допускаемыми им способностями. Но если твои способности превышают общественно допустимую норму, тогда не жди пощады. Если дети беспощадны к твоим физическим недостаткам, то взрослые беспощадны к твоим духовным достоинствам.

Ему, как и другим детям, вдалбливали в голову идеологические и пропагандистские утверждения. Он, как и все, не понимал их. Скоро он стал равнодушен к ним, воспринимая это как неизбежное зло и пустую формальность. Потом на смену равнодушию пришло ироническое отношение ко всему, что было связано с идеологией и пропагандой. С этой точки зрения он ничем не выделялся из прочей массы детей.

Он, как и другие, был пионером. Как и другие, вступил в комсомол. Выполнял соответствующие ритуалы и поручения. Реальная жизнь разрушала все мифы и

идеалы прошлого, но не создавала никаких новых. В нем, как и в других, формировалась идеология отрицания всего советского. Не случайно потому сознание советских людей в годы перестройки будет стремительно заполняться западной идеологией, принявшей ложное обличье освобождения от идеологии советской, объявленной заблуждением.

До Юриного городишка доходило то, что обдумывалось и говорилось в кругах интеллигенции в Партграде и в Москве. Неподалеку от города находились исправительно-трудовые лагеря, в которых содержались диссиденты. Жителям города и соседних деревень приходилось как-то общаться с ними и выслушивать их идеи. Так что критическое отношение к власти и к советскому образу жизни начало формироваться у Юрия с первых шагов его сознательной жизни как нечто само собой разумеющееся. Никакого перелома на этот счет в нем потом не происходило. Он изначально сложился как оппозиционер.

То обстоятельство, что он родился инвалидом и оказался в исключительном положении сравнительно с другими детьми, способствовало формированию в нем особого, индивидуалистического неприятия советской реальности. Тэрнар о том, что его отец стал жертвой сталинского террора, он ощутил в себе желание мстить. Но кому, как? Что он мог сделать больше того, что уже сделалось само собой? Потом он узнал, что сам является жертвой халатности тех, кто строил «Атом». Жажда мести обрела реальную основу, но объект мести остался неопределенным. Состояние мести стало постоянным элементом его психики.

В 1969 году до Красноармейска дошло известие о попытке покушения лейтенанта Ильина на Брежнева. Юрий не раз слышал сожаления о том, что Ильин не попал в ненавистного и презираемого маразматика Брежнева. Уже тогда он воображал себя в роли отважного героя, убивающего тирана.

В 1970 году Юрий впервые увидел Евдокию (Дуньку, как ее звали в народе) Елкину, будущую Маоцзедуньку. Это произошло во время демонстрации Первого мая. Елкина тогда была секретарем райкома партии. Она стояла на трибуне и выкрикивала первомайские призывы. Ее голос гремел в репродукторах по всему городу. Образ этой орущей бабищи навечно врезался в память Юрию как символ власти.

Внимательный наблюдатель уже по состоянию школы в те годы мог судить о морально-психологическом разложении советского общества и предвидеть угрозу надвигавшегося кризиса. Впрочем, кое-кто из родителей и учителей предупреждали об этом. Но кто прислушался к ним?!

Хотя Юрий рос необщительным мальчиком, ему все же приходилось проводить время в среде сверстников. Из их разговоров он получал такую информацию о реальной жизни людей, какую не мог иметь из школьных уроков и средств массовой информации. Ученики, как и взрослые, делились на слои с различным уровнем и образом жизни. Были бедняки, к числу которых принадлежал Юрий. Были богачи. В классе с Юрием училась девочка Таня, отец которой был директором техникума, а мать заведующей магазином одежды. В соседнем классе учился сын директора совхоза, дочь секретаря райкома партии, дочь генерала. Были и середняки, которые жили лучше бедняков, но не могли тягаться с богачами. Различия были весьма ощутимыми. У Юрия на двоих с матерью была комнатуха в двенадцать квадратных метров в старом доме без удобств, а у дочери секретаря райкома партии был дом в городе на троих человек и дача около Партграда. Она каждое лето проводила на южных курортах, а большинство ее соучеников оставалось в городе.

Юрию приходилось бывать дома у соучеников. Он дружил с Таней. Ей нравилось опекать Юрия. Иногда она приглашала его к себе домой как достопримечательность: Юрий манипулировал протезами, как настоящими руками. К тому же он считался математическим гением. Родители Тани поощряли их дружбу. Юрий был не хулиган, как другие, и по крайней мере не будет распускать руки, как говорили они, наслаждаясь своим остроумием.

Дети росли. Росли и взрослели их мысли, слова и поступки. В шестнадцать лет Юрий начал вести дневник, назвав его «Мысли наедине». Вот несколько фрагментов из него для примера. Они дают представление о том, чем было занято его сознание и сознание его сверстников.

Нас до одури пичкают всякой пропагандистской дребеденью. Мы все это слышали сотни раз с первого класса. Теперь мы старшеклассники, а они поют все ту же песенку. И то же самое нас ждет впереди. Домой шел с Таней. Она говорила, что нелепо возмущаться по поводу этой галиматьи, надо просто ее игнорировать. Ее родители и их знакомые смеются над нашей идеологией, рассказывают смешные анекдоты на ее счет. А ее предупреждают, чтобы в школе помалкивала, иначе плохую характеристику дадут и в институт не примут.

* * *

Я давно заметил, что все люди понимают происходящее вокруг. И все в один голос призывают помалкивать. Все понимают, что именно из этого помалкивания вырастает свинство нашей жизни. И все-таки молчат. И сами же не дают никому пикнуть. В чем дело?

* * *

Сначала в школе сходили с ума по магнитофонным записям западной музыки. Потом перешли на джинсы. Некоторым ученикам родители и знакомые привезли джинсы из-за границы. Началась джинсовая лихорадка. Все кинулись покупать джинсы на черном рынке за бешеные деньги. Я сунулся было к маме. Первый раз в жизни имел с ней крупный разговор. Она сказала, что такие траты нам не по карману, а если я раздобуду джинсы сам каким-либо путем, она их изрежет. Я сначала обиделся. Но скоро отошел. И мне стало легко от мысли, что я не поддамся брючному сумасшествию.

* * *

Таня рассказывала о жизни ее родителей и знакомых. Я признался, что слышал такое впервые. Она сказала, что я чудом оказался в стороне от современного хода жизни. Меня не развратили образованные интеллектуалы. Она призналась, что у нее есть «бойфренд», парень, с которым она имеет сексуальную связь. В ее возрасте это теперь норма. Посмеялась над моей наивностью.

Кое-кто из его соучеников имел заграничные радиоприемники и слушал западные радиостанции «Голос Америки», «БиБиСи», «Немецкую волну» и «Свободу». Кое-кто читал нелегальную литературу, «самиздат» и «тамиздат», т.е. изданные на Западе и нелегально переправленные в Советский Союз книги. Это были дети начальства и богачей вроде заведующих магазинами и складами. Сын секретаря райкома партии имел полную коллекцию книг Солженицына, оправдывая это тем, что «врага народа надо знать в лицо». Дети директора свиносовхоза записывали на кассеты самые антисоветские передачи «Свободы».

Сам опыт жизни и то, что взрослые говорили между собою, не скрывая от своих детей, очень рано развивал в детях неверие в официальную идеологию и пропаганду, ироническое отношение ко всему советскому, преклонение перед всем западным. Дети еще не знали, что есть истина, но уже хорошо знали, что есть ложь. Они чуть ли не с пеленок приучались притворяться и внешне выглядеть так, будто они суть патриоты и верные ленинцы. В них с первых шагов жизни была посеяна идейная и моральная порочность.

Никто из соучеников Чернова не стал диссидентом, никто не стал критиком «режима». Но все они своим идейным цинизмом и изначальной безнравственностью внесли свою долю в общее разложение советского общества. Пройдет всего несколько лет, и они ринутся очертя голову в ненаказуемую и даже поощряемую оргию антисоветизма и антикоммунизма с таким видом, будто были прирожденными борцами против «тоталитаризма и за демократию». Сын секретаря райкома партии станет пропагандистом авторов, считавшихся антисоветчиками. Дети директора свиносовхоза будут наживать большие деньги на продаже записей антисоветских радиопередач. Да и сын партийного секретаря будет бороться против сталинизма и брежневизма отнюдь не бескорыстно. Но пока это время еще не пришло, пока еще не была спущена сверху новая установка, они вели себя как примерные комсомольцы, усердно помогая взрослым справляться с малейшими проявлениями инакомыслия.

Мысли наедине

На уроке по истории произошел скандал. Учитель рассказывал о героическом прошлом.

— Ходят слухи, будто в эти годы миллионы невинных людей были репрессированы, — сказал я. Правда ли это?

Класс замер. Учитель начал мямлить обычные политпосомой. После уроков меня вызвали в комитет комсомола. Секретарь сказал, что будет персональное дело, выговора не миновать. Потом меня пригласили в дирекцию. Там сидели директор, классный руководитель, секретарь партбюро и учитель истории. Два часа выматывали душу. Я сказал, что об этих репрессиях болтают повсюду, что я хотел знать, насколько эта болтовня соответствует истине, и ничего преступного в этом не вижу.

Вроде бы обошлось, поставили на вид, и все. Но отомстили неожиданным образом. На районной математической олимпиаде я занял первое место, а на областную не допустили.

* * *

Взрослые кичатся жизненным опытом. Стоит завести с ними серьезный разговор, как они обрывают тебя: мол, ты еще молод, поживи с наше — поймешь. А между тем понимать-то нечего. Нам уже в школе все ясно. Повзросление есть лишь выбор пути. А выбираем мы вполне сознательно. С людей нельзя снимать ответственность за их дела, сваливая вину на среду, воспитание, обстоятельства. Воспитание не только принуждение, но и добровольный выбор. Большинство выбирает путь приспособления к обстоятельствам. Лишь исключительные одиночки заболевают жадной понимания сути дела и чувством несправедливости происходящего. Они тоже выбирают этот путь добровольно. Почему они так поступают, не знаю. К какой категории людей относиться я? Этого я тоже пока не знаю.

Болезнь

В девятом классе с Юрием случился первый нервный припадок. Врач районной больницы, навестивший его, посоветовал матери показать Юрия психиатру. Пришлось ехать в Партград, в психиатрическую больницу, имевшую дурную репутацию по всей России.

Осматривал Юрия Иван Андреевич Малов, с которым читателю еще придется встречаться в будущем. Раньше Малов работал в больницах и исследовательских учреждениях в Казани, Ленинграде и Москве. Был известен как крупный специалист в области психиатрии, которую он сам называл социальной патологией, но которую в западной и нелегальной советской прессе называли карательной медициной. На самом деле Малов к карательным мерам никакого отношения не имел и делал все от него зависящее, чтобы препятствовать им. Делал он это не из каких-то политических и идейных соображений, а просто в силу своего характера. Научная карьера у него не получилась из-за того, что он был запойным алкоголиком. Он был дважды женат. Но семейная жизнь у него не получилась. Имел двоих детей. Но не имел с ними никаких контактов после того, как кончились сроки выплаты алиментов.

Осмотрев Юрия, Малов сказал, что у него был всего лишь нервный срыв из-за сильного переутомления. Но Юрия на всякий случай поставили на учет в больнице с обязательством показываться для осмотра раз в полгода. Малов сказал, что это — обычная формальность. Но Юрий воспринял это как признак психической неполноценности. Малов утешил его, сказав, что неполноценность бывает разная, что благодаря такой неполноценности, как у Юрия, мир получил величайших гениев.

Малову понравилась мать Юрия, которая была еще молодой и привлекательной женщиной. Под предлогом наблюдения за здоровьем Юрия он стал время от времени навещать Черновых. Иногда он рассказывал об интересных случаях, которые стали ему известны по работе в психиатрических больницах. Так он рассказал о мальчишке, который хотел убить Сталина.

Рассказ Малова

Этот Мальчик вырос в ужасающе бедной семье, каких в те годы были миллионы. Он был вечно голоден и оборван. И сражался он не с режимом, а с дырами в одежде и со вшами. Одно качество было особенно сильно развито в нем: сострадание к несчастьям других людей и протест против несправедливостей. Как-то так получилось, что Сталин стал для него источником, символом и воплощением всех зол, которые причиня-

ли неисчислимы страдания людям. Всепоглощающая ненависть к Сталину завладела им. Конечно, современные психиатры усмотрели бы в этом ярко выраженный признак сумасшествия. Возможно, они были бы правы. Но что ему, Мальчику, было до этого?! Он решил убить Сталина, чего бы это ему не стоило. Его не страшил его собственная гибель. Наоборот, он решил сам погибнуть при этом, считая такую гибель величайшим счастьем. Он не имел целью тем самым изменить социальный строй страны и условия жизни людей, такая мысль ему вообще не приходила в голову. Он понятия не имел о том, что такое социальный строй. И тем более не помышлял о реставрации царизма и капитализма, как потом ему приписали судьи. Он просто решил, что главный виновник несчастий окружающих его людей — Сталин, и решил покарать его за это.

Идея покушения была такова. Ожидалось открытие канала Москва-Волга. В Москву должны были приплыть теплоходы по каналу. Члены правительства во главе со Сталиным должны были встречать их на набережной Москва-реки около Кремля. Мальчику хотя и было семнадцать лет, выглядел он совсем ребенком. Кто мог подумать, что в голове такого маленького, тощего заморыша таились зловещие мысли?! Мальчик собирался вместе с другими мальчишками пробраться через первую линию охраны, которая должна была сдерживать толпу, при приблизиться к членам правительства и выстрелить в Сталина. Надо сказать, замысел был вполне реалистичен. Я сам в то время оказался в толпе таких мальчишек на набережной и видел Сталина на расстоянии нескольких шагов. Задача заключалась лишь в том, чтобы достать оружие и научиться владеть им.

Это просто сказать: достать оружие. А попробуй это сделать практически, если ты не связан с уголовным миром! Тут Мальчик вспомнил о своем дяде, герое Гражданской войны. У него был маузер, причем — именной, награда за подвиги. Дядя иногда показывал маузер родственникам и друзьям, рассказывая романтические истории о Гражданской войне. Мальчик был в гостях у дяди всего один раз, дядя был важный начальник, своих нищих и необразованных братьев и сестер он стыдился. Однажды Мальчик зашел к дяде, когда дома были только его дети, и украл маузер. Про-

пажу сразу же обнаружили, Вора нашли и забрали на Лубянку, в главное здание органов.

Мальчик признался в своем намерении. Но что мог значить какой-то тщедушный, несовершеннолетний мальчишка?! Чтобы придать попытке покушения вес, арестовали родственников и ближайших знакомых семьи Мальчика, включая и дядю, героя Гражданской войны. Последнего и сделали руководителем террористической группы. Мальчика же решили сделать орудием взрослых заговорщиков.

Об этой группе стало известно Сталину. Он догадался, что суть дела не во взрослых родственниках Мальчика и не в дяде, такими «заговорщиками» он был сыт по горло, а именно в Мальчике. Он поверил в серьезность намерений Мальчика, и это его встревожило. Одно дело уцелевшие представители бывших эксплуататорских классов, старые революционеры, цепляющиеся за устаревшие идеи и лозунги, партийные работники, чиновники, командиры Красной Армии профессора, ученые... Тут все ясно. И другое дело молодой человек, почти ребенок, рожденный после революции, воспитанный в советской школе в духе идеалов коммунизма и преклонения перед Сталиным, народным вождем. А что если это первая ласточка суда потомков над ним, Сталиным лично, и над всем тем, что он построил ценой таких усилий и жертв?! Сталин велел привести к нему Мальчика. У них произошел такой разговор. Рассказчик присутствовал при этом разговоре. Он сидел за ширмой и записывал беседу по приказанию своего начальника и, надо полагать, самого Сталина. Разумеется, он не запомнил всего того, что было сказано. В памяти осталось только кое-что, что показалось рассказчику необычным.

— Верно ли, что ты хотел убить меня, — спросил Сталин Мальчика.

— Верно, — ответил Мальчик.

— И ты все еще остаешься при своем намерении?

— Да.

— Если я прикажу освободить тебя, откажешься ты от этого?

— Нет!

— Но почему ты хочешь убить меня ?

— Потому что Вы дискредитировали идеалы коммунизма и революции.

— Ты думаешь, один человек способен на это? Разве я один создавал все то, что мы сейчас имеем?

— Нет. Но Вы возглавляли и вдохновляли людей на это.

— Разве все, что мы сделали, плохо? Сделали же мы что-то и хорошее!

— Это не искупает зло, причиненное людям.

— Ты думаешь, мы отступили от идеалов. Но откуда ты узнал об идеалах?

— Мы изучали их в школе, читали в книгах, смотрели в кино.

— Ты думаешь, идеалы можно осуществить точно в том виде, в каком они высказаны на словах и написаны в книгах?

— Может быть не совсем точно, но близко к тому.

— Ты думаешь, я отступил от идеалов по злему умыслу и без особой надобности? А если иначе невозможно?

— А Вы пробовали иначе?

— И многие думают, как ты?

— Я не знаю никого другого.

— А может быть тебя этим мыслям научил кто-то другой, взрослый враг?

— Враги так не думают. Меня же все учили любить Вас и преклоняться перед Вами.

Поговорив в таком духе с Мальчиком два часа, Сталин приказал провести с ним воспитательную работу, которая должна была идти по двум линиям:

1) обучить Мальчика основам социальной науки и марксизма-ленинизма,

2) убедить его в необходимости отказаться от намерения убить Сталина.

И жизнь Мальчика пошла по предписанному Сталиным распорядку. Днем он с молодым сотрудником «органов» ходил на лекции по истории социальных учений, философии, истории коммунизма, марксизму-ленинизму. Рассказчик был этим самым конвоиром Мальчика. Вечером же с ним работали воспитатели иного рода. Их цель была заставить его заявить, что он никогда не имел намерения покушаться на жизнь товарища Сталина, что тут произошло недоразумение, что маузер дяди он взял лишь поддержать, захваченный романтикой Гражданской войны. Может быть это был единственный в советской истории случай, когда от арестованного добивались не признания ложного обвинения в подготовке покушения на Сталина, а

отказа от признания в том, что он на самом деле такое покушение готовил. Система расправы работала по принципу «наоборот».

Меня такой поворот дела нисколько не удивил, так как я сам уже не раз сталкивался с силой упомянутого принципа «наоборот». В 1946 году я подал рапорт об увольнении из армии. Вскоре началась массовая демобилизация офицеров, и если бы я не подал рапорт, меня демобилизовали бы вместе со всеми. Но именно потому, что я захотел уйти из армии сам, меня продержали еще несколько месяцев в армии, уговаривая взять рапорт обратно. Наконец, я капитулировал, взял рапорт назад, и меня после этого уволили из армии в течение недели.

Чем больше Мальчик изучал науки по программе, составленной для него самим Сталиным, тем больше он укреплялся в своей уверенности, что с именем Сталина связан исторический крах идеалов коммунизма. «Воспитатели» из органов, обещали освободить Мальчика и его родственников, дать его семье хорошую квартиру, устроить Мальчика учиться в университет и дать прочие блага, если он откажется от своего прежнего признания. В противном случае, говорили ему, все его родственники, включая родителей, брата и сестру, будут уничтожены, а он сам будет подвергнут пыткам, прежде чем его прикончат. Но Мальчик упорствовал. В беспрецедентном поединке между самым могущественным человеком в стране и самым ничтожным первый терпел поражение. Он, как говорится, потерял лицо и приказал применить к Мальчику самые суровые меры «физического воздействия». Обучение наукам было заброшено. На Мальчика обрушили такой арсенал пыток, какие не выдерживали даже закаленные ветераны революции и Гражданской войны. Но Мальчик не поддавался. Это было ново для Сталина. Случай приобрел для него принципиальное значение. Этот его противник был не из прошлого. Он не был даже современником Сталина в строгом смысле слова. Он явился из будущего. И поэтому он был неуязвим. Сталин чувствовал это, хотя и не мог сформулировать ситуацию для себя отчетливо.

Отчаявшись сломить непонятого Мальчика, Сталин решил прибегнуть к демагогическому приему, на какие он был великий мастер. Знаете, когда его противники предъявляли к нему претензии, он грозился

уйти с поста. Нечто подобное он решил проделать и в отношении Мальчика. Он велел дать Мальчику пистолет, сказал ему, что он, Мальчик прав, что действительно предал идеалы коммунизма и революции и заслужил за это смертную казнь, и предложил Мальчику выстрелить в него, в Сталина. Неизвестно, был заряжен пистолет или нет. Скорее всего нет. Вряд ли Сталин стал бы так глупо рисковать жизнью. Но мальчик этого не знал. Повертев в руках пистолет, он сказал, что не умеет стрелять. Сталин рассмеялся и приказал научить Мальчика стрелять. Мы две недели обучали его стрельбе. Когда он научился попадать в мишень с двадцати шагов, его расстреляли. Прочих членов «террористической группы» тоже.

— Откуда Вы узнали об этом? — спросил Юрий.

— От одного из моих подопечных в Казанской больнице. Это был бывший чекист, принимавший участие в операции с Мальчиком. Он на самом деле сошел с ума. Иногда на него находило просветление, и он рассказывал много интересного. Жаль, никто не записал его рассказы.

— И много было таких мальчиков?

— Этого никто и никогда не узнает. А зачем подсчитывать?

— Для справедливости.

— Никакой справедливости не было, нет и не будет. Достаточно знать, что такие мальчики были. А если даже их и не было, их надо выдумать.

— Зачем?

— Чтобы будущие Сталины принимали в расчет возможность их явления.

«Честный человек должен убить Сталина»

Чекист А.Х. Артузов, который был начальником контрразведки, сам стал жертвой сталинских репрессий. В 1938 году он был казнен. Перед казнью он написал кровью на стене тюремной камеры такие слова: «Честный человек должен убить Сталина». А. Антонов-Овсеенко, автор книги «Портрет тирана» (1980), из которой я узнал об этом факте, написал по поводу приведенных слов Артузова, что ни одного честного человека на Сталина не нашлось. В этом утверждении два пункта вызывают у меня возражения.

Во-первых, употреблять критерии морали в такого рода ситуациях бессмысленно. Нельзя обвинять в нечестности, например, таких людей, которые сознательно служили Сталину и вместе с ним творили свое кровавое дело. А с другой стороны, если верна гипотеза А.Авторханова, будто Сталин стал жертвой заговора Берии и Маленкова («Загадка смерти Сталина», 1976), то вряд ли на этом основании этих сталинских палачей можно отнести к числу честных людей.

Во-вторых, если Антонов-Овсенко хотел своим замечанием сказать, будто никто не планировал убить Сталина, то это фактически неверно. Нет надобности говорить о том, какое огромное место в дореволюционной России занимал индивидуальный терроризм. Советская история началась с покушения на самого Ленина и с убийства Урицкого. После революции убийство людей стало настолько обычным делом, что было бы странно, если бы не появились люди, думавшие о покушении на вождей. Такие люди появлялись. Николаев, убивший Кирова в 1934 году, был использован Сталиным, но к идее покушения на Кирова он пришел до этого и независимо от этого. Он хотел стать «новым Желябовым» (А.И.Желябов — один из создателей «Народной воли», организатор покушений на царя Александра Второго, повешен в 1881 году). И я ему верю, так как сам преклонялся перед народовольцами, включая Желябова. Покушение на Молотова в Пркопьевске в 1934 году на самом деле имело место. Еще в 1928 году террористы устроили два взрыва в здании ОГПУ на Лубянке.

Сталин становится объектом внимания с точки зрения возможного покушения лишь с того момента, как он стал фигурой номер один в советском руководстве. В намерении убить Сталина обвинялись очень многие, включая Каменева, Зиновьева, Бухарина, Тухачевского, Рютина, Енукидзе, Мдивани и т.д. И было бы наивно думать, будто никому не приходила в голову мысль осуществить это на деле. «Разоблачались» десятки террористических групп, и не все они были фиктивными. Так, в 1935 году группа студентов в Горьком планировала покушение на Сталина. Они не осуществили свое намерение, но они его имели. Они собирались совершить покушение во время первомайской демонстрации в 1936 году.

Я сам с несколькими моими товарищами (нас было

четверо) замышлял убийство Сталина в 1939 году. Наш замысел был наивен и практически неосуществим. Но страстное желание убить Сталина у нас было. Мы готовы были пожертвовать жизнью ради этого. Более того, мы готовы были пойти на заведомо безуспешное покушение, лишь бы факт такого покушения стал широко известным. Мы собирались совершить покушение во время демонстрации на Красной площади. О горьковских студентах и других террористических группах мы не знали. Вариант покушения во время демонстрации напрашивался сам собой как единственно доступный для нас. Наши намерения не реализовались по целому ряду причин. В том же году я был арестован за выступление против культа Сталина. Мне случайно удалось бежать. Целый год я бродяжничал по стране, скрываясь от преследования, — был объявлен всесоюзный розыск, как я узнал впоследствии. Наконец, мне удалось скрыться от голода, нищеты, преследования и одиночества в армии. Во время моих скитаний и в последующие годы мне неоднократно приходилось встречать молодых людей, мысли которых в отношении Сталина были сходны с моими. Могу упомянуть в качестве примера Александра Макарова. Он был комсомольским работником в Грузии, был лично знаком с Василием Сталиным, страстно ненавидел Сталина и готовил на него покушение в Грузии.

До смерти Сталина тайная антисталинистская пропаганда была основным делом моей жизни. После доклада Хрущева на XX съезде партии, положившем начало официальной десталинизации страны, все вдруг стали превращаться в антисталинистов, и мой антисталинизм утратил смысл. К этому времени я уже выработал мое понимание коммунистического общества. Я понял, что причины зол советской жизни надо искать не в Сталине и его сообщниках, а в самом коммунистическом социальном строе. Но интерес к Сталину и ко всему, что связано с его именем, у меня сохранился.

В хрущевские годы мне приходилось встречать людей, которые провели много лет в сталинских лагерях за подготовку покушения на Сталина. В частности, в это время я узнал, что почти одновременно со мной в институте, где я учился в 1939 году (это был Московский Институт Философии, Литературы и Истории, сокращенно — МИФЛИ), был арестован студент Романов. Его обвинили в участии в заговоре против Ста-

лина. Он провел в тюрьмах и лагерях 18 лет. Разумеется, в большинстве случаев такие обвинения юридически были несостоятельны. Но были и обоснованные обвинения. И кто знает, сколько тайных замыслов убить Сталина остались невыявленными?! Они канули в вечность вместе с их носителями. Дело не в том, что не нашлось людей, мечтавших убить Сталина и что-то делавших для этого. Они были. Дело в том, что им не удалось выполнить свои намерения по независящим от них причинам.

Проблема покушения на Сталина не есть проблема морали вообще. Она есть часть более грандиозной проблемы — проблемы понимания сталинской эпохи. Важнейшим препятствием на пути объективного понимания этой эпохи является не столько недостаток фактов, сколько ошибки в методах понимания. В частности, сегодняшнее знание и понимание прошлого переносят на само прошлое так, будто оно должно было бы восприниматься таким образом самими деятелями прошлого. Но реальным фактором истории было не то, как и что люди думают о прошлом теперь, а то, как люди тогда понимали и переживали факты своей истории, какие у них были намерения и возможности. Ошибочно с критериями настоящего судить о поведении людей в прошлом. Я, например, стал уже в 16 лет антисталинистом. Но произошло это не потому, что я знал о масштабах сталинских репрессий и возмущался ими. Я об этих репрессиях знал ничтожно мало. Особых сомнений в том, что писали газеты и говорили пропагандисты о «врагах народа», у меня не было. Я не относился к этому с полным доверием, но и не стремился их опровергать. Я не разделял общих эмоций по поводу процессов тридцатых годов. Но они и не затронули меня в смысле формирования моего мировоззрения. Последнее сложилось под влиянием наблюдений за жизнью окружающих людей и личной бытовой неустроенности. То же самое было с моими единомышленниками. Мы рано заметили, что вместо обещанного земного рая получается земной ад, и, не умея еще понять сущность и закономерность происходящего, мы персонифицировали причины зла в личности Сталина. У меня вызывало протест также обожествление Сталина. Вначале я вообще не думал о том, справедливо это или нет. Если бы даже Сталин на самом деле был таким, как его изображали, я все равно стал бы протес-

товать против его культа. Сатана, восставший против Бога, был одним из героев моей юности. Все те молодые антисталинисты, которых мне приходилось встречать в юности, стали таковыми не из-за репрессий. И я лично не встречал ни одного человека, пережившего репрессии, который стал бы убежденным антисталинистом. Мой друг по институту Андрей Казаченков, от которого я в 1939 году больше всего узнал о репрессиях, не был антисталинистом.

Сталина, конечно, стоило убить. Но те, кто могли это сделать, не хотели, а те, кто хотели, не могли осуществить свое намерение практически. Даже одни и те же лица оказывались в таком положении. Возьмите того же Артузова. Он призвал к убийству Сталина лишь тогда, когда сам оказался его жертвой. А что он думал до этого? Он-то прекрасно знал, что вытворяли Сталин и его подручные. Он сам был в их числе. Не попади он в число жертв, вряд ли он высказал бы слова насчет убийства Сталина. Антонов-Овсеенко рассказало бывшем комсомольском работнике, который однажды ехал в лифте вместе со Сталиным. У этого человека в кармане был пистолет. Находясь в лагере, он вспомнил этот момент и пожалел о том, что не воспользовался случаем и не убил Сталина. Опять — так он подумал об убийстве, когда стал жертвой и уже не мог это сделать.

Нужно принимать во внимание психологию и идеологию тех, кто имел доступ к Сталину. Орджоникидзе, например, был прекрасно осведомлен о преступлениях Сталина. Он знал, что и ему несдобровать. Он покончил с собой. А ведь мог бы запросто пристрелить Сталина. Почему он это не сделал? Потому что для него Сталин был не просто отдельный человек, но существо, аккумулировавшее в себе новое общество, созданию которого посвятил жизнь Орджоникидзе. Сталин стал олицетворением и символом идеалов партии. Таким же было отношение к Сталину и большинства деятелей той эпохи. Они ненавидели его лично. Но его историческая функция их завораживала. Киров знал заранее, что его убьют. И все же он отказался от претензии на пост Генерального секретаря и вроде бы выдал Сталину тех, кто прочил его на место Сталина. Нельзя объяснять такое поведение глупостью, трусостью, холуйством и прочими качествами такого же рода, которыми разоблачители наделили чуть ли не

всех сподвижников Сталина. Киров, как и Орджоникидзе, знал о положении в стране и в системе власти. Он понимал, что задача руководства страной в тех условиях была ему не по плечу. Она была тем более не по плечу прочим сторонникам и противникам Сталина. Они все в гораздо большей мере добровольно наделили его диктаторской властью, чем подчинились насилью. Насилие тут сыграло роль организации добровольности. Главным фактором, позволившим Сталину приобрести огромную власть и злоупотреблять ею, были не преступные качества Сталина, а объективные условия в стране и в системе власти в то время. Это создавало определенную психологическую атмосферу, не способствовавшую идеям покушения на жизнь Сталина в верхах общества. Такая идея могла зародиться лишь в самых низах общества, причем — в среде образованных молодых людей. В верхах же к ней могли прийти лишь после того, как историческая роль Сталина была сыграна, и сталинизм исчерпал себя. Если бы Сталин был убит его бывшими соратниками, то это был бы не террористический акт, а верхушечный переворот внутри самой системы власти.

Наконец, Сталина не так-то просто было убить по причинам чисто техническим. Уже в конце двадцатых годов в «органах» было создано специальное управление по охране членов правительства. У каждого члена Политбюро были телохранители во главе с особым комиссаром охраны. Охрана Сталина была такая, какой не было ни у царей, ни у королей, ни у президентов. Добавьте к этому отсутствие оружия у населения, секретность маршрутов вождя, тщательный отбор людей в местах его появления. В 1936 году членов партии лишили права носить оружие. Наше покушение, которое мы сначала планировали на 7 ноября 1939 года, пришлось перенести на 1 мая следующего года главным образом потому, что у нас не было никакого оружия, если не считать испорченный пистолет без патронов. На это же жаловались и другие потенциальные террористы.

Общие условия жизни в стране были такими, что была исключена деятельность, неподконтрольная окружающим людям и властям в течение достаточно большого промежутка времени. Так, руководитель нашей террористической группки (его звали Алексеем, это все, что мы о нем знали) пару ночей спал на полу

на кухне в нашей квартире, и это беспокоило соседей. Они, конечно, донесли в милицию. Потом Алексей ночевал в сарае моего друга Бориса Езикеева. Соседи донесли и на этот раз. К тому же в сарае было холодно. И есть было нечего, — мы сами жили впроголодь. Алексей устроился не то сторожем, не то истопником где-то под Москвой. Наши встречи стали более редкими. Это ослабило нашу решимость, что послужило одной из причин того, что я легко поддался на провокацию и обнаружил мой антисталинизм публично. После моего ареста Алексей исчез бесследно.

До сих пор доминирует тенденция делить население страны на небольшую группу палачей во главе со Сталиным и массу невинного населения обманутого и запуганного палачами. И даже те, кто пострадал за реальные выступления против Сталина и его деяний, были склонны изображать из себя невинные жертвы, осужденные по ложным доносам. А те, кто рассказывало разоблачениях заговоров против Сталина, на первый план выдвигали аспект фальсификации, игнорируя скрытую антисталинскую подоплеку. Так что историкам еще только предстоит в будущем начать объективное изучение той борьбы против Сталина и сталинизма, которая происходила в недрах советского общества в самые мрачные годы сталинизма. Подлинные герои в этом отношении суть не Хрущев и его приспешники и тем более не Горбачев с оравой «смельчаков», наживавшихся за счет нападок на Сталина и его эпоху, а безвестные одиночки, которые с риском для жизни и бескорыстно трудились в недрах общества над разрыхлением основ сталинизма.

Звездный час

В девятом классе одной из московских школ в 1939 году произошел скандал. Ученики писали сочинение на тему «Мой герой». Задание заключалось в том, чтобы описать, какую историческую личность любит ученик и почему. Половина класса избрала в качестве такой личности, естественно, Сталина. На втором месте по выбору учеников шел Ленин. Один ученик выбрал героя Гражданской войны Чапаева, один — Держинского, один — Маркса. Одна ученица выбрала Розу Люксембург, одна — Долорес Ибаррури. Все это было

в порядке вещей. То, что не все ученики выбрали Сталина, было допустимо и заранее согласовано с соответствующими ответственными лицами и инстанциями. Но общую гармонию нарушил Мирон Кротов. Он избрал в качестве любимых исторических персонажей целую группу революционеров-террористов, включая Халтурина, Желябова, Каракозова, Перовскую, Сазонова и Александра Ульянова. Против самих этих личностей вроде бы возразить ничего нельзя было. Они почитались как герои. Их именами названы улицы городов. Но почему Кротов выбрал именно их, если известно, что большевики во главе с Лениным осудили индивидуальный террор?! А самое скандальное заключалось в том, что именно Кротов написал о них и о своем отношении к ним. Он написал, что с этих революционеров началась настоящая борьба против самодержавия, и если бы он, Кротов, жил в то время, то он был бы вместе с Александром Ульяновым, даже заранее зная, что индивидуальный террор не пригоден как метод социальной борьбы. Почему с Александром, а не с Владимиром Ульяновым?!

Собрали комсомольское собрание класса, затем — классное собрание. Но они только запутали дело. Кротов аргументированно отвергал всякую критику в свой адрес. Если он любит народовольцев, из этого не следует, что он не любит других. Это всего лишь сочинение. И речь идет лишь об эмоциях, а не о рациональном мировоззрении. Нельзя же все писать одно и то же. Вон Чурбаков выбрал Чапаева. Это не значит, что он не любит Ворошилова, Буденного и тем более Сталина. А взгляды Чапаева были ничуть не лучше, чем взгляды народовольцев. Но соученики Кротова, комсомольские вожаки, учителя и дирекция школы чувствовали, что тут что-то не так. Выбор Чапаева вполне объясним детской увлеченностью романтикой Гражданской войны. Но выбор террористов!.. Партия, воздав им должное, вовсе не стремится прививать молодежи романтику индивидуального террора. Она его осуждает!

Дело перешло в районные организации. Там посоветовали его замять, ограничившись разъяснением установки партии в отношении к народовольцам и к индивидуальному террору вообще. Кротову поставили плохую отметку за сочинение, а по комсомольской линии указали на его идейно-политическую незрелость. Комсомольцам класса поручили обратить на него

особое внимание. Это означало, что за ним теперь должны смотреть в оба и обо всех его словах и поступках доносить куда следует. Он попал под подозрение, и оно теперь будет следовать за ним до тех пор, пока он каким-либо признанным образом не убедит окружающих в том, что он такой же, как все, и что тот его поступок был случайным срывом.

Но Кротов уже не был внутренне таким, как все. И тот незначительный на первый взгляд его поступок был произвольным проявлением его как личности исключения от норм среднего индивида коммунистического общества. Его окружение почувствовало это сразу и стало принимать меры к тому, чтобы помешать ему развиваться в нечто из ряда выходящее. Оно лишь не подозревало о том, какого типа исключение и отклонение от норм зрело в нем. Если бы оно это могло предвидеть, то Кротова раздавили бы в самом начале его эволюции. Но, к счастью, чужая душа — потемки, как утверждает народная мудрость.

Таких людей, как Кротов, уже в тридцатые годы стали называть отщепенцами. В массе граждан они стали появляться как редкое исключение. Но появление их было столь же закономерным, как и требуемое осреднение граждан. В семье не без урода, гласит та же народная мудрость. Невозможно проследить, как именно происходит формирование физического и нравственного урода. Можно лишь констатировать это как факт, когда признаки уродства уже нельзя скрыть. А в случае с идейным уродством этот процесс еще более глубоко спрятан, уродство вообще может не проявиться внешне или проявиться лишь однажды, породив недоумение окружающих: откуда, мол, взялось такое чудовище?! И окружение урода выносит приговор самому себе: проглядели!

Взять хотя бы случай Кротова. Он родился и вырос в семье, каких миллионы. Жизнь была тяжелой. Но она была такой для миллионов других. Он ел ту же пищу, что и другие дети. Играл в те же игры. Читал те же книги. Ходил в ту же школу. Учился тому же, что и другие. Но уже с детства где-то в глубинах его души наметился сдвиг, который потом превратился в пропасть, отделяющую его от прочих. Почему? Может быть чуть повышенное чувство справедливости и сострадание к несчастьям других. Может быть повышенное чувство собственного достоинства, повышен-

ная нетерпимость к насилию, стремление к независимости. По отдельности ничто не дает объяснения. Лишь совокупность бесчисленного множества Факторов незаметно делала свое дело. В школе учеников учили тому, что во всех обществах прошлого имело место неравенство, насилие, эксплуатация одних людей другими. В нашем замечательном обществе, говорили им, этого уже нет. А так ли это на самом деле? Он своими глазами видел бесчисленные факты именно того, что приписывали прошлому. Другие видели тоже. Но они относились к виденному иначе, чем он. Они принимали это к сведению и думали о том, как бы лучше устроиться в этом реальном мире. А он был поражен этим. И это его недоумение и возмущение вошло в его пока еще незримую натуру. В школе их учили тому, что лучшие представители рода человеческого боролись против несправедливостей, насилия, неравенства, эксплуатации. Все относили это к прошлому. Никто не помышлял, чтобы стать такой личностью в новом обществе. А он постепенно начал воображать себя таким революционером и борцом в своем обществе, революционером нового типа, борцом против язв нового общества.

Однажды он сделал для себя величайшее открытие своей жизни: советское общество обладает всеми теми недостатками, какие приписывают классовым обществам прошлого и в странах капитализма, значит, и он, Кротов, имеет возможность стать таким же революционером, как и его любимые исторические и литературные герои, в числе которых оказались и русские народолюбцы. Это открытие стало самой сокровенной тайной для него. Он буквально упивался им. Оно придало ему самосознание исключительной личности, предназначением которой должно стать совершение каких-то выдающихся подвигов и гибель в борьбе против зла. Он перечитал десятки книжек о героях «Народной воли». Эти люди оказались настолько близкими ему по духу, что он стал чувствовать себя одним из них.

Его семья жила в маленькой комнатухе в старом, полуразвалившемся доме. Так жили почти все его знакомые. Учить уроки дома было негде, и он стал заниматься в библиотеке-читальне. Там всегда можно было найти место за столом. Было много книг, и ему разрешали выбирать все, что его привлекало. А главное — на площадке около туалета всегда собиралось множество ребят и девочек. Говорили обо всем на свете. О филь-

мах. О книгах. О событиях в мире. Читали стихи своего сочинения. Кротов тоже сочинял и тоже читал. Его стихи казались странными и непонятными слушателям. Никто ими не восторгался. Лишь тогда, когда он свои стихи выдавал за произведения известных поэтов, слушатели говорили, что стихи замечательные, но что Кротов читает их плохо. Кротов на это не обижался. Стихи он сочинял потому, что это ему легко давалось. Поэтом быть он не собирался. У него было другое жизненное призвание.

Однажды в этом околотуалетном литературном клубе появился мальчик по имени Борис Зыкин. Он сочинял стихи, вызывавшие всеобщие восторги. Восхищался его стихами и Кротов. Они подружились. Встречались почти каждый день. Бродили по улицам.

— Я знаю поэзию, — сказал как-то Борис. — Сам могу сочинять, и не плохо. Но все, что сочиняю я и другие, есть чепуха. Это не поэзия, а стихоплетство. Я такие стихи могу сочинять километрами и часами без остановки. Это значит, что они плохие. Среди нас есть один настоящий поэт, прирожденный поэт, поэт от Бога. Это ты. Я такие стихи, какие делаешь ты, не смогу сочинять никогда. И ты обладаешь еще одним качеством настоящего поэта: ты сам не знаешь, что именно ты поэт. Но с твоим талантом в литературу не поустят. Скорее всего оклеветают и посадят в тюрьму как врага народа, если ты сам не перестанешь сочинять.

Узнав друг друга лучше и убедившись в том, что они могут доверять друг другу полностью, они стали разговаривать на темы запретные. Мозги Зыкина оказались повернутыми в том же направлении, что и Кротова. В условиях тех лет это была неповторимая удача. В своих разговорах они проявляли все то смутное, что накопилось в их головах, находили четкие словесные формулировки для своих крамольных идей. За несколько месяцев дружбы они продвинулись в своем идейном формировании настолько, насколько не смогли бы продвинуться за многие годы одиночества.

Говорили они и о Сталине, и о «врагах народа», и о репрессиях, и о колхозах. Культ Сталина к тому времени достиг расцвета. Кротов не разделял общих восторгов. Но он и не ощущал протеста против этого. Его и его окружение это не затрагивало непосредственно. Его волновали проблемы более общие, касающиеся самого нового общественного устройства. Ненависть лично к

Сталину он перенял от Зыкина. Семья Зыкина жила раньше в деревне. Когда началась коллективизация, родители Бориса отдали местным начальникам все, что имели, чтобы получить паспорта и бежать из деревни. Отцу удалось устроиться на завод в Москве, где уже работали его родственники. Жили в бараке. Наконец, отцу за хорошую работу дали комнатуху в старом доме вроде того, в котором жили Кротовы. В семье Зыкина и в среде их родственников главным виновником всех бед считали Сталина.

В читальне Борис и Мирон познакомились с девочкой примерно их возраста. Звали ее Иной. Ее отец был инженером, был арестован вместе с другими специалистами как вредитель, но оставлен на работе под Москвой в конструкторском бюро, все сотрудники которого были заключенными. У семьи Ины отобрали квартиру и дачу, но не выслали из Москвы. Им дали комнату в коммунальной квартире. Уже после нескольких встреч Ина прочно вошла в компанию Бориса и Мирона. Стоит ли говорить о том, что оба они влюбились в Ину.

Мирон рассказал друзьям об истории с сочинением. Они осудили его. Думай, что угодно, но зачем же «перед свиньями бисер метать»?! Глупо рисковать жизнью из-за таких пустяков. Если уж жертвовать жизнью, то ради чего-то значительного. Но ради чего? И как?

— Кто мы в конце концов такие, — говорил Мирон своим друзьям. — Рабы? Вспомните нашу историю! Сколько в ней было молодых Людей, не захотевших быть рабами и пожертвовавших своей жизнью ради протеста против мерзостей своего времени! Дмитрий Каракозов в двадцать шесть лет повешен за покушение на царя. Семнадцать его соучастников осуждены на каторгу. Большинству из них не было двадцати лет. Софья Перовская казнена за покушение на царя в двадцать семь лет. Евгению Сазонову было двадцать пять, когда он был осужден на вечную каторгу за покушение на министра внутренних дел. Степану Халтурину было двадцать три года, когда он организовал взрыв в Зимнем дворце и был в последствии повешен. Александру Ульянову было двадцать лет, когда его повесили за попытку покушения на царя. Татьяне Леонтьевой было восемнадцать лет, когда она предприняла попытку покушения на царя. Она была богата, красива, здорова, имела доступ к царскому двору, до-

лжна была стать фрейлиной царицы. Ее заключили в одиночку в Петропавловской крепости, где ее довели до сумасшествия. Леонид Андреев в рассказе о «Семи повешенных» описывает реальных бунтарей, которые все были мальчишки и девчонки. Они шли на казнь без сожаления, без просьб, без признаков слабости, с улыбкой. И таких героев в России были тысячи. Так неужели русский народ уже больше не способен на такое?!

Борис заболел в конце учебного года и остался на второй год. После больницы он перевелся в школу Мирона и попал в тот же класс. Снесли здание школы, где училась Ина, — оно мешало движению. Школу Ины слили со школой Мирона, и Ина тоже оказалась в его классе. Теперь «триумвират» проводил время вместе почти весь день. Молодые люди все больше замыкались в своем маленьком секретном мире. Их за это ругали на всех собраниях как отщепенцев, противопоставлявших себя коллективу, писали разоблачительные заметки в стенной газете с намеками на «вражеское гнездо». Но придраться было не к чему. Борис и Мирон аккуратно посещали собрания и выполняли комсомольские поручения. Ина оформляла стенную газету школы и писала лозунги. Учились все хорошо. Им умышленно занижали оценки, но, несмотря на это, они были в числе лучших.

Трудно сказать, к чему привели бы их крамольные разговоры, если бы не произошла встреча с парнем по имени Алексей. Фамилию свою он им не назвал по конспиративным, как он сказал, соображениям. Встреча произошла около Рижского вокзала. Парень на вид был немногим старше их. Он стоял в нерешительности у края тротуара. Одет он был в демисезонное (как тогда говорили, семисезонное) поношенное пальто и кепку. У его ног стоял потрепанный чемоданчик. Увидев наших друзей, он обратился к ним с просьбой выручить его. Он попал в неприятную историю, знакомых в Москве у него нет, ночевать негде. Так уж получилось, пришлось срочно «смываться». А они, судя по всему, ребята надежные, не выдадут. Борис предложил парню переночевать у них в сарае для дров. Дома у них просто негде прилечь, а на кухне соседи не разрешат. Или сразу в милицию пожалуются. В сарае у Бориса есть старый матрац. Он найдет какое-нибудь тряпье укрыться, чтобы не замерзнуть совсем.

Алексей прожил в сарае у Бориса целую неделю.

Утром он куда-то исчезал и возвращался вечером. Ребята потихоньку пробирались к нему и просиживали в разговорах до поздней ночи. Быстро пришло взаимное доверие. Алексей рассказал, что он учился в институте, у них образовалась нелегальная группа, в группе нашлся доносчик, всех членов группы арестовали, кроме него, ему удалось скрыться. В прошлом году в газетах писали о суде над «Молодежной террористической организацией». Это и была их группа. Арестованных расстреляли за подготовку покушения на Сталина и других вождей. Это, конечно, вранье. Ни о каком покушении они не думали. Может быть болтали лишнее. А жаль, что не подумали о покушении. Семь бед — один ответ, как говорится. Какой-то поэт сказал: чем грешным слыть, им лучше быть, напраслина страшнее обличенья. Несколько месяцев Алексей бродяжничал по стране. Пришел к выводу, что лучше всего скрываться под носом у «органов», а именно — в Москве.

Алексей оказался знатоком истории революционного движения в России. По его словам, основателем организованного и целенаправленного революционного движения в России, приведшего в конце концов к революции, был Сергей Нечаев. Его предали анафеме. От него открещивались все последующие революционеры. Из него общими усилиями властей, интеллигентов и революционеров сделали своего рода революционное чудовище. Достоевский сочинил целый роман «Бесы», в котором изобразил Нечаева и нечаевцев в карикатурно искаженном виде. А между тем Нечаев — самая трагическая фигура в русском революционном движении. Он сформулировал все основные принципы, которые у него позаимствовали, оплевав и осудив его. Впрочем, такова судьба многих первооткрывателей и новаторов.

Нечаев написал «Революционный катехизис», который, к сожалению, не сохранился. О его содержании можно судить лишь по отдельным фрагментам, сохранившимся в пересказе сторонников и противников Нечаева, а также по воспоминаниям современников. Но в свое время «Катехизис» был широко известен и произвел сильное впечатление. Согласно Нечаеву, нужно начинать с создания тайной организации революционеров, посвятивших жизнь делу революции. Потом Ленин перескажет идею Нечаева как свою, поставив целью создание организации профессиональ-

ных революционеров. А между тем уже нечаевцы на вопрос властей о роде их занятий отвечали: служение делу революции. Организация революционеров, согласно Нечаеву, должна состоять из небольших ячеек. Последние должны быть автономны в целях конспирации. Лишь руководители должны знать о различных ячейках и координировать их деятельность. В организации должна иметь место строгая дисциплина, беспрекословное подчинение членов ячеек руководителям и ячеек в целом руководителям более высокого уровня. Высший комитет должен руководить всей организацией.

Человек, вступающий в организацию революционеров, как требовал «Катехизис», должен отречься от карьеры, от успеха, от семьи, от любви и дружбы, от имущества и благополучия. Его всепоглощающим делом должно стать служение целям организации. Он должен беспрекословно подчиняться дисциплине организации революционеров, без колебаний и сомнений выполнять ее волю. В целях самосохранения не следует допускать в своих рядах предателей и осведомителей «охранки». Их нужно беспощадно уничтожать. Именно случай убийства нечаевцами такого потенциального или реального предателя послужил предлогом для дискредитации Нечаева и расправы с ним. Потом такого рода акции совершались в большом количестве. Но на это уже не реагировали как на нечто чудовищное. Нечаева же, который первым попытался ввести это правило в жизнь, осудили!

По мысли Нечаева, революционная работа должна была вестись по двум линиям: по линии пропаганды в массе населения с целью пробуждения недовольства существующими условиями жизни и по линии террора в отношении властей с целью дезорганизации их. Революционные ячейки должны были готовить и осуществлять покушения на царя, царских министров, важных чиновников, жандармских и полицейских чинов. Сея страх и панику в правящих верхах общества и возбуждая народ на бунты, революционеры будут вынуждать власти на преобразования в интересах народа.

Последующие революционеры-народовольцы пошли фактически путем, предвосхищенным Нечаевым. Алексей рассказывал ребятам о Желябове, Каракозове, Перовской, Михайлове, Халтурине, Кравчинском, Кибальчиче и других народовольцах, имена которых

были уже известны ребятам. Но в рассказе Алексея они принимали совсем иной, не книжный вид. Они ожидали и становились как бы участниками их кружка. Алексей говорил, что начинается новый цикл истории, что нужно опять начинать все с нуля. Нужен новый Нечаев. Нужно новое поколение самоотверженных людей, готовых пожертвовать всем ради возбуждения нового процесса борьбы против тирании. Алексей намекал ребятам на то, что они не одиноки, что есть уже другие ячейки вроде их группки, что и другие молодые люди думают и что-то делают в том же направлении.

— Хотим мы этого или нет, — говорил Алексей, — но власти сами вынуждают нас на борьбу против них. И сами же они подсказывают нам форму борьбы: терроризм. Нелегальная революционная деятельность в тех формах, в каких она велась до революции, в наших условиях невозможна. Нелегальная организация на длительное время немыслима по условиям жизни и работы. И наверняка появятся доносчики и провокаторы. Беспощадная расправа последует незамедлительно. Единственное, что нам остается, это террористический акт совершаемый индивидуально или очень маленькой группой, спаянной в единое целое так, как будто она есть один человек. Причем, такая группа должна сложиться только для одной операции. Собственна говоря, больше одной операции и не получится, — террористы либо погибнут во время операции, либо будут схвачены и уничтожены. Операция должна быть подготовлена и проведена стремительно, иначе ослабнут связи в группе и потухнет намерение совершить намеченное дело.

Мирон пробовал возражать, ссылаясь на эсеров (социалистов-революционеров), у которых была большая организация террористов, совершавших покушения регулярно. Алексей сказал, что такое было возможно только в дореволюционной России. Власти были уже неспособны бороться против революционеров. Террористы свободно разъезжали по стране. Даже за границу ездили. Там они и планировали свои операции. Общество поддерживало их. Им помогли даже богатые и влиятельные лица. Главарь террористической организации Азеф был агентом полиции. Возможно ли нечто подобное теперь?! Конечно, «органы» сами изобретают «террористические группы». Но кому из участников этих групп удалось обмануть «органы» и осу-

ществить террористическую операцию, используя их? Никому!

— Повторяю и подчеркиваю, — говорил Алексей, — минимум посвященных, минимум времени на подготовку операции, стремительность и решительность, расчет лишь на одну операцию, жертвенность.

Обсудили всевозможные варианты покушения и сошлись на одном. Колонна района, где находилась школа, во время демонстрации проходит недалеко от Мавзолея — во втором или третьем ряду. Мирон и Борис должны внезапно броситься к Мавзолею, обстрелять стоящих на нем вождей из пистолетов и забросать гранатами. Сами они должны начинить себя взрывчаткой и взорваться около Мавзолея. Мало вероятно, что такой прорыв удастся полностью. Но что-то все-таки удастся. Попытку покушения скрыть не смогут. Демонстрацию смотрят сотни иностранцев. Они заметят стрельбу и взрывы гранат. И всему миру станет известно о покушении. Надо подготовить листовки с объяснением мотивов покушения. Ина разбрасывает их по площади. В суматохе кое-что может уцелеть и попасть в западную печать. Кроме того, листовки заранее можно распространить по городу, но так, чтобы их обнаружили после покушения. Ина и Алексей должны после покушения сделать все от них зависящее, чтобы сведения об операции и о ее участниках стали широко известны. Алексей должен скрыться от «органов» и посвятить этому все свои силы. Его, конечно, схватят рано или поздно. Но за несколько недель или даже месяцев он может сделать очень много. Остается лишь достать оружие и научиться пользоваться им. Эту задачу Алексей брал на себя. У него уже завелись знакомые солдаты, которые за водку могут украсть для него даже пушку или броневик. Группу свою они называли «Вольная Россия».

Через неделю Алексей нашел работу не то сторожем, не то истопником, не то чернорабочим где-то под Москвой. Поселился в общежитии. Как это ему удалось, он не рассказывал. А ребята не спрашивали. Они целиком отдались игре в заговор и секретность. Все то, о чем они читали в книгах, что видели в кино и о чем мечтали, сбывалось наяву для них самих. Жизнь приобрела огромный смысл. Они почувствовали себя общенными к ходу великой истории.

Встречались они теперь реже. Но разговоры стано-

вились серьезнее и практичнее. На первый план вышла идея организации покушения на Сталина и его соратников. Они жили теперь какой-то нереальной, бредовой жизнью, как группка смертников, обреченных на какое-то великое и страшное дело. Соученики и учителя замечали, что с ними происходило что-то странное. Они искали различные объяснения. Но никто даже подумать не смел о том грандиозном замысле, который вызревал в душах этих невзрачных человечков.

Когда план покушения оформился, Мирон написал воззвание группы. Писал его ночью. Писал залпом, как говорится — одним дыханием. Эта ночь была звездным часом его жизни. Такие моменты в жизни человека, которые называют словами «звездный час», суть явление удивительное и совсем еще не изученное. В 1792 году ничем не выдающийся военный инженер Руже де Лиль за одну ночь создал «Марсельезу», ставшую гимном Великой Французской революции и до сих пор являющуюся гимном Франции. В 1832 году двадцатилетний Галуа в ночь перед дуэлью, на которой он был убит, создал основы новой отрасли математики — теории групп, заложив вообще основы современной алгебры. В 1881 году народоволец Кибальчич в ночь перед казнью создал проект летательного аппарата с реактивным двигателем. История человечества полна таких случаев. Но лишь немногие из них вошли в ее анналы. Остался без последствий и звездный час семнадцатилетнего русского мальчика Мирона Кротова, в который он написал свое воззвание. Сейчас уже невозможно восстановить его оригинальный вид. Можно лишь восстановить некоторые его идеи, да и то лишь в той мере, в какой они запомнились одному из членов группы «Вольная Россия» — Борису Зыкину.

Написав воззвание, Мирон прочитал его друзьям и отдал Алексею, чтобы тот сохранил его и предал гласности после гибели заговорщиков. Все это время Мирон и его товарищи жили с сознанием предстоящего подвига и их неминуемой гибели. Никакого страха они не испытывали. Наоборот, именно сознание жертвы возвысило их в их собственных глазах на уровень высочайшей мировой трагедии.

Но покушение не состоялось. Алексей на очередное свидание не явился. И больше его члены группы «Вольная Россия» не видали. Оружие достать они не смог-

ли. Их страсть пошла на спад и заглохла совсем. Мирон после окончания школы в 1939 году был призван в армию. Он погиб в первые же дни войны. Ина вышла замуж за военного инженера и уехала из Москвы. Что с ней стало потом, неизвестно. Борис избежал призыва в армию из-за плохого зрения и поступил в институт. В 1942 году он ушел добровольцем на фронт. Был ранен, награжден орденами и медалями, демобилизовался из армии в 1946 году и вновь стал студентом. Впоследствии он вспоминал об увлечении юности, но без особой гордости. К тому же он боялся, что ему не поверят.

Дальше я приведу «Манифест терроризма», сочиненный Мироном Кротовым, в том виде, как о нем рассказывал Борис Зыкин.

Манифест терроризма

Во все времена и во всех больших человеческих объединениях появляются отдельные индивиды, восстающие против условий жизни своего общества. Их бунт бескорыстен. Они не рассчитывают на то, что их произведут в герои. У них нет надежды изменить условия жизни к лучшему. У них нет никакой положительной программы социальных преобразований. Их попытки восстания редко имеют какой-то резонанс в обществе, а чаще они умышленно замалчиваются или осуждаются всеми, их подлинные мотивы игнорируются или искажаются. Если даже допустить, что в обществе исчезнет всякое зло, порождающее недовольство людей, и наступит наконец-то долгожданное состояние всеобщего процветания и благополучия, обязательно появятся исключительные одиночки, бунтующие против язв всеобщего благополучия. К счастью, такое кошмарное общество невозможно, и исключительные одиночки, о которых идет речь, всегда будут иметь достаточно нормальных причин для своего бунта. Бессмысленно ставить вопрос о том, имеют они право на личный бунт или нет. Восставая, они тем самым создают прецедент бунта, не спрашивая о праве на это. Они знают наперед, что никто и никогда им такого права не даст. Они действуют не в силу внешней свободы, а в силу внутренней необходимости.

Но бунтари-одиночки суть не только отклонение от общепринятых норм формирования и поведения ин-

дивида. Они суть закономерный продукт жизни большого общества, состоящего из миллионов людей. Они выполняют в обществе определенную функцию. Осуждаемые всеми, они напоминают людям о том, что в их обществе имеют место несправедливости. Они образуют исходный пункт общественного самопознания и самокритики. Уничтожая и опровергая их, общество так или иначе усваивает их идеи и признает реальность явлений, послуживших материалом для их бунтарского самосознания. Общество нуждается в них. Хотя общество, как правило, стремится замалчивать их имена и предавать их полному забвению, все же в исключительных случаях оно сохраняет их в памяти в качестве образцов для порицания или назидания другим. Общество так или иначе выталкивает отдельных индивидов на роль бунтарей и вынуждает их на то, чтобы они восстали и тем самым выполнили самую опасную, грязную и неблагодарную работу в общественной эволюции.

Судьба одиночек-бунтарей трагична. После того, как избранные одиночки восстают, массы сами помогают властям душить их, а чаще они сами расправляются с ними. И все же они восстают. Имеют ли они все-таки какое-то вознаграждение за свое восстание? Одно единственное: это — сознание того, что они, несмотря ни на что, восстали. Сам факт восстания есть единственная награда за восстание.

Террористический акт есть самое яркое и решительное проявление индивидуального бунта. Тут имеются свои принципы и правила. Объектом покушения должны стать носители или символы зла. Совершать покушение нужно в одиночку или маленькой группкой, ощущающей себя как единая личность. Ты сам должен погибнуть. В качестве побочных жертв покушения допускаются лица, связанные с объектом покушения, обслуживающие его, составляющие как бы часть его. Цель покушения — в нем самом, в крайнем случае — в самом факте его известности.

Чтобы пойти на террористический акт, нужна внутренняя решимость идти до конца, т.е. исполнить задуманное. Всякие колебания и нерешительность должны быть исключены априори. Если вы внутренне не уверены, что будете стрелять или бросать бомбу, люди это сразу почувствуют и сорвут задуманный план. Нужна готовность не только кого-то принести в жертву, но и

собой пожертвовать. И ничто, абсолютно ничто не должно ослабить или поколебать внутреннюю решимость идти до конца. Для этого надо относиться ко всему окружению как к врагам. Если вы становитесь на путь террора, на самом деле все становятся вашими врагами, включая всех тех, ради кого вы идете на это. Тут надо руководствоваться принципом: невинных вообще не существует, существуют лишь непричастные.

С моральной точки зрения можно осуждать любые формы терроризма, т.е. терроризм вообще. Но с исторической точки зрения ошибочно говорить о терроризме вообще, сваливая тем самым в одну кучу социальные и исторически разнородные явления. У нас вполне официально почитаются в качестве героев многие лица, готовившие и совершившие покушения на царей и царских чиновников. Когда большевики отвергали индивидуальный террор, они отвергали его не из моральных, а из политических соображений, т.е. как неэффективное средство свержения самодержавия и захвата власти. После захвата власти они превратили террор в свое орудие, придав ему неслыханный в прошлой истории размах.

Без героев «Народной воли» было бы невозможно широкое революционное движение в России. История повторяется. Только мы оказались в самом начале нового цикла социальной борьбы. В наших условиях терроризм снизу имеет значение не сам по себе, а как символ чего-то иного. Терроризм у нас должен выражать протест против тяжелой жизни в стране, против серости и скуки, против лжи и массового оглупления людей, против всякого рода ограничений и запретов, против насилия, неравенства, несправедливостей. Террор снизу с этой точки зрения есть сигнал во все слои общества о реальном положении в стране и о нежелании долгие мириться с этим. Сигнал страшный. Но это — единственно возможный сигнал, который имеет некоторые шансы быть услышанным.

Если ты действуешь бескорыстно, если ты имеешь благородную цель служения людям, если ты при этом жертвуешь своею жизнью, то ты имеешь полное право судить лицо или учреждение, являющееся персонафикацией зла, право выносить приговор и приводить его в исполнение. В таком случае ты есть Высший Судья. В таком случае ты исполняешь волю Истории. В таком случае место принципов морали занимают принципы долга.

В Партграде испокон веков водились целители и проповедники, не имевшие никакого специального образования, но лечившие от множества болезней и дававшие полезные житейские советы. Точнее говоря, партградцы думали, будто эти всевидящие, всепонимающие и вселечащие самородки их лечили и учили. А что было на самом деле, установить было невозможно, так как зерно мудрости и здоровья было опутано тут шарлатанством, слухами, суевериями и прочими явлениями стихийного народного осмысления жизни и самовыражения. В сталинские годы таких мудрецов и целителей преследовали. В брежневские годы они вошли в моду. Сам Брежнев пользовался их услугами. И они расплодились в большом количестве. Большинство из них были заурядные жулики. Но появлялись и настоящие.

В Партграде особой известностью пользовался некто Иван Лаптев. Он за свой труд почти не брал денег, довольствуясь угощением. У него были завистники, устраивавшие ему всяческие пакости и делавшие на него доносы в органы власти, так что его периодически высылали из города в «Атом» или сажали в «психушку».

Слух о Лаптеве дошел и до Красноармейска. Во время же очередной высылки он стал появляться тут лично. Мать Юрия разыскала его и привела к себе домой, приготовив по сему поводу праздничный обед. Смотреть на Лаптева сбежалась вся улица. Высокий, худой, с длинными темно-русскими кудрями, с усами и бородой наподобие сказочного Иван-царевича, с огромными серыми глазами и орлиным носом, Лаптев невольно вызывал в воображении образ Христа. Старухи крестились, глядя на него. Когда он вошел в избу Черновых, в ней как будто посветлело. Встала с кровати и принарядилась больная бабушка. Бросил возить-ся на дворе дед.

Юрий раньше слышал о Лаптеве и считал его шарлатаном и пропойцей. Живой Лаптев его поразил. Он не ожидал увидеть молодого человека, интеллигентного, опрятно одетого, источавшего добро и всепонимание.

Стол накрыли в горнице. Такого праздничного, радостного и светлого обеда в семье Черновых еще никогда не было. За столом смеялись, шутили, говорили

беспорядочно обо всем на свете, но все казалось уместным и имевшим глубокий смысл. Непосредственно об Юрии не было сказано ни слова. Но Юрий понимал, что все это было сделано для него. Он почувствовал в себе необычайную легкость и просветленность. Скажи Лаптеву в этот момент Юрию: «Брось все и следуй за мной!», Юрий наверное так и поступил бы.

Перед уходом Лаптева мать Юрия попыталась всунуть ему свернутую трубочкой десятирублевую бумажку, но он категорически отказался. Бабушка попросила его коснуться руками ее головы. Он это сделал. После его ухода бабушка сказала, что он — святой человек, что это Он сам (она имела в виду Христа), только Он пока не хочет открыться.

Через пару дней состояние просветленности в семье Черновых прошло. Рутинная убогая и унылая жизнь опять поглотила их. Лаптев в поселке больше не появлялся, ему разрешили вернуться в Партград, чтобы лечить будто бы самого секретаря обкома партии Сусликова от рака.

Юрий еще долго жил под впечатлением визита Лаптева. Ему грезились лаптевские руки, узкие, с длинными белыми пальцами, источающие целительную силу. Вот бы ему такие руки! Он бросил бы все и стал бы ходить по селам и городам Руси, притрагиваясь руками к страдающим членам и душам людей. И ничего не брал бы с людей за это. Исцеление их и было бы для него высшей наградой. Он, Юрий, был задуман где-то в высотах Вселенной именно для такой роли Великого Целителя, но Темные Силы испугались этого и лишили его рук.

В школе узнали о визите Лаптева к Черновым. Секретарь комсомольской организации имел с Юрием по этому поводу серьезный разговор. В стенной газете на Юрия нарисовали карикатуру. Юрий был изображен с крыльями, выросшими у него от прикосновения пальца Лаптева. Но кто-то сообразил неуместность такой шутки в отношении инвалида, и газету сняли.

Первый бунт

Прошло более тридцати лет после истории, рассказанной в разделе «Звездный час» Ученики класса, в котором учился Юрий Чернов, писали сочинение на

тему «Мое будущее». Все написали то, что и требовалось от учеников, чтобы получить хорошую отметку. Но одна девочка нарушила общую гармонию. Она написала, что ничего хорошего для себя впереди не видит. В тот институт, в какой ей хотелось бы поступить, ее не пустят, так как ее родители не имеют нужного для этого блата и не могут дать требуемую взятку, на вступительных экзаменах ей не поставят хорошие отметки, как бы хорошо она не отвечала, характеристики в школе ей дадут плохую. Девочку «прорабатывали» на комсомольском собрании. Ожидали, что она покается. Но она уперлась и наговорила сгоряча такого, будто была заядлой диссиденткой. Никто из учеников не встал на ее защиту. Все выступавшие осудили ее как подпавшую под тлетворное влияние, антисоветской пропаганды.

Юрий от выступления на собрании уклонился, но не потому, что побоялся высказать свое мнение, а потому что имел мнение, высказывать которое в данной ситуации считал нелепым. Зато он высказался против предложения исключить девочку из комсомола, дабы не уродовать ее будущее. Девочку все-таки исключили из комсомола и затем из школы. А относительно Юрия распространился слух, будто он вместе с той девочкой был членом нелегальной диссидентской группы. Его стали сторониться. Оборвалась дружба с Таней.

Пройдет всего несколько лет, и те же самые люди вдруг «прозреют» и сами начнут дружно обличать недостатки советского общества — это станет дозволенным и даже желательным. Но никто не вспомнит о том, как они расправились с беззащитной девочкой, решившейся публично высказать несколько правдивых слов, и как они начали выталкивать из своей среды столь же беззащитного мальчика, заподозрив (лишь заподозрив!) в нем возможность (лишь возможность!) отклонения от общепринятых правил поведения.

Из этого случая Юрий сделал для себя важные выводы. Бунтовать так, как это сделала девочка, бессмысленно: уничтожат в самом начале пути твои ближайшие братья. Если уж бунтовать, то на высоком уровне и не по пустякам, а по серьезному поводу, имеющему большое общественное значение. Он, Юрий, должен готовиться к бунту большого масштаба — к Делу с большой буквы. К такому большому, чтобы ок-

ружающие не смогли помешать. К какому именно делу, он еще не знал. Он лишь смутно чувствовал, что рожден для такого Дела. Поэтому он должен затаиться до поры до времени, тщательно подготовиться и взорваться так, чтобы все заметили взрыв.

Из этого случая Юрий сделал также вывод, что человек вне коллектива и тот же человек в коллективе суть разные существа. Каждый член коллектива по отдельности может быть порядочным человеком, а коллектив в целом может поступать так, как будто он есть сборище подлецов. Все ученики по отдельности были согласны с тем, о чем писала и говорила та девочка. Но собравшись вместе, они осудили ее слова как клевету на советское общество. И нельзя объяснять такое их поведение в коллективе страхом наказания. Их поведение в коллективе определялось правилами коллективной жизни, а не правилами абстрактной истины. Они поступали с расчетом на свои интересы в обществе. Они при этом преследовали свои цели. И было бы нелепо от них требовать, чтобы они поступали во вред себе и в пользу какой-то взвинченной девочки.

«Человек, — думал Юрий, — есть лишь частичка более сложного объединения себе подобных. Полноценной личностью на самом деле обладает не отдельно взятый человек, а коллектив, группа, масса людей. Лишь в качестве представителя, руководителя, символа, кумира, вождя и т.п. какой-то массы людей человек становится личностью, причем — иллюзорной. Не случайно люди теперь обезумели от жажды известности и власти. А чтобы сохраниться в качестве настоящей полноценной личности, человек должен стать независимым от любого коллектива, отделиться от коллектива, от массы, от толпы».

И Юрий стал вести себя в соответствии с этими выводами. Такое поведение облегчалось для него тем, что он был инвалидом. Окружающие именно так и объясняли его себе. Но вместе с тем, от их бдительного ока не укрылось нечто более глубокое, чем природный дефект. По окончании школы ему в характеристике так и написали: склонен к отрыву от коллектива и к индивидуализму. В университет его все-таки приняли, приняв во внимание его физическое состояние, его выдающиеся способности и тот факт, что математика далека от политики и идеологии.

Он был почти всегда наедине со своими мыслями и чувствами. И среди других людей он был одинок, воспринимая их как часть чуждой ему природы. В детстве его героями стали бунтари и революционеры прошлого. Он мечтал не об острове сокровищ, а о тайных организациях, заговорах, восстаниях. Мечтал быть вождем повстанцев или героем, жертвующим жизнью ради товарищей. Но с годами детские мечты поблекли. Он пришел к выводу, что в нынешней России нет и не предвидится никаких тайных организаций и заговоров, спасающих народ от злодеев и несправедливостей. Он жил в массе народа и рано постиг, что это такое в реальности. Он знал о делах диссидентов, слушал западные радиостанции, читал «самиздат» и «тамиздат». Но он не принял все это для себя лично, поскольку это не имело смысла в его среде и принимало тут карикатурные формы. Ориентация диссидентов на сенсации на Западе вызывала у него отвращение. Эмиграция диссидентов на Запад полностью оттолкнула его от них. Он счел их дезертирами, возбудившими людей на протест, но бросившими их именно в тот момент, когда должна была бы начаться настоящая борьба. Бунт с комфортом, с выгодой, с опереточными страданиями казался ему явлением, не соответствующим русскому характеру, русским традициям, русской судьбе. Русский бунт должен быть трагедией, а не бизнесом за счет трагедии других.

Мысли его принимали пороку странное направление. «Люди, — думал он, — во всем утратили человеческое чувство меры. Сытый голодного не понимает. Человек со здоровыми руками не способен понять человека с такими «руками», как у него, и быть счастливым от сознания своего здоровья. Ему мало рук, он жаждет крылья иметь. Наевшись хлеба, человек думает о мясе. Познав женщину, мужчина хочет много других. Познав мужчину, женщина жаждет измены. Неверие. Ненадежность. Равнодушие. Зависть. Все происходящее порождает скуку и уныние. Ни одно дело не делается с блеском и не доводится до задуманного конца. Все гложет в трясине сомнений, колебаний, уступок, оговорок, самооправданий, демагогий, лжи, самооправдания. Все трагическое принимает опереточные формы. Время пустяков и мелочей, опощляю-

щих великие процессы. Идет грандиозное кривляние карликов и ничтожеств. И нет надежды, что зрители их скучного и крикливого спектакля прогонят их со сцены — зрители достойны актеров. Только гроза может очистить атмосферу. Мир нуждается в трагедии. И он созрел для трагедии. Только мировая катастрофа способна вернуть человечеству объективные критерии ценностей, чувство меры и способность ценить фундаментальные блага бытия. Нужна мировая война. Если бы от него зависело, он нажал бы кнопку. И это было бы самое великое дело в человеческой истории, самое мужественное и благородное. Нельзя избавить мир от зла, не жертвуя добром. Но он со своими подобиями рук не способен даже на то, чтобы нажать кнопку звонка в квартире знакомых».

«Человек, — думал он, — есть продукт природы и общества, сформировавшийся в многотысячелетней и жестокой борьбе за существование, причем — в борьбе, в которой вражда с братьями играла, может быть, решающую роль. Попытка возвысить человека до уровня Бога потерпела исторический крах. На своем жизненном пути он, Чернов, очень редко встречал людей, достойных уважения и восхищения, и очень часто — достойных презрения, насмешки, ненависти и прочих негативных эмоций. А у людей, которые, казалось, заслуживали уважения, обнаруживались черты, превращающие их в его глазах в еще более гнусные твари, чем откровенные подлецы.

Образование и культура, улучшавшие людей в одних отношениях, ухудшали их в других. Образование и культура оказались достаточно могучими средствами, чтобы освободить людей от нравственных ограничений, но не достаточно могучими средствами, чтобы привить людям ограничители, аналогичные нравственным. Они не принесли с собой замену нравственности».

Он не видел в каждом человеке по отдельности ничего такого, что не было бы известно ему заранее и что заслуживало бы его внимания. «Время отдельного человека прошло, — думал он. Настало время объединений, в которых более или менее одинаковые индивиды выполняют одинаковые и различные функции. Последние становятся сущностью индивидов. Гении низводятся до среднего уровня массы посредственностей. Жизнь массы посредственностей, как целого, стала сутью человеческой жизни вообще, низведя жизнь

отдельного индивида до частичной функции. Теперь интересен не человек как таковой, а объединение людей в личность более высокого уровня».

Он не был зол и не был человеконенавистником. Он метался между добром и злом, между бесконечной ненавистью и столь же бесконечной любовью к человечеству, не будучи способным остановиться на чем-то определенном и не имея точек опоры. Он был готов пожертвовать собой ради спасения людей. Но был готов пожертвовать и людьми ради своего спасения. Он лишь не знал, в чем должно состоять спасение как людей, так и его самого. Он был русский человек, в котором русскость была многократно усилена его физическим уродством.

В нем постепенно созревала психология и идеология отчаявшегося бунтарства. Ему было безразлично, каким является общество, — плохим или хорошим. Он восставал против своей личной участи, которую был не в силах изменить. И потому он восставал против всего мира, породившего его калекой и обречшего на непреодолимое страдание. Никакой политики. Никаких программ. Никаких классов и партий. Восстание как таковое. Восстание ради восстания. Перед ним встала проблема: способен ли он, ничтожный и одинокий червяк, на такую космическую дерзость — на восстание против огромного общества с могучей системой власти и карательных органов? В чем именно должно выражаться его восстание?

Ему предстояло искать ответа на эти вопросы всю последующую жизнь. Но уже тогда он твердо знал одно: если вообще существуют какие-то неотъемлемые права человека, то первым из них следует назвать право на индивидуальное восстание. Это — единственное право, за которое не надо сражаться: восстав, ты уже одним этим завоевываешь право восстать. За все прочие права надо сражаться, а значит — восставать. Так что право на восстание вообще есть изначальное право всех прав. Можно лишить человека физической возможности восставать, например, посадив его в тюрьму или убив. Но нельзя лишить его права на восстание. Человек, посаженный в тюрьму или убитый за попытку восстания, тем самым реализовал свое право на восстание.

Мать добилась разрешения переселиться к сыну в Партград под тем предлогом, что он нуждался в постоянной помощи. Сначала Юрий жил в общежитии университета. Мать же устроилась работать уборщицей в том же общежитии. Спала она в каморке для тряпок, ведер и щеток. Два года ушло на то, чтобы получить маленькую комнатку в коммунальной квартире старого дома. Комната была сырая и темная. В квартире не было ванны. Туалет вечно ломался. Топить приходилось дровами. Тем не менее Черновы были безмерно счастливы. Эти два года жизни в общежитии были для них кошмарными. Теперь мать могла найти более подходящую работу и опять наладить свой комплексный метод обращения с сыном-инвалидом.

Кроме Черновых в квартире жила еще одна семья — молодая пара с ребенком. Соседи возненавидели Черновых. Они рассчитывали получить всю квартиру и считали Черновых виновными в том, что это им не удалось. Они не стали искать виновных среди тех, кто распорядился распределением жилья, а перенесли свою злобу на беззащитных и ни в чем не повинных соседей, оказавшихся под рукой. Они распускали грязные сплетни о Черновых и чинили им всяческие пакости.

Юрий не мог понять, почему хорошо устроенные в бытовом отношении семьи не вызывали ни у кого никаких кривотолков, а их, Черновых, жалкая удача стала предметом злобы, зависти и клеветы. Со временем он понял причину: согласно представлениям окружающих, Черновы должны были бы зачахнуть в полном убожестве в «Атоме», а они вопреки этому стали пробиваться на более высокий жизненный уровень. Окружающие опасались, что Юрий сможет окончить университет, защитит диссертацию, стать крупным ученым, получить отдельную квартиру, занять дачу. И они заранее завидовали ему и злобились из-за того, что у них такой перспективы не было.

Соседи по квартире придирались к Черновым по каждому пустяку, устраивали всякие мелкие пакости, затевали скандалы из-за каждой копейки при дележе трат за бытовые услуги. Они писали заявления в разные органы власти и письма в газеты с требованием выселить Черновых из города на том основании, что

мать Юрия якобы занималась проституцией, а сам Юрий — антисоветской пропагандой. Клеветнический характер заявлений и писем был очевиден, но клеветников никто даже не пожурил. После того, как в требованиях соседям отказывали, они вели себя так, как будто ничего не случилось. Русский народ отходчив.

Юрий получал небольшую пенсию и студенческую стипендию. Его мать работала уборщицей в каком-то учреждении. Кроме того она подрабатывала, убирая квартиры у частных лиц. Это тоже стало предметом зависти для соседей. Они писали анонимные доносы и открытые заявления в милицию и в Финансовые органы о якобы «огромных нелегальных доходах» Черновых. Но доходы на самом деле оказались настолько мизерными, что бдительные соседи в конце концов даже засовестились. Вспомнили о том, что Юрий был инвалидом. И написали письмо в те же органы власти с просьбой... оказать Черновым помощь. Да, русский народ поистине добр и отзывчив.

Юрий страдал не столько из-за таких несправедливостей как таковых, сколько из-за их мелкости, ничтожности, убогости. Они спускали его с высот полета его фантазии на грязную, убогую, кишашую злобой и завистью землю. Народ! Что такое есть этот кумир идеологии на самом деле?!

У него обнаружили выдающиеся математические способности. О них говорили, но почему-то не стали признавать их публично. Он написал дипломную работу, за которую рецензенты советовали присудить ему ученую степень кандидата наук. Его результат присвоил и опубликовал как свой его научный руководитель. Присвоил на правах руководителя, хотя абсолютно ничего не сделал как таковой. Чернов был поражен этим. Студенты же смеялись над ним: надо быть круглым идиотом, чтобы в дипломной работе делать открытия.

— Ты болван, — сказал ему его тогдашний приятель. — Наше общество есть общество подлецов, паразитов, шакалов, воров, хапуг... Чтобы выжить в этой помойке негодяев, надо самому пускать в ход все средства самозащиты и нападения. А ты — беззащитный тюфяк. Если есть способности, затаись, работай потихоньку и жди удобный момент, когда можно выскочить. А лучше всего — плюнь на все и не рыпайся. Так будет спокойнее.

В Партграде находился лучший в стране протезный комбинат, сочетавший исследовательские и конструкторские учреждения с производством протезов. Юрий состоял на учете в комбинате в качестве «подопытного кролика». По мере того, как он подрастал, ему изготавливали новые протезы. На нем проверяли их достоинства и недостатки. Юрий был в высшей степени удобным с этой точки зрения. Он сам вел наблюдения за собой и высказывал дельные соображения сотрудникам комбината. За это ему делали протезы бесплатно и вне очереди, а за участие в испытаниях протезов даже платили небольшие деньги. Так что Юрий с детства был погружен в среду людей, являющихся инвалидами или имеющих с ними дело.

В комбинат приезжали инвалиды со всей России. Многие так или иначе оседали в Партграде насовсем, в основном — в районе комбината. Партградцы так и прозвали район «инвалидным». Хотя официальная статистика относительно инвалидов не печаталась, на секретных совещаниях в комбинате назывались страшные цифры. Они становились известными сотрудникам комбината и связанным с ним инвалидам, а через них — рядовым партградцам. Да и по официальным докладом начальства комбината можно было судить о фактическом положении в стране. Однажды директор комбината, выступая по телевидению, расхвастался успехами комбината, но сделал и несколько самокритичных замечаний. Он сказал, что за последние два года продукция комбината утроилась (это — плюс), но все равно комбинат еще не выполняет возросшие и все растущие потребности трудящихся в ручных и ножных протезах, инвалидных колясках, слуховых приборах (это — минус). Директор сказал также, что мы отстаем от растущей потребности в изобретении приборов для незрячих. Особенно сложным, подчеркнул директор, является обслуживание инвалидов от рождения. Число их неуклонно растет, так что приходится учитывать возрастные потребности инвалидов. Хотя директор заверил народ, партию и правительство в том, что «дружный коллектив комбината справится с почетной задачей, возложенной на него», директору залепили строгий выговор по партийной линии, а нескольких ответственных работников телевидения ос-

вободили от работы. И напрасно, между прочим, так как никто из телезрителей не заметил юмора ситуации.

В годы перестройки (гласности) в центральной и партградской прессе стали появляться суммарные данные об инвалидах. В частности, было сообщено, что в России до двух миллионов детей дошкольного и школьного возраста являются слепыми и глухими от рождения. Но Юрия эти данные уже не удивили. Он, возвращаясь с детства в обществе инвалидов, мог и без этих данных составить себе представление о масштабах тенденции современного ему общества к «уродизированию». Это слово он изобрел сам, начав потом разрабатывать свою «теорию уродства».

Обычные человеческие отношения, которые обнаруживают свою неприглядную природу в массовом исполнении в нормальном (здоровом) обществе, в обществе инвалидов проявлялись в еще более отчетливом и в ничем не замаскированном виде. Так что те социальные закономерности, открытие которых в нормальном обществе стоило усилий и требовало профессиональной подготовки, здесь были очевидны даже малограмотным уборщицам. Когда впоследствии Юрий обратится к сочинениям известных философов и социологов и будет разговаривать с профессиональными социологами, он будет удивлен банальностью их суждений и поразительной слепотой в отношении того, что на самом деле бросалось ему в глаза и заслуживало внимания.

Малов

После переселения Черновых в Партград врач Малов стал часто бывать у них. Юрий, привыкший считать мать частью своего тела, своими «руками», сначала впал из-за этого в панику: он боялся ее потерять. Но убедившись в том, что отношения его матери с Маловым никак не влияют на его образ жизни, успокоился. Он даже подружился с Маловым.

— Малов хороший человек, — сказал Юрий однажды матери. — Почему бы вам не пожениться?

— Человек он хороший, — ответила она вздохнув, — только алкоголик. Не хочу брать на себя такую обузу. Мне одного тебя хватает.

Хотя Малов годился Юрию в отцы (он родился в

1922 году), между ними установились отношения равноправных собеседников. Малов был специалистом по врожденным отклонениям от норм психики и любил говорить на эту тему. Под влиянием этих разговоров Юрий начал задумываться над проблемой физических врожденных ненормальностей и их причинами.

— Число людей с врожденными отклонениями от норм психики в мире огромно, — говорил Малов. — И оно все растет. Это уже давно нашло выражение в культуре. В живописи, например, это — Кандинский, Пикассо, импрессионисты, экспрессионисты, абстракционисты. В литературе — Кафка. У нас — Булгаков. В поэзии — отрицание ее основ, т.е. рифмы и размера. В музыке — нынешние шлягеры, сводящие с ума молодежь, в общем — музыка, которую можно назвать антимузыкой. В драматургии — театр абсурда, Бекет. В кино — Бергман, Антониони, Феллини, у нас — Тарковский. Если с физическими инвалидами от рождения все вроде бы ясно, то психические отклонения от норм в большинстве случаев вообще не замечаются до поры до времени. Обычно они проявляются в экстремальных ситуациях.

— В чем причина этого явления? — спрашивал Юрий.

— Не причина, а причины, — отвечал Малов. — Их тысячи. И за ними не уследишь. А в общей форме объяснение тривиально. Слишком много людей. Заторможен или исключен совсем механизм естественного отбора. Ненормальные дети выживают так же, как и здоровые. Погибают или исключаются из нормальной жизни только крайние, очевидные отклонения. Более тонкие отклонения игнорируются, а порою даже поощряются. Ну и научно-технический прогресс, конечно. Успехи химии, атомные эксперименты. За прогресс приходится расплачиваться. Я думаю, что человечество в конце концов погибнет вследствие прогресса. Диалектика, брат, не вымысел марксистов. Она есть реальность эволюции.

— Имеется ли связь между психическими и физическими ненормальностями? — спросил Юрий.

— Имеется. Но ты не волнуйся, тебя это не касается. В таких случаях, как твой, дети рождаются психически здоровыми и очень одаренными интеллектуально. Но у них могут развиваться психические заболевания вследствие переживания физической неполноценности.

- Есть против этого защита?
- Есть.
- Например?
- Например, одержимость большими идеями, замыслами и делами.
- Может ли такую роль сыграть идея покушения на людей, ставших символами и носителями зла.
- Мне понятны твои умонастроения. Не буду тебя разубеждать. Но если ты не возражаешь, я тебе расскажу пару поучительных историй. Обе они касаются одного фактора поведения и психики людей, который никогда не принимается во внимание, а именно — исторической справедливости.

Агония

Уже к концу сороковых годов сталинизм изжил себя. Но агония его продолжалась еще многие годы, причинив людям неисчислимые страдания. Последние годы жизни Сталина были особенно насыщены его страхами за свою жизнь и разоблачениями мнимых покушений на него. Эти разоблачения, однако, не получили огласки и были погребены в недрах «органов». В них не было должной убедительности, и Сталин сам запрещал давать им выход на страницы истории. Лишь дело «врачей-отравителей» (1952 год) вырвалось наружу, не дав того эффекта, на который Сталин рассчитывал. Это был первый сигнал того, что дни сталинизма были сочтены. Мир стал иным, и в этом новом мире ему не оставалось места.

Степан Шутиков, служащий вокзала в г. Ярославле, зашел в уборную справить большую нужду. В ящичке, где по идее должны были находиться куски газет, выполняющие ту же функцию, что и туалетная бумага на разлагающемся Западе, валялся лишь обрывок листка из школьной тетради, исписанный мелкими буквами. Шутикова крепило. Чтобы скоротать время, он решил прочитать написанное на листке, который он уже измял, приготовив к употреблению. Он разгладил измятый листок, надел очки и углубился в чтение. Через минуту он забыл, зачем он пришел в это заведение. И было от чего! На обрывке бумаги было написано следующее: «Ты пишешь, что Его следует убить, и что ты готов для этого пожертвовать жизнью.

Я разделяю твои чувства. Но я считаю, что нужно делать что-то более серьезное. Конечно, Главный Бандит заслуживает того, чтобы его убили. Но от этого он только выиграл бы в глазах потомков, а убийство лишь подлило бы масла в огонь репрессий. Нужно сначала его судить. А для этого надо проделать огромную работу. У нас есть группа энтузиастов, которые уже несколько лет работают над этим. Я уверен, что ты тоже присоединишься к нам».

Шутиков перечитал написанное еще и еще раз. Его прошиб холодный пот. Он уже собрался было подтянуть штаны, как в животе и в кишках началось бурление, и задуманное им дело сделалось само собой с треском и свистом. Он автоматически сунул руку с бумажкой куда следует, но вовремя опомнился. Несколько капель все же попали на бумажку. Но Шутиков не обратил на это внимание. Он настолько был потрясен своим открытием, что потерял всякую осторожность. Ему и в голову не пришла мысль о том, что какие-то капли и крошки экскрементов могут сыграть в его жизни роковую роль. Подтянув штаны и аккуратно сложив крамольную бумагу, Шутиков двинулся «куда следует» сообщить о сделанном им открытии, а именно — в «особый отдел», какие тогда были во всех крупных учреждениях и на предприятиях. По дороге он вспомнил о случае, имевшем место в том же самом туалете в прошлом году. Тогда один из дотошных пассажиров обнаружил в ящике для подтирочной бумаги вырванный из «Правды» портрет Сталина. Уборщицу, конечно, арестовали. Вспомнив об этой вражеской вылазке, Шутиков, старый член партии, комсомолец двадцатых годов, доброволец на великих стройках и ветеран войны, еще более укрепился в сознании исполняемого долга и ускорила шаг.

Уполномоченный МГБ Соколов выслушал то-ропливое и невнятное сообщение Шутикова. Взял бумажку. Развернул. Понюхал, заметив характерные следы. Изобразил на лице соответствующую гримасу. Сказал не то в виде вопроса, не то с угрозой, уж не хотел ли Шутиков скрыть «этот документик» от «органов». Шутиков затрясся и позеленел от страха, стал бормотать что-то о своей любви к товарищу Сталину и о преданности «органам», о том, что он чуть ли не с пеленок был осведомителем «органов» и

всегда... Уполномоченный сделал знак Шутикову, чтобы тот «заткнул пасть», и начал читать «документик». Прочитал раз. Прочитал другой. И ему самому стало не по себе. «Документик» дурно пахнул не только в прямом, но и в переносном смысле.

— Так я, значит, могу уйти, товарищ начальник? — робко спросил Шутиков, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу от внезапно навалившейся потребности в туалете.

— Нет, Шутиков, тебе придется обождать, — сказал уполномоченный со зловещими нотками в голосе. — Теперь ты можешь уйти лишь с разрешения самого высокого начальства, а то и Самого!

Уполномоченный, перечитав «документ» в десятый раз и окончательно уверовав в его реальность, позволил самому начальнику областного управления МГБ товарищу Чижову. Тот приказал Соколову с Шутиковым оставаться на месте и ждать его прибытия. Полчаса прошли в немом ожидании. Чижев застал Соколова за столом перед вонючим «документом», Шутиков — стоял в углу кабинета. Через полчаса прибыл Чижев. Осмотрел «документ». Спросил, знает ли о нем кто-либо еще. Получив отрицательный ответ, приказал помалкивать. Если кто-то еще, кроме них, узнает об этом «документе», головы им не сносить. Сделал знак Соколову и Шутикову следовать за ним. На улице помимо личной машины Чижова стоял «воронок» — специальная машина для перевозки заключенных. Онемевших от ужаса Соколова и Шутикова втолкнули в него. Чижев приказал запереть их в одиночные камеры, ни о чем с ними не говорить и не позволять им говорить ни слова.

В управлении Чижев закрылся в своем кабинете и задумался. Чтобы понять сложность ситуации, нужно принять во внимание обстановку, которая к этому времени сложилась в высшем руководстве и в «органах». Министр госбезопасности Абакумов сам стал арестантом и, по слухам, был расстрелян. На его место был поставлен Игнатьев. Но надолго ли? Ходили слухи, будто Сталин готовил расправу над Молотовым, Микояном, Ворошиловым и даже над Берией. Хотел сделать их козлами отпущения. Будто они скрывали от Сталина правду, дезинформировали его и искажали его указания. Сам Чижев лишь недавно сменил на посту начальника областного управления Рокотова, кото-

рого сочли сообщником Абакумова. Опять-таки надолго ли?! Что делать? Уничтожить «документ», найденный Шутиковым, вместе с Шутиковым и Соколовым? «Документ» уничтожить пустяк. Но не так-то просто с Шутиковым и Соколовым. В управлении царит атмосфера подозрительности и всеобщего шпионажа. Пойдут слухи. Заместитель Чижова, метивший на место Рокотова, наверняка выведает от Соколова, в чем дело. А тот, спасая шкуру, выболтает секрет. И тогда Чижова ликвидируют в течение нескольких дней. А если дать ход «документу», то по какой линии? Если сообщить новому министру, тот наверняка свяжется прямо со Сталиным. К чему это приведет, трудно предугадать. Берия же фактически оттеснен от руководства «органами». Но его положение все равно пока еще надежнее положения Игнатьева. К тому же Берия знает его, Чижова, лично, — он много лет был человеком Берия. И Чижов решил пойти на риск — связаться лично с Берией, минуя министра. А риск был: разговор Чижова с Берией мог быть подслушан.

Условленным кодом Чижов дал понять Берии о необходимости личной встречи, причем — немедленно. Уже через час черный «ЗИС» с участниками дела мчался по направлению к Москве. Берия ждал их на своей подмосковной даче. Ознакомившись с «документом», он тут же направился к Сталину. Сталин перечитал «документ» тоже несколько раз. Целый час он ходил по кабинету, задумавшись, даже позабыв о своей неизменной трубке. Наконец он как бы очнулся, подошел вплотную к Берии, сказал, что это дело действительно серьезное. Он поручает это новое дело лично Берии, и если тот не сделает его на самом высшем уровне, то пусть заранее прощается с жизнью.

Была создана специальная оперативная группа, в задачу которой вменили во что бы то ни стало найти автора письма и того, кому оно было адресовано. Два года длились поиски. Как они происходили — тема для большого исследования. В истории криминалистики вряд ли было нечто подобное тому, что сделала эта оперативная группа. В конце концов иголка была найдена в стог сена, — был разыскан и автор письма, и тот, кому оно было послано. Чтобы дать представление об этих людях, надо вернуться назад, в первые послевоенные годы.

Кончилась война. Сталин и его подручные упива-

лись победой. Были переполнены и постоянно пополнялись вновь тюрьмы и исправительные лагеря. Теперь они пополнялись главным образом за счет бывших военнопленных, крестьян из бывших оккупированных немцами районов страны и демобилизованных военнослужащих. Миллионы из этих демобилизованных пережили ужасы сталинизма и войны, побывали в Европе, мечтали заново перестроить жизнь у себя дома, но оказались обреченными на голод и бытовое убожество, на почти вознаграждаемый труд, на пьянство, воровство, разбой и мошенничество, на вспышки отчаянного и безнадежного личного протеста. Русский народ, который вынес на себе основные тяготы войны и понес самые большие потери, жил в условиях, какие даже вообразить себе не смог бы ни один цивилизованный народ в мире. Сталини и его режим казались вечными. Портреты и монументы величайшего гения всех времен и народов, величайшего мыслителя, политика, полководца и прочая и прочая и прочая заполнили все учреждения, предприятия и частные квартиры, все фасады домов, витрины магазинов, скверы, улицы и площади городов и деревень. Имя Сталина стало неотъемлемым элементом бесчисленных речей, статей, книг, журналов. Оргия анонимных и открытых доносов до такой степени охватила страну, что люди даже про себя боялись подумать что-нибудь такое, из-за чего им пришлось бы пополнить многомиллионную армию заключенных. И все же несмотря на все это находились смельчаки, восстававшие против всесильного тирана.

Летом 1946 года гвардии капитан Антон Громов демобилизовался из армии и вернулся в Москву. Сначала он думал найти подходящую работу и поступить на вечернее отделение университета. Но таких, как он, оказалось слишком много. Найти приличную работу он не смог и поступил на исторический факультет на дневное отделение. Очень скоро были съедены продукты, которые он получил как демобилизованный офицер, были прожиты все деньги, накопившиеся на «полевой книжке» во время войны, проданы и пропиты военные вещи. Началась голодная и убогая послевоенная жизнь. Антон забыл о том, что он был командиром батальона и превратился в обычного студента, вначале ничем не отличающегося от сокурсников, родившихся в 1928–29 годы и не нюхавших пороха. Помимо

учебы, ему приходилось подрабатывать, чтобы не умереть с голоду.

И все же внутренне Антон был совсем не мальчик, каким он казался внешне. Он пережил великую войну, не раз смотрел смерти в лицо, исколесил всю страну, побывал в странах Европы. Он увидел, как люди живут на самом деле, и узнал, что они думают о своей жизни. Он был один из многих миллионов рядовых русских людей, переживших пока еще незримый переворот в сознании и вернувшихся домой с намерением в корне перестроить жизнь. Но дома их ожидало жестокое разочарование. Победа в войне придала новые силы сталинскому режиму. Его тиски стали все сильнее и сильнее сжимать тело и дух общества, которое за годы войны перестало фактически уже быть тем, чем оно было ранее.

Многие демобилизованные офицеры при виде этого пустились в безудержное пьянство, другие занялись уголовно наказуемыми махинациями, третьи быстро приспособились к новым для них условиям, начали устраиваться с комфортом и делать карьеру. Многие срывались, протестовали и пополняли ряды заключенных. В группе Громова арестовали бывшего старшего лейтенанта Тихонова, сказавшего на семинаре правду о причинах поражений в начале войны. Его осудили на 10 лет. Не помогли ранения и ордена Тихонова. Не помогло и ходатайство ветеранов войны. Им, включая Громова, объявили партийные и комсомольские взыскания, пригрозив в случае повторения такой «политической слепоты» исключением из университета. Арест Тихонова был одним из многих в то время. Громов из всего этого сделал для себя вывод, что еще не пришло время для открытой борьбы против обреченного, в чем он был уверен, но еще сильного и озлобленного сталинизма. Надо затаиться на время и готовиться к будущим схваткам.

Он днями и ночами думал о том, как именно нужно готовиться к открытой борьбе с отжившим сталинизмом. Сравнивал положение с тем, какое сложилось в России для молодых офицеров, переживших войну с Наполеоном и побывавших в Европе. Эти офицеры создали нелегальные организации, имевшие целью преобразование России. И теперь для таких, как Громов, наступило время готовиться к открытой борьбе с новым «самодержавием» — со сталинизмом. И путь для

этого — создание нелегальной организации наподобие той, какую в прошлом веке создали декабристы.

Конечно, аналогия эта поверхностная. Она сыграла роль скорее эмоциональную и моральную, чем образовательную. Условия были совсем другими. В годы декабристов Россия шла к революции, тогда как Громов, и ему подобные родились после революции. Декабристы были обеспеченные люди, были связаны личными отношениями, оставались офицерами, имевшими в подчинении вооруженных солдат. Громов и ему подобные были выброшены из армии, рассеяны по стране как одиночки, были обречены на тяжелую борьбу за примитивное физическое выживание. Декабристы имели против себя царизм с изжившим себя крепостничеством, Громов и ему подобные — сталинскую систему власти, опирающуюся на завоевания революции, выдержавшую испытание в самой грандиозной в истории человечества войне и имеющую поддержку в массе населения. А сталинские органы государственной безопасности, искореняющие малейшие намеки на оппозицию, не имеют себе равных во всей истории человечества. Самое же главное — перед Громовым и ему подобными вообще не возникала проблема реорганизации социального строя страны. Он им казался незбылемым и не нуждающимся в переменах. Их врагом становился лишь Сталин и его методы управления страной. Они не понимали реальной сущности сталинизма. Они думали, что сталинизм есть нечто поверхностное для социализма, чуждое ему и преходящее. Устранив его, они могут построить в стране подлинный социализм, о котором мечтали и говорили лучшие представители рода человеческого.

Задумав создать нелегальную антисталинистскую организацию, Громов продумал путь ее создания и цели. Исходным пунктом, как думал он, должна стать группа людей, связанных дружескими отношениями. Такие группы возникают постоянно. Это всеобщий социальный закон. Никакая власть не способна предотвратить их возникновение. В таких группах в силу интимных отношений люди становятся откровеннее и оказывают влияние друг на друга. При их образовании естественным образом происходит отбор людей со сходными взглядами. И никакая армия осведомителей МГБ не способна усмотреть за всеми. Он, Громов, за время войны вел с другими солдатами и офицерами

такие разговоры, за которые вполне могли поставить к стенке. Но они научились угадывать стукачей. Случаи, когда люди страдали из-за доносов, были не такими уж частыми. И вообще, осведомленность МГБ об умонастроениях людей сильно преувеличена. Страх доносов создавался искусственно. Надо с ним кончать. В тех группах, в которых ему приходилось бывать после войны, часто разговаривали уже так, как будто никаких стукачей не было.

Итак, началом должно стать создание дружеской группы. Полностью полагаться на стихийность тут не следует. Надо вовлекать в эту группу людей более или менее перспективных с точки зрения задуманного Громовым дела. Следующим шагом должно стать привлечение в группу некоторой нелегальности, того, что официально считается запрещенным или по крайней мере порицаемым. Степень нелегальности поначалу должна быть такой, чтобы не напугать участников группы опасными последствиями и чтобы группу нельзя было бы обвинить в чем-то криминальном. Серьезные цели с политической ориентацией должны появиться у группы постепенно и незаметно, как бы сами собой.

Человек входит в общество через множество признаваемых групп: по месту жительства, работы, учебы, отдыха, развлечений. Нелегальную группу нужно организовать так, чтобы интересы ее участников в ней пересилили их интересы в группах легальных. Нелегальная группа, естественно, менее устойчива, чем легальная. Но все же и тут возможна некоторая устойчивость. Есть правила, следование которым усиливает устойчивость нелегальной группы. Группа должна иметь общую цель. Неважно, какую именно. Важно, чтобы она была четко сформулирована, имела реальные основания и была гипертрофированна до уровня мании. Такая общая цель сближает людей, создает человеческое братство, делает жизнь осмысленной и интересной. В условиях советской житейской суки и мелкой вражды жизнь, освещаемая этой маниакальной целью, может показаться единственно стоящей.

Группа должна быть дифференцирована как по линии разнообразия ролей членов, так и по линии разнообразия задач, чтобы каждый член группы ощущал свою нужность, уникальность, незаменимость. Если в этой дифференциации нет деловой необходимости, эти различные роли и задачи должны быть изобретены

специально. Жизнь группы есть спектакль, члены ее — актеры и зрители в этом спектакле. Они все индивидуализированы. Здесь нет статистов и равнодушных. Поведение людей как членов группы обусловлено их ролями в спектакле группы и правилами игры. Групповое мнение о поступках людей становится высшим судьей. Групповое поведение становится доминирующим. Вообще, всякая социальная группа влияет на поведение людей больше, чем принято думать. А в нелегальной группе дело может дойти до того, что групповое поведение пересилит чувство самосохранения. Последнее переносится на целое — на группу и ее дело. Если это достигнуто, люди начинают поступать вопреки своей воле и желаниям. Они вынуждены поступать определенным образом в силу их групповых отношений. Как в спектакле актеры на время игры теряют свое «я» и обретают «я» своих ролей, так и здесь: люди отчуждают свое «я» ради «я» играемых ролей.

Доведение членов группы до такого состояния есть длительный процесс вживания в роли и выработки ощущения единства переживаний и действий группы как целого. Людей надо для этого тренировать систематически. На любом подходящем материале. На любых пустяках. Но непрерывно, постепенно повышая уровень игры, обостряя и усложняя ее. Тут есть свои границы. Так, нельзя группу увеличивать сверх меры, иначе начнутся конфликты и расколы, неизбежно предательство. Нельзя слишком долго откладывать исполнение замыслов группы, иначе появится скука, апатия, разочарование.

Жизнь группы надо организовать так, чтобы со стороны казалось, будто никакой особой группы вообще нет, будто имеют место обычные компанейские встречи на основе выпивок, разговоров, совместной работы или учебы и других привычных факторов. Группа должна обнаружить себя в качестве нелегальной организации лишь в процессе выполнения главного задуманного дела, т.е. в завершающей фазе достижения цели. Группа и должна создаваться лишь для одной серьезной операции. Ничего другого ей все равно не удастся сделать. Ее обнаружение будет означать разгром ее властями.

Громов отобрал в свою группу пять студентов, которые тоже были офицерами во время войны и имели сходные с ним убеждения. Он уже встречался с ними в

разных компаниях, разговаривали и убедился в том, что они — надежные товарищи. Как-то сама собой определилась и цель группы. В результате обмена мнениями участники будущей группы Громова пришли к единодушному выводу, что Сталин и его подручные фальсифицировали историю страны и партии. Нужно восстановить историческую правду. И уже это одно само по себе будет историческим судом над Сталиными и сталинистами. Возможности у них для этого были: они решились специализироваться по советскому периоду.

Приняв установку посмотреть на советскую историю не глазами Сталина и его лакеев, а глазами их оппонентов, студенты с первых же шагов своей деятельности даже в официально одобренных и дозволенных источниках обнаружили более чем достаточно материалов, подтверждавших их убеждение в том, что реальная советская история была весьма далека от ее принятого изображения. Оказывается, достаточно было на эти источники посмотреть с точки зрения здравого смысла и элементарной логики, как очевидной становилась их научная несостоятельность. Студенты добились разрешения заниматься в закрытых для прочих фондах, доступ в которые давался лишь в порядке исключения. Прошло несколько месяцев упорной работы, и идея разоблачения Сталина и сталинизма путем восстановления подлинной истории страны и партии целиком и полностью завладела их умами и душами. Они поклялись пойти этим путем до конца, чего бы это им ни стоило.

В 1951 году участники группы Громова окончили университет. Все они стали членами партии, написали вполне приличные с официальной точки зрения дипломные работы, отлично сдали экзамены. К тому же все были ветеранами войны. Трех из них оставили в аспирантуре при кафедре истории ВКП(б), двоих взяли в аспирантуру Института истории Академии наук. Но группа сохранилась. За прошедшие годы она накопила огромный разоблачительный материал и начала его научную обработку. В декабре 1951 года оперативная группа МГБ наконец-то нашла автора злополучного письма. Им оказался один из членов группы Громова. Всю группу арестовали. Арестовали и всех тех, кто был в близких отношениях с ними. Поскольку это было в декабре, арестованных называли декабристами.

Берия доложил Сталину об успешном завершении

операции. Сталин велел всех арестованных «декабристов» поселить на подмосковной даче МГБ и заставить их продолжать свою работу, предоставив в их распоряжение любые материалы, какие они захотят. Хотя «декабристы» не строили никаких иллюзий насчет своей судьбы, они продолжали работать с еще большим ожесточением, надеясь, что кому-нибудь и когда-нибудь результаты их труда пригодятся. Они педантично рассмотрели все этапы советской истории и фактическую деятельность Сталина. Получился документ объемом более трех тысяч страниц машинописного текста. На основе этого текста «декабристы» составили обвинительное заключение, в котором Сталин объявлялся величайшим преступником всех времен и народов.

И вот состоялся суд. Громов сам зачитал обвинительный акт. Сталин выслушал его очень внимательно. Громов предоставил слово Сталину. Тот говорил шесть часов без перерыва, это была самая длинная речь в его жизни. Говорил без всяких бумажек. Называл по памяти бесчисленные имена и факты, приводил данные по годам и порою по месяцам. Речь застенографировали. Не известно, сохранилась она или нет. Скорее всего нет, так как после смерти Сталина ее должны были уничтожить его бывшие соратники. Вот для примера некоторые идеи его речи.

Прежде всего — несколько предварительных общепсихологических замечаний. Сталин не есть просто частное лицо. Он был главой партии и государства в течение многих лет, причем — самых трудных лет советской истории. Какими бы личными качествами он ни обладал и какими бы мотивами ни руководствовался в своей деятельности, его историю нельзя отделять от истории страны и народа. Он часть ее, ее носитель, выразитель. Писать подлинную биографию Сталина — значит писать подлинную биографию страны, и наоборот. А это означает, что ошибочно оценивать поступки Сталина в понятиях морали и права. Эти понятия вообще неприменимы к большой истории и историческим личностям. Если встать на позицию морали и права, то вся история человечества будет выглядеть как цепь преступлений. Исходя из этих соображений, Сталин вообще отвергает правомерность какого-либо суда над ним. Он весьма неохотно дал согласие на Нюрнбергский суд над гитлеровскими преступниками, счи-

тая его исторической нелепостью. И в данном случае он дал согласие на суд над собою, приняв во внимание политическую неопытность и незрелость устроителей суда.

Есть бумажная история и есть реальная история. Они редко совпадают. Есть поверхностный поток истории и есть ее глубинное течение. Тут совпадения еще меньше. Есть взгляд на исторический процесс извне его и есть взгляд изнутри. Есть взгляд с точки зрения участников событий и взгляд посторонних наблюдателей. Есть подход с позиций современников событий и взгляд на них после того, как они уже совершились. С какой точки зрения вы судите Сталина? Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны. Легко быть умным после того, как дело сделано. Легко судить других, зная, что от твоих суждений ничто не зависит и что правоту их нельзя проверить. Хотел бы я посмотреть, что делали бы вы, оказавшись на моем месте!

Далее Сталин прошелся по всем пунктам обвинения. Отпихнул Ленина, нарушил ленинские заветы? Вздор! Он был самым верным учеником и последователем Ленина. Вы просто не знаете реального Ленина, особенно — в последние годы его жизни. Не Сталин нарушил заветы Ленина, а жизнь сама не подчинилась идеалистическим сказкам Маркса и Ленина. Одно дело — идеи, другое дело — их воплощение в реальность. Ленин и ленинцы не поняли того, что реальный коммунизм имеет свои неотвратимые законы, мало что общего имеющие с абстрактными лозунгами. А что касается учения Ленина, то именно он, Сталин, сохранил его, очистив его от словесной шелухи, и возвеличил. Троцкий, Зиновьев, Бухарин и прочие делали все, чтобы занизить Ленина. Они сами считали себя классиками марксизма.

Сталин разгромил «ленинскую гвардию»? А что это такое — ленинская гвардия — было на деле? Одно дело — партия и революционная работа до революции, и другое дело — партия и партийная работа после революции. Разрушительный период революционной деятельности закончился. Начался период созидательной работы. А так называемые ленинцы остались мастерами слова и не стали мастерами дела. К тому же во время революции и Гражданской войны в партию влилась масса людей, ничего общего не имевших с ленинизмом, а считавших себя ленинцами. Надо было видеть с близ-

кого расстояния, во что превратилась на деле «ленинская гвардия». Идеологический хаос. Интриги. Демagogия. Тщеславие. Разврат. Каждый мнил себя вождем. Анархия... А нужно было работать. Работать ежедневно, самым прозаическим образом, без болтовни и ложной романтики. Они не годились для этого.

Идея Маркса и Ленина об отмирании государства оказалась вздорной. Роль государства после революции возросла. Сталину пришлось спасать глупые идеи классиков, внося свои коррективы. Например, сохранить идею отмирания государства путем его укрепления. Число служащих в системе власти и управления возросло. Старые дореволюционные чиновники в большинстве не годились для новых условий. Пришли миллионы новых. Большинство — малограмотные, неопытные. Надо было эту массу власти организовать. «Ленинская гвардия» была неспособна на это. Она, повторяю, вносила хаос, распущенность, анархию. Именно Сталину пришлось взять на себя самую неблагоприятную роль — роль учредителя минимального порядка во власти. Без разгрома «ленинской гвардии» это было невысказано.

Сталин узурпировал власть? Как вы это себе представляете? Пришел Сталин, начал командовать, и все ему подчинились, потому что он был злобен и коварен, а остальные — добрые и честные? Так что ли? Вы же сами говорили, что в революции и во время Гражданской войны Сталин был фигурой десятистепенной важности. Где же логика? Как это фигура столь незначительная ухитрилась подчинить себе выдающихся вождей революции и Гражданской войны? Были ли эти фигуры на самом деле столь значительными? В чем на самом деле заключалась революция? Какие процессы на самом деле были главными и решающими в послереволюционные годы? Надо различать слова и дела, внешне эффективные проявления истории и ее прозаические фундаментальные деяния. Сталин не узурпировал власть. Сталина вытолкнули во власть, не понимая ни сущности, ни структуры, ни новой роли власти. Сталин это понимал с самого начала. Он не был рабом марксистской фразы. Сталин использовал это. Но совсем не в том смысле, как писал Ленин в своем «Завещании» и возмущались так называемые ленинцы, жаждавшие власти не меньше, чем Сталин, но без труда, за счет речей и статей в газетах, а не за счет работы над

созданием аппарата власти. Они эту работу считали черновой, делом второстепенной важности. На Сталина свалили эту черновую работу. Не вина Сталина, что она оказалась главной, а все прочее оказалось пеной и мыльными пузырями истории.

Сталин стремился к личной власти? Да, стремился. Но это ничуть не противоречит интересам революции и народа. Это противоречило интересам болтунов из «ленинской гвардии», которые отождествили свои интересы с интересами революции и народа. Но именно их отождествление было ошибочно. В реальной, а не в бумажной и словесной революции главным оказался вопрос не столько о взятии власти, сколько о создании мощной системы власти после разрушения аппарата власти прошлого общества. Сталинское стремление к личной власти совпало субъективной закономерностью истории. Именно создание системы власти такого типа, к какой лично стремился Сталин, оказалось главным делом революции, главным условием сохранения ее результатов и выживания страны. Если вы не поймете этого, вы не поймете сущности нашей революции, нашей послереволюционной истории и нового общества, построенного во главе со Сталиным.

На Сталине лежит вина за коллективизацию и ее многомиллионные жертвы? Ответственность — да, но не вина. Сталин отменил НЭП. А почему? Потому что он исчерпал себя, превратился в источник все возрастающей преступности и в угрозу завоеваниям революции. Что можно было в тех условиях предложить вместо колхозов? Бухаринский план? Сам по себе план неплохой. Но ведь на осуществление его надо было сто лет. А в нашем распоряжении было всего несколько лет. Нам нужно было создавать промышленность в городах, нужна была рабочая сила, нужен был хлеб. Не сделай мы этого, нас раздавили бы. Вы думаете, Сталин исходил из теории, из каких-то априорных идей? Вздор! Сталин исходил из реальности. Да, жертвы были огромные. Но мы хотя бы как-то подготовили страну к обороне. Без этого жертвы были бы еще большими. Это были бы жертвы на всю последующую историю, в десятках поколений.

Сталин плохо подготовил страну к войне? Во-первых, речь шла все-таки о подготовке к войне. Именно предстоящая война маячила как важнейший фактор политики. Во-вторых, подготовка к войне зависела не

от одной воли Сталина, а от тысячи других факторов, неподвластных Сталину. На все нужно время. Мы создали еще перед войной прекрасные танки, самолеты, пушки, ракеты. Но нужно было время и средства, чтобы наладить их серийное производство. Надо было подготовить людей, способных владеть этим оружием. Мы начали это делать. И мы добились своего, правда — уже в ходе войны. Нам не хватило пары лет. Сталин заключил пакт с Гитлером и всячески стремился оттянуть начало войны, чтобы выиграть время. Не вина Сталина, что это удалось лишь частично.

Сталин виноват в поражениях и огромных потерях начала войны? В чем-то Сталин, конечно, виноват. Он не Бог. И такая война была первой в истории. Вы думаете, если бы не были уничтожены Тухачевский, Блюхер, Егоров, Уборевич и прочие командиры Красной Армии, то таких поражений не было бы? Вы ошибаетесь. Если бы на все командные посты назначили Наполеонов, положение мало изменилось бы. Допустимо, что таких поражений не было бы. Но тогда мы проиграли бы войну. Вы изучали диалектику, а практически ею не владеете. Нет худа без добра. Поражения и потери многому нас научили. Они повлияли на обстановку в мире. Надо брать весь комплекс событий и условий, чтобы правильно оценить роль того или иного отдельного действия руководства страной. Главное — мы победили. А победителей все-таки не судят.

Культ личности Сталина. Вы что же, думаете, сам Сталин его создал? Во-первых, не Сталин изобрел культ вождя. Был культ Ленина, Троцкого, Зиновьева, Бухарина и других. Знаете, сколько городов носило имя Троцкого? Культ вождей был рожден революцией и составлял элемент системы послереволюционного народовластия. Культ Сталина превзошел их всех, поскольку Сталин стал во главе партии и государства. Культ вождя будет создаваться и после Сталина. Культ Сталина — особый. Он создавался не столько путем сознательных усилий сверху, сколько путем стихийного движения масс снизу. Руководитель партии и государства в социалистическом обществе по самому своему положению обречен на культ. Это — не просто продукт его тщеславия, это — атрибут самой функции власти.

Наконец, главное обвинение Сталина — организация массовых репрессий. Но если быть верным истине,

не Сталин изобрел их. Их изобрела революция. И первооткрывателями в этом отношении были сам Ленин, Свердлов, Троцкий, Зиновьев и тысячи представителей «ленинской гвардии». Сталин тут действительно не был первым и самым выдающимся. Вот в этом деле он был фигурой десятистепенной. Сталинские репрессии превзошли все остальные? Верно. Но ответьте объективно хотя бы на такие вопросы. Можно ли было обойтись без репрессий в те годы? Были ли эти репрессии делом лично Сталина и кучки его подручных или они были продуктом деятельности миллионов людей? Были ли все репрессированные невинными жертвами? Можно ли было избежать злоупотреблений на этот счет в условиях тех лет и с тем человеческим материалом в системе власти? Можно ли в одну кучу сваливать репрессии в разных слоях населения? Что бы получилось в стране, если бы не были репрессированы троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы и прочие? Можно ли сводить репрессии к личным качествам Сталина или имеются более серьезные объяснения? Какую роль в насилии со стороны сталинского руководства сыграла добровольность тех, кого насильствовали?

Человек, рассказывавший об этом суде, запомнил лишь некоторые места из шестичасовой речи Сталина, причем — запомнил лишь в той форме, в какой это позволяло ему его собственное понимание.

В заключение Сталин попросил, чтобы судьи четко и конкретно сформулировали, какие действия были бы правильными в тех условиях, исходя из интересов страны. Он, Сталин, хочет извлечь для себя из этого процесса уроки на будущее. Он предупредил судей, что в случае оправдательного приговора для него их казнят как врагов народа.

Судьи начали совещаться. Уже при обсуждении преступлений Сталина в Гражданскую войну мнения разделились. Часть судей встала на сторону Сталина. Они утверждали, что Сталин зверствовал не больше, чем Троцкий и другие, что другие совершали ошибки и делали глупости не меньше, чем Сталин, что сам Ленин был инициатором бесчисленных расстрелов и создания концентрационных лагерей, и что вообще бессмысленно подходить с критериями морали и права наших дней к революционному периоду. Перевесом в один голос в поведении Сталина в период Гражданской войны не нашли ничего преступного.

Еще более острая дискуссия возникла при обсуждении захвата Сталиным власти в аппарате ЦК, завещания Ленина и обстоятельств его смерти. Произошла перегруппировка судей. Обвинение Сталина в убийстве Ленина отвергли почти единогласно. Большинство голосов отвергли также обвинение Сталина в захвате власти. Решили, что Сталину навязали роль генерального секретаря, еще не отдавая себе отчета в новой роли ЦК и генсека.

Новая перегруппировка произошла при обсуждении сталинской политики по отношению к НЭПу и политики коллективизации. Часть судей стала настаивать на том, что без коллективизации была бы невозможна индустриализация, а без последней мы проиграли бы войну с Германией. Другая часть, наоборот, утверждала, что из-за сталинской политики погибли миллионы людей, и страна оказалась неподготовленной к войне. Конфликт между судьями достиг такой остроты, что они даже перестали разговаривать друг с другом. Суд, казалось, прекратил существование. Но Сталин приказал продолжать работу и довести дело до конца.

К конфликтам, возникавшим в связи с пунктами обвинения и речью Сталина, присоединились личные конфликты. Началась борьба за лидерство. Два претендента на эту роль стали непримиримыми врагами. Личные отношения стали отгеснять на задний план суть дела. Когда добрались до репрессий тридцатых годов, переругались все со всеми. Сталин раскрыл перед судьями такую картину реальной жизни тех лет, что судьи просто растерялись. Предложение Сталина, чтобы судьи вообразили себя на его месте и придумали правильное поведение, за которое не стали бы обвинять в преступлениях, ввергло судей в уныние. Одни из них заявили, что ушли бы в отставку, другие же заявили, что стали бы действовать по-сталински. Никто не смог придумать лучшего варианта. Все попытки на этот счет были нещадно разгромлены и высмеяны большинством.

Таким путем, впадая во все большую растерянность, судьи с трудом добрались до послевоенных репрессий. И тут они отвергли все обвинения Сталина в преступном поведении. Раздавались даже голоса, обвинявшие его в излишней мягкости и непоследовательности. В

частности, это касалось борьбы с космополитизмом и преклонением перед Западом.

Настал день вынесения приговора. Это был день рождения Сталина. Он вошел в помещение суда в мундире генералиссимуса. Председатель суда объявил, что сейчас будет зачитан приговор. Все встали. Наступила тишина. Председатель произнес только одно слово: «Невиновен». Сталин, не сказав ни слова, покинул помещение.

Трудно сказать, почему «декабристы» вынесли оправдательный приговор. Возможно, они хотели тем самым задобрить Сталина, думая избежать казни. Но скорее всего сработало некое чувство исторической справедливости. Как бы то ни было они оправдали Сталина.

— Что с ними сделали? — спросил Юрий. — Расстреляли?

— Нет. Их поместили навечно в психиатрическую больницу. Навечно.

— Что стало с ними потом?

— Скоро их сделали психически больными, причем неизлечимыми.

— Почему неизлечимыми?

— Они утратили великую цель, ради которой жертвовали жизнью.

— А вторая история?!...

Не успел

Еще в двадцатые годы сложилось убеждение, будто Сталин отступил от заветов Ленина, и будто бы из-за этого произошло все зло последующих лет. Если бы Ленин был жив и здоров, как думали, то все было бы хорошо. Не было бы насильственной коллективизации, иначе была бы осуществлена индустриализация, не было бы массовых репрессий, не было бы поражений в начале войны. Короче говоря, все зло — в Сталине. Хотя во всем этом была доля истины, в основном и в основе это было массовое идеологическое заблуждение.

Козырев рос в среде, в которой такое убеждение имело силу религиозной веры. Хотя он учился в сталинской школе и был примерным учеником и комсомольцем, он вырос убежденным антисталинистом-ленинцем. Он не принял формулу «Сталин — это Ленин сегодня», изобретенную французским писателем Анри

Барбюсом и ставшую неоспоримой догмой во все сталинские годы. Уже в юношеские годы у него возникла идея убить Сталина. Идея была не такой уж утопичной. Он уже видел себя в роли освободителя народа от тирана. Но случилось непредвиденное: выпускников школы стали призывать в армию. Это было в 1939 году. Через год он подпал под новый приказ: ребят со средним образованием стали посылать в военные училища. Начало войны он встретил, находясь в училище. Потери первых месяцев войны еще более убедили его в том, что Сталин был виновником всех несчастий народа.

В 1942 году Козырев окончил саперное училище. Как отличнику боевой и политической подготовки ему сразу присвоили звание лейтенанта. Его специальностью стало то, что связано со взрывами и их предотвращением. Он дошел с армией до Берлина. Получил ряд наград. Стал капитаном. Вступил в партию. Но мысли убить Сталина не оставлял. Он думал об этом постоянно, изобретая в воображении самые хитроумные способы осуществления замысла. Все они были, конечно, связаны с его военной профессией минера-подрывника. Дважды возникал слух, будто Сталин должен был появиться на фронте в расположении армии, в которой служил Козырев. Его подразделение органы государственной безопасности привлекали для операций по предотвращению возможных диверсий. Он мог спокойно взорвать Сталина со всей его свитой, и никто не подумал бы, что это — его рук дело. Конечно, его после этого расстреляли бы за халатность, если бы он уцелел. Но он не уцелел бы. Он погиб бы сам из принципа вместе со своими жертвами. Приезд Сталина оба раза почему-то не состоялся. Говорили, будто Сталин посетил другой участок фронта, а слух насчет участка, где находился Козырев, пустили специально с целью дезориентации врагов.

В конце войны, когда стало ясно, что мы победили, вновь началась волна бессмысленных репрессий. После войны репрессии еще более усилились. Началась демобилизация армии. Демобилизовали и Козырева. Найти работу по его военной профессии было невозможно. Как члена партии и ветерана войны его направили в колхоз председателем. За два года он тут насмотрелся такого, чего не видел даже во время войны. И вновь вернулся к идее покушения. У себя в сарае он создал целую лабораторию по изготовлению взрыва-

тых веществ и средств их доставки на место планируемого взрыва. Но оказалось, что его демобилизовали ошибочно. Его вернули в армию. Лабораторию пришлось уничтожить. В армии он попал в войска особого назначения, в задачу которых входила организация диверсий в тылу противника. Ему присвоили звание майора. Он получил доступ к новейшим достижениям взрывной техники и к методам организации диверсий.

Служил Козырев в Московском военном округе. Ему как опытному специалисту не раз поручали обезвреживание бомб, которые какие-то злоумышленники подкладывали в самых различных местах, а также экспертизу совершившихся взрывов. Однажды он удостоился высокой чести — участия в создании системы безопасности на подмосковной даче Сталина. Он не верил своей удаче: неужели наконец-то сбудется его заветная мечта?! И он начал готовить покушение на высочайшем профессиональном уровне. Он все рассчитал до мельчайших деталей. Ошибки не должно быть. Главное терпение и аккуратность.

По опыту войны он знал, что запланированному взрыву могут помешать какие-то пустяковые и совершенно непредсказуемые обстоятельства. Поэтому он решил подгадать завершение системы безопасности к моменту завершения подготовки взрыва, чтобы самому быть на месте взрыва и исключить случайности, могущие помешать взрыву. Кроме того, он должен погибнуть из принципа. Ошибка Штауфенберга, подготовившего покушение на Гитлера, состояла в том, что он хотел сам остаться в живых и покинул место покушения. Это даже не ошибка, а трусость и даже предательство. Он подвел своих сообщников. Сколько человек пострадало из-за этого?! И война затянулась. Штауфенберг, раз уж он пошел на такое дело, должен был взорваться вместе с Гитлером. Вообще, человек, решившийся на такое покушение, обязан оставаться на месте происшествия до конца. Покушение, которое не удалось из-за того, что покушающийся, спасая свою шкуру, остался жив, есть не политическое действие, а уголовное преступление. Оно не может быть оправданно морально.

Бывают ли морально оправданные террористические акты? Это зависит от того, как мы понимаем моральные нормы. Но как бы то ни было, человек, который убил бы Сталина, вошел бы в историю как герой.

Считают же героем Штауфенберга, хотя он скорее заслуживает порицания и презрения за то, что покушение не удалось по его вине.

Но вернемся к Козыреву! Ему не повезло и на этот раз: умер Сталин. Такое он, конечно, предусмотреть не мог. Он был в отчаянии: ушел его эпохальный враг, делавший его жизнь осмысленной, возвышавший его на уровень античной трагедии.

Поползли слухи, будто Сталина убили его ближайšie соратники, будто бы Сталин собирался освободить всех заключенных, сделав козлами отпущения за репрессии Берию, Маленкова, Молотова, Ворошилова и других высших лиц, а те, спасая свою шкуру, говорились и устранили своего главаря. Это особенно удручающе подействовало на Козырева. Он был убежден, что только такие личности, как он сам, имели моральное право вынести приговор Сталину и казнить его, а не подручные Сталина, у которых у самих руки в крови бесчисленных жертв. Его не просто опередили, у него украли его законное моральное право на казнь тирана.

Сталина набальзамировали и положили в Мавзолею рядом с Лениным. Это нанесло Козыреву новую душевную травму. Положить самого большого негодяя в истории рядом самым великим человеком, — такого кощунства еще никогда не было. Козырев написал письмо в ЦК КПСС с протестом против этого кощунства и с требованием выбросить труп Сталина из Мавзолея на помойку. Кончилось это для него плачевно: его исключили из партии и уволили из армии. Тогда он решил взорвать Мавзолей вместе с набальзамированным трупом Сталина. Конечно, при этом должны погибнуть и останки Ленина. Но Козырев нашел этому извинение: Ленин был против культа вождей, он ни за что не позволил бы создавать для него такой мавзолей.

Целый год Козырев готовил взрыв Мавзолея. Какая же для этого нужна была одержимость и сила воли?! Он самыми невероятными путями добывал взрывчатые вещества огромной разрушительной силы. Добывал буквально по крупицам. Наконец, накопил их достаточно для того, чтобы саркофаг с трупами Сталина и Ленина разлетелся на мелкие кусочки от взрыва. Изготовил специальную одежду, которую начинил взрывчаткой. Чтобы не было заметно снаружи, специально похудел. Это-то и сгубило его. Он добросовестно

выстоял со своим страшным грузом в многочасовой очереди в Мавзолей, но потерял сознание, не дойдя сто метров до входа в него. Его подняли, не подозревая ничего, и отвезли в больницу. Только там обнаружили, что он был живой бомбой огромной силы.

— Что же он не предусмотрел такую возможность?

— Он думал об этом. Но он не мог предвидеть, где именно такое могло случиться. Он был уверен, что дотянет до саркофага.

— Что стало с ним потом?

— Его сочли психически ненормальным и поместили в сумасшедший дом в Казани.

— Он жив?

— Нет. Когда сообщили о докладе Хрущева на партийном съезде и о решении убрать Сталина из Мавзолея, он после этого покончил с собой.

— Но почему?! Он же должен был радоваться тому, что сбылась его мечта!

— Он счел величайшей исторической несправедливостью то, что правящие негодяи, бывшие при Сталине его подручными палачами, украли у него дело его жизни.

Бесшумная катастрофа

Партград, помимо исправительно-трудовых лагерей, был окружен множеством предприятий, портящих природу, — атомное предприятие «Атом», химический комбинат, асбестовые и целлюлозные заводы и т.п. Спасала трясина, занимавшая четвертую часть области. В ней топили отходы этих предприятий. По расчетам ученых, трясина могла еще пятьдесят лет служить для этой цели без заметных отрицательных последствий. Кроме того, в области еще оставалось много незагаженных, пригодных для отдыха мест. В речках и озерах еще водилась рыбешка и можно было купаться. К усиленной радиации в районе «Атома» привыкли и даже подшучивали над ней, вспоминая дедовскую мудрость: что немцу — смерть, то русскому — здоровье.

В 1977 году два молодых инженера из «Атома» написали письмо в газеты и в руководящие органы Партграда о том, что на предприятии не соблюдаются элементарные нормы безопасности и что это может привести к катастрофе. На предупреждение инженеров не

обратили внимания. Они уехали в Москву. Но и там их игнорировали. Пока они обивали пороги разных учреждений в Москве, в «Атоме» произошла катастрофа, о которой они предупреждали. Это было в начале лета, в прекрасный солнечный день. Никакого взрыва не было слышно, никакого свечения и атомного «гриба» не было видно. Небо было ясное, голубое, без единого облачка. В окрестностях Партграда свежей зеленой листвой покрылись деревья и расцвели полевые цветы. День был выходной. Трудящиеся области наслаждались заслуженным отдыхом и ничего не подозревали о том, что в спрятанном в буйной зелени «Атоме» случилось нечто страшное. Так иногда бывает с людьми, наслаждающимися здоровьем и благополучием и не знающими еще о том, что в их организме поселилась смертельная болезнь.

О катастрофе узнали, вернее, догадались лишь после того, как район катастрофы был окружен специальными воинскими частями и полностью изолирован от внешнего мира. Солдаты прибыли на странных машинах и в странных комбинезонах, каких раньше никто не видел. Всякие разговоры о районе катастрофы были категорически запрещены. Распространители слухов жестоко наказывались. Все делали вид, будто ничего особенного не случилось. Ни один человек из зоны катастрофы не появлялся за ее пределами. И туда никого не пропускали.

После этой катастрофы в университете возникла группа «зеленых», поставившая себе целью борьбу за охрану окружающей среды. Возглавил группу молодой преподаватель физического факультета. В группу вступили десятки студентов и аспирантов. Уговорили вступить и Чернова. Группа подготовила и распространила бюллетень, из которого было очевидно, что область загажена на все сто процентов и не пригодна для жилья, если руководствоваться строгими медицинскими критериями, и что природные ресурсы области на грани полной гибели и истощения. Бюллетень вызвал переполох в руководстве области. Слух о нем дошел до Москвы. Оттуда приказали немедленно прекратить «это безобразие». Активистов группы уволили из университета и подвергли различным административным наказаниям. Несколько человек осудили на различные сроки заключения.

Чернова пощадили как инвалида и талантливую математика. Но объявили выговор по комсомольской линии и провели с ним воспитательную беседу. Беседовал с ним член парткома университета профессор Макаров.

— Наше отношение к явлениям жизни зависит от того, с каких позиций мы на них смотрим, — говорил Макаров. — Если смотреть с позиций большой истории и судьбы страны, получим одни оценки. Если же взглянуть с более узкой точки зрения, т.е. с точки зрения судьбы отдельных людей и виновников тех или иных ошибок, получим другие оценки. С окончанием второй мировой войны борьба между Западом и Советским Союзом не прекратилась. Началась «холодная» война, имевшая целью разгром нашей страны, не удавшийся в прошедшей «горячей» войне. Запад имел атомное оружие. Наша страна должна была его иметь тоже, иначе мы не выстояли бы в борьбе с Западом. Конечно, мы многое делали халтурно. Жертвы были огромные. Но что бы Вы стали делать на месте нашего руководства? Вот в Ваших руках вся полнота власти. Действуйте!

— Я не отрицаю государственной необходимости развития нашей науки и техники, промышленности, атомных исследований и прочего, — говорил Чернов. — Но надо же все это делать серьезно, добросовестно, как следует, а не халтурить, не заниматься очковтирательством!

— Вы думаете, что наше руководство умышленно делало все плохо, халтурно?

— Нет. Но...

— Легко рассуждать, когда тебе самому не приходится делать дело. Мы имеем определенные человеческие ресурсы, технологические средства, организацию дела. На улучшение всего этого нужны, Чернов, века. Одними приказами и призывами тут ничего не сделаешь. Западная цивилизация существует тысячелетия. Запад обладает огромными ресурсами. Мы фактически ведем беспрецедентную историческую борьбу с противником, который превосходит нас во много раз экономически, технологически, по человеческому материалу. Или мы выстоим ценой огромных жертв, либо с нами Запад сделает то, что он собирался

сделать с нами руками немцев. Вы, Чернов, уже не маленький. Хотя Вы и плюете на марксизм, азы мировой политики должны понимать и без него. А главное, что я Вам советую, не связывайтесь ни с какими группами, течениями, движениями и т.п. В наших условиях все они так или иначе превращаются в нечто безнравственное и отвратительное, с какими бы хорошими намерениями они ни возникали.

Разговор с Макаровым посеял в душе Чернова смятение. Кто прав? Где истина? Другой разговор с Макаровым состоялся после экзамена по марксизму-ленинизму. Юрий ни разу не был на лекциях и лишь пару раз появился на семинаре. На экзамене он не мог ответить ни на один вопрос. Но Макаров настоял на том, чтобы ему поставили оценку «хорошо».

— Я знаю, что Вы гениальный математик, — сказал Макаров при этом. — Марксизм и вообще философия Вам ни к чему. Я не могу Вам поставить оценку «отлично», так как меня обвинили бы за это в преступном либерализме, Вам бы устроили бы перезэкзаменовку и закатали бы «плохо». Но если Вы не против, я хотел бы с Вами поговорить особо.

Чернов дождался конца экзаменов. Макаров предложил пройтись пешком по проспекту Ленина. Сначала Макаров расспрашивал Чернова о его жизни и интересах. Потом рассказал кое-что о себе. В юности он тоже увлекался математикой. Но в 1939 году призвали в армию. Там стал заместителем политрука роты. В войну — политрук. Был в окружении. Был дважды ранен. Одним словом, было не до математики. После войны демобилизовался из армии в чине капитана. Учился на историческом факультете университета, по кафедре истории КПСС.

— Я понимаю Ваши умонастроения в отношении марксизма, Чернов, — сказал Макаров. — То, что я Вам скажу сейчас, я буду говорить не как член КПСС и не как преподаватель марксизма-ленинизма, а просто как умудренный жизненным опытом человек. Сейчас марксизму почти все относятся критически. Даже идеологические работники и пропагандисты марксизма. Для этого, конечно, есть основания. Но беда в том, что никто, включая теоретиков марксизма, не знает толком и не понимает марксизм как интеллектуальное явление. О марксизме знают понаслышке, судят о нем по речам и сочинениям партийных работников и плохо

образованных преподавателей. Это все равно, как если бы об учении Христа судили по уровню деревенских попов. Попробуйте как-нибудь между делом почитать произведения Маркса в подлиннике. Почитать не спеша, не для экзамена, а для интеллектуального развлечения хотя бы. Будут вопросы — приходите ко мне в любое время, поговорим.

После этого разговора Чернов начал читать произведения Маркса, Энгельса и других мыслителей прошлого, включая русских: Герцена, Чернышевского, Плеханова, Ленина. К своему удивлению он увидел, что они были совсем не такими глупыми и отсталыми, как было принято говорить о них в среде студентов. Скорее наоборот, они не зря имели славу великих мыслителей. Макаров был прав, когда говорил, что в сфере социального мышления человечество деградировало сравнительно с прошлым веком.

Но этот порыв Чернова продолжался недолго. Изучение мыслителей прошлого требовало времени и усилий больше, чем математика. Это было ему не по силам. И он отложил это на будущее.

Зрелость

Университет он окончил в 1980 году. В аспирантуре его не оставили под тем предлогом, что он якобы был аполитичен и даже симпатизировал диссидентам. Ни один из преподавателей не вступился за него, хотя в частных разговорах все признавали его самым талантливым студентом за все годы существования факультета. От него избавились с облегчением: а вдруг из этого калеки и в самом деле вырос бы новый Лобачевский!

Его распределили на работу в лабораторию моделирования в Протезный комбинат имени маршала С.М. Буденного на должность младшего научного сотрудника с заработной платой 120 рублей в месяц. Как инвалид он получал пенсию 40 рублей. Рублей сто заработывала мать. Так что жизненный уровень Черновых был даже выше среднестатистического.

Соседи по квартире наконец-то получили отдельную квартиру в новом доме. Их комната осталась за Черновыми. Это стоило немалых усилий. Помогло письмо от комбината, ходатайство Общества инвалидов, вмешательство газеты «Партградская правда» и, само

собой разумеется, взятка. Черновы были безмерно счастливы. Они стали обладателями отдельной квартиры! Теперь у них приходилось по 10 квадратных метров жилой площади на человека при средней норме по городу три метра. Плюс к тому — кухонка и чулан. А главное — теперь у Юрия была своя отдельная комната, — предел мечтаний интеллигента, не имеющего шансов на служебную карьеру и творческий успех.

Как специалиста его ценили. Он щедро разбрасывал идеи, за которые другие получали премии, продвигались по службе и даже приобретали репутацию в науке. И все дружно замалчивали источник «своих» идей. Его как будто бы не было совсем. Он не настаивал на авторстве и на признании — для него этого было слишком мало. Он чувствовал в себе способность сделать открытие эпохального значения. Но избегал встать на путь к нему — он рано понял, что ему не дадут стать автором своего открытия и войти в историю науки на достойном его способностям уровне.

Началась унылая, серая, бессобытийная рутинная жизнь, как и у большинства людей его социальной категории. Только у него эта унылость усиливалась его физической неполноценностью.

Он достиг потолка жизненного успеха. Впереди ему не светило ни повышение в должности, ни увеличение зарплаты заметным образом, ни улучшение жилищных условий, ни изменение семейного положения. Он обрекался на жизнь воображаемую, т.е. на жизнь в своем самосознании и для него. Формула Декарта «Мыслю, следовательно, существую» для него трансформировалась в формулу «Существую, т.е. мыслю».

Он стеснялся обнаруживать перед окружающими свою жизненную драму и выработал позу холодного, цинично бескомпромиссного мыслителя, с насмешкой относящегося к житейским благам и к своему собственному уродству. Его стали ставить в пример другим инвалидам как человека, умеющего наслаждаться жизнью, несмотря ни на что. В этом усматривали некую моральную порочность. Сначала это его огорчало. Но скоро он понял, что люди вообще неспособны на объективную оценку поведения своих ближних. Они сначала сами выдумывают ложное представление о них, а затем подвергают моральной оценке свой вымысел. И Юрий стал воспринимать свое ложное отражение в сознании окружающих как общее правило.

В университете он влюбился. Однажды он осмелел и сделал ей предложение. Она высмеяла его. Она согласилась с ним «переспать» из уважения к его таланту и из сострадания к его уродству. Но выходить замуж — упаси боже! Он ужаснулся и заговорил о морали и любви. Она сказала, что он отстал от жизни по крайней мере на сто лет. Теперь женщины до замужества в среднем имеют пять любовников, а мужчины — десять любовниц. И женятся не ради любви, которая стала предрассудком прошлого, а по какому-нибудь расчету. Вот станет он академиком и лауреатом Ленинской премии, она может быть выйдет за него замуж. Но при этом она сохранит за собой свободу сексуальных связей. Он долго мучился от этого объяснения в любви. Хотел покончить с собой. Его спасли. Но он не был этому рад. Но извлек урок: в принципе он мог расстаться с жизнью в любое время и без особых колебаний. Потеря жизни, как он установил, не такая уж большая потеря. Смерть не есть трагедия.

В комбинате он познакомился с женщиной, которая была на много лет старше его и имела ребенка. Она проявила к нему интерес, главным образом из сострадания и потому, что он был интеллигент, не ругался матом и не пьянствовал, как ее бывший муж и любовники. Она привыкла к его уродству. Но их связь продолжалась недолго. Мать Юрия не могла допустить, чтобы кто-то заменил ее, а эта женщина не могла заменить ее полностью. Начались ссоры. За ними последовал полный разрыв. Мать подыскала сыну женщину, которая за небольшую плату удовлетворяла его потребности. Сначала Юрий не знал о сделке, а узнав, пережил самое сильное унижение в своей жизни. Впоследствии у него время от времени были женщины, разделявшие с ним ложе из сострадания, из любопытства или просто так. Но не было любви. В среде физически равных ему он опуститься не мог по своим жизненным претензиям и культуре, а в среде физически нормальных любовь предполагала адекватность партнеров.

Юрий читал в книгах о том, как молодые, здоровые и красивые женщины любили физически уродливых мужчин. Якобы за их ум и талант. Но он не верил в достоверность этих историй. Если нечто подобное и

случалось, то физические уроды, обладавшие умом и талантом, привлекали женщин не столько умом и талантом как таковыми, сколько богатством, славой и высоким положением, которого они добивались с помощью ума и таланта. Но и в этом Юрий сомневался.

Однажды он прочитал статью о влиянии современного научно-технического прогресса и внедрения его результатов в общественную жизнь на механизм наследственности человека. Автор писал, что это влияние может оказаться роковым, что необходимо уже сейчас серьезно заняться этой проблемой. Почему, например, до сих пор держатся в секрете данные о жертвах атомных экспериментов и о том, как это сказалось на их детях? Прочитав статью, Юрий сделал для себя вывод, что ему рискованно иметь детей, так как они могут тоже оказаться уродами. Он готов простить своих родителей, родивших его уродом, ибо они не знали того, что стали жертвами атомных экспериментов. Но он, Юрий, не имеет морального права производить детей, которые почти наверняка были бы неполноценными. Значит, для него была исключена даже заурядная семья. Ему не было суждено пережить счастье отцовства. На нем обрывалась одна из ниточек рода человеческого.

Он с рождения был лишен одного из важнейших качеств личности — потребности заботиться о других. Оно исключалось для него и в будущем.

Брежневский период

В годы перестройки брежневский период советской истории стали называть застойным. Но на самом деле это есть идеологическая ложь в горбачевском стиле. Брежневские годы были чем угодно, только не застоєм. Они заслуживают более серьезного анализа.

Это были годы, в течение которых советское общество усложнилось по крайней мере в два раза сравнительно со сталинским и даже хрущевским периодом. Население выросло более чем на шестьдесят миллионов. Удвоилось или даже утроилось число предприятий, учебных и исследовательских учреждений, увеличилось количество средств массовой информации. Неимоверно разросся управленческий, идеологический аппарат. Число людей, занятых в культуре, выро-

сло может быть в пять раз. Было построено огромное число новых домов. Миллионы граждан получили отдельные квартиры. Всеобщим достоянием стали холодильники и телевизоры. Возросли потребности людей, мобильность населения, контакты с Западом. Именно в брежневские годы Советский Союз превратился в одну из двух великих держав и развил такую мировую активность, которая породила страх во всем мире, что коммунизм действительно завоеует планету. Короче говоря, именно непомерный для коммунистического социального строя прогресс, а не застой, был характерен для брежневского периода. Тот факт, что во вторую половину брежневского «царствования» началось наращивание материальных трудностей и усиление репрессий в отношении диссидентов, ничуть не противоречит сказанному. Он говорит лишь о сложности и о противоречивости исторического процесса.

В брежневские годы произошли существенные перемены в социальной структуре советского общества. Резко возрос процент непродуцированного населения. В Партграде он почти удвоился. Заметнее стало расслоение населения на слои с различным уровнем благосостояния и образом жизни. В Партграде это расслоение даже не скрывалось, а подчеркивалось. Для высших и привилегированных слоев был построен комфортабельный жилой район в самой лучшей с точки зрения природных условий части города. Партградцы называли его «Царским селом». Тут на каждого человека приходилось минимум 20 квадратных метров жилой площади. На противоположной стороне города, на пустыре, был построен жилой район для низших слоев. Тут на человека приходилось не более пяти квадратных метров жилья. Представители высших слоев обзавелись дачами, автомашинами, дефицитной мебелью. Они снабжались предметами потребления из особых баз, минуя обычную торговлю. Представители низших слоев часами мотались по городу в поисках нужных продуктов питания и вещей и часами торчали в очередях.

В то время, как на низшие слои обрушивались потоки идеологических помоев и пропаганды, высшие слои цинично обдeldывали свои делишки и позволяли своим детям то, за что детей низших слоев жестоко наказывали. У них были заграничные радиоприемники. Они безнаказанно читали запрещенные для низов книги и

слушали западные радиостанции. Моральное и идейное разложение советского общества началось прежде всего в высших и привилегированных слоях.

В брежневские годы в огромной степени усилилась тенденция к идеологическому кризису, зародившаяся еще в хрущевские годы как следствие десталинизации страны. Хотя в эти годы идеологический механизм, руководимый Сусловым, и идеологическая обработка населения достигли беспрецедентных масштабов, они не смогли остановить нарастание идеологического и морально-психологического кризиса советского общества. Чем мощнее становилось идеологическое давление на население, тем менее эффективной становилась идеология, и тем хуже относились к ней обольщаемые массы. Чем больше старалась огромная армия идеологических работников приспособить достижения науки и техники к нуждам идеологии, тем больше последняя разрыхлялась, тем больше она теряла свою монолитность и воинственность. Разрастание идеологического и пропагандистского аппарата и проникновение в идеологию идей современной науки не устраняли главного фактора, лежащего в основе кризиса советской идеологии, а именно ее резкого расхождения с реальностью советского общества и интеллектуальным состоянием активной части населения. Весь послесталинский процесс модернизации советской идеологии заключался в накоплении элементов антимарксизма, антикоммунизма и антисоветизма в самой марксистско-ленинской идеологии как идеологии государственной. Освобождаясь от влияния марксистско-ленинской идеологии, советские люди, однако, не освобождались от идеологии вообще. Они подпадали под влияние западной идеологии, т.е. идеологии антимарксистской, антикоммунистической и антисоветской.

Местный прогресс

Город Красноармейск, где вырос Юрий Чернов, был почти полностью продуктом советской истории. До революции это был небольшой поселок Троицк с церковушкой и церковно-приходской (начальной) школой. После окончания Гражданской войны около Троицка построили казармы и конюшни для кавалерийской

дивизии. Тогда-то и переименовали поселок в Красноармейск. Затем в поселке появился медицинский пункт, превратившийся в больницу, семилетняя школа, пункт по приему от крестьян натуральных налогов (сена, мяса, молочных продуктов), хлебопекарня и другие мелкие заведения. В конце двадцатых и начале тридцатых годов в Красноармейске открыли ветеринарный техникум, курсы трактористов и школу младших командиров. Значительной вехой на пути прогресса явилось открытие исправительно-трудового лагеря неподалеку от поселка и мастерских при нем. Красноармейск превратили в районный центр, разместив тут множество учреждений. Школа стала десятилетней и открыли две новых. Около города вскоре возник крупнейший в области свиноводхоз. Короче говоря, к началу войны с Германией Красноармейск стал значительным по партградским масштабам городом. Были построены железнодорожная ветка и шоссе, соединившие его с Партградом.

Во время войны в Красноармейск эвакуировали военное училище, госпиталь и завод по производству снарядов и патронов, которые тут и остались навсегда.

После войны около города построили новый исправительно-трудовой лагерь, химический комбинат и атомное предприятие для мирных целей. Город стал вторым по размерам и по значению в области после Партграда. Когда в моду вошло слово «спутник», его стали называть спутником Партграда. В городе появились новые школы, техникумы, училища, культурные учреждения, конторы и т.д. Тридцатикилометровое пространство между Красноармейском и Партградом было застроено так, что наметилась очевидная тенденция к образованию гигантского города, сосредоточившего в себе около половины населения всей области.

Какой бы ужасный вид ни имело все то, что создавалось и выросло в Красноармейске и Партграде, в сравнении с аналогичными явлениями на Западе, это так или иначе означало колоссальное усложнение общественной жизни и беспрецедентный в истории скачок в развитии. Если бы те, кто стал усиленно проповедовать идеи возвращения России в дореволюционное состояние и идеализировать это состояние, сравнивая бы суммарную картину хотя бы одного Красноармейского района в начале восьмидесятых годов с суммар-

ной картиной этого района в лучшие дореволюционные годы, они увидели бы, что никакого пути назад уже нет и никогда не будет. Но никто этого не сделал. И даже официальная идеология и пропаганда не смогли использовать этот мощнейший аргумент в борьбе с теми, кто с началом перестройки начал открыто проводить линию на дискредитацию и разрушение всего того, что было создано за семьдесят лет советской истории.

Упомянутое выше усложнение общественной жизни области и района сопровождалось разрастанием системы власти и управления. Но это разрастание шло таким путем, что с каждым годом возрастало расхождение между управляющей системой и управляемым общественным организмом. Первая становилась все более неадекватной второму, все более иллюзорной, замкнутой на свои собственные интересы, а второй все более уходил из-под ее контроля, превращался в фактически неуправляемую мешанину огромного числа людей, предприятий, учреждений, действий и событий. Символами этого чудовищного несоответствия системы власти и управления подвластному и управляемому обществу стали в Партграде — первый секретарь обкома партии Сусликов, а в Красноармейске — секретарь райкома партии Елкина.

Положение сложилось аналогичное тому, какое имело место в начале войны с Германией в 1941 году, когда во главе фактически новой армии оказались руководители вроде Ворошилова и Буденного, способные лишь стоять на Мавзолее во время парадов войск или гарцевать на цирковых лошадях, принимая эти парады. Тогда пришлось отстранить этих дегенератов-полководцев от командования войсками. С дегенератами-руководителями в брежневские годы произошло обратное. Главный дегенерат-руководитель Брежнев был увешан наградами и раздут до масштабов эпохального гения. А дегенераты помельче, вроде Сусликова и Елкиной, сделали блистательную карьеру. Сусликов был поднят на высший уровень власти — в аппарат ЦК КПСС, а Елкина вознеслась на областной уровень. Так что не случайно ничтожества вроде Брежнева, Сусликова и Елкиной вырастали в величины символические в сознании молодых людей, остро ощущавших характер происходящего в стране процесса. Юрий Чернов был одним из них.

Значительную часть Партградской области занимали болота, заросшие местами настолько, что образовали своеобразное природное явление на грани между болотом и твердой почвой. Трясина занимала больше половины территории Красноармейского района. Жители области поэтому чаще называли район просто трясиной. Трясина играла в истории области существенную роль. Ее принимали во внимание в Москве, когда решали, где создавать исправительно-трудовые лагеря огромного размера, где строить крупнейший в стране химический комбинат и первое атомное предприятие для исследовательских целей и производства материалов для атомного оружия и для атомного топлива.

Партградская трясина стала прообразом социальной истории области. Природная эволюция трясины заключалась в структурировании этого куска материи, в усложнении, в обогащении жизненных процессов. Если бы естествоиспытатель сравнил состояние этого района планеты в то время, когда тут в постледниковый период образовались озера и появился какой-то растительный и животный мир, с тем его состоянием, когда тут стали образовываться болота, а последние стали превращаться в современную трясику, он без всяких колебаний констатировал бы прогресс во многих отношениях. Но прогресс особого рода — прогресс трясиновый. Нечто подобное стало происходить тут и в жизни людей в послереволюционные годы. На место чистых социальных «озер» с бедной «флорой и фауной» тут стало образовываться более сложное и оживленное социальное «болото», а последнее стало стремительно превращаться в структурно сложную индустриальную «трясику». Не только образованные и критически настроенные жители области, но и рядовые граждане в бесконечных жалобах на свою жизнь называли ее не иначе как трясиной. — Что бы у нас ни делали, — говорили они, — все равно все заглохнет в нашей трясине. Вожди же области видели в этом не столько недостаток, сколько достоинство. Маоцзедунька не раз говорила в порыве пьяной откровенности, что «нашу партградскую трясику не смогут взбаламутить никакие ураганы истории».

В личной жизни вождей области трясина играла

роль исключительно прогрессивную. Когда началось освоение целинных земель в Казахстане, в Партгrade с призывом начать освоение «трясинных земель» выступили первый секретарь обкома партии Портянкин и растущий партийный работник Сусликов, впоследствии сменивший скакнувшего в аппарат ЦК КПСС Портянкина на посту первого секретаря обкома. Оба они стали Героями Социалистического Труда. Молодой партийный работник районного масштаба Евдокия Елкина была награждена орденом «Знак почета» только за то, что половину территории ее района занимала трясина.

Диссиденты

Брежневский период советской истории немислим без диссидентства. Слово «диссидент» было изобретено не в России, а на Западе. Оно было перенесено в Россию в интересах определенных кругов на Западе, а отнюдь не в интересах внутренней эволюции русского общественного сознания. Благодаря этому словечку, в одну кучу свалили всевозможных националистов, религиозных сектантов, сумасшедших, тех, кто хочет эмигрировать, танцоров, музыкантов, писателей, серьезных политических бунтарей, проходимцев и агентов КГБ, спекулянтов за счет несчастий народа и оппозиции, запоздалых антисталинистов и даже партийных реформаторов. Словечко «диссиденты» оказалось весьма удобным для средств массовой информации и всякого рода антисоветских организаций людей на Западе. Не надо думать, не надо анализировать советское общество, не надо за внешней формой явлений искать их скрытую сущность. Достаточно употребить универсальное словечко «диссидент», как все становилось ясным. Только вот что становилось вроде бы ясным, кому, с какой целью?

Словечко «диссиденты» буквально переводится как «инакомыслящие». Но что это значит — мыслить иначе? Сравнительно с кем и с чем иначе? Если сравнительно с официальной советской идеологией и пропагандой, то чуть ли не всех советских людей можно отнести к диссидентам. Дело не в инакомыслии, а в том фактическом положении, какое люди занимают в обществе, и в той форме поведения, на которую они вы-

нуждаются в силу обстоятельств их личной жизни. Еще до войны в стране появились антисталинисты. Большинство из них вовсе не были инакомыслящими. Наоборот, они боролись за «подлинный» коммунизм, против искажения марксизма-ленинизма Сталиным, за соблюдение партийно-государственных норм жизни. В послевоенное время антисталинисты сыграли огромную роль в подготовке десталинизации страны. Они за редким исключением были членами партии, причем настоящими коммунистами в некотором идеализированном смысле. Многие были героями войны. И пострадали они гораздо сильнее, чем диссиденты брежневских лет. Они действовали внутри партийных организаций. Их лозунгом не было: «Долой Сталина!». Они боролись за что-то другое — за изменение всего стиля жизни и работы, сложившегося в сталинские годы. И потому они вступали в конфликт со сталинистами, которые представляли и олицетворяли официальное советское общество. На Западе эту форму оппозиции вообще не заметили. А между тем она была массовой. Без нее был бы невозможен хрущевский «переворот».

Не были инакомыслящими и либералы, появившиеся на арене советской истории в хрущевские годы. Их деятельность вышла за рамки партийных организаций. Но она протекала внутри советских учреждений. Либералы осуществляли на деле десталинизацию советской системы власти и управления, проделали огромную работу по изменению всей моральной, психологической и идеологической атмосферы в стране. Без либералов было бы немыслимо никакое диссидентское (в узком смысле слова) движение в стране. Деятельность либералов тоже протекала в острой борьбе с консерваторами сталинского периода и стоила немалых жертв. На Западе либеральную форму оппозиции тоже проглядели.

В России диссидентами называли не всех, кто по каким-то причинам вступал в конфликт с обществом и властями, а лишь определенную категорию людей такого рода. Так, даже на Западе не причисляют к диссидентам лейтенанта Ильина, совершившего попытку покушения на Брежнева. Да и сами диссиденты возмутились бы, если бы поступок Ильина записали в их актив. Диссиденты хотя и действовали вне советских учреждений, все же стремились действовать в рамках советской законности, используя двусмысленность и

неопределенность советского законодательства. Так, один из основателей диссидентского движения Александр Есенин-Вольпин вышел однажды на улицу с лозунгом: «Соблюдайте советскую конституцию!». За это он был посажен в сумасшедший дом.

Диссидентское движение явилось результатом исключительного стечения обстоятельств в хрущевские годы, главными из которых были растерянность советской системы власти после хрущевского «переворота», слишком далеко зашедшая инерция десталинизации, уничтожение «железного занавеса», неслыханные до этого масштабы сопряжения советского общества с Западом, мощнейшая идеологическая атака Запада на советское общество и поддержка Западом определенного рода оппозиционных явлений в стране.

Не следует думать, будто все советское население с энтузиазмом относилось к диссидентам и поддерживало их, по крайней мере, морально. Диссидентское движение рассматривалось ими как западное явление в советском обществе, питающееся идеями Запада и ориентированное на сенсации в западной прессе. А в таких русских городах как Партград диссидентство вообще не воспринималось как явление русское. Для таких русских людей, встающих на путь конфликта со своим обществом, всякий социальный протест означает потери, жертвы, в конечном счете — гибель. Для них были исключены контакты с западными людьми. Запад вообще игнорировал их существование. Об эмиграции на Запад они и не помышляли.

К началу восьмидесятых годов диссидентское движение исчерпало себя внутренне, так и не пустив никаких корней в умы и души более или менее широких слоев населения. Оно не породило никаких глубоких и захватывающих идей, ограничившись занесением в советскую среду чужеродных ей западных лозунгов насчет прав человека и демократических свобод. Большинство активных диссидентов оказалось на Западе, получив лично для себя и права человека, и демократические свободы, и материальное благополучие.

Но конец диссидентской эпохи не был концом оппозиционных умонастроений в стране. Советское руководство, будучи уверено в том, что с оппозицией покончено раз и навсегда, проглядело стремительный процесс идейного разложения советского общества,

который привел к неслыханному и неожиданному для властей кризису во второй половине восьмидесятых годов. Началась такая открытая и поощряемая сверху оргия саморазоблачения и мазохистского самобичевания, по сравнению с которой диссидентская оппозиция стала выглядеть как невинная забава.

Интеллигенция

Выделить интеллигенцию как особый социальный слой по уровню образования, служебному положению и профессии теперь было бы ошибочно. Теперь многие советские граждане, имеющие высшее образование и занятые интеллектуальным трудом, работают в партийном и государственном аппарате, в милиции, в КГБ, в идеологии, в армии, в промышленности и в сельском хозяйстве. Вместе с тем, большое число образованных граждан, работающих в системе образования, в медицине, в средствах массовой информации и в культуре, никак не отнесешь к категории интеллигентов. Словом «интеллигенция» теперь фактически называют не просто образованных людей, занятых интеллектуальным трудом, но таких, которые размышляют над проблемами социального значения, участвуют в их обсуждении и в какой-то мере высказываются публично. Таким образом, с этим словом связывают также определенную социальную роль граждан как выразителей общественного самосознания.

К началу восьмидесятых годов советская интеллигенция оказалась основательно зараженной антимарксистскими и антикоммунистическими идеями, т.е. идеями западной идеологии. Никто не видел в этом угрозу основам общества, так как даже в КГБ были убеждены в том, что «самые антисоветские разговоры советских интеллектуалов имели здоровую просоветскую основу» (слова из отчета начальника Управления КГБ Партградской области товарища Горбаня). Большинство представителей интеллигенции иронизировало по поводу советской идеологии и всего советского вообще в личных разговорах, в семьях и в дружеских компаниях, но при этом добросовестно выполняло свои обязанности и внешне, официально выглядело вполне ортодоксально. Другая, фрондирующая часть позволяла себе кроме того кое-что в публичных заявлениях.

Не настолько, чтобы можно было сомневаться в их лояльности. Ровно настолько, чтобы их считали не мракобесами, а, наоборот, мужественными борцами против язв советской истории и советского образа жизни.

В брежневские годы в среде интеллигенции сложилась особая категория граждан, которые выглядели исключением на фоне прочей массы их коллег. Им разрешалось быть немножко похожими на западных деятелей культуры. При том условии, конечно, что западные образцы для подражания уже устарели. Им разрешалось критиковать отдельные недостатки советской жизни, особенно такие, которые считались преодоленными. Эти избранные деятели культуры пользовались всеми благами привилегированных слоев советского общества, получали квартиры, дачи, премии, чины и награды. Но они претендовали на еще большее. Поскольку их аппетиты несколько сдерживались, они чувствовали себя обиженными. В уродливых советских условиях они приобретали репутацию талантов, которым жестокие власти не давали возможности развернуться во всю мощь. На Западе им создавали репутацию смелых борцов против «режима». В том же направлении действовали западные журналисты в Москве. А между тем эти исключительные деятели советской культуры являлись такими же слугами советской социальной системы и ее органов власти, как и их прочие коллеги. Все то, что западным мастерам сенсаций казалось результатом личного мужества этих людей, на самом деле делалось с ведома советских властей и под их контролем. Только роль у них была особая. Она состояла в том, чтобы создавать видимость свободы творчества и в более завуалированной форме заниматься той же идеологической работой, что и их коллеги. Они фактически были самым хитрым и лицемерным инструментом советских органов власти в манипулировании умонастроениями людей в стране и на Западе.

Но все же эти люди находились в какой-то оппозиции к «режиму». Пусть в кажущейся, пусть в неглубокой, но в оппозиции. К концу брежневского периода они затаились. Но число их росло. Росли их претензии. С началом перестройки они вдруг в огромном числе вышли на арену истории и стали ударной силой перестройки. Но это было еще впереди. О перестройке еще никто не помышлял.

Виктор Белов, ближайший друг Чернова, родился в 1953 году в семье офицера, в Сибири. В детстве считался вундеркиндом-математиком. Участвовал в математических олимпиадах и получал призы. Школу окончил с золотой медалью. Поступил на механико-математический факультет Московского университета. В аспирантуре не был оставлен потому, что подписал какое-то диссидентское воззвание, даже не прочитав его, — его попросили подписать, а он по доброте душевной и из ложного стыда прослыть трусом не мог отказаться.

После окончания университета Белова распределили на работу в Политехнический институт Партграда. Он собирался «отработать диплом» (т.е. проработать обязательные три года) в Партграде и затем податься куда-нибудь в «теплые края». Партградская трясина, однако, засосала его. Он женился, получил небольшую квартиру в Новых Липках, защитил кандидатскую диссертацию, перешел на работу в Протезный комбинат заведующим отделом, в котором работал Чернов. На этом его научная и служебная карьера застопорилась.

Жена Белова после окончания экономического факультета Партградского университета устроилась на работу в учреждение, связанное со снабжением города предметами потребления. Вскоре Беловы обзавелись полезными знакомствами, благодаря которым они получили возможность приобретать все, что им нужно, без всяких затруднений и по минимальным ценам. Через пару лет Беловы получили новую хорошую квартиру. У них стали регулярно собираться интеллектуалы, склонные поболтать на «остренькие» темы и пожрать за чужой счет. Иногда в гостях у Беловых бывали даже лица из высшего слоя — ректор университета, директор комбината, работники городских и областных учреждений власти, писатели, артисты.

Ко времени знакомства с Черновым Белов уже определил свою идейную позицию. Сам он назвал ее социологическим цинизмом и изложил Чернову в первом же разговоре в такой форме. Идеальным обществом для Белова является такое, в котором есть недостатки, недостатки можно критиковать, за критику ты приобретаешь репутацию мужественного борца про-

тив язв режима, но не подвергаешься гонениям, живешь прилично и даже несколько преуспеваешь, т.е. такое общество, в котором можно хорошо жить за счет борьбы против недостатков его. А так как это доступно лишь для избранных прохвостов, то надо жить так, чтобы тебе не мешали оставаться на достигнутом тобою без особых усилий минимально человеческом уровне, наплевав на всех и на все на свете.

— Люди всегда враждовали друг с другом, — сказал Белов во время первого разговора с Черновым. — Раньше сражались дубинами, мечами, шпагами. Мы сражаемся доносами, липовыми отчетами, обличительными речами, сплетнями, клеветой. А чем речь на собрании хуже шпаги? Речь тоже может быть острой и разящей, как шпага. Д'Артаньянов в этом деле у нас побольше, чем при дворе Людовика Четырнадцатого. Раньше сражались за обладание женщиной, за честь, за корону, за веру. Мы сражаемся за премию к празднику, за надбавку к зарплате, за жилье, за должность. Для нас надбавка к зарплате много важнее, чем какая-то герцогская и даже королевская корона. Париж стоит обедни, сказал Генрих Наваррский. Должность заведующего отделом стоит доноса, мог бы сказать наш Грбовой. У нас тоже есть свои правила борьбы и ритуалы. Есть даже свой кодекс чести. Грбовой, например, гордился тем, что написал на Горева не анонимку, а подписанный донос. Потом, когда угроза его положению миновала, он сам дал Гореву рекомендацию в партию, хотя в доносе обвинял его в политической неблагонадежности. Произошла сцена, аналогичная сцене примирения Д'Артаньяна с Де Рошфором.

— Я предпочел бы сражаться со шпагой в руках за честь женщины, а не с липовым годовым отчетом за копеечную надбавку к зарплате, — сказал Чернов. — Живем один раз и не видим ничего яркого и значительного, о чем пишут романы, слагают стихи, поют песни. Если бы мне предложили вот сейчас взорваться, но так сильно, чтобы видели все и чтобы потом говорили, что это именно я взорвался, я бы не колеблясь пошел на это. Но у нас не допустят до этого.

— Не допустят, — согласился Белов. — Тлеть и гнить разрешат. Но взорваться — это, уважаемый товарищ, есть гнилой буржуазный индивидуализм. Тут вам не Запад, а Партград.

Хотя Чернов и Белов не афишировали свои взгля-

ды, скрыть свое «нутро» от сослуживцев они не могли. Оно так или иначе давало о себе знать. Сослуживцы острили, что в отделе общих проблем моделирования все представляется в черно-белых тонах. Но никаких далеко идущих выводов не делали. Отдел занимался абстрактными проблемами, далекими от политики и идеологии.

Чернов переживал все то, о чем говорил с Беловым, как мировую драму, заставлявшую страдать каждую клеточку его тела и мозга. Белов же относился к этому как к приятному времяпровождению, как к интеллектуальной игре, не обязывавшей ни к чему серьезному и не оставлявшей в душе никакого следа. В одном разговоре он мог развивать одни идеи, а в другом противоположные. Чернова это раздражало. Он обвинял Белова в беспринципности и даже приспособленчестве.

— Ты преувеличиваешь, — отшучивался тот. — Если бы я был приспособленцем, я вступил бы в партию и стал бы лезть выше. Я не беспринципен. У меня нет одеревенелой концепции, а это — другое дело. Я готов выслушать и обдумать любые принципы. Наша жизнь еще не стала настолько определенной, чтобы дать материал для устойчивых принципов.

Когда они узнали друг друга лучше и убедились в том, что могут разговаривать откровенно, не опасаясь доноса, Чернов стал высказывать затаенные мысли.

— Были бы у меня здоровые руки, — сказал он однажды, — я бы первым делом отправил бы на тот свет какого-нибудь высокопоставленного мерзавца.

— Со здоровыми руками ты тем более ничего подобного не сделал бы, — сказал Белов. — Дело тут не в физической способности пойти на покушение и не в технических средствах, а в чем-то другом. Дело, грубо говоря, в перспективах. Не вижу в этом смысла. Я не хуже тебя знаю, что наше общество не рай земной, что живем мы по-свински. А где он, рай земной? Где всем людям хорошо живется? Я все вижу и все понимаю. Но я не созрел для протеста против того, что вижу и понимаю. Поговорить с тобой — на это я готов. Но не больше. Просто во мне не развито что-то такое, что толкает человека на действия. Короче говоря, я не борец.

— Я от тебя этого и не требую. Я лишь прошу тебя подумать. Допустим, в тебе это «что-то такое» есть. Но у тебя нет никакой возможности для легального открытого протеста, нет единомышленников, нет выхода во вне. Ты один. Что ты будешь делать?

— Ну, взорвался бы каким-нибудь нелепым образом. Морду побил кому-нибудь. На собрании бы выступил с заявлением, после которого меня уволили бы с работы, выслали бы куда-нибудь, посадили бы в лагерь или в «психушку». Короче говоря, поступил бы так, как это и делают фактически многие другие. Этим взрывом исчерпалось бы все внутреннее давление. После этого я, как и другие, «успокоился» бы. Может быть раскаялся бы. Может быть пожалел бы о сделанном. Если бы уцелел, постарался бы наладить жизнь более или менее терпимо. Да что я тебе говорю?! Ты сам все это не раз наблюдал своими глазами.

— Ага! Все-таки индивидуальный бунт. Индивидуальный бунт, не рассчитанный на поддержку со стороны других и на успех. Лишь невозможность сдерживать внутреннее напряжение и желание высказаться и очистить душу. Это самая примитивная форма восстания — стихийный бунт одиночки в какой-то случайно сложившейся ситуации. Ты сам признаешь, что таких случаев много.

— Да, они суть обычное дело в нашей жизни. Большинство таких вспышек настолько незначительны, что на них не обращают внимания. Некоторые заметны, но и они не нарушают общего спокойствия. С ними легко справляются местными силами. Случаются из ряда вон выходящие вспышки. Их подавляют общими силами сослуживцы, соученики, коллеги, друзья и власти.

— Но как бы то ни было, эти вспышки не случайны. Они были, есть и будут. А что, если для них выработать какую-то общую теорию, объясняющую и оправдывающую их, и программу?! Что-нибудь вроде манифеста бунтарей. Если такой манифест широко распространить, можно сделать эти бунты более частыми и более целесообразными. Бунтари будут знать, что они не одиноки. Это подкрепит их бунтарские порывы. А если ко всему этому добавить практические образцы яркого и сильного бунта, в нашем стоячем болоте может начаться кипение и бурление. И тогда на этой основе наши преемники могут сделать новый шаг вперед. Они, конечно, осудят методы индивидуального бунта как неэффективные и, возможно, как аморальные. Это — их дело, а не наше. Но если они появятся и будут в состоянии осудить нас, наша роль будет уже одним этим оправдана.

— Теорию и программу мы можем выдумать. Это не

проблема. По части болтовни мы мастера. Но ведь индивидуальный бунт есть явление иррациональное, а ты хочешь его рационализировать. Создав теорию и программу для бунтарей, ты тем самым убьешь эту форму протеста как таковую. Сам факт создания теории и программы есть отказ от индивидуального бунтарства и переход к чему-то другому. И о каких ярких образцах бунта ты говоришь?! Что яркое вообще возможно в нашей трясине?!

— Попытки такого рода уже были. Например, в Москве какой-то человек пытался взорвать Мавзолей. Лейтенант Ильин пытался убить Брежнева.

— Это в Москве, а не у нас. Что ты можешь взорвать у нас? Памятник Ленину? Он из гранитного монолита. Чтобы его взорвать, надо тонну динамита достать и подкоп лет десять делать. Бюст Портянкина взорвать? Так этим даже голубей и воробьев не удивишь. А кого можно пристрелить у нас? Сусликова? Маоцзедуньку?

— Маоцзедунька олицетворяет нашу власть.

— Не олицетворяет, а омордотворяет. Покушение на нее — материал для анекдотов.

— Ты думаешь, Римский Папа или президент США лучше?

— Хуже. Но это не наши заботы. А если ты хочешь Маоцзедуньку «шлепнуть», найми уголовников из «Атома», они тебе ее за пол-литра водки кирпичом пришибут. Какая разница — убьешь ее ты сам или используешь убийство, совершенное другими, дав ему свое имя и смысл?!

— Ты опошляешь проблему.

— Я ее лишь проясняю.

Горев

В комбинате работал Андрей Горев, безногий инвалид от рождения, прозванный Роботом за то, что передвигался на изобретенных и изготовленных им самим протезах наподобие роботов первого поколения. Горев родился на год раньше Юрия в том же родительском доме в «Атоме». Родители отказались его взять, и он вырос в интернате для детей такого же рода, как он сам, и учился в школе при интернате. После института стал работать инженером-конструктором и испытателем ножных протезов в Протезном комбинате.

Судьба Горева была во многом сходна с судьбой Чернова. Может быть отчасти поэтому Чернов избегал сближаться с Горевым, дабы не добавлять еще дозу горечи к и без того несладкой жизни. В комбинате неофициально Горев был признан выдающимся конструктором и изобретателем. Но лишь неофициально. Начальство комбината и коллеги Горева сделали, однако, все от них зависящее, чтобы талант Горева не получил официального признания и чтобы Горев не вырвался в значительные личности. Дальше заведования маленькой группкой его не пустили. Серийное производство изобретенных им ножных протезов сорвали. Опять-таки неофициально их признали лучшими из всего того, что существовало в мире, но в производство пустили американский образец. Вскоре выяснилось, что с советской технологией американские протезы нам не по силам, и производство их прекратилось. О горевских протезах, однако не вспомнил никто.

Горев в одиночку вел свое сражение за то, чтобы выглядеть нормальным человеком. Пьяницы комбината (а тут почти все были пьяницами) неутомимо пытались спойть его. Но Горев оставался единственным, наряду с Черновым, кто оставался трезвенником. У Горева была своя теория компенсации физического уродства. Один из ее принципов гласил: никаких общечеловеческих пороков! Если ты физический урод, ты должен быть совершенством в моральном отношении.

Чернов и Горев

Чернов и Горев часто встречались в комбинате, обычно в столовой во время обеденного перерыва. Иногда Чернов сопровождал Горева после работы до центра города — Горев с целью тренировок иногда преодолевал на протезах большие (для него) расстояния. В разговорах с ним Чернов развивал свою теорию уродств.

— Мы с тобой были лишь первыми ласточками процесса вырождения нашего народа, — говорил Чернов. — Известно ли тебе, что у нас ежегодно рождается 120 тысяч детей с тяжелыми психическими и физическими отклонениями? В стране около миллиона детей дошкольного возраста и больше миллиона школьников

— глухие и слепые от рождения. Более 5 миллионов человек состоят на учете в психлечебницах. А в каком состоянии находятся так называемые здоровые?! Конечно, можно ужаснуться этому. Призвать к борьбе против этого. Но это морализаторская точка зрения, а не практическая. Практический же подход заставляет признать как факт, что если дело так пойдет еще несколько десятилетий, то большинство людей будет уродами. С уродством придется считаться как с неким социально нормальным явлением и принимать его в расчет в решении всех социальных проблем. А это означает, что надо создавать особую науку об уродствах, — уродологию.

Чернов импровизировал, отчасти шутя, отчасти бравируя своим несчастьем, отчасти жалуясь, отчасти наслаждаясь игрой интеллекта. Но Горев в шутливой форме построений Чернова угадывал нечто очень важное. Он не раз предлагал Чернову сделать доклад в комбинате на эту тему. Но Чернов отшучивался: если бы он был некто Блэк или Шварц, то ему памятник во дворе комбината поставили бы, а так как он всего лишь Чернов, то его подымут насмех и отыщут какого-нибудь Блэка или Шварца на Западе, который якобы давно все это открыл. Сам Горев испытал достаточно огорчений со своими протезами и оставил надежды реализовать свое изобретение под своим именем. Так зачем же он советует Чернову пережить нечто аналогичное?!

Имея сходную судьбу, Чернов и Горев были ярко выраженными противоположностями. Горев слыл и был на самом деле морально безупречным человеком, добрым и отзывчивым собеседником, надежным другом. Хотя был трезвенником, охотно проводил время в пьяных компаниях. Был щедр. Часто ссужал пьяниц деньгами на выпивку и давал в долг без расчета на то, что долг будет возвращен. Люди самого различного положения и возраста тянулись к нему. В нем ощущалось нечто стабильное и успокаивающее. Чернова же, наоборот, знакомые сторонились. В нем они ощущали нечто раздражающее и неустойчивое. Горев был добр и отзывчив. Чернов казался холодным и равнодушным к людям. В Гореве чувствовались искусственно заниженные амбиции, а в Чернове же, наоборот, чрезмерно преувеличенные, хотя Чернов никогда и ни в чем не обнаружил их. Именно пренебрежение Чернова к «мелочам» жизни комбината и окружающих его людей

воспринималось ими как высокомерие и самомнение. Недочеловек с претензиями сверхчеловека — таким Чернов казался его друзьям, знакомым и сослуживцам. Чернов знал, каким видят его эти люди, и со своей стороны «подыгрывал» им, выработав манеру внешнего поведения английского лорда прошлого века или римского патриция.

Группа Горева

Вокруг Горева образовалась небольшая дружеская группа. В нее входили соседи Горева по дому и их друзья. Это — сосед по квартире Николай. Он недавно демобилизовался из армии, за что его все звали Солдатом, работал простым рабочим на заводе, одновременно занимался в вечернем техническом институте. Его друг по работе Антон, прозванный Остряком за склонность к шутловству. Он одновременно с работой учился в заочном юридическом институте. Настя, девушка, с которой дружил Солдат и в которую был безнадежно влюблен Горев. Школьный друг Солдата, прозванный Фюрером за склонность к руководящей деятельности. Он заканчивал технический институт, но мечтал об аспирантуре в Москве, в каком-нибудь привилегированном институте. У его отца там большие связи. Сосед по дому Сергей Григорьев, самый близкий друг Горева. Он слепой от рождения. Преподает математику в каком-то институте. Владеет немецким, английским и французским языками. Читает ему книги на этих языках молодая женщина Катя, учительница английского языка в школе.

Они часто собирались вместе. Отмечали праздники. Ходили в туристические походы. Собирались обычно у Фюрера или у Слепого по той простой причине, что у них были отдельные квартиры. Факт этот банальный, но важный. Нужны некоторые минимальные бытовые условия, чтобы оппозиционные умонастроения стали как-то суммироваться, в том числе — место, где можно собираться и сравнительно безопасно говорить на острые темы.

Члены кружка Горева нельзя было назвать единомышленниками. Скорее наоборот, как сказал Остряк, это была группа разномышленников. Их объединяла общая тематика споров и разногласий. Если Горев и Григорьев, например, настаивали на том, что советс-

кое общество есть вполне естественное социальное образование, что надо серьезно изучить его, прежде чем выдвигать программы преобразований, то Солдат и Остряк кидались в другую крайность. Они заявляли, что людям наплевать на всякие там объективные закономерности. Советское общество насквозь прогнило. Условия жизни ухудшаются. Процветает взяточничество, пьянство, халтура, воровство. Начальство сплошь хамы и жулики. Думают лишь о том, чтобы себе побольше нахапать. Всем наплевать на все, кроме себя. Что же, мы должны все это терпеть, поскольку есть какие-то неустрашимые причины для этого? Да пропади они пропадом, эти причины! Хватит болтать! Надо действовать!

По вопросу о том, как действовать, группа тоже раскалывалась на непримиримые «партии». Партия Солдата склонялась к анархизму. Суть его позиции выражалась формулой: «Надо дать Им вморду!». Кому «Им»? Хотя бы Сусликову. Или той же стерве Маоцзедуньке. Вообще, всем власть имущим и богачам.

— Для меня, — говорил Солдат, — любая власть есть враг, любые привилегированные слои населения суть враги. Я не смотрю на них с некоей человеческой точки зрения. И не различаю среди них злых и добрых, плохих и хороших, глупых и умных. Для меня все они — коллективный эксплуататор и коллективный угнетатель.

— Но без власти и без распада населения на различные слои с различными условиями жизни общество не может существовать, — возражал Фюрер. — Если уничтожить власть и...

— А я разве говорю, что ее можно уничтожить? Уничтожишь одних, появятся другие. От этого никуда не денешься. Но из этого не следует, что я должен любить власть и относиться к ней с почтением. Я утверждаю лишь то, что люди, оказавшиеся в таком положении, как мы, вынуждаются на враждебное отношение к власти.

— Ты перегибаешь палку, — говорил Горев. — Наша власть настолько обширна, что провести грань между властью и подвластными невозможно. Вот я, например, заведу группой. Власть я или нет? И насчет привилегий не так-то просто. Я как начальник получаю у нас в буфете пакетики с дефицитными продуктами. Отношусь я к привилегированным лицам города?

— А что в этих пакетиках? Кусок колбасы и сыра? Это же мелочь!

— Это не мелочь, а фундаментальный факт нашей жизни. Теперь никто не верит в марксистские сказки насчет райского коммунизма. Мы имеем достаточно здравого смысла, чтобы видеть усиление и укрепление социального и экономического неравенства. Но мы имеем также достаточно здравого смысла, чтобы считать это само собой разумеющимся и неотвратимым. Я как заведующий группой получаю немногим больше моих подчиненных. Но все-таки больше. И я счел бы несправедливым, если бы меня лишили этой жалкой надбавки к зарплате. Заведующий отделом получает еще больше, и все это считают справедливым. На такой справедливой основе вырастает колоссальное неравенство в материальном положении людей. Это — закон природы, а не злой умысел каких-то негодяев.

— Наш народ долго не удержит на такой ненадежной узде, как здравый смысл, — говорил Остряк. — Помяните мое слово, он взорвется. Русские терпят-терпят, а потом устраивают разинщину, пугачевщину или кое-что пострашнее...

— Социалистическую революцию, например, — добавлял Солдат и Гражданскую войну. Будет кое-что похуже. Всеобщий бунт. Все разрушат, как это того и заслуживает.

— Ты думаешь, лучше будет? — спрашивал Горев.

— Пусть хуже! Приходит время все ломать. А ломать — так уж по-русски, до основания.

— И кто от этого выгадает?! Надо на все посмотреть с более высокой перспективы. Вы можете обвинять меня в чем угодно. Можете считать, что я говорю как пропагандист райкома партии. Согласен, наша пропаганда работает плохо. Но не все в ней вздор. Сейчас модно отождествлять наш строй с гитлеровским. Это — идеологическая ложь, только западная. Гитлеризм похож на коммунизм, но это — антикоммунизм. Это — явление западное. Запад хотел руками немцев разрушить Россию. Не удалось. Теперь Запад пытается сделать то же самое под видом борьбы за демократию, права человека, гуманизм и т.п. Идет война двух миров. На чьей мы стороне — вот что важно.

— Так что же, защищать нашу мерзость на этом основании?!...

— Надо обдумать, что делать, чтобы не оказаться в лагере врагов нашей страны.

По поводу какой-то очередной речи маразматика Брежнева в «Партградской правде» напечатали статью Маоцзедуньки на целую страницу. В комбинате устроили открытое партийное собрание, на которое загнали и всех беспартийных. Чернов сидел в самом последнем ряду, где обычно усаживались самые молодые сотрудники. Они рассказывали анекдоты о Брежневе, издевались над его речью и над статьей Маоцзедуньки.

— Как эта зажравшаяся дура смогла сочинить такой длинный текст? Она же пары слов связать не может!

— А кто тебе сказал, что она сама писала? Я сомневаюсь, что она прочитала «свою» статью.

— Я бы на ее месте тоже такое дерьмо читать не стал.

— Я произвел любопытные подсчеты. Слово «гениальный» в статье в применении к Марксу употреблено один раз, к Ленину — два, а к Брежневу — пятнадцать. Каково?!

— Говорят, Сусликова забирают в Москву, в ЦК, а на его место посадят это чудовище Маоцзедуньку. Неужели там никого получше нет?

— Что ты! Она и есть самая лучшая кандидатура. А после этой сверххолуйской статьи Брежнев просто прикажет сделать ее «хозяйкой области».

Чернов слушал, о чем шептали эти молодые люди, и дивился тому, как могли о своих руководителях говорить такое комсомольские активисты и члены партии. Вот один из них, комсорг их отдела, вышел на трибуну и произнес вполне холуйскую по отношению к Брежневу речь. В конце он сделал комплимент Маоцзедуньке за ее «очень четкую и верную» позицию в оценке речи Брежнева. Сделал он это, очевидно, на всякий случай: это его замечание где-то зафиксируют, и если Маоцзедунька станет «хозяйкой области», и ей донесут о его мнении о ней, ему, комсоргу, от этого может польза выйти. Когда оратор вернулся на свое место в заднем ряду, его никто не упрекнул за его холуйскую речь. А он со спокойной совестью принял участие в продолжавшемся злословии по адресу Брежнева и Маоцзедуньки.

После этого собрания Чернов начал собирать досье на Маоцзедуньку. Завел папку, на которой написал

«Дело Елкиной Евдокии Тимофеевны». Статья о Брежневe стала первым документом в «Деле». У него зародилась пока еще смутная идея избрать именно Елкину объектом покушения. Но предварительно он должен подготовить обвинительный документ, прежде чем вынести приговор и привести его в исполнение.

Интеллигенция

После встречи Портянкина, о которой говорилось выше, на квартире у Белова собралась небольшая компания. Помимо уже известных читателю Чернова, Малова и Горева, пришли доцент филологического факультета университета Петров с женой, сотрудник журнала «Россия» Сидоров с приятельницей (с женой он разошелся), писатель Смирнов, сотрудница общества «Знание» Федорова, инженер секретного (номерного) завода Ложкин. Почему компания собралась именно в таком составе, вряд ли возможно объяснить достаточно убедительно. Горев дружил с Черновым и Беловым, жил неподалеку от Белова, его Белов пригласил, позвонив ему по телефону. Федорова жила в одном доме с Беловым. Ложкин сожительствовал с Федоровой. Жена Петрова была приятельницей жены Белова. Смирнов писал очерк о комбинате и не раз встречался с Беловым, Черновым и Горевым. Малов был у Беловых, можно сказать, своим человеком. Он был знаком с Юрием, часто бывал в пьяных сборищах во дворе дома, где жил Горев, и был хорошо знаком также и с ним. Кроме того, он бесплатно наблюдал дочь Белова и давал иногда консультации его жене. А то, что они собрались именно сейчас, было делом случая.

Коротко о том, что из себя представляют эти люди. Смирнов один из многих тысяч заурядных и мало кому известных писателей. Напечатал несколько рассказов о вымышленном героизме Брежнева во время войны. Издал их отдельной книжечкой. Приобрел местную известность очерками о партградских достопримечательностях. Пьяница. Бабник. Циник. Мастер рассказывать антисоветские анекдоты и имитировать Брежнева. Доцент Петров — совершенно бездарный преподаватель. Партийный активист. Секретарь партбюро Факультета. Был инициатором ряда кампаний по травле мнимых диссидентов. Скоро станет профессором. Сидоров «проталкивает» в своем журнале всякую

дребедень, устраивает хвалебные рецензии на бездарные книги, сам холуйствует перед ведущими писателями, опубликовал несколько бесцветных литературно-критических статей и стал за это членом Союза писателей. Федорова читает удручающе серые и скучные лекции от своего общества, зарабатывает большие деньги и дает возможность подработать знакомым, меняет любовников чуть ли не каждый месяц.

При всем при том многие из такого рода интеллектуалов воображают себя критиками и жертвами режима. Где-то и как-то в своих сочинениях и выступлениях они показывают кукиш в кармане. Им кажется, что они — мужественные борцы против язв советского общества. В отличие от диссидентов они якобы не лезут на рожон, якобы действуют разумно и думают о будущем. Они чувствуют себя жертвами, поскольку то, что им удастся урвать от общества, не соответствует их мнению о себе и их аппетитам. Недавно в комбинате появился новый сотрудник Сергей Миронов. Он назвал эту категорию интеллектуалов якобы расстрелянными. Они хотят иметь все блага общества и ничем не рисковать, но слыть при этом отважными борцами за прогресс, против несправедливостей, против тирании и т.п. Эти люди органически чужды Чернову. Но где взять других?

Сначала болтали о всяких пустяках, острили, рассказывали анекдоты и смешные служебные истории.

— У нас, — сказал Ложкин, — решили наладить производство труб для газопровода и утереть нос ФРГ, откуда эти трубы до сих пор ввозились. Все до мельчайших деталей скопировали у немцев. Но трубы все равно лопаются. Ни одна не уцелевает. В чем дело?

— В том, что эти трубы стали делать не для газа, а для того, чтобы нос утирать, — сказал Горев. — У нас с той же целью скопировали немецкие инвалидные коляски. Тоже ломаются сразу же. Но их по крайней мере можно разобрать на части и продавать на черном рынке.

— Меня такие истории не удивляют, — сказал Смирнов. — Мы на самом деле не живем, а лишь имитируем жизнь. Все наше общество есть имитация цивилизации. Имитация труб для газопровода. Имитация инвалидных колясок. Имитация литературы. Имитация вина. Имитация государственных мужей. И мы с вами лишь имитируем сделанное и сказанное другими.

— Не могу согласиться, — сказала Федорова. — Мы делаем много оригинального. Только мы не умеем использовать это как следует и убедить других в нашей оригинальности. Наш социальный строй не есть имитация других.

— И «гулаг» тоже.

— Это прошлое.

— Не тоскуй, оно еще возвратится.

— Видали, какая охрана у Портянкина, — перевел разговор на другую тему Белов. — У президента США нет такой. А ведь должно было бы быть наоборот покушения на президента суть обычное дело, а на наших руководителей никто не покушается. От них даже мух отгоняют.

— Охрана у нас имеет скорее престижное значение, чем охранное, сказала Федорова.

— Я бы не сказал этого, — возразил Смирнов. — Если охрану ослабить, сразу начнутся покушения и на наших вождей. Психов и у нас хватает. Вспомните лейтенанта Ильина!

— Но он же в космонавта стрелял, — сказала приятельница Сидорова.

— Он хотел стрелять в Брежнева, — сказал Ложкин. — По его сведениям это должна была быть машина Брежнева. Но брежневская машина в последний момент изменила маршрут и въехала в Кремль в другие ворота.

— Откуда у Ильина были сведения о порядке следования машин?

— Почему Брежнев поехал в другие ворота?

— Как Ильин попал в Кремль, да еще близко от того места, где должен был вылезать из машины Брежнев?

— Странно, что не было покушения на Хрущева, — сказала жена Белова. — А ведь он шлялся по белу свету почти без охраны. И попасть в него из пистолета было легко, он же такой толстый был.

— Он хотя и толстый был, зато подвижный, — сказала Федорова. — Он все время суетился, менял положение в пространстве.

— А на Брежнева было на самом деле два покушения, — сказал Ложкин. — Об одном вы знаете. Оно было скорее неудачной проделкой самого Брежнева и КГБ. Так что его и за покушение-то считать не стоит. Но вот второе было настоящее, причем — особенное. Рассказать?

— Если уж начали врать, так пойдем до конца! Давай!

— Сколько в нашем столетии было покушений, которые считались покушениями века! Но совершалось новое покушение, и прежние «покушения века» теряли свой статус. А почему? Да потому что все они были с изъяном, в них всегда чего-то не хватало. Убийство эрцгерцога Фердинанда имело последствием первую мировую войну, зато личность убитого была ничтожной. В случае покушения на Ленина личность была огромной, зато последствий никаких. Убийство Кеннеди. И личность не очень большого масштаба, и последствия ничтожные. Короче говоря, все покушения, имевшие место в прошлом, можно квалифицировать от силы как покушения года, месяца или недели, но никак не века. К тому же все они не внесли ничего принципиально нового как в теорию, так и в практику покушений. Но все же в наше время имело место одно покушение, которое по всем параметрам могло бы считаться не только покушением века, но даже тысячелетия. Могло бы, если бы стало широко известно и если бы в мире существовала справедливая оценка масштабности событий. Оно связано с именем Брежнева. Этому эпохальному ничтожеству, вообразившему себя самой значительной личностью на планете, захотелось в своей биографии иметь свое «покушение века». У Ленина было покушение. В американских президентов стреляют. А чем он хуже их?! Орденов у него побольше, чем у всех у них вместе взятых. Пора и ему стать объектом мировой сенсации. Но так, чтобы безопасно для жизни. Чтобы мир содрогнулся от ужаса, чтобы это стало покушением тысячелетия. Но чтобы даже волос не пал с его головы.

Задумались брежневские холуи над этой эпохальной проблемой. И нашли таки гениальное решение: организовать покушение, но так, как будто бы никакого покушения и не было совсем. И с этого момента началась новая эпоха в истории покушений: они превратились в оздоровительные меры, имеющие целью продление жизни личностей, предназначенных для покушений. Особенность этого покушения тысячелетия состояла в том, что оно было покушением не на жизнь, а на смерть исторической личности. Любой ценой сохранить и продлить жизнь объекту покушения, наказать его не смертью, а жизнью, чтобы он стал всеобщим

посмешищем, — что может сравниться с такой карой?!

После рассказа Ложкина опять началась оргия зловония по адресу Брежнева. Кто-то сказал, что после смерти Брежнева с него сдерут шкуру и набьют ее опилками, и это чучело будет продолжать управлять страной, причем — лучше, чем живой Брежнев.

— А может быть это хорошо, что у нас такие чучела выбираются на вершины власти, — сказала Федорова, когда запас шуток иссяк. — Если к власти придет молодой и не в меру инициативный руководитель, нам тогда совсем житья не будет.

— Это маловероятно, — сказал Петров. — Если они там наверху проглядят такого ловкача и допустят его до власти, они же первыми станут его жертвами. Они же понимают это.

— Понимают, — сказал Белов. — Да не все в их власти. Сталина ведь тоже не хотели допустить, а он все-таки всех обвел вокруг пальца.

— Вот умрет Брежнев, придет со временем к власти новый сталинообразный вождь, и люди будут вспоминать брежневские годы как золотой век нашей истории.

— Пусть будет хуже, лишь бы этот «золотой век» проходил быстрее, сказал Ложкин.

Дело

На городском совещании под каким-то мудреным названием, но фактически посвященном борьбе с диссидентами от обкома партии присутствовала Маоцзедунька. Когда в обкоме решали, кого послать на это совещание, секретарь по идеологии, видевший в Маоцзедуньке конкурента на пост первого секретаря, сказал, что Елкина, насколько ему известно, является крупным специалистом по свиньям, а не по вопросам идеологии. Петр Степанович Сусликов соизволил по сему поводу слегка пошутить, сказав, что не видит большой разницы между диссидентами и теми существами, специалистом по которым является Евдокия Тимофеевна. На совещании Маоцзедунька выступила с речью, смысл которой свелся к следующему: все диссиденты суть наймиты ЦРУ, давить их, гадов, надо! Речь напечатали в «Партградской правде» с фотографией Маоцзедуньки на трибуне, с поднятой рукой и с широко развострой пастью. Чернов прикрепил фото-

графию на стену и целый вечер плевал в нее пережеванными кусочками бумаги. В конце концов он научился с расстояния в три метра попадать точно в центр физиономии Маоцзедуньки. Как все было бы упрощено, если бы он мог выплевывать гранату метров на десять хотя бы!

Отпуск Чернов решил посвятить своему «Делу». Он поехал в Красноармейский район, где он родился и вырос и где Маоцзедунька начала свою блистательную карьеру. Переговорил с десятками людей, знавших ее, и записал их показания. Под видом писателя, собирающего комсомола и партии, где ему позволили заглянуть в архивные документы. У него стала вырисовываться более или менее ясная картина жизнедеятельности Маоцзедуньки.

Маоцзедунька

Природа не наделила Дуньку Елкину никакими не то что выдающимися, но даже средними интеллектуальными и творческими способностями. Зато она наделила ее смазливой физиономией и выдающимися женскими формами, которые развились у нее уже к четырнадцати годам и сводили с ума всех окрестных ребят и мужиков. Завистливые подружки говорили ей, что с такой мордашкой и такой задницей, как у нее, о будущем беспокоиться нечего. Большим человеком стать может, если сумеет как следует распорядиться таким богатством. Помимо качеств партградской Мерилин Монро, Дунька рано обнаружила способность напропалую врать, изворачиваться, вылезать сухой из воды и «облаивать» всякого, кто пытался в чем-то ее уличить или упрекнуть. Родители иногда слегка поругивали ее за это, но в глубине души гордились ею и радовались тому, что «эта стерва» за себя постоять сумеет и свое в жизни не упустит.

Дунька с грехом пополам окончила семь классов деревенской школы и собиралась на этом прекратить дальнейшее образование, намереваясь «окрутить» какого-нибудь «офицеришку» из воинских частей, в изобилии разбросанных по области. Но родители решили во что бы то ни стало вывести ее в люди. Отец зарезал поросенка, присоединил к нему бутылку самогона и отвез Дуньку в Красноармейск, в сельскохозяйственный

техникум. Поросенок и самогон произвели должное впечатление на директора техникума, и он зачислил Дуньку в студенты, игнорируя школьное свидетельство о более чем скромных ее успехах в учебе.

История не сохранила никаких свидетельств о первой, чистой, девической любви Дуньки. Да и сама она во время приступов пьяной откровенности признавалась, что никакой такой первой любви у нее вообще не было, и что разговоры о некоей чистой любви суть старушечьи сказки. Был у нее, конечно, первый мужик. Но она толком не помнит, как все это случилось. Случилось, и все тут. Потом были другие. Были молодые, сопливые. Были и взрослые. Во всяком случае, в техникуме она уже считалась среди девчонок авторитетом по любовным делам. Училась в техникуме она не лучше, чем в школе. Но отметки ей ставили хорошие. Соученики злословили по ее адресу, что она хорошие отметки зарабатывала не головой, а местом ей противоположным. В пятнадцать лет она вступила в комсомол и стала проявлять активность. Научилась болтать на собраниях в том духе, как это требовалось, обличать, кого следовало, лебезить перед начальством и вообще перед всеми, кто мог быть полезен, делать открытые и тайные доносы. Ее считали стукачом, а она даже не утруждала себя опровержением слухов.

Уже в техникуме у Дуньки зародились тщеславные мечты. Родись она в США, жаловалась она подружкам, она стала бы звездой в Голливуде. А тут она вынуждена прозябать в каком-то паршивом техникуме, изучая коров, свиней, овец и прочую скотину. Но она свое еще возьмет! Она еще вырвется на районный уровень, а то и на областной!

После техникума Дуньку направили в лучший в области совхоз, расположенный поблизости от Партграда. Чтобы добиться такого распределения, ей пришлось «переспать» по крайней мере с десятком лиц, от которых зависело это. В совхозе она проявила полное равнодушие к профессиональным обязанностям и с головой окунулась в амурные делишки и комсомольскую работу. Ее выбрали секретарем комсомольской организации, лишь бы она не совала нос в коровники, свинарники, конюшни. В течение пары месяцев она соблазнила директора совхоза, который был старше ее на пятнадцать лет. Директор бросил из-за нее старую жену с двумя детьми и женился на Дуньке. Скан-

дал замаяли благодаря помощи секретаря райкома партии, который был приятелем директора и стал теперь частенько появляться в совхозе. С какой целью — это было ясно даже курицам.

В совхозе Дунька вступила в партию, получила первую медаль и первый орден за выдающиеся трудовые успехи. Когда она появлялась на людях с наградами, люди между собою язвили, что награды Дуньке следовало бы повесить на том месте, каким она их заработала. Вслух об этом говорить побаивались, так как Дуньки «рука в верхах», и за такие разговорчики могли запросто влечь срок как за антисоветскую агитацию и клеветнические измышления.

В 1963 году Дуньку избрали секретарем райкома комсомола, секретарь райкома партии хотел иметь ее поближе к себе. Ее муж к этому времени спился, не выдержав ее любовных приключений, запутался в каких-то махинациях и угодил в тюрьму. Хотя женихов было более чем достаточно, Дунька вновь выходить замуж не торопилась. Она решила посвятить себя делу служения комсомолу и партии. Через год она перешла на работу в райком партии, сначала — инструктором, затем — заведующим отделом. Когда ее покровитель поднялся в обком партии, Дунька заняла его место. На посту секретаря райкома партии она «протрубила» шесть лет, заработала еще орден и несколько медалей и стала известной фигурой в области.

В этот период Маоцзедунька сформировалась как способный партийный руководитель, можно сказать — как народный вождь. Она окончила заочную партийную школу, не удосужившись прочитать ни одной марксистской книги. На сей раз она использовала не свои природные данные, от которых осталось лишь одно воспоминание, а свое положение «хозяйки» района, снабжая работников школы продуктами подвластного ей района. Ее руководящим принципом был такой: «Сам живи и давай жить другим». И надо признать, что годы, когда она была «хозяйкой» района, как рядовые граждане района, так и руководящие лица вспоминали как «золотой век» местной истории. Она наладила дело так, что и государственные планы и поставки выполнялись и перевыполнялись, и людям кое-что перепало. Она не просто брала, а хапала взятки. Но и сама не скупилась. Ее район фактически превратился в даровую продовольственную ферму для партградского ру-

ководства и место, где оно обзаводилось почти даровыми дачами. Разумеется, и она имела для себя от этого немало.

За эти годы Маоцзедунька удвоилась в весе и превратилась в вульгарную, самоуверенную бабищу, в которой невозможно было узнать былую Мерилин Монро района. Но теперь ей былые прелести уже были без надобности. Они сыграли свою роль, уступив место другим не менее ценным качествам. Став уверенно на путь партийной карьеры и развернув во всю мощь свои способности деляги, хапуги и махинатора, она познакомилась с человеком, который подошел ей по всем статьям. Это был работник торговой сети, считавшийся одним из самых богатых и влиятельных дельцов в Партграде. Они поженились и объединили усилия. Жить друг другу они не мешали. Постепенно Дунька прибрала его к рукам и превратила в своего слугу и подручного.

В 1976 году начался подъем Маоцзедуньку на высоты власти на областном уровне. Используя репутацию и связи, приобретенные за годы работы в районе, Маоцзедунька перебралась в сам Партград, сменила ряд должностей и закрепилась в конце концов в обкоме партии на должности заведующей сельскохозяйственным отделом. Именно в это время московские интеллигенты, работавшие в колхозах области во время уборки урожая, прозвали ее Маоцзедунькой. Она об этом прозвище знала и гордилась им.

В отличие от прочих руководителей области, Маоцзедунька была яркой личностью. Она играла роль клоуна вроде той, какую при Сталине играл Хрущев. Одновременно она высказывала такие суждения, за которые другой немедленно полетел бы со своего поста. А у нее это сходило за чудачества и непосредственность. Над ней подшучивали, но беззлобно. Ее даже любили, — она была своя. Она тут выросла, тут сделала головокружительную по местным масштабам карьеру. На то, что под ее руководством сельское хозяйство области пришло в еще более жалкое состояние, чем раньше, никто не обращал внимания: оно и без нее пришло бы в это состояние, а то и еще похуже. Она часто появлялась среди крестьян и рабочих. Была не прочь выпить и поболтать на любые темы, по ее словам — «не как партийный руководитель, а как человек с человеком». За это ее особенно любили: болтать не работать. Она ко

всем, включая женщин, обращалась «мужики». Ни при каких обстоятельствах не теряла оптимизма и уверенности. Во всех трудных ситуациях она говорила: «А ну, мужики, нажмем! Преодолеем! Нам не привыкать! И не такое видали!».

Все знали, что она «не забывала» себя, родственников и друзей. Ее дом и дача были битком набиты ценными и дефицитными вещами. Ей это прощали — кто в наше время не использует свое положение в корыстных интересах?! Все знали также о том, что она была отъявленная конъюнктурщица. И это прощали ей — кто в партградском начальстве не был таков?!

Миронов

Сергей Миронов поступил на работу в Протезный комбинат почти одновременно с Черновым. Его прозвали Социолухом, поскольку по профессии был социологом, а в комбинате занимался делами, которые всеми сотрудниками комбината считались чепухой. До Партграда он жил, учился и пару лет работал в Новосибирске, где его отец заведовал секретной лабораторией. Отца назначили директором «Атома», и Миронов перебрался с родителями в Партград. Отец устроил ему двухкомнатную квартиру и обеспечивал всем необходимым для благополучной жизни. Как холостяк с отдельной квартирой и с деньгами, красивый и здоровый парень, интересный собеседник и легкий в обращении человек Миронов имел успех у женщин и считался первым бабником в комбинате, но жениться и обзаводиться детьми не спешил. Чернов сразу почувствовал в Миронове собеседника равного интеллектуального уровня, сдружился с ним, стал часто бывать у него дома.

— Я не разделяю ни лозунгов, ни форм поведения диссидентов, — сказал Социолух в первую же встречу с Черновым. — Они поддерживаются с Запада и работают фактически на Запад. Думаешь, случайно там превозносят их, создают им паблисити?

— А почему ты не допускаешь, что они искренне выражают протест против мерзостей нашей жизни и хотят улучшений ее? — спросил Чернов.

— Я не отвергаю такую возможность. Но это не опровергает мое утверждение. Важно не то, что они такое субъективно, а то, кому и чему они служат объ-

ективно. Идет война между Западом и советским блоком. Хотя эта война и является «холодной», она ведется по законам большой войны. Запад ведет идеологическую атаку на нас. И диссиденты осуществляют ее практически. Это — пятая колонна Запада в нашей стране.

— Значит, расправа с ними справедлива?

— При чем тут справедливость? Как поступают с теми, кто в войне действует в пользу врага?

— Это позиция властей и КГБ.

— Наши власти и КГБ должны защищать интересы страны. А как же иначе? Ты хочешь, чтобы диссидентам предоставили у нас свободу действий и прославили? Тогда они в течение нескольких лет развалят страну. Я думаю, что наши власти слишком вяло и непоследовательно борются с западной пропагандой. И это будет одной из причин того, что мы «холодную» войну проиграем.

— Ты призываешь сотрудничать с властями?

— Ни в коем случае! Я объективно анализирую ситуацию и стараюсь предвидеть будущее.

— Что ты предлагаешь сам?

— Прежде чем выдвигать какую-то программу преобразования общества, надо изучить научно, что из себя это общество представляет, каковы объективные тенденции его эволюции и какова ситуация в мире. В наше время ошибочно рассматривать внутренние проблемы изолированно от положения страны в мире. Надо создавать свою, отечественную оппозицию, выражающую потребности и интересы нашей страны, а не вливаться в ряды прислужников Запада. Обрати внимание, кого нам, русским, навязывают с Запада в качестве идейных вождей?! Солженицына, Сахарова. Я думаю, что это делают умышленно, с целью понизить интеллектуальный уровень нашей оппозиции и придать ей исключительно разрушительный характер. Нас стараются вернуть назад или повернуть в сторону Запада. Запад навязывает нам чуждые нам идеалы.

— Но диссиденты хотя как-то борются против недостатков нашего общества.

— Не одни диссиденты борются.

— А кто еще?

— Все.

— Что ты имеешь в виду? Поясни!

Бунт в помойке

Было бы грубой ошибкой думать, будто советские люди абсолютны покорны и не ведут никакой социальной борьбы. Как раз наоборот, они постоянно находятся в состоянии борьбы. Как говорил поэт, покой им только снится. Они борются с продавцами в магазинах, которые их обвешивают, с кассиршами, которые их обсчитывают, с жилищноэксплуатационной конторой, которая тянет с ремонтом их домов, со слесарем-водопроводчиком, который деньги на выпивку взял (хотя это ему не положено), а кран не отремонтировал как следует. Они борются с официантами в ресторанах, которые часами не несут заказанную еду и дерут за это зверские чаевые, с соседями по квартире и по дому, с пассажирами в общественном транспорте, с коллегами по работе, с начальством, с хулиганами на улицах. Они борются со всеми, всегда, во всем. Они борются за коммунистический рай на земле. Они — борцы в самом широком, глубоком, точном и высоком смысле слова.

Вы скажете, что это — мелкая житейская борьба, а не борьба против язв «режима», за «гражданские свободы» и прочие возвышенные явления цивилизации? Вы ошибаетесь. Это именно они борются против язв своего общества, за лучшие условия жизни, за гражданские свободы. Только они из этого не делают сенсаций и не извлекают прибыли. Они — скромные, самоотверженные, безвестные борцы. Именно потому они суть настоящие борцы.

Они не борются с Хрущевыми, Брежневыми, Андроповыми, Черненками, Портянкиными, Сусликовыми, Маоцзедуньками и прочими? Да. Но это — не их дело. С Хрущевыми борются Брежневы, с Брежневыми Андроповы. Это — дело самого начальства, а не народа. Они не борются за свободу совести? А на что она им? Хочешь молиться — молись, сколько душе угодно. Хоть лоб расшиби. Тебя из-за этого в партию не примут, из комсомола вышибут? И правильно сделают. Если ты в Бога веруешь, зачем тебе партия и комсомол? Они не борются за свободу слова? И это им не нужно. Они и без свободы болтают что угодно и сколько угодно. Их за границу не пускают? А кто их там ждет? И где на них валюту набрать? Они не устраивают демонстраций, не распространяют обращения и воззвания, не готовят обличающие документы? Тоже вер-

но. Но они не умеют это делать, им некогда это делать, они и без этого знают, как они живут. У них свои методы борьбы. Они пишут жалобы в «Книгах жалоб и предложений», атакуют письмами и анонимками учреждения власти, сами пакостят друг другу на каждом шагу, хамят, халтурят, обманывают, воруют, выкручиваются. Короче говоря, они борются все, со всеми, против всех, за все, против всего, любыми средствами и, само собой разумеется, с мизерными последствиями

В нашей помойке даже прогресс кое-какой происходит. Народ давит на руководство снизу внутри предприятий и учреждений, внутри партийных организаций, в общественных местах, короче — везде, где только можно выразить протест или требование. Постепенно давление снизу доходит до верхов. Там появляются прогрессивные деятели, которые в интересах карьеры придают этому вид борьбы за улучшения. В результате проводятся какие-то реформы. На все это нужно время. Изменения в таком гигантском социальном организме, как наша страна, зависят не от того, что думают о нем отдельные критически настроенные индивиды, а от того, каковы потребности и возможности самой организации миллионов людей в единое целое.

Сказанное не исключает возможности бури в нашей помойке. Я думаю, что сейчас как раз приближается такая буря. В стране созрели силы для огромного разрушительного бунта. В связи с приростом населения (а это — многие десятки миллионов людей) и изменением социальной структуры населения в послевоенные годы у нас образовалась скрытая армия безработных (потенциальных безработных) и всякого рода бездельников, главным образом — из молодых людей. Они идеологически циничны. Им не светит карьера и благополучие. Они жаждут иметь все современные жизненные блага, причем — сразу и без усилий. Они убеждены в том, что им эти блага положены по некоему прирожденному праву. Они кипят злобой, завистью, ненавистью. Они считают, будто все и все повинно в их жалкой участи. Они готовы мстить всем и всему за свою историческую неуместность и ненужность. Если найдутся инициаторы, которые направят их мысли и чувства в одном направлении, сфокусируют на некую вроде бы достижимую цель, они могут взорваться и разрушить все то, что создавалось у нас десятками лет невероятных усилий. И такие инициаторы есть. Они

уже работают. Они уводят таких людей из-под контроля властей и коллективов, дезорганизуют их сознание, проповедают пороки Запада под видом добродетелей, чернят наш общественный строй, государственную систему и идеологию.

— Помяни мое слово, — закончил Миронов свой монолог, — скоро эти силы вырвутся наружу, и у нас разразится такая смута, какой не было за всю прошлую историю.

— А почему бы заранее не принять меры против нее, не предупредить ее, — сказал Чернов.

— А кто будет слушать такие предупреждения, кто поверит в них?!

Дело

Слух о том, что Чернов собирает досье на Маоцзедуньку, дошел до КГБ. Чернова вызвали для беседы — узнать, с какой целью он это делает. Он объяснил вызвавшему его офицеру, что они с Елкиной земляки, что он знает ее еще со школы, что она интересуется его как выдающаяся личность, и он хочет написать книгу о ней.

— Ты мне мозги не дури, — сказал офицер КГБ. — Мы знаем, какого рода книжки теперь сочиняют. А если даже у тебя честные намерения, имей в виду, что сбор материалов о партийном работнике можно производить только с ведома партийных органов. Причем, делать это могут только уполномоченные на это лица, а не кто попало. Мой тебе дружеский совет: прекрати это занятие, пока не поздно, а собранные материалы сдай нам.

Чернов сказал, что он обо всем этом узнал только сейчас, что собрал он самые пустяки, даже на статью не хватит, что все это он уничтожил, как только получил повестку из КГБ. Взяв с него подписку о неразглашении, его отпустили с миром.

Беседовавший с Черновым офицер КГБ отнесся к делу чисто формально. В отчете он написал, что с Черновым проведена беседа, что он сбор материалов прекратил, а собранные материалы уничтожил. Чернов же и не подумал прекращать начатое Дело. Он лишь стал более осторожным, перестал говорить на эту тему со своими друзьями, спрятал материалы так, чтобы их не нашли при обыске. В КГБ, выполнив положенную

формальность, утратили к Чернову интерес. На всякий случай завели на него в картотеке особую карточку, как это сделали в свое время в психиатрической больнице. Это тоже была чисто бюрократическая формальность.

Навязчивая идея

Разумеется, Чернов не каждый день и не каждую минуту был занят мыслями о своем Деле. Он вел обычный образ жизни, лишь время от времени обращаясь мыслями к Делу. Порою он забывал его на много дней и даже недель. В эти дни он чувствовал себя умиротворенным, принимал решение никогда больше вообще не думать на политические темы. Но случалось что-нибудь необычное, и он возвращался к мыслям о терроризме.

В столовой он случайно сел за один стол с сотрудниками отдела по контактам с границей. Один из них был недавно в ФРГ и там узнал кое-что о «Функции Красной Армии».

— Оказывается, — говорил он сейчас, — это не случайные одиночки, а серьезная организация. Человек двадцать образуют нелегальное боевое ядро. Эти люди прошли специальную подготовку, возможно — в арабских странах или в ГДР. Затем двести человек находится на полулегальном положении. Они собирают информацию, планируют операции, обеспечивают боевое ядро всем необходимым (жилье, транспорт, еда, оружие, документы). Наконец, около двух тысяч легальных симпатизантов — сочувствующих и добровольных помощников. Плюс к тому, в стране есть большое число граждан, которые помогают террористам как-то косвенно или просто так, из негативного отношения к существующим порядкам. У нас в России такое невозможно.

— Терроризм играет все-таки и положительную роль, — сказал сосед по столу. — Знаете, как-то приятно осознавать, что высшие персоны трясутся за свою шкуру и делают в штаны даже при звуке вытаскиваемой из бутылки пробки, думая, что это — выстрел из пистолета, направленный в их бесценную персону.

— В наших условиях терроризм бессмыслен и бесперспективен. Не то что на Западе. Посудите сами!

В странах Запада террористические акты (теракты) суть явления довольно частые, можно сказать повседневные. В коммунистических же странах они исключительно редки. Есть множество причин, объясняющих это различие. Среди них существенную роль играет изобилие оружия в частном владении в странах Запада и почти полное отсутствие этого в странах коммунизма. Легкость передвижения людей по миру на Западе и трудность у нас. Мы прикреплены к месту жительства и работы. Мы не можем долго жить без работы — запрещено, да и кормиться не на что. Лица, на которые желательны покушения, у нас лучше охраняются, чем на Западе. Аналогично обстоит дело с объектами. В президента США может выстрелить любой дилетант в деле террора. А у нас на высших лиц даже муха не смеет сесть без ведома КГБ. На Западе террористы почти беспрепятственно взрывают посольства, отели, правительственные учреждения. Я не удивлюсь, если там однажды взорвут Эйфелеву башню или статую Свободы. У нас же самое большее, что можно сделать в этом духе, это поджечь мусорную урну в километре от важного объекта. Ближе не удастся. А если дальше, то никто не подумает, что это — теракт. У нас занимаются не столько расследованием уже совершенных терактов, сколько предупреждением таковых. Превращение профилактики терактов в основу деятельности антитеррористических органов власти означало превращение этого аспекта человеческой активности в прерогативу центральной власти. На Западе каждый теракт становится сенсацией. Достаточно позвонить в какую-нибудь газету, как весь мир скоро будет знать, что это — дело твоих рук. О нем долго помнят. К нему возвращаются снова и снова повсюду по поводу. У нас же попытки терактов скрываются. Если что-то становится известным, то в умышленно искаженной форме, обычно — как действия психически больных или моральных уродов. Попытки терактов не производят у нас того возбуждения умов и чувств, на какие они бывают рассчитаны, и скоро забываются.

— Но, несмотря на это, теракты у нас время от времени готовятся и даже совершаются. Их не предают гласности, и потому создается ложное впечатление, будто их нет совсем.

— Насколько мне известно, «органы» не столько

разоблачали реальные случаи подготовки терактов, сколько выдумывали их. Самым надежным средством предотвращения реальных покушений на Сталина была фабрикация фиктивных. Однажды Берия доложил Сталину, что готовится реальное покушение на его жизнь, и Сталин якобы сказал на это, что еще одно такое покушение, и Берии придется спасти его, Сталина, закрыв его от пули террористов своим телом. После этого Берия стал тщательно скрывать реальные случаи подготовки покушений, согласовывая со Сталиным фиктивные. Была разработана хитроумная система Фиктивных покушений, причём — с привлечением выдающихся ученых. Фиктивные покушения организовывались так, что в их сферу наверняка попадали потенциальные реальные. Последние смешивались с фиктивными так, что различить их практически было невозможно.

Почему эти люди заговорили о терроризме, — думал Чернов. А что если они интуитивно чувствуют, что именно тут зарыта собака?! Террористов официально осуждают, а в глубине души питают к ним уважение. Кто из моралистов, осуждающих терроризм, бросит упрек немецкому офицеру Штауфенбергу, совершившему покушение на Гитлера?! Если бы какому-нибудь смельчаку удалось бы убить Сталина, он стал бы одной из самых высокочтимых личностей именно с моральной точки зрения. Пройдут годы, и русский лейтенант Ильин, предпринявший попытку покушения на Брежнев, войдет в число национальных героев России.

Конечно, на такой эффект, как на Западе, наши террористы рассчитывать не могут. Но какой-то эффект все же должен быть. Ведь знаю же я о лейтенанте Ильине! И одного того, что я знаю о нем и восхищаюсь им, достаточно для оправдания его поступка. А почему бы и мне не сделать нечто подобное, чтобы какой-то другой Чернов узнал об этом, восхитился бы моим подвигом и захотел последовать моему примеру?! Кто знает, может быть это станет традицией, и когда-нибудь появится «Великий Чернов», которому удастся совершить «Великое Покушение».

Малов

Каждые полгода Чернов являлся в психиатрическую больницу. Курировал его Малов. Малов был доста-

точно опытным психиатром, чтобы заметить одержимость Чернова какой-то идеей фикс. Он догадывался о сути этой идеи, но умышленно уклонялся от провоцирования Чернова на откровенность. Он считал, что для поддержания психического состояния Чернова в пределах относительной нормы какая-то идея такого рода необходима. А то, что эта идея могла быть криминальной, роли не играло: Малов был уверен в том, что дело ограничится лишь сферой воображения. Как бы далеко Чернов ни зашел в своих намерениях, он является достаточно здравомыслящим и умным человеком, чтобы вовремя остановиться. Поэтому в «истории болезни» Чернова не было зафиксировано ни малейшего намека на какую-то психическую ненормальность. После каждого осмотра Чернова Малов писал заключение: «Практически здоров».

Позиция здорового эгоизма

После того, как Чернов и Миронов достаточно сблизились, Миронов стал высказываться с циничной откровенностью.

— Моя позиция есть позиция здорового эгоизма, — говорил он. — Для меня главным является не характер общественного устройства и не образ жизни масс людей, а то, как живу и как устроен я сам в данном мне обществе.

— А можно ли быть хорошо устроенным (в твоём смысле, конечно) в любом обществе, т.е. независимо от образа жизни прочих людей? — спросил Чернов.

— Вернемся к твоему вопросу после того, как я опишу мой идеал личной устроенности. Итак, что входит в мой идеал здорового эгоизма? Прежде всего то, что я физически вполне здоров.

— А если нет?

— Я говорю об идеале. Если ты не здоров, значит тебе не повезло. Но в принципе медицина должна заранее, уже в эмбриональном состоянии человека установить, будет он здоровым или нет.

— Что делать с теми, кто уже в зародыше нездоров?

— Это жестоко с какой-то точки зрения, но таких людей нельзя допускать.

— Согласен. Но тут есть одно «но»: сейчас миллионы таких, может быть большинство.

— Я говорю об идеале, не отвлекаясь в сторону. Я о себе говорю. Я физически абсолютно здоров, и это меня устраивает.

— Но болезни все-таки бывают?

— Бывают. Но есть медицина, больницы, врачи.

— А ты знаешь, что это такое для простых смертных?

— Нет. Я пользуюсь привилегированной больницей отца. Мой идеал с этой точки зрения удовлетворен. Итак, я здоров. Занимаюсь спортом. Плаваю. Играю в теннис. Катаюсь на коньках и на лыжах. Таковую возможность имеют не все. Но я это имею.

— В «Партградской правде» был Фельетон о состоянии спортивной работы в области...

— Я его читал. Меня лично это не касается. Пойдем дальше. Я вполне устроен в бытовом отношении. У меня отдельная квартира, ты это знаешь.

— Тебе ее устроил отец.

— Верно. Но она у меня есть. Кроме того, я считаю нормальным то, что родители могут помочь детям устроиться в жизни. Почему это нужно исключать?

— Я не исключаю. Я констатирую как факт, что родители очень редко способны обеспечить детей отдельными квартирами.

— Знаю это не хуже тебя. У нас в области лишь пять процентов детей могут быть обеспечены мало-мальски приличными жилищными условиями за счет родителей. А таких, как я, единицы. Итак, проблема жилья у меня решена. И в бытовом отношении я устроен неплохо. Ко мне приходит уборщица, которую оплачивают родители. Мать приезжает регулярно и заполняет мой холодильник и шкаф продуктами, какие не купишь в магазинах.

— Опять исключительное положение, привилегия.

— Да. Но я ее имею. И включаю это в идеал. Думаю, что такой идеал достигим для многих. На Западе...

— Оставь Запад! Мы договорились, что к типу общества мы вернемся в конце.

— Идет! Итак, я устроен в бытовом отношении. Еда. Уборка. Белье. Одежда. Не скажу, что я живу в роскоши. Но то, что я имею, меня устраивает. Пусть это за счет родителей. Повторяю, я это имею.

— Тебе это дано изначально. У большинства на достижение этого идеала уходит вся жизнь.

— Верно. Но допустим, это достижимо сравнитель-

но легко. Мы же все-таки ведем теоретический разговор!

— Допустим.

— Далее, у меня все обстоит идеально с женщинами. Я их имею в избытке. Отбиваться от них приходится.

— Еще бы! Здоровый и красивый парень. Приятный собеседник. Отдельная квартира. Выпивка и закуска. Ну, а как быть с любовью? С семьей?

— Никаких проблем! И я влюблялся, причем — не раз. И теперь время от времени бывает. С женщинами, которые мне не нравятся с какой-то точки зрения, я встречаюсь эпизодически или не встречаюсь совсем. Что такое любовь в конце концов?! Это дело субъективное. Моя потребность в женщинах удовлетворена. Хочу обзавестись семьей — могу выбрать женщину, которая меня для этой цели устроит. И с этой точки зрения мой идеал удовлетворен. Пойдем дальше! Что еще?

— Образование. Профессия. Работа.

— Я получил хорошее образование. Может быть не лучшее. Но я не жалею. Владею двумя языками. Окончил такой факультет, какой хотел.

— Был приличный факультет?

— Я бы не сказал. Но я занимался сам, независимо от того, чем нас пичкали. Имел книги из закрытого фонда в неограниченном количестве.

— Опять привилегия.

— Да. Но разве в идеале нельзя позволить всем студентам читать все, что они хотят?!

— Допустим, можно.

— Профессию я выбрал такую, о какой мечтал еще в школе.

— В газетах опять-таки писали...

— Знаю! Более девяноста процентов детей выбирает профессию из того, что для них практически возможно, а не в соответствии с внутренней потребностью. А что такое внутренняя потребность? Я ведь профессионально изучал это. Когда речь идет о миллионах людей, проблема выбора теряет смысл как проблема индивидуальная. Меня моя профессия устраивает вполне. И работа тоже.

— В каком смысле работа устраивает?

— На исполнение служебных обязанностей уходит немного времени. Они меня не утомляют. Кроме того, я веду интересные для меня исследования. Делаю доклады. Печатаю статьи. Скоро закончу диссертацию.

— Знаю. Опять-таки исключение. Ты сумел занять особое положение. Другие твои коллеги жалуются, что занимаются никому не нужной чепухой, попусту тратят время, годами не могут напечатать ни строчки.

— Это их дело. Я здесь имею то, что хочу. И это меня устраивает.

— Пока. Погоди, дойдет до более серьезных вещей...

— Пусть, пока. Но в идеале я хочу, чтобы работа меня устраивала и чтобы результаты ее становились известны окружающим.

— И чтобы были оценены по достоинству?

— Конечно.

— А судьи кто?

— Это другой вопрос. Пока мой идеал и тут осуществлен. Пойдем дальше. Возьмем положение в коллективе...

— Ага, коллектив! Но это уже тип общественного устройства!

— Согласен. Скажем иначе, положение среди тех людей, с которыми приходится сталкиваться по работе. Коллеги...

— ...и начальство?

— Да. У меня хорошие отношения с коллегами и начальством. Пусть, пока. Но в идеале я доволен и с этой точки зрения.

— Зарплата.

— Зарплата, конечно, мизерная. Но мне пока хватает.

— Поскольку она идет у тебя на карманные расходы. Родители оплачивают твои основные расходы.

— То, что я имею, мне хватает. Через пару лет защитишь диссертацию. Меня повысят в должности. Буду получать вдвое больше, чем сейчас. И, надеюсь, это не предел.

— Это все в идеале. А как будет на деле — вопрос.

— Правильно, в идеале. Далее — вне рабочее время. В отпуск я езжу в лучшие места страны, отец достает мне путевки. Но я это имею. Не стыжусь этого. И не собираюсь отказываться от такой привилегии. У меня много друзей и знакомых, с которыми могу встречаться во вне рабочее время, обмениваться мыслями, шутить, обсуждать интересующие меня проблемы.

— Ты полностью удовлетворен?

— Вот тут дела обстоят хуже. Я скажу тебе, чего мне не хватает, и что я включил бы в мой идеал здорового эгоизма.

— Автомашина?

— Да. Сейчас многие имеют автомашины. Отец обещал подарить ко дню рождения. Конечно, машина нужна. Гараж нужен, а то украдут или испортят хулиганы. С обслуживанием будут проблемы. Но в принципе это разрешимо. Не это главное. Я бы хотел регулярно ходить в первоклассные музеи и смотреть картины лучших художников мира.

— В Парттграде это исключено. Нужно в Москву, а еще лучше на Запад ездить.

— Угадал. Я бы хотел свободно ездить на Запад и наслаждаться достижениями мировой культуры. Хочу ходить в хорошие театры. Балет. Концерты классической музыки. Лучшие музыканты мира. И чтобы при этом мужчины были одеты в смокинги, дамы — в вечерние платья. Драгоценности. Хочу в хороших ресторанах побывать. Вернее, ходить туда, когда мне хочется. Чтобы обслуживание было первоклассное. Опять-таки компания приятная. Хорошо одетые и красивые женщины. Съездить на знаменитые мировые курорты. Встречаться со знаменитыми людьми.

— Одним словом, чтобы была доступна жизнь, какую ведут или могут вести представители богатых слоев, аристократии и преуспевающей богемы на Западе. Так что ли?

— Хотя бы так. Живем-то один раз. Видишь ли какое дело, мы... по крайней мере, такие, как я... мы получаем хорошее образование, имеем информацию о том, как живут люди в мире... Через кино, книги, разговоры... Нам известны все соблазны современной цивилизации. А возможности пользоваться этими благами у нас минимальные, если они вообще существуют.

— Одним словом, ты хотел бы дополнить те привилегии, которые ты имеешь и хочешь иметь как представитель наших высших слоев, теми привилегиями, какие имеют высшие слои на Западе. Это — не просто индивидуальная позиция здорового эгоизма. Это — позиция привилегированных классов нашего общества.

— Ты думаешь, наши привилегированные личности жаждают ходить по музеям, на концерты и выставки?

— А ты думаешь, что ты будешь ночевать в Лувре, Колизее, Ла Скала и прочих очагах культуры? Сомневаюсь. Сходишь пару раз, а там... Люди говорят, что наши образованные эмигранты, дипломаты, деятели культуры и туристы совсем не бывают в музеях и театрах или бывают в порядке исключения. А та ро-

скошная жизнь, какую ты тут описал, подвергается жестокой критике честными писателями и мыслителями Запада. Остается одно: то, о чем мечтает наше привилегированное быдло.

— Но в этом быdle можно стать исключением.

— Не много же остается от твоего идеала здорового эгоизма. Кроме того, надо учесть то, что ты отсек с самого начала. Допустим, ты имеешь западный комфорт, доступный миллионерам. Но ведь для твоего идеала надо еще иметь всех тех людей, с которыми тебе приятно проводить время, которые способны оценить результаты твоей деятельности и по крайней мере не мешать удовлетворить твои амбиции. А это — общество, в котором ты живешь. Посмотрим, как будет обстоять дело с твоими идеалами, когда возрастут твои претензии насчет исследований и их результаты, когда уйдет на пенсию или умрет твой отец, и ты проживешь наследство, когда...

— Тогда изменится образ жизни, но не идеалы.

— Ты профессиональный социолог, а говоришь чушь. Ты же знаешь, как формируются идеалы и какое место они занимают в сознании человека. Твой идеал здорового эгоизма есть всего лишь констатация тех преимуществ, какие ты имеешь в качестве члена нашего общества сравнительно с другими, плюс желание иметь блага, о которых ты знаешь из кино и книжек и которые ты хотел бы иметь без усилий и без связанных с этими благами минусов.

— Послушай, где ты хватался таких мыслей?

— Я ведь тоже кое-что читаю. К тому же для таких мыслей не надо быть профессиональным социологом. Они очевидны.

Дома

Разговор с Мироновым привел его в мрачное расположение духа. Домой пришел поздно. Не стал будить мать и лег, не раздеваясь. Не спалось. Он устался в потолок с разводами грязи и осыпающейся штукатуркой. Рыжий ветхий абажур, приобретенный матерью еще тогда, когда он был ребенком. Перевел взгляд на мебель. Разваливающийся шкаф для одежды. Полки для книг, сколоченные из неструганных досок. Железная кровать с пружинным матрасом. Пружины разре-

гулировались и выпирали буграми. Покосившийся венский стул, сделанный бог весть когда, возможно — еще до революции. Приобретенный на свалке стол.

Взгляд скользнул по книгам. Вот книг у него много. Книги на полках, на шкафу, на столе, под столом, под кроватью. И книги хорошие. Он собирал их всю жизнь. Стоял в очередях за ними в магазинах. Приобретал втридорога у спекулянтов. Выменивал у знакомых. На книги уходила значительная часть зарплаты и вся пенсия.

Зарплата! Ее еле хватало на полунищенское существование. Человек с университетским образованием, которому сулили судьбу нового Лобачевского, не в состоянии содержать одного себя и мать на самом примитивном человеческом уровне! А что ждет его в будущем? Повышение зарплаты на несколько рублей. Никакой надежды на здоровую семью. И зачем она? Плодить новых уродов и нищих?! И итог жизни — еще более нищенский уровень. И одиночество, одиночество, одиночество. Ради чего жить? Стоит ли такая жизнь того, чтобы за нее цепляться? Есть, конечно, интеллектуальные интересы. Есть интеллектуальная жизнь. Но нельзя же вечно жить в мыслях, в идеях, в расчетах, в формулах, в теоремах, в теориях! Он же все-таки человек. Человек? А может быть он есть всего лишь червяк, вообразивший себя человеком и держащий себя за сверхчеловеком?

У него появилось Дело. Но что это за дело?! Такое же уродливое, как он сам, как все окружающее его общество, как вся жизнь вообще. Гармония мира есть вымысел, уродство мира есть реальность.

Дело

Сусликова перевели в Москву, в ЦК КПСС. Но на его место назначили не второго секретаря обкома партии и не Маоцзедуньку, а брежневского человека из Москвы — некоего Жидкова. Последний внешне был очень похож на Брежнева и подражал ему в манере речи. Пошел слух, будто он — побочный сын Брежнева. Формально Жидкова на пост первого секретаря обкома должны были избрать. С предложением его кандидатуры выступила Маоцзедунька. Она описала его как одного из величайших деятелей партийного руковод-

ства и верного соратника Брежнева. В «Партградской правде» напечатали портрет Жидкова, справку о его жизненном пути и хвалебную статью Маоцзедуньки. Партградцы на этом основании решили, что Жидков будет лишь числиться, а фактически первую скрипку будет играть Маоцзедунька. Как она будет играть, об этом никто не подумал, хотя она не умела играть даже последнюю балалайку. Вырезки из партградской прессы и записи высказываний партградцев этих дней начали заполнять вторую папку «Дела».

Мы и Запад

По проблеме взаимоотношений с Западом в группе Горева наметились две крайности — прозападная (ее представлял Фюрер) и антизападная (ее представлял Горев). Остальные колебались между ними.

Позиция Горева. Отношение Запада к Советскому Союзу и ко всему, что у нас происходит, определяется прежде всего тем, что Советский Союз — сильное государство, угрожающее существованию (по крайней мере — благополучию) Запада. Запад готов терпеть на территории Советского Союза что угодно, лишь бы это государство было слабым. Запад стал бы даже татаро-монгольскую орду превозносить как демократию, если бы она пришла на смену сильному коммунистическому «режиму». На Западе обращают внимание только на такие явления советской жизни, которые, по мнению Запада, свидетельствуют о слабости советского «режима» или ослабляют его на самом деле. На Западе начисто игнорируют те явления советской жизни, которые важны с точки зрения внутренней эволюции советского общества как общества здорового, имеющего большие исторические перспективы. Чтобы заслужить внимание и одобрение Запада, надо поставлять материал для сенсаций в западной прессе и становиться агентами западных секретных служб. Мне это не подходит. Я не хочу прислуживать Западу. Я хочу остаться в нашей собственной истории. Мы в конце концов русские люди. У нас своя судьба, своя история, не совпадающая на все сто процентов с западной. У нас различно ориентировано сознание. У нас различные критерии оценок всего. Запад стремится подчинить своим интересам и нашу оппозицию, навязать советским людям свое понимание как западного, так и советского общества. Запад

занижает интеллектуальный уровень советской оппозиции и оппозиционных умонастроений советских людей вообще путем навязывания им в качестве духовных вождей определенного рода личностей. Эти личности всемерно раздуваются до масштабов сверхэпохальных гениев и пропагандируются в средствах массовой информации так, как это еще никогда не делалось ранее в человеческой истории. В результате в сознании советских людей разрушаются критерии различения таланта и бездарности, идеологической лжи и научной истины, ума и глупости, мудрости и суемудрия, честности и обмана. Ложные кумиры завладели умами и душами масс. Нам надо создавать свою отечественную, устойчивую, преемственную и независимую от Запада оппозицию. А что касается развития России, то Запад не может быть для нас образцом. Не надо идеализировать Запад. Не надо недооценивать наши возможности.

Позиция Фюрера. Наша система терпит крах. Мы должны встать на западный путь развития. Без помощи Запада мы обречены на застой и деградацию. Никакая оппозиция у нас без поддержки Запада невозможна. Только прозападная политика руководства может привести к скачку в нашем развитии.

— Позиция Горева имеет один недостаток, — сказал Слепой. — У нас могут допустить все что угодно, только не свое оригинальное и новаторское. Сами же наши оппозиционеры не допустят появления такой оппозиции, о какой говорил Горев. У нас преклоняются перед всем заграничным и топчут в грязь все значительное отечественное. Идеи Горева хороши, но у нас нет людей, способных их осуществить. Позиция Фюрера тоже имеет один недостаток: у нас просто нет людей, способных на самом деле повернуть развитие страны в западном направлении. Наш человеческий материал не годится для этого.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Остряк.

— Принято считать, что с любым человеческим материалом можно построить любой тип общества. Но это ошибочно. С нашим, например, человеческим материалом такое общество, как в странах Запада, не построишь.

— Значит, мы обречены на ту мерзость, какую имеем?

— Почему мерзость?! Мы не так уж плохо живем. Погоди, пройдут годы, и люди об этих годах будут

вспоминать как о золотом веке советской истории. Мы действительно обречены жить вечно хуже, чем на Западе, жаловаться на жизнь и завидовать Западу. Ничего не поделаешь, судьба! Кроме того, надо учесть тот факт, что в послевоенные годы население нашей страны увеличилось почти на сто миллионов.

— Ну и что?!..

— Как, что? Их же кормить надо, одевать, обучать, давать им развлечения.

— У нас в избытке территории.

— Неосвоенной территории, на которой мало кто способен жить. Ты же в Сибирь или за Полярный круг не поедешь? Нет. Я тоже. По моим подсчетам, у нас до пятидесяти миллионов излишнего населения. И это еще скажется катастрофически, помяни мое слово. Причем, у людей повысились потребности, они теперь не довольствуются тем, чем довольствовались наши отцы и деды. Плюс к тому, изменились пропорции населения в смысле разделения на производительную и непроизводительную часть. В стране в огромной мере разрослась непроизводительная часть и выросли ее аппетиты. Она сожрет страну. Лет через десять мы будем сидеть в жуткой яме.

Дело

В 1982 году, т.е. за три года до того, как Горбачев провозгласил установку на гласность, группа студентов университета решила издавать нелегальный журнал «Гласность». Успели выпустить лишь один номер, так как редактора арестовали, а прочих исключили из университета и рассовали кого в армию, кого в «Атом», кого в «психушку». Слово «издавать» тут было употреблено всуе. Следовало бы сказать «делать», так как журнал отпечатали на пишущей машинке и сделали несколько десятков копий на ксероксе.

Юрий прочитал журнал. В одной из статей говорилось о десяти богатейших людях Партграда. На первом месте стоял заведующий овощной базой Гробыко, считавшийся главой «белой» партградской мафии. Его состояние исчислялось несколькими десятками миллионов рублей при зарплате заведующего овощной базы в 150 рублей в месяц. На втором месте был заведующий авторемонтной мастерской Гизатуллин, считавшийся

главой «желтой» партградской мафии. И третье место занимала Маоцзедунька. Ей в статье было уделено особое внимание: авторы статьи рассматривали ее как характерный пример срастания «теневого экономики» и партийно-государственного аппарата. Авторы призывали обратить особое внимание на этот феномен, видя в нем признак формирования особого правящего класса советского общества и социальную базу для будущей контрреволюции.

Другим значительным вкладом в «Дело» был фельетон в сатирическом журнале «Еж» о таинственном исчезновении пятисот свиной в свиновхозе в том районе, где начала свою карьеру Маоцзедунька. Хотя ее имя в фельетоне не упоминалось, ни для кого не было секретом, кто стоял за этим «исчезновением». Тот факт, что такой фельетон проскочил в печать, свидетельствовал о борьбе внутри правящей верхушки области.

Как жить в раю

Лаптев вылечил дочь Белова от какой-то болезни, от которой не могли вылечить больницы Партграда и Москвы. Вылечил играючи, в три сеанса по полчаса. Поэтому Белов ему не заплатил ни копейки, решив отделаться приглашением на ужин в компании интеллектуалов, хотя заплатил кучу денег всякого рода светилам, не сделавшим для дочери ничего и признавшим болезнь «пока еще неизлечимой».

— Что поделаешь, — говорил по этому поводу Белов. — Я всего лишь человек. Очевидно, есть какие-то неподвластные нам законы массовой психологии, по которым мы возвеличиваем ничтожества и замалчиваем гениев.

— Гении все же проскакивают и всплывают с годами.

— Случайно. Благодаря сильным покровителям. Люди не сразу разгадали. Да и много ли таких? Это когда проходят века, гении накапливаются, и кажется, что достаточно родиться гением, а признание придет само собой. Вот возьмите наш Партград! Много ли у нас было гениев?! Назовите кого-нибудь еще, кроме Лаптева! А что его ждет? «Атом» или «психушка».

— Сусликом вроде покровительствует Лаптеву. Даже идею выдвинул создать для него лабораторию по лечению рака.

— Покровительствовал неделю, пока Лаптев его лечил. А потом забыл про обещания. Сусликову важно самому быть здоровым. Но чтобы и другие пользовались привилегией здоровья — это уже нарушение законов нашего строя.

На вечере у Белова Лаптев выглядел совсем чужим, неуместным. Знакомясь с ним, гости говорили: «Лаптев? Тот самый?» и тут же забывали про него. Все старались не столько знаменитого Лаптева послушать, сколько себя показать. Все старались перекричать друг друга. Лаптев тихонько сидел на краю стола. Молча пил и ел. Потом он как-то незаметно и вроде бы нехотя включился в общую беседу.

Разговор шел о крушении общественных идеалов. Лаптев делал какие-то малозначащие замечания, когда к нему обращались. Постепенно он завладел вниманием собравшихся. Казалось, что он не говорил ничего нового для них. Но он говорил это так, что говоримое теряло интеллигентский циничный оттенок и приобретало какой-то возвышенный, поэтически-религиозный смысл. Суть его речи заключалась в следующем.

Христос обещал людям рай. Дальше этого его воображение не шло. Я иду дальше: я ставлю проблему, как жить в раю, если ты в него попал? Достижение рая есть лишь часть задачи, причем — наиболее легкая. Остается другая часть задачи, причем — неизмеримо более трудная: что нужно сделать для того, чтобы жизнь в раю была сносной. В нашей стране построен рай земной. Уверяю вас, это — наилучшее общество из всех мыслимых. Лучше его не было и не будет никогда и нигде. Если вы этого не поймете, все ваши надежды и усилия так или иначе пойдут прахом.

Создание земного рая не означает, что тем самым автоматически люди получают райскую жизнь. Создание этого рая есть лишь основа для борьбы за райскую жизнь, есть лишь возможность ее, но еще не действительность. Вы имеете рай, вы уже находитесь в нем. А теперь устраивайтесь в нем так, чтобы вам было хорошо, ибо это зависит от вас самих.

Когда заманивают в рай, сулят одно. А когда люди попадают в него, они видят в нем другое. Одним это нравится. Они решают, что попали именно туда, куда стремились. Другим это не нравится. Они не видят основ тех благ, какие получили и могут получить, видят лишь следствия, от которых стремились избавиться-

ся. Учить первых, как жить в раю, бессмысленно, они сами этому кого угодно научить могут. Учить надо вторых.

Несмотря ни на что, коммунизм есть единственное общественное устройство, которое предоставляет людям возможность добиваться райской жизни. Коммунизм дает людям гарантированные минимальные жизненные блага, освобождает человека от материальных забот, позволяет человеку сосредоточиться на более важных — подлинно человеческих жизненных ценностях.

Есть два пути для лучшего устройства людей в коммунистическом раю — коллективный и индивидуальный. Первый путь есть практическое дело для подлинных коммунистов. Второй же путь есть дело каждого человека по отдельности. Я учу людей, как встать на второй путь и как идти им. Если оставить в сторону аналогии с христианским раем, основы моего учения выглядят так.

Ты есть человек коммунистического общества. Ты родился и вырос в нем. Ты приучен жить в нем. Ты обречен дожить до конца жизни в нем. Но ты не принимаешь это общество как свое. Оно тебе чужое. Оно враждебно тебе. Ты должен жить по нормам этого общества, отвергая сами эти нормы. Ты не можешь изолироваться от него, но не видишь никакой возможности изменить его желаемым для тебя образом. Ты должен жить, как все, будучи не таким, как все. Ты не хочешь принимать участия в спектаклях власти. Ты не принимаешь идеологию этого общества. Ты не хочешь сражаться за материальные блага и делать карьеру. Ты протестуешь против самих основ этого общества, но не видишь лучшей альтернативы ему. Бессмысленно бороться за его изменение. Оно только что возникло и далеко не исчерпало своих потенциалов. Что бы ни делали люди, оно имеет свои внутренние законы эволюции, неподвластные людям. Вместе с тем, ты хочешь прожить свою единственную и неповторимую жизнь на высшем уровне нравственных, духовных, интеллектуальных достижений человечества. Ты хочешь сохранить достоинство человека в условиях общества, стремящегося превратить человека в ничтожную единичку во множестве безликих единичек. Как этого добиться? Существует только один выход из этого положения: если нельзя данный тебе внешний мир сде-

лать отвечающим твоим идеалам, интересам и вкусам, то можно создать в самом себе свой собственный внутренний мир. Стань внутренне свободным и создай свою собственную идеологию, психологию и систему правил поведения в соответствии со своими идеалами.

Быть внутренне свободным — это не так-то просто, как это кажется на первый взгляд. Для этого вовсе не достаточно думать, что хочешь и как хочешь. Внутренняя свобода не есть своеволие и распущенность в мыслях. Внутренне свободным может стать на самом деле лишь тот, кто обладает достаточно богатым материалом для работы мысли, высокоразвитым и хорошо организованным аппаратом мышления, способностью объективно понимать то, что происходит в окружающем мире, способностью противостоять всему тому, что пытается навязать ложный взгляд на мир, на человека, на общество. Внутренне свободный человек должен иметь в себе самом своего рода целое интеллектуальное «государство», способное защитить его от всяких посягательств извне. Это «государство» должно быть организовано и должно функционировать по строго определенным правилам. В нем должна быть суровая внутренняя дисциплина и порядок.

Не может быть внутренне свободным человек, изолирующийся от жизни своей эпохи и от ее культуры. Внутренняя свобода есть способность защищать свое внутреннее «государство» в океане жизни со всеми ее тревогами, радостями, опасностями, несчастьями, достижениями, короче говоря — со всеми ее достоинствами и недостатками.

Все, что я сказал, есть лишь присказка. А сказка будет впереди. Моя «сказка» включает в себя определенное учение о человеке, о познании, о природе, о человеческом обществе, а также определенную систему правил внутреннего поведения, т.е. обращения со своим сознанием и подсознанием, и правил внешнего поведения на все случаи жизни, т.е. правил твоих поступков по отношению к окружающим тебя людям и общественным учреждениям. Не каждый способен создать для себя такое учение и жить в соответствии с ним. А тот, кто способен, должен употребить на это всю жизнь без гарантии успеха. Есть исключительные одиночки, которым такое учение и такое умение жить как суверенное государство дается сразу, с полной ясностью и со всеми деталями. Я — один из них, если не

единственный. Я иду этим путем. Я не призываю вас следовать за мною. Я говорю: если хотите научиться жить в раю, идите со мною.

Мысли наедине

Этот путь суверенного государства из одного человека мне подошел бы лучше всех других. Но есть масса «но», препятствующих этому. Во-первых, для этого надо быть физически здоровым, чего нет у меня. Во-вторых, для этого нужно лаптевское прозрение, чего тоже нет у меня. Чтобы такое прозрение у меня наступило самостоятельно, я должен вновь садиться за учебку и получать новое образование, а это уже поздно. Я не в силах начать жизнь сначала и переучиваться. Следовательно, я должен стать учеником и последователем Лаптева, дабы быстро овладеть его учением и сделать это учение своей собственной идеологией. А я вырос так, что не могу стать учеником кого-то другого, если бы даже этот другой был всамделишный Бог, а не какой-то бездельник, пьяница и болтун Лаптев. Прав был Христос: нельзя стать пророком в своем отечестве, тем более в таком отечестве, как Россия. Если уж я остаюсь равнодушным к словам Лаптева, то тому открыт один путь с его идеей суверенного человека-государства — путь в «Атом» или в «психушку».

Дискуссия об идеологии

На этот раз речь зашла об идеологии. По словам Фюрера, наша идеология систематически развращала людей, вбивая им в голову идеи равенства и «по потребности». Люди привыкли ждать, что им с небес руководства посыплется манна небесная. А между тем реальность шла в противоположном направлении. Вместо обещанного равенства возникло и усиливалось неравенство в социальном, материальном и культурном отношениях. Население раскалывалось на новые классы с различными интересами и образом жизни. А принцип «по потребности» оказался на деле не удовлетворением растущих потребностей людей, а распределением в соответствии с их социальным положением. Да, по потребности. Но что есть потребность? Любое жела-

ние людей? Ничего подобного. Потребностью на деле оказалось то, что признавалось в качестве разумной потребности для человека в его положении. Грубо говоря, принцип «По потребности» оказался на деле принципом «Жри, что дают!». В результате в людях развился идеологический цинизм. Вот вам реальная диалектика: с одной стороны — жажда равенства и «по потребности», а с другой стороны — неверие ни в равенство, ни в «по потребности».

— А что ты хочешь, — возразил Слепой, — чтобы идеология прямо говорила людям, что неравенство неизбежно, что каждому дается столько, сколько ему положено по его социальному положению, так что ли?

— А почему бы нет, — настаивал Фюрер на своей позиции. — Обратите внимание, самыми устойчивыми и эффективными формами идеологии в истории человечества были те, которые либо говорили полную правду людям о их положении (буддизм, конфуцианство, иудаизм, магометанство), или освящали реальный общественный порядок (христианство).

— Наша идеология особая, — сказал Горев. — Ее цель — сдерживать стихийные общественные силы, удерживать их в определенных рамках. И эту роль она выполнила. Не будь ее, неравенство, коррупция, бюрократизм, воровство и все такое прочее давно разрушили бы нашу страну. Другое дело — она потеряла былую эффективность, нуждается в усовершенствовании.

— А о чем я говорю? — сказал Фюрер. — Нужно людям открыто сказать всю правду.

— Идеология не наука, — включился в дискуссию Слепой. — Идеология предназначена для масс. Массам же нужна не правда, а заблуждение. Наша идеология уже потеряла способность вводить людей в нужное заблуждение — вот в чем суть дела.

— Значит, надо обновлять идеологию, — сказал Солдат. — А как? Кто это сделает?

— Беда в том, — сказал Горев, — что у нас сейчас нет такого авторитетного и имеющего власть человека, который способен на это. А если появится такой гений где-то в низах общества, ему не позволят даже слово пикнуть. Положение сейчас критическое. Если будет дан сверху сигнал пересматривать идеологию, то начнется идейный разброд. Так что лучше ничего не трогать пока, оставить все как есть.

— Не согласен, — сказал Фюрер. — Если уж идео-

логия потеряла эффективность, значит, ее надо отбросить как устаревший хлам.

— А что ты предложишь взамен? Отбросишь одну идеологию, на ее место устремится другая. Какая? Не трудно догадаться: враждебная нам западная.

— Почему же враждебная?! Пора покончить с этой устаревшей сказкой нашей идеологии насчет идеологической непримиримости двух систем. И вообще, что такое западная идеология? Нет такой вообще. Это миф!

— Нет, это не миф, а реальность, — возразил Горев. — На Западе нет единой государственной идеологии и особого идеологического аппарата вроде тех, какие имеются у нас. Тем не менее западная идеология существует. Ее создают и распространяют тысячи разного рода специалистов и учреждений, занятых формированием общественного сознания, а также школы, университеты, газеты, журналы, литература, кино, телевидение, реклама, церковь, секретные службы, политики. Западные люди оболваниваются не меньше, чем советские. В западной идеологии западное общество изображается гораздо более привлекательным, чем оно есть на самом деле. Одна из главных задач западной идеологии — вбивать в головы людям во всем мире, будто западное общество есть лучшее из всех возможных. Одновременно с превознесением достоинств Запада западная идеология и пропаганда ведут систематическую дискредитацию всех прочих общественных устройств, презрительно именуя их «режимами». И главным объектом их нападок является, разумеется, режим коммунистический. Фальсификация всего, что связано с коммунизмом и советской историей, здесь есть обычное дело. Западная идеология создает и пропагандирует представление о международной деятельности Запада как о благородной и гуманной миссии по освобождению человечества от гнета всякого рода тоталитарных и диктаторских режимов, как о миссии приобщения народов мира к достижениям цивилизации. Эта идеология освободительной и прогрессивной миссии прикрывает и оправдывает фактические действия Запада в отношении других народов, включая действия насильственные и карательные.

— Ого! — сказал Остряк. — Ты говоришь, как будто ты — работник аппарата идеологии и пропаганды.

— А я и есть такой работник, — сказал Горев, — и не стыжусь этого.

Умер Брежнев. На его место избрали Андропова. Это никого не удивило, так как незадолго до этого Андропов оставил пост шефа КГБ и стал вторым секретарем ЦК. В Партграде избрание Андропова встретили с большим энтузиазмом. Тот факт, что Андропов 15 лет возглавлял КГБ и что под его руководством было разгромлено диссидентское движение, в Партграде поставили ему в заслугу. Заговорили о реформах. На очередную кампанию борьбы с пьянством не обратили внимания: не в первый и не в последний раз. Но Андропов не успел осуществить реформы. На его место пришел Черненко — бледная тень Брежнева. Все чувствовали, что это ненадолго. Жили в ожидании крупных перемен. Понимали, что Черненко есть лишь отсрочка этих перемен.

Чернов на короткое время погрузился в научные исследования. В конце концов, решил он, лишь научное творчество есть единственная и абсолютная ценность в этом мире. Решить еще одну проблему, нерешенную до сих пор, доказать еще одну теорему, — это важнее с точки зрения прогресса человечества, чем тысячи реформ, личных бунтов и массовых движений. Это мы, думал он, беспристрастные ученые образуем основу цивилизации и обеспечиваем прогресс человечества, несмотря ни на какие идеологические запреты и карательные меры властей. Научное открытие и есть подлинный индивидуальный бунт. Сделав крупное научное открытие и став известным в мире, Чернов получит возможность для такого индивидуального взрыва, какой нельзя будет скрыть.

Теперь Чернов, как молитву, твердил про себя такие слова. Ты служишь одному единственному Богу, и этот Бог есть истина, познание. Никаких приспособлений к обстоятельствам. Никаких компромиссов. Ты можешь ошибаться, но не лгать и не лицемерить. Ошибки исправимы, ложь и лицемерие — никогда. То, как живут почти все люди, не подходит тебе. То, что ценится, имеет успех, владеет умами и чувствами людей, — не для тебя. Это все не стоит твоего внимания, тревог и усилий. Тебе все это чуждо и ты чужд всему этому. Ты должен как можно выше взлетать в своих мыслях и уходить в них как можно дальше вперед. Ты можешь жить в самых жалких условиях, можешь быть на са-

мом дне общества. Но сознанием ты должен быть на самом верху. Чем выше витают твои мысли, тем равнодушнее ты к житейским благам, карьере, успехам, признанию. Твоя жизнь должна стать предельно упрощенной и бедной в бытовом отношении, но предельно усложненной и богатой духовно.

Но мысли такого рода на самом деле недолго занимали сознание Чернова. На заседании математического общества, где он сообщил о своих идеях, его буквально разгромили, причем — прикрываясь некими «интересами науки» и «новейшими достижениями мировой науки». Под последними имелись в виду статейки в западных математических журналах, на которые на Западе никто не обратил внимания, но которые в Партграде были возведены в ранг новейших достижений. Чернов назвал своих оппонентов кретинами, за что его тут же исключили из членов общества. В комбинат написали длинное письмо по поводу его «недостойного поведения», «идеалистических ошибок» и «уступок буржуазной идеологии». В комбинате поставили вопрос о его профессиональной несостоятельности. Выручило его лишь заступничество Белова, Миронова и Горева. Они сказали, что Чернов — гениально одаренный ученый, что ему надо помочь реализовать свои способности, что он еще прославит русскую науку.

Гений

— Но русскую науку ты, между нами говоря, не прославишь, — сказал Социолух. — Так же как и я. И знаешь, почему? Не потому, что мы неспособны делать открытия, а как раз наоборот, потому что мы способны на это в высшей степени. Нам просто не позволяют прославить русскую науку. Именно потому, что мы — настоящие гении. Я это говорю не в порядке хвастовства: хвастаться тут нечем. Дело в том, что гений — это не дар природы, а социальная роль. Если ты не возражаешь, я прочитаю тебе коротенькую лекцию на этот счет.

Гений есть не столько выдающийся природный талант, сколько явление социально-историческое. Появление гения зависит не просто от биологической случайности, а от стечения исторических условий. Как более или менее массовое явление гений характерен не для всякого общества, а лишь для такого, в котором

большую роль играет частное предпринимательство. Успех последнего зависит от индивидуальных способностей людей и их инициативы. Не случайно потому ни один социальный строй не может сравниться с капитализмом по числу гениев. Для появления гениев в обществе должна сложиться психологическая атмосфера в отношении к индивидуальным способностям человека. Общество должно предоставлять какую-то возможность для одаренных людей обнаруживать свой талант, выживать, добиваться успеха. Индивидуальный талант должен стать по крайней мере потенциальным богатством человека, путем к богатству и средством подняться в высшие слои общества. В обществе должны быть влиятельные люди и группы людей, способные оценить талантливую человека, оказать ему поддержку, защитить его от массы посредственностей и завистников. Коммунистическое общество по самой своей природе исключает условия, необходимые для появления, выживания и расцвета гениев как явления более или менее массового. Гений есть форма крайнего индивидуализма. Коммунистическое общество есть общество коллективистское, в котором индивидуализм как психология, идеология и форма поведения считается преступлением. Способности отдельных людей здесь поощряются лишь в той мере, в какой они не угрожают правилам коллективизма и не уходят из-под контроля государства. Здесь гений как явление социальное убивается в зародыше. Его некому тут защитить. Защита со стороны государства позволяет какой-то части способных людей проявить и развить свои способности, порою — до очень высокого уровня. Но в результате получается лишь имитация гения, а не гений в собственном смысле слова. К такому человеку понятие «гений» применимо лишь в том же извращенном смысле, в каком его применяют к спортсменам.

В советском обществе, как и в любом другом виде общественного устройства, люди сочиняют музыку, играют на музыкальных инструментах, занимаются наукой, пишут книги, танцуют. Но люди делают это в определенной социальной среде, власть которой они ощущают на себе постоянно, в тысячах незаметных для посторонних наблюдателей мелочей и в сотнях рутинных действий властей, сослуживцев, коллег, знакомых и даже друзей. Коммунистический социальный строй глубоко враждебен гению как явлению в психо-

логии, идеологии, образе жизни. Он стремится так или иначе низвести высокоодаренных людей до уровня посредственности. Даже в тех случаях, когда он, по видимому покровительствует им, он накладывает на них свою печать серости и пошлости хотя бы самым способом возвеличивания.

Право на истину и открытие монополизируют тут те, кто признан в качестве носителей истины. Это не значит, что эти люди на самом деле знают истину. Они ее изрекают тогда, когда и без них что-то становится ясным. Их по их социальному положению и по социальной значимости признают носителями истины, а не тех, кто на самом деле способен делать открытия, но не допущен в их число. Для обывательски мыслящих людей человек, занимающий высокое положение или имеющий известность и определенную репутацию, знает больше и понимает все лучше, чем человек, не занимающий постов, неизвестный, не имеющий титулов и наград. Тут бессмысленно человеку низкого социального уровня делать открытия. Все результаты разворуют. Авторство за собой такому человеку удержать невозможно. Слишком много образованных, но бездарных жуликов, имеющих в своих руках средства массовой информации. Гениев тут просто назначают.

Если у тебя маленький талантешко, то ты имеешь шанс стать крупным ученым, писателем, артистом, художником... Но если у тебя огромный талант, то горе тебе. Или ты приспособишь его к общим условиям, чтобы добиться жизненного успеха, и тогда будешь страдать от того, что загубил его. Или ты попытаешься проявить его во всю мощь, и тогда ты будешь страдать от зависти и мести своих менее одаренных собратьев. Бездарность, выглядящая как талант, есть главный талант нашего времени.

Гений есть вообще явление, чужеродное коммунистическому обществу. Для гения нужны покровители и поклонники, которые с точки зрения восприятия его творчества находятся на высочайшем уровне культуры. А тут имеет место засилье посредственности. Посредственность порождает псевдогениев — воинствующую посредственность, которая вытесняет и убивает настоящих гениев. Тут вообще нет слоя высоконравственных, чутких, высокодуховных интеллигентных людей. Такой слой возможен лишь в условиях существования многовековой аристократии, которая избав-

лена от житейских хлопот и забот. Но особенно ужасно то, что в наше время подлинного гения, не прогремевшего при жизни, не откроют и после смерти. Все его наследие разворуют, а его самого навечно вычеркнут из истории.

— Так что суди сам, есть у тебя шансы пойти путем гения или нет, — сказал Социолух. — А если ты подаешься в сферу социальных явлений, то тут к сказанному выше присоединяется еще одно обстоятельство. Здесь число людей, считающих себя специалистами, больше, чем в любой другой сфере познания. Они воображают, будто нет ничего проще, чем понимание явлений жизни, происходящих на их глазах. На самом же деле они переносят средства обывательского способа мышления на сложные общественные явления, с необходимостью впадая в заблуждения. Им вообще не нужна никакая истина и ясность. Им нужна лишь правдоподобная ложь, запутанность, мутность. Истина в понимании общественных явлений есть удел одиночек. По моим наблюдениям, у тебя есть задатки социального мыслителя. Но чтобы развить их, нужна профессиональная подготовка и долгие годы кропотливой работы по обработке гигантского эмпирического материала. Для этого надо родиться заново. Добавь к сказанному то, что ты — русский гений. Это значит, что у себя дома тебе не дадут проявиться и быть признанным в качестве гения свои русские бездарные и завистливые собратья, а на Западе тебе не пробиться потому, что ты — русский. Русскому гению на Западе не позволят быть признанным в качестве такового ни в коем случае. Так что мой тебе дружеский совет: не строй иллюзий и не пытайся даже раскрыть заложенные в тебе потенции.

Диагноз Малова

Осмотрев Юрия, Малов посоветовал ему отдохнуть с месяц где-нибудь в деревенской глуши. Юрий взял очередной отпуск. В месткоме ему дали бесплатную путевку в дом отдыха комбината. Учитывая «особенность» Юрия, путевку за небольшую плату («со скидкой») дали и его матери. Кормили в доме отдыха сравнительно неплохо. Погода стояла прекрасная — «бабье лето». В первое же воскресенье Черновых навестил

Малов. Он был трезв и на редкость весел. Рассказывал забавные истории, новые анекдоты. Вечером Юрий проводил его до железнодорожной станции.

— Знаешь, я много лет наблюдаю людей в их психологических крайностях, — сказал Малов, когда они ожидали поезда. — Психически больные в некотором роде суть характерные представители своего народа. Я наблюдал тысячи психически больных людей. И не могу отделаться от мысли, что различные народы даже с ума сходят различно. Если бы меня сейчас попросили рассказать, что такое русский народ, я бы мог сделать это, рассказав, что такое русский сумасшедший. Но я сейчас хочу другое сказать. По моим наблюдениям наш народ изначально болен неизлечимой психической болезнью. Сейчас он находится на грани психической катастрофы. Еще чуть-чуть, и он свихнется окончательно. И тогда у нас начнется такое, чего еще не было за всю прошлую историю России. Это я говорю как специалист, причем — как хороший специалист. Если бы я был дурак и прохвост, я бы давно был академиком.

— Я Вам верю. Я не специалист, а тоже чувствую, что что-то плохое движется. А что делать, чтобы это остановить?

— Остановить это невозможно. Жаль, что ты не пьешь. Эх, напились бы мы с тобой по этому поводу!!

Чего мы хотим

В другое воскресенье Чернова навестила вся группа Горева. Привезли еду и выпивку. Расположились на высоком берегу реки. Говорили сначала о том о сем. И как всегда перешли «к политике».

— Давайте ответим себе с полной откровенностью, чего мы хотим, — сказал Горев. — Хотим мы свергнуть наш социальный строй или нет? Если хотим, можно ли это сделать, не уничтожив миллионы людей и не ввергнув страну в состояние разрухи и хаоса? Как к этому отнесется сам «спасаемый» народ? Пойдет ли он на это? Что создавать на место свергнутого коммунизма? Капитализм? Годится ли он нам? И возможен ли он теперь у нас? Если же мы не хотим свергать коммунизм, принимаем ли мы его таким, каков он есть у нас? Хотим ли мы его реформировать? Допускаем ли мы возможность его усовершенствования? Если да, какими путями?

По мере дискуссии определились такие позиции. Позиция Горева, которую поддержал Слепой, свелась к следующему. Социальный строй не выбирают подобно тому, как выбирают представителей власти на Западе. Это — результат большой истории, явление эпохальное. Нам социальный строй уже дан историей, причем — дан на века. Мы лишь в начале новой исторической эпохи — эпохи коммунизма. Конечно, со временем встанет вопрос о его свержении, а именно — тогда, когда он исчерпает свои потенции. Но альтернативой ему будет не социальный строй прошлого, а что-то другое. Появятся новые критерии, новые потребности. Наши потомки вряд ли будут сражаться за возврат в дореволюционное прошлое и за капитализм. Мы принимаем нашу социальную структуру в целом, организацию наших деловых коллективов, структуру власти и основы образа жизни вообще. Мы признаем даже неизбежность социальной иерархии и различия в уровне потребления. Но мы за справедливость в рамках нашего общественного строя, мы за то, чтобы повысился уровень жизни (зарплата, жилье, одежда, еда, отдых), чтобы не были такими огромными различия в распределении материальных благ, чтобы не было бюрократизма, коррупции и прочих мерзостей. Мы за то, чтобы тот, кто лучше работает и кто способнее других, получал больше материальных благ. Мы за то, чтобы вся наша жизнь была лучше организована в рамках тех возможностей, которые нам предоставляет наш социальный строй. Как этого добиться? Чтобы выработать реалистическую программу преобразований, необходимо изучить наше общество на уровне серьезной науки, а не довольствоваться дилетантскими соображениями.

Позиция Солдата и Остряка. Мы не Академия наук, чтобы истины открывать. От знания того, что рабство было исторически обусловлено, рабам не было легче. Они все-таки восставали, заранее зная, что обречены на поражение. Ну, а что если у нас вызывает протест сам объективный ход эволюции человечества со всеми его неумолимыми и железными законами? Опыт истории учит, что борьбу против недостатков начинают всегда дилетанты. Они не обдумывают свои поступки и их последствия. И не имеют ясных целей. Они выражают общественное недовольство, и все. Если бы люди всегда заранее знали, что возможно и что нет, что

разумно и что нет, они так и остались бы в самом начале эволюции. Люди пытаются сделать что-то такое, что невозможно с научной точки зрения, и добиваются какого-то неожиданного успеха. Надо бунтовать против язв нашего общества! Мы не рабы, в конце концов!

Позиция Фюрера. Я отвергаю иррациональный бунт в духе Солдата и Остряка. И не принимаю позицию исторического терпения Горева и Григорьева. Ждать столетия?! Люди хотят улучшений условий жизни сейчас, для себя, а не для отдаленных потомков. Для этого нужны радикальные перемены в стране. Нужна новая революция, причем сверху, по инициативе высшего руководства. Нужны такие реформы, чтобы народ перестал ждать подачек сверху, чтобы он был вынужден работать так, как работают на Западе.

— Ты предлагаешь капитализм?

— Чушь! Это — идеологическая сказка, будто Запад есть капитализм. Запад — это плюрализм, демократия, индустриальное общество.

— Что, там уж и капитализма больше нет?

— Есть. Но это — совсем не то, о чем нам прожужжали уши. И роль его не та.

— Ты можешь привести пример твоих радикальных реформ?

— Сколько угодно. Например — безжалостно закрывать экономически нерентабельные предприятия.

— А что это будет означать на деле для миллионов людей? Безработицу, принудительную высылку в места, где люди не хотят добровольно жить. На словах твоя реформа выглядит хорошо, а на деле она есть покушение на самое фундаментальное завоевание нашей истории — на гарантированную работу. Народ это понимает своей шкурой. И, естественно, будет протестовать по-своему.

— Позиция народа реакционна. Надо его заставить в принудительном порядке начать жить по-новому.

— А как сочетать это насилие над народом с демократией?

— А я и не настаиваю на демократии. Я за разумную диктатуру.

— Наш народ по горло сыт этой «разумной диктатурой». Он стремится разрушить ее.

— Сейчас в стране назрели огромные разрушительные силы, — сказал Горев. — Сейчас как проповедь иррационального бунта снизу, так и попытки ради-

кальных реформ сверху могут иметь один и тот же результат, а именно — разруху, хаос, смуту, деградацию, катастрофу. Сейчас настоящий борец за блага народа и страны не тот, кто призывает к восстанию или к преобразованиям, а тот, кто стремится удержать страну от этого. Надо думать не о том, чтобы приобрести что-то новое, а о том, чтобы сохранить, осознать и оценить то хорошее, что мы уже имеем.

— А что хорошего мы имеем?

— Хотя бы эту прекрасную природу!

— Я должен вас разочаровать. Эта прекрасная природа испорчена навечно. Здесь — зона повышенной радиации.

Чернов не хотел произносить эти слова, чтобы не портить настроение. Они вырвались непроизвольно. Ночь он не спал. Ему не давала уснуть мысль: почему самые простые элементы человеческого бытия оказались самыми труднодоступными и самыми уязвимыми для мирового зла?! Оправдан ли прогресс вообще?!

Прогресс не есть абсолютное благо. Прогресс в одних отношениях сопровождается регрессом в других. Ничто не дается даром. Ничто не проходит безнаказанно. И за прогресс приходится расплачиваться. И плата порою достигает таких размеров, что невольно возникает вопрос о том, оправдан прогресс или нет. Прогресс в каком-то отношении достигает предела, за которым его издержки начинают превосходить выгоды от него. От прогресса выгадывают одни, а расплачиваются другие. Число жертв прогресса в мире растет, причем — быстрее, чем число счастливых. Прогресс давно вышел из-под контроля людей и превратил их в своих марионеток. Он стал принудительным. Прогресс не делает людей лучше. Он ведет к разрушению самых высших продуктов цивилизации — принципов и критериев нравственности. Прославление прогресса есть идеология благополучных.

Современный научно-технический прогресс не есть просто прогресс во имя улучшения условий жизни людей. Он имеет социальные основы, не имеющие ничего общего со стремлением облагодетельствовать человечество. Его движущим мотивом являются эгоистические интересы лишь какой-то части человечества, навязываемые всем в качестве всеобщих. Человечество покатило по наклонной плоскости прогресса. Оно уже не в силах избежать его катастрофических

последствий. Человечество утрачивает нечто гораздо более важное, чем очевидные достижения прогресса, а именно — утрачивает человека и человечность. Люди превращаются в роботообразные существа, объединенные в роботообразную цивилизацию с фальшивыми страстями и примитивными мыслями.

В отпуске

Отпуск летом 1984 года Юрий провел в Красноармейске. Мать уехала на Юг с Маловым. Заботу об Юрии взяла на себя бабушка.

Большую часть времени Юрий бродил в одиночестве по окрестностям города. Иногда доходил до «Атома». Однажды он встретил там мужчину лет сорока. Тот тоже бродил без цели. Разговорились. Новый знакомый назвался Робертом Кузьминым. Он отбыл семилетнее заключение за антисоветскую (как гласил приговор) деятельность. Теперь ему предстояло провести в «Атоме» еще пять лет внутренней ссылки.

— Вы будете смеяться, — сказал Кузьмин, — но меня осудили за защиту коммунизма.

— Как так, — удивился Чернов.

— А вот так! Бывает защита похуже критики. Если бы я критиковал коммунизм, мне дали бы два или три года обычных лагерей. А за защиту мне вlepили семь лет тюрьмы и лагерей строгого режима с последующей пятилетней ссылкой.

— Что же это за защита, если Вас так сурово наказали?!

— Я написал книгу, в которой обосновал закономерность всех зол коммунизма. В результате диссиденты не стали меня защищать, объявив меня махровым сталинистом. На Западе книгу не стали печатать поэтому. А наши власти сочли книгу клеветой на наш общественный строй.

— А что Вы думаете теперь о нашем строе?

— Сейчас надо о другом думать, о более важном.

— Что Вы имеете в виду?

— Близится великая смута. Скоро у нас все начнет рушиться. Боюсь, что придется защищать коммунизм иначе, от всякой мрази, которая похуже коммунистов будет.

— Откуда она возьмется?

— Всякого дерьма в России всегда было в избытке. А наш социальный строй породил дерьмо эпохальное, причем — в огромном количестве. Все наши привилегированные слои таковы. Рыба, как говорится, с головы гниет.

Чернов встретился с Кузьминым еще несколько раз. Тот развивал ему свои идеи насчет коммунизма. Чернов к своему удивлению слушал с любопытством.

— Сам по себе идеал коммунизма хорош, может быть лучше всех прочих идеалов, — говорил Кузьмин. — Но, увы, его невозможно осуществить на деле. Он предполагает разрушение частнособственнической психологии. А поди попробуй это довести до конца! Для этого надо ликвидировать семью, накопление имущества в семьях, наследование имущества, прославление писателей, музыкантов, актеров и прочих конкретных личностей. Нужно установить строгую иерархию распределения благ, ликвидировать все источники дохода, кроме официальной работы. Нужно, чтобы вся жизнь людей протекала на виду у коллективов. Надо ограничить образованность людей и культуру.

— А это зачем?! Я думаю, надо как раз наоборот поступить!

— Для страны достаточно двести писателей. А их у нас десятки тысяч. Число художников, музыкантов, актеров, спортсменов и прочих паразитов в сотни раз превышает здоровые потребности общества. А ведь каждый из них воображает себя гением и требует привилегий. Избыточное образование прививает людям завышенное представление о себе, хотя практически люди все равно остаются ничтожествами и даже еще больше портятся.

— Значит, коммунистический идеал вообще неосуществим?

— Осуществим лишь в малых масштабах, частично и на короткое время. А наше общество стало разлагаться, не успев сложиться как следует.

— Но хоть какое-то приближение к идеалу возможно?

— Чем ближе общество подходит к идеалу в каком-то одном отношении, тем дальше оно отдалается от идеала в другом отношении. Это — изначальное и вечное противоречие всякого социального идеала.

Узнав о том, что вместе с Черновым работает сын начальника «Атома», Кузьмин попросил через него воздействовать на отца, чтобы Кузьмину разрешили переселиться в Красноармейск. Он мог бы преподавать

в школе или техникуме, в крайнем случае — работать в библиотеке или сторожем. Миронов пообещал поговорить с отцом, но обещание не выполнил. А Чернов как-то позабыл о случайном собеседнике.

Приговор

В начале 1985 года Чернов закончил сбор материалов относительно жизнедеятельности Маоцзедуньки и на их основе вынес ей приговор. Это был не просто приговор некоей Елкиной Евдокии Тимофеевне как частной личности, но приговор всему советскому обществу, лишь символизируемому этой Елкиной. Естественно, он познал это общество в том виде, в каком оно сложилось в брежневские годы, включая несколько лет правления Андропова и Черненко как их инерцию. Причем, он познал это общество не как профессиональный ученый, способный наблюдать его с той же объективностью, с какой естествоиспытатель изучает стадо обезьян или муравейник, а как социологически и философски безграмотный, но от природы неглупый и наблюдательный человек, испытывающий на себе самом все недостатки этого общества. Он познал его в его негативных проявлениях, не обращая внимания на его исторически завоеванные достоинства, принимая эти достоинства как нечто само собой разумеющееся, как нечто данное от природы. Ему и в голову не приходило взглянуть на деятельность Маоцзедуньки с точки зрения объективных закономерностей функционирования власти вообще и коммунистической власти в особенности, ибо он этих закономерностей не знал и даже не подозревал о их существовании. Его знакомство с философско-социологической литературой оборвалось в самом начале, еще до того, как он мог заметить приложимость идей мыслителей прошлого к феноменам современности. Он познавал свое общество и символизирующие его личности как наиболее страдательная ткань этого общества. Наверно, так познавали бы человека израненные и окровавленные части тела человека, вынужденного преодолевать трудности ради спасения своей жизни.

Приговор Чернова гласил: Евдокия Тимофеевна Елкина, прозванная Маоцзедунькой, приговаривается им, Черновым, к публичной смертной казни за ее

преступную деятельность в качестве представителя власти советского общества и выразителя преступной сущности этого общества. Теперь осталось привести приговор в исполнение. Для этого нужен был надежный и убежденный помощник. Найти его — задача Чернова на ближайшее время. Не может быть, чтобы в таком огромном скоплении людей не нашелся такой человек!

Но неожиданное для Чернова развитие событий в стране нарушило его четко определившиеся планы.

Перестройка

Период, начавшийся в Советском Союзе в 1985 году с приходом к высшей власти Горбачева, стали называть перестройкой. Первоначальным намерением новой власти было заставить страну ускоренными темпами догонять Запад. Началась эпидемия принудительных реформ, вследствие которых страна была ввергнута в состояние кризиса и смуты. Я описал эту смуту в книге «Перестройка и контрперестройка» (Ed. Olivier Orban, 1991), к которой и отсылаю читателя.

Каждый тип общественного устройства вырабатывает свою систему запретов и ограничений — систему табу. Назревший в Советском Союзе в брежневские годы и разразившийся в горбачевские годы кризис разрушил сложившуюся систему табу и вверг страну в состояние смуты. Это состояние на Западе отчасти по неведению, а отчасти умышленно было расценено как эволюция советского общества в сторону западной демократии. На самом же деле смута не есть нечто позитивное, подобное западной демократии. Она есть явление сугубо негативное, т.е. состояние распушенности, хаоса, неподконтрольности, неспособности сохранять прежнюю систему табу. Тут все оказывается дозволенным, но не в качестве нормальной эволюции общества, а в качестве отклонения от нормы, в качестве заболевания. Здесь человек совершает поступки, ранее считавшиеся недопустимыми, не в силу органической потребности и в рамках существующих норм, а в силу представившейся возможности безнаказанно и даже с выгодой покуражиться публично, воображая себя смелым, талантливым и умным борцом за свободу и прогресс. Смута есть имитация свободы и прогресса,

но не свобода и не прогресс. Человек здесь в гораздо большей мере есть раб обстоятельств и других людей, чем в условиях системы табу. Общество в состоянии смуты подобно человеку в состоянии опьянения или действия наркотика.

Хотя предпосылки кризиса вызревали в самих основах общества по всей стране, описанное выше состояние наступило в Партграде не сразу. Партград втягивался в него постепенно. Политика перестройки ввела в заблуждение и обольстила многие миллионы людей в стране, в том числе — и партградцев. Ухудшение материального положения первое время горбачевцам еще удавалось отнести за счет «застойного» брежневского периода. Потребовалось по меньшей мере два года, чтобы партградцы стали воспринимать ухудшение всех аспектов их жизни как следствие именно политики перестройки. На высотах власти в Москве к этому времени было произнесено слово «кризис». Стали его употреблять и в Партграде.

Чернов

Чернов с самого начала перестройки обратил внимание на такие три ее особенности. Первая из них — узурпация высшей властью функций критиков недостатков советского общества. Разгромив диссидентов, власть в лице Горбачева и его сообщников вернула себе право на критику своего общества, которую (критику) на короткое время захватили в свои руки оппозиционеры. Высшие руководители страны сами заговорили, как диссиденты. Запад преисполнился неслыханными восторгами по этому поводу. О людях, которые ценой жертв и даже ценой жизни сумели сказать Западу правду о советском обществе, теперь позабыли совсем или отпихнули куда-то на задворки. В качестве главных критиков советского режима стали выступать те люди, которые ранее были оплотом режима и душили его критиков. В этом Чернов усмотрел первую величайшую подлость перестройки.

Вторым из явлений перестройки, затронувшим Чернова, была дестабилизация и дезорганизация всего привычного строя жизни. Чернов приготовился к тому, что коммунизм с его привычными атрибутами пришел на многие века. Как бы он ни относился к этому, он был

уверен в том, что страна жила, живет и будет жить стабильно и в будущем, и строил стратегию своей жизни применительно к этому фундаментальному условию. Теперь же все, казалось, рушилось. Он, Чернов, не был сторонником коммунизма. Но кажущееся и частично реальное крушение коммунизма его не обрадовало. То, что приходило на смену привычному состоянию общества, оказывалось неизмеримо хуже его, грязнее, подлее, оскорбительнее. В ситуации хаоса теряла смысл любая честная жизненная стратегия. Решающую роль приобретали самые гнусные качества людей. Раньше Чернов мог построить свой независимый мирок в рамках того стабильного образа жизни. Теперь этот мирок рухнул, а создать нечто подобное вновь было в принципе невозможно.

И третьим явлением, глубоко затронувшим Чернова, было поведение окружавших его людей. Как только стало ясно, что на вершине власти принята установка на разоблачение, дискредитацию, очернение и оплевывание всего советского и коммунистического, неисчислимо множество всякого рода подлецов, прохвостов, конъюнктурщиков и прочего сброда ринулось исполнять эту установку, наживая себе репутацию мужественных борцов против режима и глубоких мыслителей. На самом деле мужество требовалось на то, чтобы не попасть в эту моральную и интеллектуальную помойку, выпущенную из гнойников человеческих душ. А глубокомыслие этих «мыслителей» было взято из антисоветской и антикоммунистической литературы, из передач антисоветских радиостанций, из критических книг «самиздата» и «тамиздата». Идеиные воры и мародеры завладели умами и чувствами людей. Эти люди, большинство из которых сделало сравнительно успешную карьеру в доперестроечные годы и пользовалось какими-то благами того периода, стали изображать из себя жертвы брежневского террора. Перестройка в огромных масштабах удовлетворила затаенное желание палачей выглядеть жертвами, апологетов режима выглядеть его критиками, бездарностей выглядеть талантами, трусов выглядеть храбрцами, дураков выглядеть умными, короче говоря — желание ничтожеств выглядеть значительными и благородными личностями.

Вот долгожданые приблизились сроки
И свора старых подлецов,

Приняв обличие борцов,
Отважно ринулася обличать пороки

Чернов решил, что эта перестройка не для него. Ему в мире, захваченном этим сумасшествием, места нет и быть не может. Перестройка сделала бессмысленной его идейную ориентацию. Перестройщики, пришедшие к власти, с огромной выгодой для себя сделали то, что по законам нормальной истории должны были бы сделать исключительные одиночки в борьбе с властью и ценой жертв. Они превратили в источник и средство для своей корысти и тщеславия все то, что было источником потерь и страданий для этих исключительных одиночек. Они присвоили себе все то, что по праву распределения функций в обществе выполняла его страдающая часть. Но они это сделали не с целью самим пережить страдания, а с целью появиться на арене истории в обличии благодетелей рода человеческого. Подлость и лицемерие коммунистического общественного устройства в этом антикоммунистическом обличии превзошли все подобные случаи прошлой истории. Самодурство коммунистической власти здесь проявилось как саморазрушение, а хамелеонство коммунистических подвластных — как холуйская готовность вывернуться наизнанку и наплевать самим себе в лицо.

Маоцзедунька

Маоцзедунька была первой в партградском руководстве, кто сообразил, что горбачевская политика есть нечто более серьезное и долговременное, чем «новая метла». Хотя первый секретарь обкома партии Жидков из кожи лез, чтобы показать, что он не консерватор, что он душой и телом за перестройку, судьба его была предрешена. Новая Великая Революция Сверху требовала жертв. В Москве начались поиски козлов отпущения среди брежневцев. Первой жертвой стал выходец из Партграда, секретарь и член Политбюро ЦК КПСС Портянкин, обвиненный в консерватизме и в коррупции. Жидков как брежневский ставленник должен был стать козлом отпущения на уровне области. Маоцзедунька почуяла это и с яростью накинулась на Жидкова, сваливая на него вину за все недостатки прошлого. В «Партградской правде» была напечатана

гигантская статья за ее подписью с дифирамбами по адресу Горбачева и с руганью по адресу Брежнева, Портянкина, «консерваторов» и, разумеется, Жидкова. По слухам, статью для нее написал писатель Смирнов, упоминавшийся выше.

Маоцзедунька была уверена, что ее изберут на место Жидкова, и размечталась о том, как она потом скакнет в Москву и войдет в число лидеров перестройки. Чем черт не шутит! Те, кто сейчас всплыл на поверхность, ничуть не умнее ее. Ту чушь, какую они там порют, она, Маоцзедунька, может сама пороть, даже глотнув без закуски бутылку водки. Но надежды ее не оправдались. Из Москвы прислали своего человека, Крутова, старого приятеля Горбачева по совместной работе в Ставрополе. И по законам борьбы за власть с ней произошло то, что произошло в Москве с Ельциным, которому не удалось стать первым, а именно — она ударилась в ту самую крайность, в какую ударился Ельцин в Москве. Она стала шляться по магазинам и призывать стоявших в очередях граждан взять дело перестройки в свои руки. Ее популярность стала расти не по дням, а по часам. Она вкусила яда славы. В ней пробудилась страсть к власти более высокого качества, чем та, какую она имела, — к власти повелителя и, вместе с тем, избранника народа. Крутов перестал спать ночами, дрожа от страха, что «эта жирная, обнаглевшая от дурости свинья» скинет его и займет его место. Начальник управления КГБ Горбань не раз намекал Крутову, что «с этой взбесившейся сукой» надо что-то делать, иначе она «подведет всех под монастырь». Лишь замечание Горбачева в какой-то речи о необходимости бороться против двух крайностей, т.е. против консерватизма и авантюризма, несколько охладило пыл Маоцзедуньки.

Видя такое превращение Маоцзедуньки из партийного работника, характерного для брежневского периода, в активного перестройщика, Чернов начал сбор материалов об ее деятельности в этой новой роли. Упомянутая выше статья в «Парттрадской правде», подписанная Маоцзедунькой, стала первым документом в третьем томе «Дела».

Некоторые представители культурной фронды искренне попались на удочку горбачевской политики. В их числе оказался Белов.

— Горбачев делает то, к чему стремились все критики режима, диссиденты, либералы и вообще порядочные люди, — говорил Белов. — Это большая удача, что во главе власти оказался наш человек, можно сказать — диссидент. Уникальный случай в истории! Мы должны всячески его поддерживать. Ему нелегко. Консерваторы еще держат власть во всех звеньях и на всех уровнях системы власти. Ты только взгляни, какие он дела начал заворачивать!...

— Какие дела?! — говорил Чернов. — Война с пьянством, с бюрократией, с коррупцией? А когда этого не было?! Освобождение диссидентов? А что от них осталось после того, как их разгромили те же горбачевы?! Экономические реформы? А кто их не пытался осуществить?! Если хочешь сохраниться порядочным человеком, поступай всегда с точностью до наоборот по отношению к тому, как поступают наши власти.

— Выходит, власти никогда не совершают приличных действий? Не могу с этим согласиться. Не будешь же ты отрицать, что намерения Горбачева заслуживают всяческой поддержки?!

— Буду, причем — самым решительным образом. Надо различать слова и дела. Надо различать намерения и их реализацию. Давай, проанализируем все прекрасные слова и благородные намерения Горбачева с точки зрения реальности этих слов и намерений...

— Но он же не виноват в этом.

— Не будь таким наивным! Откуда он взялся на высотах власти? С Марса прилетел? Он уже в сталинские годы стал комсомольским активистом. В хрущевские и брежневские годы был партийным функционером, стал первым секретарем Ставропольского краевого комитета партии, затем работал в аппарате ЦК. Между прочим, заведовал сельским хозяйством. Руководимый им край и сельское хозяйство при нем пришли в упадок. Не будь он ловким партийным ловкачом, он не сделал бы такую карьеру.

— Но он все-таки лучше Брежнева.

— Не лучше и не хуже. Другое время — другая поза. И чем лучше он выглядит в своих речах и жестах, тем

опаснее он. Погоди немного, и ты сам увидишь, к чему она ведет.

Интеллигенция

Хотя с едой и выпивкой стало много хуже, чем раньше, собираться компаниями стали чаще. Причем, в любых сборищах одновременно с выдвижением высоких идей и планов осмеивали любые идеи, любые планы, любые события.

— Горбачев опять требует особых полномочий.

— У него же с самого начала были неограниченные полномочия. Зачем ему новые, если он и старые-то не может пустить в ход.

— Не удивлюсь, если он потребует полномочий императора. Будет Горбалеон Первый!

— Бери выше: фараона. Представляете: будет Фараон Советского Союза Горбахотеп Первый.

— Точнее, Антисоветского Антисоюза.

— Слыхали: опять новая реформа!

— Какая еще?

— Штаны решено надевать через голову.

— Скоро наша страна распадется на тысячу суверенных государств.

— И при поездке из одной области в другую виза потребуется.

— И обмен валюты.

— Это не проблема. Валюта будет конвертируемой. По одну сторону границы бросаешь в помойку валюту данной области, а по другую сторону вытаскиваешь из помойки валюту другой области. Валюта — это то, что валяется.

— Сколько у Горбачева советников? Сто? Больше? Зачем ему столько?

— Умный правитель имеет одного умного советника, а глупый — сотню глупых. Он думает, что из сотни дураков можно сложить одного умника.

— Не впадайте в панику, друзья. Коммунизм у нас кучка сталинистов построила настолько прочно, что теперь общими усилиями всего населения его не удастся развалить до конца.

— Отношение тут противоположно этому: строили коммунизм миллионы, а разваливает его разыгравша-

...яся кучка маньяков, честолюбцев, шарлатанов. Боюсь, что они добьются своего.

— Ты предлагаешь приватизировать сельское хозяйство. Покажи пример! Для себя-то ты хочешь сохранить коммунизм с твердой зарплатой.

— Так я не крестьянин, а ученый.

— Не могу понять, почему такие дураки и бездари имеют мировой успех.

— Кумиром дураков и бездарей могут быть лишь выдающиеся дураки и бездари.

— У нас хотят все проблемы решить волюнтаристски, т.е. в приказном порядке, не принимая во внимание объективные возможности и фактор времени, причем — решить раз и навсегда. Это в принципе невозможно. Можно задурить головы людям, но нельзя обмануть законы истории.

— Наши демагоги могут обмануть кого угодно, даже твои объективные законы.

Вот в таком духе шел часами на первый взгляд бессмысленный треп. Причем, определить, к какому направлению принадлежали говорящие, по тому, что они говорили, было невозможно. И они сами сначала не знали этого. Профессор Петров, например, был любителем и коллекционером анекдотов, включая анекдоты про Горбачева. Он для них завел новую тетрадь. А писатель Смирнов собирал скабрзные сплетни про Маоцзедуньку, намереваясь со временем написать о ней разоблачительный роман.

Представителей всех течений партградской интеллигенции объединяло одно: полное неверие в то, что горбачевские реформы принесут тот результат, на какой они были рассчитаны, стремление урвать для себя максимум возможного в удобной ситуации или как-то сохранить то, что уже сумели приобрести.

Слушая такую болтовню, Чернов поражался тому, что в его окружении не было ни одного фанатика коммунистических идей, готового с потерями для себя сражаться за эти идеи. Люди думали только о себе, о своем благополучии, о возможности как-то вылезти на сцену истории, привлечь к себе внимание, наговорить как можно больше «смелой» чепухи. Неужели так было всегда? Нет! Были же декабристы. Были Радищев и Чернышевский! Были народовольцы! Были большевики!

Раскол интеллигенции

Партградская интеллигенция пережила сложную эволюцию, прежде чем в ней появились какие-то более или менее определенные группы, течения, направления. Сначала большинство встретило политику перестройки настороженно, скептически и со страхом. Когда в Москве определилась устойчивая установка на «новый курс», наиболее ловкие и беспринципные партградские интеллектуалы, отталкивая друг друга, наперегонки ринулись догонять московских собратьев. Произошел раскол на перестройщиков и консерваторов, в число которых вошли и нейтрально настроенные: перестройщики мыслили по принципу: «Кто не с нами, тот против нас». Потом перестройщики разделились на умеренных (горбачевцев) и радикальных (ельцинцев). Радикалы разделились на деструктивных и конструктивных. Умеренные раскололись на сторонников компромисса с консерваторами и упорных перестройщиков. Консерваторы, в свою очередь, разделились на противников перестройки, нейтралов и симпатизантов. Противники перестройки разделились на брежневистов, сталинистов и неокommунистов. Симпатизанты перемешались с конструктивными радикалами. Потом началась такая мешанина, что позицию того или иного интеллектуала определить можно было только на короткий срок, да и то без полной уверенности в том, что он одновременно не стоит на позиции противоположной.

Посторонние наблюдатели делили партградских интеллигентов на три группы — нейтралов, радикалов и горбачевцев. Радикалов стали считать подлинными перестройщиками, а горбачевцев скрытыми консерваторами. Позиция нейтралов выражалась формулой: нам на всю эту реформаторскую суету наплевать, все равно из нее ничего хорошего не выйдет. Позиция радикалов выражалась формулой: если ломать, так уж до конца, чем больше ломаем, тем лучше. Позиция горбачевцев выражалась формулой: поддерживать политику Горбачева, так как для нас любое другое руководство было бы хуже. У нейтралов никаких лидеров не было, поскольку не было никаких планов преобразований. У радикалов было много лидеров, так как было много разнообразных планов преобразований. Среди них особенно стал выделяться писатель Смир-

нов. Он срочно опубликовал разоблачительный роман, который он якобы сочинил еще в брежневские годы, но который якобы был тогда запрещен, вышел из КПСС, вступил в Демократическую партию, стал одним из ее вождей и ближайшим советником Маоцзедуньки. Горбачевцам никакие лидеры не требовались, что роднило их с нейтралами, поскольку все официальные проводники горбачевской политики и были их лидерами, что роднило их с радикалами.

Перестроечное собрание

Во всех учреждениях и предприятиях города прошли собрания — партийные, комсомольские и общие. Самые ловкие и беспринципные карьеристы и конъюнктурщики стали вдруг реформаторами, начали обличать язвы брежневизма и сталинизма, выявлять консерваторов и бюрократов. Жертвы выбирались со знанием дела и с расчетом, что они не дадут сдачи и не будут поддержаны пассивной массой сотрудников. Но консерваторы, бюрократы, брежневисты и «недобитые сталинисты», привыкшие к покорности перед высшим начальством и к покорности нижестоящих, не оказали никакого сопротивления. Они восприняли это как новую установку высшей власти и думали только об одном: как бы уцелеть. Одни из них просто «поджали хвосты» и затаились. Другие ринулись вместе с перестройщиками призывать «мыслить по-новому» и клеймить «консерваторов».

Прошло такое собрание и в Протезном комбинате имени маршала С.М. Буденного. С докладом о перестройке выступил сам директор. Он пересказал то, что говорили высшие реформаторы и писали центральные газеты, призвал (вслед за Горбачевым) «мыслить по-новому», выразил уверенность в том, что здоровый коллектив комбината сделает все от него зависящее для ускоренного развития, короче говоря — сказал все то, что и должен был сказать руководитель предприятия в такого рода ситуации, дабы заслужить одобрение еще более высоких руководителей и удержаться на посту. Но в конце речи директор сделал промашку, — решил показать, что и он способен «мыслить по-новому» и открыто выразить свое собственное мнение. Он сказал, что к перестройке комбината надо подойти с

учетом его конкретных особенностей, а именно того, что он прежде всего является исследовательским, экспериментальным и медицинским учреждением, что при переводе его на самофинансирование надо учитывать платежеспособность (а вернее неспособность) инвалидов и т.д.

Директору аплодировали. Но, как оказалось, преждевременно. В кругу высших перестройщиков области он уже был зачислен в «консерваторы», которые «пихают палки в колеса прогресса». Пронюхавший каким-то путем об этом заведующий отделом ножных протезов Гробовой выступил с резкой критикой директора. Он сказал, что директор недооценивает важности и сущности перестройки и фактически саботирует ее, маскируясь ссылками на конкретные особенности комбината. На самом деле вся технологическая база и деловая организация комбината безнадежно устарели. Нужно все радикально обновлять, чтобы подняться на уровень высших мировых достижений. Одним словом, директора и ряд других замаскированных «консерваторов» надо прогнать и на место их выдвинуть молодых, инициативных и действительно по-новому мыслящих работников. Хотя все понимали, что речь Гробового была чистой демагогией, все понимали также, что такой прохвост не стал бы так говорить на свой страх и риск. Он наверняка где-то пронюхал новую установку насчет комбината или получил прямые инструкции.

После речи Гробового в зале наступила гробовая (как потом шутили сотрудники) тишина. Неожиданно для всех слово попросил Горев. Он поддержал мысль директора о том, что с перестройкой комбината торопиться не следует. Комбинат так или иначе выполняет свои функции. Торопливая перестройка может просто разрушить его. А ведь речь тут идет не просто о судьбе нескольких людей, которых решили считать консерваторами, а о судьбе многих тысяч инвалидов. Нельзя ломать старое, не построив новое, которое лучше старого. Пусть сначала товарищ Гробовой создаст новое предприятие на мировом уровне, которое сделает излишним существующее предприятие, и тогда последнее можно будет ликвидировать или переделать. Легко перестраивать на словах. А практически следование призывам товарища Гробового приведет к гибели комбината.

Гореву не аплодировали. Его выступление было явно не в духе идей перестройки. Странно, что именно он так выступил. Ведь в годы брежневского застоя именно он больше всех пострадал, именно его изобретения не пустили в производство. Кто не пустил? Да тот же Гробовой, который раньше лизал зад директору, глушил любое новаторство в своем отделе, а теперь вдруг оказался энтузиастом перестройки. Ловкий негодяй, ничего не скажешь! А что делать?! Нельзя же поддерживать Горева и директора, хотя они абсолютно правы. Неприятностей не оберешься. С работы выгонят. Так думали молчавшие сотрудники.

Опять наступило замешательство. И опять неожиданно для всех выступил заведующий отдела проблем моделирования Белов. Он сказал, что он не любитель произносить публичные речи, но что в сложившейся обстановке начала перестройки страны уклоняться от участия в дискуссии было бы преступно. Его, откровенно говоря, удивило выступление товарища Горева. Он, Белов, не думал, что Горев окажется в лагере противников перестройки. Михаил Сергеевич абсолютно прав, назвав перестройку Второй Великой революцией. Она давно назрела. И теперь каждый должен для себя определить, по какую сторону баррикад он окажется. Мы должны оставить в стороне свои личные пристрастия и поступить так, как подсказывает гражданский долг. Всем известно, что у него, у Белова, всегда были дружеские отношения с товарищем Горевым и конфликтные (мягко говоря) — с товарищем Гробовым. Но он, Белов, несмотря на это, осуждает выступление Горева и всячески приветствует выступление Гробового.

Белову аплодировали, хотя и не очень охотно. Во всяком случае сотрудникам комбината становилось ясно, откуда и куда дует ветер, и они разворачивались в нужном направлении. После выступления Белова слова стали просить многие. Выступали в основном сотрудники, считавшиеся молодыми. Все они поддерживали идеи перестройки и критиковали «застойный период». Выступил и Миронов. Он сказал, что бессмысленно спорить на тему, нужна перестройка комбината или нет. Она просто неотвратима. Комбинат превратился в допотопное предприятие. Работать так дальше нельзя. Возьмите хотя бы такой факт: в комбинате до сих пор нет ни одного компьютера. Ни одного!

На Западе даже детские игрушки делают с компьютерами, а тут!... Одним словом, комбинат не может и дальше работать без современной западной технологии. В наш век всеобщей компьютеризации... И т.д. и т.п. В заключение речи Миронов сказал, что надо исправить историческую нелепость, а именно: надо отказаться от имени маршала С.М. Буденного. Какое отношение имеет этот сталинский монстр Буденный, который умел лишь шашкой махать, к комбинату?!...

Призыв Миронова был встречен бурными овациями. Аплодировали все, включая обрутанного директора. В заключительном слове директор признал критику в свой адрес справедливой. Ему тоже аплодировали. Единогласно приняли резолюцию, осуждающую консерваторов и одобряющую перестройку.

Чернов

Чернов в дискуссии и кипении страстей участия не принимал. Он был не в восторге от перестройки. Он чувствовал, что она несет что-то враждебное ему. Уже одно то, что инициативу захватывали прохвосты вроде Гробового, красноречиво говорило о сущности ее. Но и защищать то, что было в прошлые годы, защищать сложившийся в комбинате порядок, он не мог никак. Он ему был враждебен тем более. И выбирать меньшее зло из двух зол ему не приходилось, было еще не известно, в какое зло перерастет перестройка. Жизнь проходила мимо него, чуждая ему в любой ее форме.

Выступление Горева его удивило. Сначала оно показалось ему действительно защитой консерваторов. Но Горев не тот человек, чтобы примыкать к каким-то консерваторам и заискивать перед директором, дном которого, очевидно, сочтены. Горев защищал на самом деле тех, кто мог стать самой уязвимой жертвой перестройки, т.е. тех, кого обслуживал комбинат, — инвалидов. С подъемом комбината на высший мировой уровень технологии все равно ничего не выйдет. Надо свои, отечественные изобретения и открытия внедрять в производство. Они не хуже западных, а главное — они доступны нам с нашими возможностями. Горев, конечно, прав. Но защищать его позицию в сложившихся условиях невозможно и бессмысленно. Начинается

период всеобщего сумасшествия. Для позиции здравого смысла в нем нет места.

Но Белов и Миронов! Эти-то зачем вылезли? Что, они не знают, кто такой Гробовой?! Неужели тоже поддались общему сумасшествию и тоже захотели на арене истории покривляться?! Или тоже почуяли, что тут наживой пахнет?

Домой он добирался один. К Белову и Миронову подходить не хотелось. Они теперь ему представлялись самыми заурядными прохвостами. К Гореву ему подходить было стыдно. Он чувствовал себя предателем, бросившим товарища в беде. Вместе с тем, ему казалось, что Горев сам поставил его в такое ложное положение, заставив делать выбор из двух позиций, которые обе для него неприемлемы.

Демократизация

Горбачевское руководство вознамерилось перестроить советский «казарменно-бюрократический социализм» в «демократический, гуманный социализм». Слово «коммунизм» перестали употреблять — оно стало почти что синонимом слова «фашизм» и уж во всяком случае слова «тоталитаризм». Этот процесс в горбачевской прессе называли демократизацией. В Парттраде по этому поводу появилась шутка: соотношение демократии и демократизации является таким же, как соотношение канала и канализации. На приоритет в изобретении этой шутки претендуют во многих других местах страны, в Москве — в первую очередь. Но скорее всего это изобретение было сделано одновременно во всех районах страны. Это свидетельствует о том, что и в других местах происходило нечто подобное демократизации в Парттраде. А аналогия с канализацией тут была полная.

В Парттраде, как и повсюду в стране, демократизация заключалась в том, что высшая власть даровала гражданам гражданские свободы и права человека, допустила многопартийность и начала переводить систему власти на путь парламентаризма. Высшая власть осуществила это как революцию сверху, так как у самих парттрадцев ничего подобного до этого даже в мыслях не было.

Первым шагом демократизации по-парттрадски

явилось официальное признание того, что гражданские свободы и права человека являются врожденными и неотъемлемыми. Партградцы сначала пришли в замешательство. Никаких таких прав и свобод у них до сих пор не было. Если верно, что нельзя у людей отнять то, чего у них нет, то права и свободы в Партграде можно было считать неотъемлемыми. А вот насчет врожденности — это сомнительно. Как можно говорить, например, о прирожденной свободе вероисповедания и публикаций, если религия была открыта сравнительно недавно, а книгопечатание было изобретено всего несколько столетий тому назад. А для свободы эмиграции нужно по крайней мере иметь различные государства, закрепленные законом границы и гражданство. Если верить газетам, свободы и права партградцам дали сверху, из Москвы, а отнюдь не в родильном доме. А раз дали, так ведь и отнять могут. Как быть тогда с их неотъемлемостью? Не вашего ума дело, — сказали партградцам реформаторы. На передовом Западе, который теперь стал для нас образцом и который мы будем догонять ускоренными темпами, свободы и права считают врожденными и неотъемлемыми. Так что извольте слушаться, а не то!.. Партградцы намек поняли и кинулись наслаждаться врожденными и неотъемлемыми правами и свободами. Умудренные опытом старики, глядя на начавшийся содом демократизации, качали головами и говорили: если так живут на Западе, то слава Богу, что мы прожили жизнь не там.

В Партграде появились десятки новых газет и журналов. Разобраться в их направлениях было невозможно. Объединяло их то, что все они наперегонки поливали грязью все то, что чтилось раньше, и перевозносили все то, что порицалось раньше. Поносили не только Брежнева и Сталина, но также и Ленина, и Маркса. Превозносили Бухарина, Троцкого, генерала Власова, Колчака, Столыпина, царя Николая Второго. Статьи, в которых не было оплевывания всего советского и коммунистического и тем более статьи в защиту того, что оплевывалось, пропускались в порядке исключения, да и то с целью показать плюрализм, терпимость к другому мнению, свободу слова.

Начались бесчисленные конференции, дискуссии, круглые столы, митинги и прочие сборища трепачей на любые темы. Город превратился в своего рода огромное собрание, на котором каждый, стараясь пере-

кричать других, болтал все, что ему взбредет в голову. Каждый вдруг почувствовал себя способным стать мыслителем века. Люди, понятия не имевшие о марксизме-ленинизме, громили его воображаемые глупости, сами впадая в чудовищные реальные глупости. Люди, понятия не имевшие о законах общественного устройства и эволюции, выдвигали планы преобразований общества один нелепее другого. Интеллектуальная и моральная помойка захлестнула город.

Маоцзедунька

Развитие событий навязывало Маоцзедуньке роль, которая ей никогда не снилась, — роль партградского Ельцина. Не исключено, что тут свою роковую роль сыграла ее фамилия: Елкина — это почти Ельцина. Ее кандидатуру на пост председателя областного Совета («президента области») выдвинули демократы. Она набрала восемьдесят процентов голосов, тогда как ее конкурент, выдвинутый обкомом партии, набрал всего двадцать процентов. Газеты изобразили это как блистательную победу демократов над коммунистами. Маоцзедунька отказалась от заведования отделом и вообще вышла из состава обкома партии. Поскольку партийные органы стали оттесняться от руководства, Маоцзедунька фактически становилась фигурой номер один.

Революция и контрреволюция

По всей стране началась оргия переименований городов, улиц, площадей, заводов и даже кораблей. В Партграде по инициативе Маоцзедуньки Ленинской улице вернули дореволюционное название Дворянская. Районный город Красноармейск, где Маоцзедунька начала восхождение на высоты власти и где Чернов провел свое детство, переименовали в Троицк. Здравомыслящие люди писали бесчисленные письма в газеты и органы власти с возмущениями по этому поводу. Они обращали внимание на то, что все эти переименования стоят огромных денег, которые нужны на более важные дела. Эти переименования фактически ведут к тому, что из нашей истории вычеркивается ее самая значительная часть. А главное — жизнь людей от этого

нисколько не улучшается. Но с мнением этих людей новые власти считаются не стали. Они были опьянены своей «революционностью».

В Протезном комбинате тоже прошло общее собрание, на котором под бурные аплодисменты было решено отказаться от имени маршала С.М.Буденного. Ни в чем неповинного героя Гражданской войны облили грязью и объявили сталинским палачом. Эпидемия массового сумасшествия захватывала самые недра России.

После собрания Горев, Чернов, Миронов и Белов собрались в кабинете Белова.

— Что скажете, — со смехом сказал Белов. — Забавно все-таки. Что бы там ни было, а в такой форме осуществляется суд истории. Слышали, что сказал Гробовой? Только в нашей области более трехсот объектов носило имя Буденного. Сколько же их было по стране?! А за что такие почести?

— Буденный был символом победы и рода в Гражданской войне, — сказал Горев. — Я согласен, тут был явный перегиб. Но можно было его исправить постепенно, без шума. А теперь вместо серьезного дела по перестройке жизни страны к лучшему мы кидаемся в другую крайность и разрушаем все то, что надо было бы сохранить навечно.

— Когда речь идет о массовых явлениях, по-другому не получится, — сказал Белов. — Массы всегда кидаются из одной крайности в другую.

— Массами манипулируют. Если бы вышла установка свыше начать присваивать городам, улицам и предприятиям имена Горбачева, Ельцина и прочих реформаторов, массы с таким же энтузиазмом сделали бы это.

— Горбачев назвал весь этот начавшийся по его инициативе бардак революцией сверху и даже Второй Великой революцией, — сказал Чернов. — В таком случае и манифест царя Александра Второго об освобождении крестьян можно считать революцией. И смуту времен Лжедмитрия. И реформы Петра. И даже разгром восстания декабристов.

— Не придирайся к словам, — сказал Миронов. — Что такое революция? На Западе любую значительную перемену называют революцией.

— Ладно, пусть революция, — сказал Горев. — Важно, какая именно. В истории обычное дело, когда учас-

тники и свидетели событий не отдают отчета в их сущности и облачают их в ложную идеологическую форму. Контрреволюционный переворот 18 брюмера 1799 года во Франции даже революционеры считали продолжением революции 1789 года. Большинство современников именовали его «революцией 18 брюмера». Сходство с сегодняшней ситуацией у нас поразительное. Горбачевская «революция сверху» не есть продолжение Октябрьской революции. Это — контрреволюция по отношению к ее результатам. Октябрьская революция уничтожила классы частных собственников, принесла колоссальное облегчение труда и улучшение условий жизни широким слоям населения. С этой точки зрения она была народной революцией. А что пытается сделать Горбачев? Возродить класс частных предпринимателей. С какой целью? С целью заставить производителей ценностей работать так, чтобы правящие и привилегированные слои имели уровень жизни, какой имеют высшие слои на Западе. Это будет означать усиление эксплуатации низших слоев в интересах высших. Это антинародная «революция».

— Но ведь наши привилегированные и правящие слои как раз страдают от перестройки, подвергаются гонениям, — сказал Белов. — Дали же по шапке Портянкину, Жидкову и многим другим!

— Надо в таких случаях мыслить диалектически, — сказал Горев. — Революция, как и контрреволюция, есть явление сложное и противоречивое. Возьми Октябрьскую революцию. В чем была ее социальная сущность? В том, что были ликвидированы классы частных собственников, и господствующим классом стал класс государственных чиновников. Этот класс как класс выгадал от революции, расширился, укрепился, стал хозяином общества. Но конкретные представители этого класса дореволюционной России пострадали от революции и противились ей.

— В таком случае горбачевская революция действительно есть продолжение Октябрьской, раз наши правящие слои выигрывают от нее, — сказал Миронов.

— Странно, что профессионал не понимает сути дела, — сказал Горев. — Это Горбачев надеется, что его власть сможет удержать частных под контролем и использовать их в своих интересах. А что думают сами частники? Если этот процесс пойдет дальше всерьез, то частники захватят власть в обществе. Они подчинят

себе государственную власть, и страна покатится к капитализму.

— А может быть это и хорошо, — сказал Белов. — Может быть и мы начнем жить, как живут на Западе.

— Когда? — спросил Чернов. — Через сто лет, через двести? И кто заживет? И во что это обойдется народу? Да и как на самом деле люди живут на Западе?

Где лучше

Двадцать лет назад один партградец эмигрировал на Запад. Все эти годы он занимался активной антисоветской пропагандой. С началом перестройки отношение к эмигрантам изменилось. Их стали приглашать в Советский Союз, печатать их интервью и статьи, давать возможность выступать по телевидению. Принимали их как героев, как жертв брежневской эпохи, как знатоков не только западной, но и советской жизни. Навестил Партград и упомянутый эмигрант. Его встретили так, как сказано выше. Поили наилучшей водкой, кормили икрой, развесив уши слушали его трепотню о райской жизни на Западе. Газеты напечатали интервью с ним. Он пел дифирамбы Западу. На вопрос о том, где лучше — у нас или у них, — сказал, что тут двух мнений быть не может: конечно, на Западе. Вскоре гость уехал обратно и напечатал в западной газете статью о том, что он увидел на своей бывшей Родине — в Партграде. Статья была грязная и подлая. Но ее перепечатали многие газеты города с различными комментариями. Все комментарии были дурацкие, за исключением одного, принадлежавшего обыкновенному школьному учителю, ни разу не выезжавшему на Запад.

Учитель писал, что хотя он ни разу не был на Западе, он имеет представление о том, как там живут. Он руководствуется обычным здравым смыслом. Где лучше — на Западе или у нас, — вопрос бессмысленный. Смотря, кому. Смотря, с какой точки зрения. В каждом обществе есть люди, которым живется хорошо, и есть люди, которым живется плохо. Это вздор, будто на Западе все и всегда счастливы, а у нас — несчастны. Это — вздор, будто Запад есть воплощение добра, а мы — зла. Надо понять, что коммунистический социальный строй и западная демократия суть равноправные исторические партнеры. Что из них лучше — это не

вопрос для теоретических дискуссий. Это решится в длительной исторической эволюции. Советские люди, посещая Запад, видят изобилие вещей в магазинах. Но они не хотят знать, как люди добывают деньги, чтобы эти вещи покупать. Кроме того, советские люди сравнивают свое положение с положением людей аналогичной социальной категории на Западе. Причем, они обращают внимание лишь на бытовой и материальный аспекты жизни, игнорируя прочие, в частности — условия труда. Им в голову не приходит поставить вопрос: а достигли бы они такого положения, какого они достигли дома, на Западе или если бы у нас был капитализм? Мнение советских людей, выезжающих на Запад, доверия не заслуживает, поскольку они как правило ездят туда обарахляться, и настоящей жизни на Западе не знают. Тем более не заслуживают доверия слова эмигрантов. На Запад уехали далеко не лучшие советские граждане, а главным образом шкурники, проходимцы, искатели более сытой жизни. И хвалят Запад те из них, кто пристроился к западному пирогу, служа западной пропаганде и секретным службам.

Запад навязал нам, русским, свое понимание явления не только своей, но и нашей жизни и истории. Запад поступил с нами так, как европейцы в свое время поступили с индейцами в Америке. Он подкупил нас самыми грошовыми отходами своего образа жизни и заразил нас своими пороками. У нас не оказалось иммунитета против тлетворного влияния Запада. Мы предали великие завоевания нашей революции и советской истории за жевательную резинку, джинсы, рок-музыку, свободу проституции и грабежа народа.

Эта короткая заметка вызвала бурю негодования у прозападно настроенных партградцев. Редакции газет были завалены сотнями писем с требованием выяснить, почему таким учителям доверяют воспитание детей. Бедного учителя, добросовестно проработавшего в школе более тридцати лет, уволили с работы. Учитель не вынес такой несправедливости и повесился. Об этом в нескольких строках сообщила газета «Вечерний Партград». Но на это сообщение никто не обратил внимания. Партградцы рвались к западнизации, им было не до жизненной трагедии какого-то школьного учителя.

По предложению Маоцзедуньки снесли бюст бывшего секретаря ЦК КПСС Портянкина в Новых Липках. На митинге по этому поводу Маоцзедунька заявила, что в Областном Совете решается вопрос о возвращении городу дореволюционного имени «Царьград». Эти слова Маоцзедуньки восторженными воплями приветствовала толпа монархистов, явившихся на митинг с царскими знаменами и портретами царя Николая Второго. Привыкшие ко всему партградцы диву дивились, откуда в городе набралось столько монархистов. Такие репрессии и чистки в сталинские годы проводились, а они все-таки уцелели! Но приглядевшись к монархистам, партградцы увидели, что большинство из них были молодые люди, никакого отношения к монархии и к дворянству не имевшие.

В «Партградской правде», иногда печатающей статьи с робкой критикой «крайностей» перестройки, откликнулись на призыв Маоцзедуньки статьей дотошного экономиста, подсчитавшего, во что уже обошлась области оргия переименований поселков, городов, улиц и предприятий. Цифра была астрономическая. А переименование Партграда по крайней мере удвоит эти траты. Инициаторы переименований должны принять во внимание, писал дотошный экономист, что Партградская область живет не изолированно от других частей страны и всего мира, и что партградские переименования будут стоить огромных средств всей стране. А не лучше бы было потратить эти средства, предлагал экономист, на улучшение бытовых условий жителей области, например — на повышение пенсий и на пособия безработным, число которых неумолимо растет в области?

Газета «Партградские новости», ставшая рупором радикалов, напечатала статью самой Маоцзедуньки, которая обвинила «Партградскую правду» в консерватизме и в «повороте назад, к брежневизму и сталинизму». Наш народ, говорилось в ее статье, «должен сначала полностью и окончательно распрощаться с проклятым прошлым, чтобы уверенно двигаться вперед по пути демократизации и рыночной экономики».

В дискуссию включились и прочие органы печати. В газете «Литературный Партград» появилась статья уже упоминавшегося популярного журналиста Влад-

лена Коровина. Он соглашался с Маоцзедунькой в том, что «с проклятым прошлым» надо, конечно, рассчитаться, но не путем создания еще более проклятого будущего. Интересно, как стали бы вести себя инициаторы переименований, если бы их заставили за это платить из своего кармана?! Всех богатств некоторых из них (намек на Маоцзедуньку), накопленных в годы «проклятого прошлого», вряд ли хватило бы на то, чтобы вернуть партградским улицам, названным в честь выдающихся революционеров и героев Гражданской и Великой Отечественной войн, дореволюционные названия «Дворянская», «Купеческая», «Навозная», «Троицкая» и т.п., а также имена купцов Чушкина, Сундукова и Криворылова. И хотелось бы получить от Евдокии Тимофеевны разъяснение, как она понимает западную демократию и рыночную экономику, которые она намерена ввести в нашей области на место «проклятого прошлого».

Многопартийность

В Москве приняли решение ликвидировать монополию КПСС на власть и о необходимости многопартийной системы. В течение короткого времени в стране возникло множество партий. Демократическая платформа, Народный Фронт, Социалистическая инициатива, Социалистическая партия, Конфедерация анархо-синдикалистов, Либеральные демократы, Социал-демократическая партия, Социал-демократическая ассоциация, Демократическая партия, Либерально-демократическая партия, Союз конституционных демократов, Христианско-демократическое движение, Демократический союз, Мемориал, Память, Щит, Альтернатива, Спасение, Республиканская партия, Монархическая партия, Либертарианская партия и т.д. и т.п. Короче говоря, началась такая оргия «демократии», какая на Западе и не снилась.

В Партграде возникли отделения всех московских партий. Начались расколы, объединения, переименования, склоки. Переругались демократы и распались на множество групп (более пятидесяти), объявивших себя самостоятельными партиями. Это — Демократы, Либералы, Социалы, Демократические либералы, Демократические социалы, Либеральные демократы,

Либеральные социалы, Социал-демократы, Демократ-либералы, Либерал-социалы. Социал-либералы и т.д. (полный список был опубликован в «Партградской правде»). Переругались патриоты и тоже распались на множество групп (около ста), объявивших себя самостоятельными партиями. Это — Русолюбы, Русофилы, Антисемиты, Антижиды, Антисионисты, Патриотические антижиды, Националы, Национал-демократы, Национал-либералы, Национал-социалы, Национал-русолюбы, Национал-антижиды, Монархисты, Монархо-либералы, Монархо-демократы, Монархо-социалы, Монархо-антижиды и т.п. (полный список найдете там же).

Жители Партграда, равнодушные к идейно-политическим различиям партий, называли, как это имело место во времена Великой Французской революции, их по названию мест, где они пьянствовали и где находились вытрезвители, в которых их приводили в чувство. Так, в Партграде возникли партии Мусорщиков, пьянствовавших в районе мусорной свалки, Навозников, протрезвлявшихся на Навозной улице, Засранцев, пьянствовавших за Саранским рынком, Могильщиков, пьянствовавших на кладбище, Милитаристов, протрезвлявшихся неподалеку от военного завода, и многие другие. Как писали газеты, о такой многопартийности на Западе даже и не мечтают. Маоцзедунька сказала по этому поводу, что еще пару лет демократии, и в Партграде каждый бездельник, паразит и пьяница будет иметь свою партию. Горбань сказал, что это хорошо, лишь бы это отребье не вздумало объединяться. Опасения Горбаня оказались пророческими. Начался обратный процесс — объединение партий. Что тут получилось, без компьютера не разберешься. Выражение «без компьютера не разберешься» пришло на смену выражению «без пол-литра не разберешься» застойного периода.

Демократы у власти

В результате многопартийного брожения образовался блок партий и групп, получивший название Союза социал-демократов, сокращенно — ССД. Демократы одержали победу на выборах в органы власти почти на всех уровнях и повсеместно. Они победили

коммунистов под популистскими лозунгами ликвидации монополии КПСС и лишения партократии привилегий. Поддержка народа была столь мощной, что органы КПСС спешно покидали свои административные дворцы, отдавая их под детские сады, интернаты, школы, больницы, библиотеки. Партийный аппарат подвергся резкому сокращению. Партаппаратчики лишились персональных автомашин, дач, закрытых рас пределителей. А дальше случилось то, чего и следовало ожидать. Не заботы о нуждах населения и улучшение работы учреждений власти, а политические баталии, пустопорожние словопрения, некомпетентность, амбициозность, погоня за высокими окладами, которые они сами устанавливали дружным голосованием, — вот что оказалось реальностью их правления. Результативность деятельности Советов резко снизилась, за-то расходы на них выросли сравнительно с прежними годами, по крайней мере, втрое.

Дискуссия о свободе

В комбинате организовали дискуссию о свободе. Чернов решил принять в ней участие. Он основательно подготовился к ней — это должно было стать его первым публичным выступлением. Основная идея, которую он собирался развить в своей речи, заключалась в следующем. Надо различать свободу как политическую форму жизни общества и свободу как неспособность власти бороться против распущенности и хаоса, сохранять общественный порядок. Надо различать, далее, свободу, дарованную сверху, и свободу, завоеванную снизу. Свобода, дарованная сверху, есть либо бессилие власти, либо тактика власти, либо махинации власти. Такая свобода является в основном иллюзорной и скоропроходящей. Ее дали, ее могут и отобрать, когда захотят. Только такая свобода, которая завоевана в результате длительной эволюции общества, причем — снизу и в борьбе с «верхами», есть свобода более или менее устойчивая и в значительной мере реальная. То, что мы имеем сейчас, есть политика свободы, а не свобода в собственном смысле слова, и банальная неспособность властей держать в узде разбушевавшуюся стихию.

Когда началась дискуссия, с трибуны в зал обруши-

лось безответственное словоблудие, некомпетентность, злоба, клевета на критикуемых и отсутствие каких бы то ни было оригинальных идей. Все говоримое было взято из антисоветских передач западных радиостанций или украдено из сочинений критиков режима, о которых старались не вспоминать. Дорвавшись до трибуны и начав болтать, ораторы не могли остановиться. Их с трудом сгоняли с трибуны. Из двадцати человек, записавшихся для выступлений, сумели высказаться не более десяти. Прочим, включая Чернова, просто не осталось времени.

Если уж за возможность высказаться перед этой шумной и плохо слушающей аудиторией идет такая звериная драка, подумал Чернов, так что же должно твориться в среде тех, кто рвется на трибуну более широкую, — в прессу, на телевидение и радио?!

Угроза приватизации

Протезный комбинат, где работал Чернов, никогда не был рентабельным предприятием. Это было скорее медицинское и исследовательское учреждение, а не производственное. Комбинат поставлял для продажи в магазины протезы и другие предметы для инвалидов, включая инвалидные коляски и костыли, но они продавались по условным ценам много ниже их себестоимости. Так что перевод комбината на самофинансирование означал катастрофу. Какое-то время он еще мог существовать за счет побочной продукции — манекены для магазинов, детские игрушки, детали для автоматических устройств и т.п. Очень быстро побочная продукция вытеснила основную. Со всех концов страны во все учреждения власти и в газеты посыпались жалобы на дефицит предметов для инвалидов. Комбинат стал объектом яростной критики со стороны перестройщиков и был включен в число нерентабельных предприятий, подлежащих ликвидации или приватизации.

Такой поворот дела вызвал возмущение у сотрудников комбината и у огромного числа инвалидов, так или иначе связанных с комбинатом. Стихийно возник митинг на территории комбината. Выступавшие ораторы требовали восстановить статус комбината как медицинского и исследовательского центра, находившегося на дотации у государства. Неожиданно при-

ехала сама Маоцзедунька и закатали речь, смысл которой свелся к обещанию, что после приватизации сотрудники комбината будут получать зарплату вдвое больше, чем сейчас, и комбинат повысит производительность, по крайней мере, втрое. Она не сказала, сколько сотрудников останется в комбинате и какую продукцию он будет выпускать. Никто не догадался спросить ее об этом. После ее отъезда собравшиеся раскололись, и инициативой завладели проповедники приватизации.

— Ну что же, товарищи, — сказал Белов сотрудникам своего отдела, — против потока истории не поперешь. Комбинат наверняка продадут каким-нибудь жуликам на ближайшем же аукционе. Что они тут устроят, легко предвидеть: что угодно, только не то, чем занимались мы с вами. Так что советую вам искать новую работу, не дожидаясь официального увольнения.

— Вот теперь, — продолжал Белов, когда сотрудники разошлись, и Белов с Черновым остались вдвоем, — я эту гадину прибил бы сам. Чем угодно — кирпичом, отверткой, ножницами. Если ты еще не забросил свой замысел и если надумал что-то дельное, можешь рассчитывать на меня.

— А что это изменит, — усмехнулся Чернов, — если мы убьем эту гадину? Отдел-то все равно закроют. Нас с тобой посадят в психушку, если не расстреляют. Эта гадина станет героиней. На ее место придет другая гадина.

— Ты иронизируешь. А что ты можешь предложить посерьезнее?

— Делать, так по-большому, как говорится. Ходит слух, будто сам Президент приезжает к нам, хочет поговорить с трудящимися лично. Надо думать, побывает на крупнейших предприятиях — на химическом комбинате, на заводе автоприборов, на военном заводе. А лучше всего — в аэропорту. Помнишь наш разговор там десять лет назад?

В кабинет зашел Социолух. Сказал, что заведующий его отдела посоветовал им искать работу. Отдел наверняка закроют. Но паниковать не стоит. Таких математиков, как Белов и Чернов, возьмут в любом приличном учреждении. Хотя быв «Атоме». В крайнем случае его отец поможет. А платят там вдвое больше. Что касается его, Социолуха, отец обещал пристроить его референтом к какому-нибудь высокому лицу. Ра-

бота не бей лежачего. Глядишь, и он начнет карьеру делать.

— Но если без шуток, — сказал он, видя мрачные лица друзей, настроение поганое. Я бы, честно говоря, с удовольствием всади́л бы этой гадине обойму в рыло и в пузо.

— Юрий считает, что это мелкогато, — сказал Белов.

— Надо выше брать. — Неплохая идея!

Мысли наедине

«Все-таки моя интуиция меня не обманула. Обстоятельства складываются так, что все, абсолютно все средства борьбы потеряли смысл, кроме одного: терроризма. Ареной истории завладели самые гнусные отбросы общества. Есть только один способ избежать гибели, которую несут с собой эти гады: убивать, убивать и еще раз убивать! Нужно, чтобы это стало массовым явлением. Для этого нужен яркий пример. Не организация, а именно пример. Я уверен, что в стране есть многие тысячи людей, способных пойти на такой шаг ценой своей жизни. Им нужно подать сигнал и показать пример. Это — наш гражданский долг. Если мы не сделаем это, страна либо погибнет, либо погрузится в еще худшую тряси́ну серости, грязи, зловония».

Суд истории

К концу восьмидесятых годов кампания по восстановлению исторической правды в Советском Союзе переросла в мазохистское саморазоблачение и самобичевание. Объектом критики в средствах массовой информации стали и органы государственной безопасности — «органы». Даже в официальных газетах и журналах стали появляться статьи с требованием предать гласности все дела «органов» и судить оставшихся в живых преступников. С требованием ликвидировать «органы» стали выступать даже депутаты Советов и партийные работники. По всем городам прошли показательные суды над бывшими «сталинскими палачами» — суды истории, как их торжественно называли в прессе.

Был такой суд и в Партграде. Суд проходил в помещении драматического театра. Зал был переполнен.

На сцене заседал «трибунал». Среди его членов были писатель, профессор, депутат, бывшие заключенные сталинских лагерей, офицер, рабочий, студент, колхозница, домашняя хозяйка, короче — пятнадцать специально отобранных людей, по идее представляющих основные категории граждан. В стороне сидел ничем не примечательный старик — отставной полковник КГБ, который когда-то был начальником управления КГБ области. Он согласился быть обвиняемым на «суде истории». Обвинителями выступали ловкие на язык молодые и средних лет люди — писатели, научные работники, профессора, журналисты и т.п. Они игнорировали старика. Задача последнего заключалась в том, чтобы сидеть и символизировать собою сталинский режим и его преступления. Фактическим обвиняемым, как заявляли обвинители, был Сталин и его подручные. Выступления обвинителей прерывались аплодисментами и возгласами одобрения.

Дали в конце концов слово и обвиняемому. Надо признать, что собравшиеся не ожидали, что этот похожий на сморчка человек преподнесет им сюрприз. Старик говорил спокойно, уверенно, с достоинством. И даже с точки зрения красноречия он явно превосходил обвинителей. Те пускали пену из слов и фраз, а он говорил по-существу.

Вот содержание его речи.

Вы требуете реабилитации деятелей революции и советского государства, расстрелянных как «врагов народа» в сталинские годы. Верно, что эти люди не были предателями и шпионами. Но ведь таковыми не были и Ежов, и Ягода, и Берия и другие сталинские палачи, ставшие тоже жертвами репрессий. И их надо реабилитировать. Но реабилитируя жертвы сталинизма, не надо кидаться из одной лжи в другую, не надо превращать жертвы в невинных ангелов. Зиновьев был мерзавец не меньше Сталина. Бухарин был безответственный болтун. И вел он себя как политическая проститутка. Тухачевский подавлял восстание в Кронштадте и восстание тамбовских крестьян. И бонапартистские идеи у него на самом деле были.

Вы люди образованные, а совершаете логическую ошибку, непростительную даже малограмотным. Вы сегодняшнее знание и понимание прошлого переносите на само прошлое так, будто оно должно было бы восприниматься таким образом самими деятелями

прошлого. Но реальным фактором истории было не то, как и что люди думают о прошлом теперь, а то, как люди тогда понимали и переживали факты своей истории, какие у них были намерения и возможности. Ошибочно с критериями настоящего судить о поведении людей в прошлом. Нельзя игнорировать различие условий нашего времени и тех лет, когда действовали рассматриваемые личности. Нельзя вырывать поступки исторических личностей из конкретной ситуации, в которой они совершались, и оценивать их самих по себе. Нельзя игнорировать объективную суть поведения людей в тех условиях. В результате ошибок такого рода прошлое предстает в ложном свете, т.е. в том виде, в каком его хотят изобразить наши тенденциозно мыслящие современники. Сегодня важно не столько идеализация жертв сталинизма, о которых тут шла речь, и осуждение сталинских палачей, сколько объективно беспристрастное понимание того, почему политическая борьба в те годы принимала такие формы.

Да, он служил в «органах» и не стыдится этого. Его совесть чиста. Он на свой счет не принимает ни одного из обвинений, высказанных тут. И он не есть исключение. Большинство сотрудников «органов», с которыми ему приходилось работать, никакими преступниками не были. Сейчас легко судить прошлое. А судьи кто? Имеют ли они сами моральное право судить кого-либо, тем более — целую эпоху, целые поколения людей, благодаря которым страна выжила в тяжелейших исторических испытаниях. Сейчас никто не хочет знать, в каких условиях и с какой целью создавались «органы», какую фактическую роль они сыграли в истории страны. Разве не было попыток свергнуть новый строй и расчленив страну?! Не было контрреволюционных восстаний, саботажа?! А беспризорщина! А коррупция! А шпионаж! Вы сейчас кричите по поводу засилья хулиганов, бандитов, мафии. А что творилось тогда?! В те годы преступность превосходила нынешнюю во много раз. Были и кулаки настоящие. Были и террористы. Без «органов» страна просто не выстояла бы. И в массе населения «органы» любили. К ним обращались за помощью по самым различным проблемам. И они на самом деле помогали. Без «органов» мы не победили бы в войне с Германией. И тогда страну разорвали бы на кусочки. И наш народ был бы превращен в рабов. И не было бы никаких «судов истории». Не было бы этого

театра. Не были бы вы профессорами, писателями, инженерами, депутатами ... Больше трех классов вам образования не дали бы. Да и то неизвестно, допустили бы вас до жизни вообще. Были, конечно, злоупотребления. Были преступления. Об этом надо говорить. Но как? Нельзя же кидаться в другую крайность и разрушать с трудом созданный государственный строй и порядок только на том основании, что в прошлом в силу исторических условий имело место то, что мы сегодня осуждаем. Надо не судить прошлое, а понять его объективно и извлечь из него уроки. Поглядите, что сейчас творится в стране! Если дальше так продолжаться будет, страна погибнет. И Запад добьется того, чего ему не удалось добиться руками Гитлера. Уверяю вас, без «органов» вывести страну из этого состояния смуты не удастся.

Когда прошел первый шок от речи старика, собравшиеся вновь настроились на обличительный лад. Старика прерывали. Из зала раздавались угрозы и крики с требованием судить его не условным, а настоящим судом. Ему так и не дали договорить. Перед тем, как покинуть трибуну, он все-таки успел сказать, что этот «суд истории» ему напоминает процессы тридцатых годов, когда вот так же обвиняемым не давали слова сказать в свое оправдание, и что он готов предстать перед любым справедливым и компетентным судом. На эту реплику зал ответил бурей негодования. В заключение «трибунал» вынес символический приговор старику как представителю преступных «органов».

После «суда» группа студентов предложила старику пойти с ними в кафе и выпить немного по поводу такого блистательного процесса. Старик согласился. Зашли в частное кафе. Узнав о ценах, студенты пришли в негодование. Раздались крики о жуликах, о бессилии милиции, о продажности властей. Кто-то вспомнил об «органах». Почему они бездействуют?! Старик сказал, что им запретили вмешиваться в частный бизнес, и спросил ребят, что бы они в таком случае делать стали.

— Сажать этих гадов надо!

— К стенке ставить!

— Между прочим, — сказал старик по поводу этих эмоций, — «органы» были учреждены отчасти и для того, чтобы прекратить самосуды и расправы населения со всякого рода негодьями. Если вы не возражаете,

пойдемте ко мне. Выпить кое-что найдется. И закусить жена что-нибудь найдет.

Старик жил неподалеку в малюсенькой квартирке. Студенты с трудом разместились за столом. Заговорили, естественно, о только что пережитой комедии суда. Старик сказал, что добрая половина обвинителей и судей — ловкачи и конъюнктурщики. А сколько из них были осведомителями КГБ?!

— Что же Вы не сказали об этом в суде?!

— А кто бы поверил мне? Сказали бы, что я прибегаю к сталинистским методам. К тому же есть профессиональная этика — осведомителей не выдавать. Кстати, председатель сегодняшнего «трибунала» уже в сталинские годы был таким отъявленным прохвостом, что его «органам» приходилось одергивать. При Хрущеве лизал зад Хрущеву, при Брежневе Брежневу. Теперь Горбачеву зад вылизывает. Если слетит Горбачев, этот подонок первым его продаст и ринется лизать зад новому начальству.

— Что же получается? Опять та же ложь?!

— Это уж вы сами разбирайтесь Мы свое дело сделали. Большинство из нас погибло ради того, чтобы... чтобы вы могли нас осудить, очернить и оплевать. Делайте жизнь лучше нас. Вы хозяева теперь.

— Какие мы хозяева?! Нас ни о чем не спрашивают.

— А вы думаете, раньше делалось по-нашему? Это теперь легко сказать — не доноси, не клевети, держись мужественно, протестуй... А на деле не так-то просто стать таким прекрасным человеком. Практически бессмысленно. И не то что не дадут, а сам не захочешь, причем отнюдь не по злобе. Что вы думаете, всю черную работу в прошлом прирожденные злодеи делали? Фанатики? Ничего подобного! Обычные люди. И вы на их месте поступали бы не лучше. Была рутина жизни. Люди работали. И те, кто становились жертвами, исполняли свою историческую роль. Время было такое. Оно диктовало свои законы поведения. Мы выполняли самую черную и неблагодарную работу истории. В итоге из нас сделали козлов отпущения.

— Вы много лет работали в «органах». Были ли в Вашей жизни случаи, когда Ваша совесть была не чиста?

— Смотря по тому, как понимать совесть. Я лучше расскажу вам об одном случае, который мне до сих пор не дает покоя. Я из-за него испытываю если не угрызения совести, то чувство стыда.

Поклонником Сталина никогда не был. Был обычным комсомольцем. Хорошо учился. Культ Сталина вызывал у него негативные эмоции, но не настолько, чтобы протестовать открыто и вообще придавать этому особое значение. Он просто игнорировал это. О репрессиях знал, но тоже не очень переживал их. Его и его родственников это не касалось. Время от времени в институте становилось известно, что кто-то арестован как враг народа. В обвинения не то чтобы верили, скорее не хотели не верить. Тут дело было не в вере или неверии, а в чем-то другом. Была политика руководства, и рассказчик, как и люди из его окружения, эту политику так или иначе принимали. Она воспринималась ими как часть генеральной линии руководства. Принимая эту линию в целом, они принимали и ее части. Они были руководимыми, вроде солдат в армии, и это было не их дело сомневаться в правильности линии руководства. Аналогично рассказчик относился и к процессам тридцатых годов. Опять-таки дело не в том, что он на все сто процентов верил в их честность. Просто не было ни веры, ни сомнения. Тем не менее лично к Сталину он симпатий не питал. Ему не раз приходилось сталкиваться с антисталинистскими настроениями у своих соучеников. Он никогда не доносил на них. Ему доверялись. Как эти ни странно, он не был стукачом. Ему просто не предлагали быть им. Если бы предложили, скорее всего согласился бы.

Еще будучи студентом вступил в партию. Рабочее происхождение. Безупречная анкета, хорошая репутация. И в 1939 году ему предложили поступить в школу «органов». Он согласился, это давало ему хорошую профессию. Окончил школу досрочно в начале войны, был направлен в особый отдел авиационной бомбардировочной дивизии. Проявил себя хорошим работником. Был назначен начальником особого отдела полка. Работа не имела в себе ничего романтического. Разоблачал мелкие преступления. Следил за умонастроениями людей. Высказывал свое мнение, когда речь заходила о наградах, званиях, должностях. Приходилось иметь дело и с политическими доносами. Они принимались во внимание. Но те, на кого писались доносы, хорошо воевали и погибали как герои. Так что такого рода доносам большого значения не придавали.

Но вот однажды ему передали заявления пилот и штурман одного экипажа. Это были доносы друг на

друга. Так как оба доносчика не были осведомителями и свои доносы подписали, рассказчик назвал их заявлениями. Доносчики каждый обвинял другого в одном и том же. Из бесед с ними рассказчик установил следующее.

Оба парня жили в деревне. Оба познали колхозы. Окончили школу в районном городишке. Учились в аэроклубе, затем — в авиационных школах, один — на пилота, другой — на штурмана. Случайно попали в один полк, попросились в один экипаж. Оба были склонны к «гусарству», не прочь выпить и «похохмить» (пошутить и позлословить). Обоим осточертело прославление Сталина. Оба видели в нем причину всех зол, включая колхозы и поражения в начале войны. Говорили между собой на эти темы. Дружили и доверяли друг другу. Так было и на этот раз. Вечером отправились к девчонкам. Выпили основательно. По дороге в часть заговорили на ту же болезную тему. Один сказал, что готов жизнью пожертвовать, лишь бы Сталина «шлепнуть». Другой поддержал его. Пошутили. Посмеялись.

— А ведь в нашем положении это осуществимо, — сказал один. — До Москвы лететь пустяк. Нагрузим бомбы и вместо немецких объектов сбросим их на сталинскую дачу под Москвой.

— Дача не реальный объект, — сказал другой. — Поди, найди ее в лесу! Лучше в Кремль вдарить. Можно для верности самим в дом, где кабинет Сталина находится, врезаться. Все равно нам крышка.

— Вряд ли он в Кремле работает. Наверняка где-нибудь глубоко под землей. И спит там. Так что наша затея лишена смысла.

Поболтали таким образом. Легли спать. Прочухались к утру. Вспомнили вчерашний разговор и струхнули. Одно дело — шуточки молодых пьяных парней. И другое дело — разговор пилота и штурмана боевой машины с грузом бомб, способным снести с лица земли Кремль. А что, если друг донесет?! И оба в панике написали доносы. Причем, каждый изображал свое поведение как желание «прощупать» умонастроение другого.

Что было делать? Если дать ход делу, обоих ребят отстранят от полетов и посадят. Могут и к расстрелу приговорить. Пятно на полку и дивизии будет несмыслимое. Командира полка и заместителя по политичес-

кой части снимут, разжалуют, посадят. Не исключено, что полк расформируют. Начнут копать, десятки людей попутают. И ему, рассказчику, не поздоровится. Куда, мол, глядел?! Ущерб для страны, как видите, огромный вышел бы. Целые сутки думал рассказчик, как выкрутиться из положения. Советоваться ни с кем нельзя было, наверняка донесли бы. Наконец, надумал наилучшее решение. Позвал к себе ребят. Рассказал им о тех последствиях, какие угрожают в случае, если он даст ход делу. Предложил: либо дает ход делу, и тогда всем крышка, либо сделаем вид, будто никакого криминального разговора и никаких заявлений не было. Ребята, естественно, с радостью выбрали второй вариант. Рассказчик сжег на их глазах доносы и посоветовал впредь держать язык за зубами.

— Чувствовал я себя после этого, признаюсь, препогано, — закончил рассказ старик. — Боялся, что ребята еще наделают глупостей по пьянке. Успокоился только после того, как ребят сбили над Берлином. И до сих пор чувствую себя подлецом из-за того, что успокоился только после гибели крамольного экипажа. Вздохнул с облегчением.

— А могли эти летчики пойти на покушение, если бы точно знали местонахождение Сталина и имели бы реальную возможность разбомбить это место?

— Думаю, что нет. Поговорить и помечтать — одно дело, а действовать практически — другое. Тут было одно «но», которое сдерживало даже яростных антисталинистов. Сталин, несмотря ни на что, был народным вождем. Он был квинтэссенцией народа. Он и был сам народ. А то, что народ был таким, это дело истории. Нам вбили в голову, будто народ есть нечто абсолютно положительное, невинная жертва злодеев. А реальный народ на самом деле может быть массовым злом. Таким был народ и у нас, и в Германии. Если уж судить, то надо весь народ судить. А на этом пути придется привлечь к суду все человечество. Чушь этот ваш «суд истории». Спектакль для подлецов и дураков. Суд историй, как и божий суд, есть выдумка идеологов и поэтов. Никаких справедливых судов истории не было и не будет. Есть и будет лишь расправа негодяев над беззащитным и безопасным прошлым.

Прошел такой суд истории и в комбинате. Собрание шло так, как и следовало ожидать. Но вот слово предали заведующему складом готовой продукции Лескову. Было известно, что Лескова репрессировали еще до войны с Германией и что он провел в лагерях почти двадцать лет. Был освобожден и реабилитирован после двадцатого съезда партии. Поскольку он отбывал наказание в лагере неподалеку от Партграда, он так и остался здесь насовсем.

— Я с юности был антисталинистом, — начал Лесков. — В 1938 году я как антисталинист был осужден на 25 лет лагерей строгого режима. Из них я отбыл в заключении 19 лет. Я это говорю не с целью заслужить ваше сочувствие и похвалу, а с надеждой на то, что вы меня не обвините в пристрастии к сталинизму и не зачислите в недобитые сталинисты и консерваторы. Я был антисталинистом всю мою жизнь и остался таковым. И сейчас я буду говорить как убежденный антисталинист.

В зале наступила зловещая тишина. Собравшиеся почувствовали недоброе. Но останавливать оратора не было оснований.

— Сейчас все вдруг стали храбрыми антисталинистами, антибрежневистами, обличителями язв прошлого и настоящего, борцами против консерваторов и бюрократов. Ну а раньше-то вы где были?! Что, вы вдруг все вместе прозрели? Прозрели!.. Дали установку свыше «прозреть», вот вы и «прозрели». Я ведь не первый год в комбинате. Я вас всех знаю. Не раз слушал ваши холуйские речи по адресу Брежнева. Не раз видел, как вы лизали задницу тем, кого громите теперь как виновников некоего застоя.

Раздались крики возмущения и требования лишить оратора слова. Другие требовали дать возможность выступавшему договорить. Перебранка длилась минут двадцать. Наконец, решили дать Лескову еще пять минут.

— Ругаете сталинизм, — продолжал он, — а сами что делаете? Что же вы затыкаете рот человеку, думающему иначе, чем вы? Где же свобода слова, гласность?! Вы удивляетесь, как все могло случиться при Сталине. А вот так, как сейчас со мной, и тогда поступали с теми, кто не хотел петь в общем хоре. Еще пару

слов! Большинство присутствующих — молодые люди, толком не знающие нашей реальной истории и политической борьбы прошлого. Вы ругаете сталинизм и брежневизм, рассматривая брежневизм как продолжение сталинизма, а нынешнюю политику — как освобождение от обоих, как прозрение. А ведь это фактически и теоретически неверно.

Договорить Лескову не дали. Председатель заявил категорически, что регламент исчерпан, и дал слово следующему оратору. Лесков махнул рукой, сошел с трибуны и покинул зал. За ним вышло несколько молодых людей, и в их числе Чернов.

— Горбачевцы к нам не с другой планеты прилетели, — сказал Лесков. — Большинство из них начало карьеру еще в сталинские годы в качестве комсомольских активистов.

— И доносчиков, — сказал кто-то.

— И доносчиков, разумеется. Все они сделали успешную карьеру при Брежневе. Они стали руководителями районов и областей, стали основной силой в партийном аппарате. Так что если уж искать виновников тяжелого положения в стране, то это они в первую очередь. Горбачев довел до жалкого состояния Ставропольский край, где он много лет хозяйничал. А потом в ЦК он был ответственен за сельское хозяйство. Ельцин делал то же самое в Свердловской области.

— Почему же они пошли на перестройку?

— Сложный вопрос. Думаю, что им голову вскружила слава диссидентов и критиков режима. Западная пропаганда сработала. Западных благ захотелось. Рыба, как говорится, с головы портится. Не подумали о последствиях. Надеются порядок удержать и в лучах мировой славы погреться. Ну да сейчас речь не об этом. Сравните горбачевскую политику со сталинской. Впервые, те же нападки на партийный аппарат под маркой критики «консерваторов». Сталин ведь тоже воювал против «консерваторов». То же стремление создать аппарат личной власти вне партийного аппарата и над ним. Во-вторых, то же стремление к насильственным преобразованиям. Все реформы Горбачева, начиная от борьбы против пьянства и кончая властью и хозяйством, суть насильственные реформы. Так кто же тут сталинист?!

— Но сталинская политика была успешной. Так может быть и теперь...

— Теперь время не то, страна не та, народ не тот, международные условия не те. Помяните мое слово, эта политика еще дорого обойдется нам. Она приведет страну к катастрофе. Не случайно Горбачев стал кумиром Запада. Запад не стал бы так хвалить его, если это не было бы выгодно ему. Горбачевская политика перейдет в политику предательства интересов страны и народа, помяните мое слово!

На другой же день Лескова уволили на пенсию. Не было никаких торжественных проводов, хотя он был старейшим работником комбината и единственной настоящей жертвой сталинизма.

На распутье

Всеобщее разложение захватило и группу Горева. Солдат вышел из комсомола, бросил заочный институт и перешел на работу в кооператив, где стал получать в три раза больше, чем на заводе.

— Нужно быть круглым идиотом, чтобы упускать такую возможность, — сказал он. — Имею предложение от одного частного. Конечно, он жулик. Но год протянет как минимум. А за год я у него заработаю на кооперативную квартиру и автомашину.

— А как насчет идеалов? — спросил Горев.

— Все идеалы затоптаны в грязь, — ответил Солдат. — Разве за идеалами удирает Фюрер в Москву? Спросите его, почему инженер по образованию устраивается аспирантуру Института международных отношений и как это ему удалось? Или вот наш новоиспеченный Дубровский. Пусть он расскажет, в какую группу он ввязался и с какой целью!

— Мы ставим своей задачей отбирать у жуликов вроде твоего частного награбленные ими богатства и передавать их народу, ответил Остряк.

— Какому народу?! — не унимался Солдат. — И когда? В будущем? А пока вы употребляете эти нажитые нечестным путем и «честно» экспроприруемые вами богатства для своих собственных нужд.

— Это клевета!

— Поживем — увидим, клевета или нет. Нет, друзья мои. Я хотя и необразованный болван, кое-что начал все же понимать. Наше общество своим примером на долгое время, может быть — на сто лет, похоронило все

идеалы, похоронило самую идею образцового социального строя, к которому стоило бы стремиться. Более того, мы вынуждаемся на борьбу против единственного социального строя, за который стоило бы бороться.

— Bravo! — воскликнул Слепой. — Суть дела не выразишь лучше. Мы в самом начале истории коммунизма, а относимся к нему так, как будто он безнадежно устарел и подлежит уничтожению. Надо начинать все сначала, причем — на национальной основе. Я лично вижу такой путь развития. В высших и средних слоях общества постепенно растет число хорошо образованных, интеллигентных, высоко нравственных и патриотически настроенных личностей. Они образуют своего рода духовное братство, имеющее целью постепенное улучшение деловой и нравственной атмосферы в самой активной и деловой части русского населения.

— Почему только русского?

— Идеи интернационализма тоже потерпели крах. Дело идет к развалу империи. Все стремятся к национальной определенности и независимости. А чем мы, русские, хуже других. Я лично за выход России из Советского Союза и за превращение ее в федерацию русских государств. Ельцин прав!

— Наша область тоже будет самостоятельным государством?

— Не говори пошлостей! России для ее возрождения нужна национальная духовная элита и своя правящая аристократия.

— Так может быть царя обратно пригласить? На Западе нам уже заготовили.

— Президент или царь — какая разница?!

— До чего мы докатились?!

— А ты предложи что-либо получше!

— В нашей стране, — сказал Горев, — максимум возможного был достигнут в брежневские годы. Как показывает опыт перестройки, любые преобразования ведут лишь к ухудшениям и к гибели страны. Можете меня называть как угодно, но моя позиция такова. Наша страна не нуждалась ни в какой перестройке, ни в какой революции сверху, ни в какой западнизации. Нужны были не маниакальные планы, а преобразования и усовершенствования обычными методами, не вызывающими сенсаций на Западе. Я считаю политику перестройки не просто ошибкой, а преступлением перед страной и народом.

— Что ты предлагаешь? Возвращаться назад?

— В прошлое не возвращаются. Надо восстанавливать нормальный порядок в стране.

— Что ты считаешь нормальным порядком?

— То, что построили за семьдесят лет нашей истории.

— Никогда бы не подумал, что в тебе таились такие махровые консервативные идеи, — сказал Слепой.

— Я этого тоже не знал, — сказал Горев. — Я, как и все вы, мыслил на уровне личной неустроенности. Только теперь, когда над страной нависла угроза гибели, я начал кое-что соображать на более высоком уровне — на уровне исторической ответственности за судьбу страны и народа.

— А стоит ли наша страна и наш народ того? — сказал Фюрер. — Я думаю, что есть один выход: последовать примеру Запада.

— И когда ты сделал это открытие? — спросил Остряк. — Когда тебе посветила карьера дипломата, выполняющего установку на западнизацию?! Значит, ты будешь готовиться на роль предателя на высоком уровне?

— Прекратите пустую ругатню, — вмешалась Катя. — Дело не в этом.

— А в чем?

— А в том, что нас обманывают все, кому не лень. В том, что мы лишь марионетки в чьей-то грязной игре.

Народный трибунал

По словам Остряка, их группа называется «Народный трибунал». Возникла она с целью борьбы против организованной преступности. Власти фактически неспособны остановить ее, а в значительной мере вступают в сговор с преступниками. Группа «Народный трибунал» берет на себя те функции, которые должны были бы выполнять органы власти. Но она выполняет эти функции своими методами, разумеется — нелегальными, порицаемыми морально и запрещаемыми юридически. А что делать, если в стране царит бесправие и полное моральное разложение. Народ вправе как-то защищаться. В группу входят молодые рабочие. Все уже отслужили в армии. Ребята смелые. Умеют обращаться с оружием. Такие группы возникают по всей стране. Наверняка произойдет их объединение, и

через несколько месяцев они станут силой, с которой придется считаться.

Оставшись наедине с Горевым, Чернов спросил его мнение о группе Остряка.

— На первый взгляд, — сказал Горев, — цели у них благородные. Но ты сам знаешь, благими намерениями вымощена дорога в ад. То, что они наказывают грабителей, это хорошо. Но ведь они их сами грабят. Так что вряд ли их деятельность можно считать совсем бескорыстной. Они наверняка не остановятся на том, что делают сейчас. Я нисколько не удивлюсь, если они выдвинут лозунг «Бей перестройщиков!».

— А что в этом плохого?

— Я не говорю, что это само по себе плохо. А ты подумай вот о чем. Бывшие солдаты создают группу, о которой говорит весь город. Имеют оружие. Почти открыто делают налеты на миллионеров и бандитские шайки. Не кажется ли тебе, что за их спиной стоят более серьезные силы? Кто-то хочет их руками каштаны из огня таскать. Кто? Я ничуть не сомневаюсь в том, что к этому делу так или иначе причастно КГБ. Я тебе не советую связываться с этим «Народным трибуналом».

Лесков

Узнав адрес Лескова в отделе кадров, Чернов решил навестить его. Лесков жил одиноко. Жена его умерла несколько лет назад. Дети завели свои семьи. Он разделил с ними квартиру, получив в качестве своей доли маленькую комнатку в старом доме на окраине города. Когда пришел Чернов, Лесков лежал в постели больной. Соседка по квартире приготовила ему что-то поесть. Чернова он узнал: он сохранил хорошую память, помнил всех сотрудников комбината. Разговорились. Чернов сказал, что его интересует проблема покушений на Сталина. Лесков провел много лет в лагерях, наверняка встречал таких заключенных, которые обвинялись в подготовке покушений на Сталина.

— Я сам был осужден по обвинению в подготовке покушения на Сталина, — сказал Лесков.

— Само собой разумеется, — сказал Чернов, — обвинение было ложным.

— Почему же ложным?! Мы на самом деле планировали такое покушение.

— Но ведь нам сообщали, что Вы были осуждены по клеветническому доносу!

— Вышла установка сверху считать всех репрессированных невинными жертвами сталинизма. Вот в комиссии по реабилитации и ринулись в другую крайность.

— Так значит Вас осудили правильно?! Никакой клеветы не было?!

— Была и клевета. И несправедливость.

— Не понимаю!

— В доносах и в обвинении говорилось то, чего на самом деле не было. Это и дало основание комиссии реабилитировать нас как невинные жертвы. Но в наших замыслах было нечто такое, что не попало в доносы и в обвинение.

— А если бы попало, тогда что было бы?

— Тогда нас расстреляли бы.

— У вас была группа?

— Да. И довольно большая: более десяти человек.

— Что вы собирались делать?

— Достать оружие и во время демонстрации на Красной площади броситься к Мавзолею, обстрелять стоящих там вождей и забросать гранатами.

— А в чем вас обвинили?

— В том, что мы якобы собирались обстрелять из винтовок и минометов машину со Сталиным на его пути с дачи в Кремль.

— Какая разница?! Вас же все равно должны были расстрелять!

— Разница большая. С того места, откуда мы якобы собирались обстреливать машину Сталина, сделать это было практически невозможно. Клеветнический характер доноса был очевиден. И мы не стали его опровергать, «признались».

— Почему вы решились на такой шаг?

— Мы все были искренними коммунистами. Мы решили, что Сталин предал идеалы революции, отступил от принципов марксизма-ленинизма и построил совсем не то, на чем настаивали настоящие коммунисты.

— А что Вы думаете о нынешних руководителях области? Считаете Вы их настоящими коммунистами?

— Какие это коммунисты?! Шкурники. Карьеристы. Настоящих коммунистов истребили при Сталине. Теперь их нет. Кто знает, может быть они еще появятся в будущем.

— А что бы Вы стали делать, если бы сейчас были молодым?

— Трудно сказать. Скорее всего стал бы настоящим террористом.

— Но Вы старый член партии. А коммунисты отвергают индивидуальный террор.

— Отвергали для своего времени. И после того, как терроризм сыграл свою историческую роль. А после взятия власти... Впрочем, после революции их самих почти всех истребили. А что Вы можете другое предложить в наше время, чтобы заставить людей опомниться?

— А на кого Вы стали бы покушаться?

— На тех, кто предал интересы нашего народа и нашей страны, продался Западу за подачки и похвалу.

— Кого Вы имеете в виду персонально?

— Прежде всего главного подлеца — самого Горбачева. Затем его помощников вроде Яковлева, Шеварднадзе и прочих гадов.

Отщепенцы

В доперестроечные годы получилось так, что Чернов не был принят в качестве своего в тех кругах партградского общества, представители которого жили благополучно, делали карьеру и добивались жизненных успехов. Они чувствовали, что Чернов чужой для них во всех отношениях — по образованию, по ментальности, по жизненным претензиям, по образу жизни и даже по физическим данным. Казалось, что с началом перестройки он должен был бы оказаться в кругу людей, начавших добиваться успехов за счет новых условий. Но это не случилось. Он и на сей раз оказался в положении отщепенца. Постепенно от него отошли его ближайшие друзья — Белов и Миронов, быстро приспособившиеся к условиям перестройки и начавшие извлекать из нее пользу для себя. Не получилось и особой близости с Горевым, оказавшимся в оппозиции к перестройке. Было что-то такое, что мешало их сближению. Это «что-то» — различные причины неприятия перестройки. Горев отвергал ее как «настоящий (идеальный) коммунист», Чернов — как человек, для которого был неприемлем как коммунизм, так и порожденный им антикоммунизм. Начавшийся в Партграде расцвет антикоммунизма Чернов

воспринимал как проявление все того же коммунизма, — как вскрытие гнойника коммунизма, как торжество «коммунистической помойки».

— Начинается время, когда будет решаться судьба нашей страны, — сказал Горев, Чернову шедшему с ним после работы от комбината в город. — Нам надо четко определить свою позицию. Преступно в такое время оставаться в положении постороннего наблюдателя.

— А стоит ли ломать голову над этим, — сказал Чернов. — Нам все равно не позволят остаться в стороне. Нас все равно вынудят на определенное поведение, что бы мы сами ни предпринимали. Буду я выступать за перестройку или против нее, меня все равно не примут в свои ряды ни те, ни другие. Тебя, между прочим, тоже.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что мы суть отклонение от нормы как с точки зрения одних, так и с точки зрения других. Мы — уроды, но не нормальные советские прохвосты, способные приспособиться к новым условиям. К тому же судьба нашей страны меня не очень-то волнует. Если она рухнет, туда ей и дорога. Значит, она окажется нежизнеспособной. Страной-уродом, как и мы с тобой.

— Ты слишком мрачно смотришь на жизнь.

— А ты стараешься убедить себя и других в том, что ты — полноценный гражданин этого общества. Но общество-то неполноценное. А ты в своей полноценности заходишь слишком далеко, дальше, чем это позволяют нормы нашего общества-урода. Ты тоже поэтому обречен, как и я. Так стоит ли рыпаться?

Такой разговор не приносил ясности и облегчения. Наоборот, он усиливал мрачное ощущение огромного несчастья, надвигавшегося на всех партградцев и на них, на Чернова и Горева, в первую очередь.

— Ходит слух, — сказал Чернов на прощание, — будто ты собираешься из партии выходить. Вроде бы Грбовой об этом говорил в партбюро.

— Этот подонок первым побежит из партии, как только это станет выгодным. Нет, я останусь в партии хотя бы из духа противоречия. Если даже в Москве объявят о роспуске КПСС, я буду ратовать за ее сохранение.

— Ты такой фанатичный коммунист?

— Нет. Я вообще не коммунист в формальном смысле слова. Просто КПСС не есть партия вообще. Это — нечто другое.

— Что именно?

— Государственность. Крах КПСС равносителен краху нашей государственности, а значит — страны вообще. К сожалению, этого не могут вслух признать даже наши партийные руководители от Горбачева до секретарей первичных партийных организаций.

Второй день следствия

Московская комиссия прибыла в Царьград вечером 22 сентября. День 23 сентября ушел на ознакомление с материалами КГБ и психиатрической больницы. На следующий день Рябов отсыпался до обеда после сильного перепоя в гостях у Крутова. Воробьев вновь отправился в психиатрическую больницу с целью узнать, стоит ли на учете в больнице молодой человек, о котором ему сказал Соколов. Соколов отправился в Управление КГБ с целью познакомиться с результатами прочесывания города сотрудниками КГБ и с донесениями осведомителей.

Воробьеву сразу же сообщили, что интересующий его «объект» состоит на учете в больнице уже с 1973 года, регулярно проходит здесь осмотр, находится под наблюдением врача Малова. В истории болезни Воробьев не нашел ничего особенного: таких молодых людей миллионы. Он решил поговорить с Маловым. Последнего в больнице не оказалось, он «находился на бюллетене», т.е. был в очередном запое. Пришлось ехать к нему домой.

Малов жил в Новых Липках. Дверь Воробьеву открыл старик с иссиня-фиолетовым лицом и с седыми взлохмаченными волосами. Воробьева это не удивило, он таких на своем веку перевидал многие сотни. Воробьев представился. Малов извинился за беспорядок в квартире, очистил для Воробьева стул, сбросив с него на пол книги и одежду.

— Если я не ошибаюсь, мы с Вами уже встречались, — сказал Воробьев.

— Да, — ответил Малов. — В Москве. И в Казани. Я Вас хорошо помню, Вы почти не изменились. Ну, а меня трудно узнать. Сами видите... Извините, я покину Вас на минуту. Чайник поставлю. Больше мне Вас нечем угостить. Сами понимаете, какое время.

— Да Вы не беспокойтесь, я уже позавтракал в

гостинице. Я Вас долго не задержу. Меня интересует один Ваш пациент.

— А почему он Вас заинтересовал?

— Буду с Вами откровенен. Я здесь нахожусь в связи с убийством Елкиной. Органы государственной безопасности, естественно, обязаны рассмотреть все, что так или иначе связано с нею. Несколько лет назад Ваш пациент начал собирать досье на Елкину. С ним провели по этому поводу беседу в Управлении КГБ. Само собой разумеется, этот факт заинтересовал следователя КГБ. А мне поручено познакомиться с этим человеком с точки зрения его психического состояния.

— Ясно. Что Вам сказать? Я знаю этого человека с тех пор, когда он еще школьником был. Несчастный мальчик.

— Почему несчастный?

— В истории болезни не отмечено, что он — инвалид от рождения. Безрукий.

— А почему это не отмечено?

— Я сделал это умышленно, чтобы не акцентировать внимание на это. Он был одержим идеей выглядеть так, как будто он полноценный человек. Кроме того, его отец был репрессирован в сталинские годы. Умер в «Атоме»... Вы знаете, что это такое?

— Представляю.

— Умер, когда мальчику еще не было и года. Его растила мать. Героическая женщина. Только в России возможны такие. Если бы от меня зависело, я бы ей памятник из чистого золота поставил.

— Не надо из золота, украдут в первую же ночь.

— Я фигурально выражаюсь. С медицинской точки зрения мальчик психически был вполне здоров. Только обладал одним неизлечимым недостатком.

— Каким?

— Он был гениально одаренным.

— Почему же это недостаток?

— В России вообще, в нашей глуши — в особенности, с его физическим дефектом быть гением от рождения есть большое несчастье.

— В чем проявлялась его гениальность?

— Прежде всего в математике. Математические способности суть показатель интеллектуальных способностей вообще. Он был рожден интеллектуальным гением, способным к выдающимся открытиям во многих областях творчества. А жизнь складывалась так,

что ему не дали проявиться ни в одном из них. Вы же профессионал в таких делах. Вам наверняка встречались аналогичные случаи.

— Конечно, встречались. Но обычно это были иллюзорные гении.

— Но были и настоящие?

— Кто знает? О том, что человек является гением, мы узнаем по результатам его творчества.

— Не только. Посредственные люди, каких подавляющее большинство, узнают гения еще до того, как он начинает предпринимать попытки проявиться. И делают все от них зависящее, чтобы помешать этому. Я интересовался этой проблемой. На тысячу обычных людей рождается один с гениальными задатками. Но лишь один из тысячи прирожденных гениев пробивается.

— Возможно, Вы правы. Вернемся к Вашему пациенту. Замечали ли Вы в нем интерес к социальным проблемам? Как он реагировал на факты несправедливости? Что он думал о диссидентах? Был ли у него интерес к террористам, в особенности — к нашим?

— Кого Вы имеете в виду?

— Лейтенанта Ильина, например.

— Особого интереса к диссидентам и к террористам я у него не замечал. Социальными проблемами он интересовался не больше других. Скорее наоборот, он был склонен к индивидуализму, к замыканию в своем внутреннем мире.

— А тот его интерес к Елкиной?

— Я об этом узнал впервые только что от Вас. Не знаю, с какой целью он начал собирать досье на нее. Я сомневаюсь в том, что он мог продолжить это дело. Он человек порывистый, мятущийся. По моим наблюдениям, он живет в основном в мыслях, в воображении. И зачем Вам нужно что-то знать о нем? Ведь эту Елкину убили уголовники, это же точно установлено!

— Чистая служебная рутина. Для отчета.

— Ясно. Так может быть выпьете чаю?

— Нет, спасибо. Я должен идти. Дела. Благодарю Вас за информацию.

Соколов ознакомился с теми материалами, какие собрали сотрудники КГБ и осведомители. Его внимание привлекло лишь то, что касалось группы «Народный трибунал». Но это «лишь» было достаточно серьезным, чтобы... А вот что должно следовать за этим

«чтобы», Соколов не торопился высказать отчетливо даже самому себе. Эти молодые рабочие и бывшие солдаты стремятся к расправе с перестройщиками. Он, Соколов, в глубине души на их стороне. Действительно, пора остановить перестройщиков, фактически ставших предателями интересов страны, пятой колонной Запада. Будь он, Соколов, молодым, как эти «народные судьи», он, по всей вероятности, сам присоединился бы к ним. Но его положение обязывает пресекать деятельность таких «Народных трибуналов». Конечно, в их деятельности больше слов, чем дела. Но ведь от слов они могут перейти к делу. И стоит ли им препятствовать в этом?! Во всяком случае, после убийства Елкиной они наверняка поджали хвосты, попятались и затаились, дрожа от страха. Если сейчас членов этого «Народного трибунала» задержать и начать допрашивать, они бог знает что наговорят друг о друге. А если это получит огласку в прессе, то на них обрушатся со всех сторон. Перестройщики от этого только выиграют. В героях ходить будут. Нет, тут надо проявить максимум осторожности и благоразумия.

Обдумав проблему «Народного трибунала», Соколов встретился с Горбанем и изложил ему свои соображения. Решили, что вся информация об этой группе не имеет никакой доказательной силы. Это все суть лишь слухи, а народ теперь болтает без всякого удержу. Соколов намекнул Горбаню, что если его люди как-то причастны к этому «Трибуналу», пусть затаятся. Во всяком случае, надо принять меры к тому, чтобы слухи о «Трибунале» не выползли на страницы прессы, и чтобы их не связывали с убийством Елкиной.

В три часа пополудни в Управление пришел Воробьев и доложил о результатах своей работы. Обедать поехали к Горбаню. Пробыли у него до позднего вечера. Позвонил дежурный по Управлению. Сообщил, что сведения на интересующий Соколова «объект» собраны, но самого «объекта» дома не оказалось, и где он сейчас находится, его мать и соседи по дому не знают. Соколов приказал завтра произвести в квартире «объекта» обыск, если он не объявится до того времени, и принять меры к его розыску.

— Интуиция мне подсказывает, — сказал Соколов, — что тут что-то кроется.

— Я думаю, что это направление поисков более перспективно, чем мифический «Трибунал», — прогово-

рил Горбань. — Кстати, что подделывает глава Вашей комиссии товарищ Рябов?

— Очевидно, обделывает какие-то свои делишки, — ответил Соколов. — Было бы лучше, если бы он вообще не совал нос в дела, в которых он не смыслит ничего.

Жить по-новому

Протезный комбинат не приватизировали по той простой причине, что его никто не захотел купить. Тогда по предложению Маоцзедуньки, ставшей яростной поборницей «рыночной экономики», комбинат превратили в совместное советско-германское предприятие. Немцы очень энергично взялись за дело. Семьдесят процентов сотрудников было немедленно уволено. Не помог митинг протеста. Люди потолкались во дворе, пошумели и разошлись. Все более или менее важные посты заняли немцы. Как-то незаметно прекратили существование партийная и комсомольская организация. Они бесшумно испарились. Здание комбината немцы отремонтировали сами. И так же бесшумно из комбината исчезли все монументы, бюсты и портреты Ленина и Маркса. Лишь кое-где повесили портреты Горбачева и канцлера Коля. Территорию комбината очистили от инвалидов, которые подкармливались тут самыми различными способами, вплоть до роли «подопытных кроликов». Немцы на этом настояли категорически, полагая, что судьбой этих инвалидов должны заниматься городские власти и медицинские учреждения города. Немцы собирались сделать комбинат предприятием высшего международного класса, ограничив его деятельность исключительно производством протезов на уровне современной технологии, инвалидных колясок и предметов быта, ориентированных на инвалидов.

Белова, конечно, оставили в комбинате. Ему повезло: пара его статей была перепечатана в немецком журнале, так что немцы считали его серьезным ученым, и он мог работать на компьютере. Грбовой стал директором комбината, а Социолух — его помощником. Не повезло Чернову. Комбинат по настоянию немцев полностью компьютеризировался, а Чернов, естественно, не удовлетворял этому требованию, и его

уволители. Уволили и Горева. Поскольку направление исследований его группы не соответствовало новой ориентации комбината на западную технологию.

Мать

Юрий по-своему любил мать: он привык относиться к ней как к части своего собственного тела, как к необходимому условию своего бытия. Он никогда не разговаривал с ней на серьезные темы: у нее было самое примитивное образование, книг и газет она вообще не читала, смотрела лишь телевизор, да и то только развлекательные программы. Они разговаривали лишь на бытовые темы, да и то односложно, без эмоций и обобщений. У нее был хороший голос и слух, но петь было некогда и некому. Тем более в моду вошли такие голоса, мелодии и формы исполнения, какие ей были непонятны и неприемлемы.

— Что-то Малов давно не появлялся, — сказал Юрий матери однажды за обедом. — Что с ним?

— В больнице, — ответила мать. — От алкоголизма лечится. Его предупредили: если не будет лечиться, уволят.

— Жаль. Хороший человек.

— Хороший. А у нас всегда так: если человек хороший, то обязательно несчастный.

— Ты так думаешь? Ну, а мои друзья — Белов и Мионов?

— Да какие они хорошие?! Так, прикидываются только хорошими.

— А Горев?

— А разве он счастливый?

— Меня уволили с работы. Комбинат перестраивается, и мне там нет места. А найти новую работу сейчас трудно. Как жить будем?

— Как-нибудь проживем. Живут же люди. Даже хуже нас. Мне тетка предлагает возить из Красноармейска овощи с ее огорода и продавать на рынке у нас в Партграде. Она сама не может, ноги больные. Зарабатую больше, чем твоя зарплата. Все равно с уборкой теперь плохо, конторы позакрывали.

— А не будет это тебе слишком тяжело?

— Нелегко, конечно. А что делать? Жить-то надо. Можно поискать работу в частных ресторанах. Ночные клубы открылись, там тоже наверняка уборщицы требуются.

— Там наверняка большие деньги платят за это, так что хозяева своих людей устраивают. Тебя не возьмут.

— Свои люди гоношат устроиться где полегче. А на тяжелую работу охотников всегда не так уж много.

— Я читал объявление: в детском саду воспитатели требуются.

— Какой я воспитатель? А сколько там платят? То-то и оно. За такие деньги у них теперь никто работать не будет.

— Я постараюсь найти работу. Может быть бухгалтером к какому-нибудь частнику устроюсь.

— Не торопись. Не вечно же это безобразие будет тянуться. Восстановят и твой комбинат. И все пойдет по-старому. Все равно у нас лучше, чем было, не будет.

— Это почему же?

— А кто его знает? Русские испокон веков так жили. И так жить будут всегда. Мы же русские, а не евреи, не грузины, не украинцы. И уж совсем не немцы и не французы. Каждому свое.

— Если наведишь Малова, передай привет. Скажи, я по нему соскучился.

Главная потеря

Оставшись без работы, Юрий обнаружил, что он, несмотря ни на что, в школе, университете и на работе был воспитан как гражданин коммунистического общества. Когда он имел работу, был вынужден выполнять какие-то задания в качестве сотрудника государственного учреждения и регулярно проводить рабочее время в деловом коллективе, он не замечал того, что был воспитан как коллективист и как труженик. Потеряв работу, он лишился двух самых главных факторов своей жизни, а именно — коллектива и труда на благо общества. Какой бы ни был коллектив и как бы ни работали его члены, это был все-таки коллектив и это был все-таки труд как часть общего труда. Не идеологические помои и не лживая пропаганда делала людей коммунистами в смысле основ психики и поведения, а именно трудовая деятельность в качестве членов коллектива.

Чернов читал статьи и слушал речи проповедников «рыночной экономики», т.е. фактически капиталистического пути развития страны, и никак не мог понять

того, почему эти люди с такой легкостью отказывались от величайшего завоевания коммунизма, — от гарантированного труда в рамках государственных коллективов. Вот один автор пишет, что переход к «рыночной экономике» будет иметь неизбежным следствием безработицу в стране в целом — до 30 миллионов безработных. Автор уверяет, что безработные будут получать пособие по безработице. Сомнительно, что такое пособие будет и будет достаточным для жизни. Но пусть будет. Оно не устраняет главного — того, что миллионы людей потеряют коллективы и целесообразный труд на благо общества. Заставить бы самих проповедников такой жизни побыть без работы хотя бы с год! Интересно, что бы они тогда запели?

Гибель Горева

Покончил с собой Горев, выбросившись из окна. Эту страшную весть сообщил Чернову Солдат. Чернов несколько дней был в шоковом состоянии, не отдавая себе отчета в том, что он говорил и делал в эти дни. Он ранее даже не подозревал о том, какими прочными нитями его жизнь была связана с жизнью его собрата по несчастью. С Горевым из его существа ушло что-то настолько значительное, что он вдруг почувствовал себя совсем опустошенным. Как будто из него вынули некий духовный скелет, и он как духовное существо превратился в пустую оболочку, в бесформенную кучу тряпья.

Организацию похорон взяли на себя Солдат и Остряк. Горева сожгли в крематории. На похоронах присутствовало немногим более десяти человек — его близкие друзья и несколько незнакомых пропойц, которые рассчитывали на даровую выпивку. Их расчеты не оправдались, и они ушли, ругаясь последними словами. Каждый из провожавших Горева в последний земной путь, сказал о нем несколько слов. Самую длинную речь неожиданно для всех и для самого себя произнес Чернов.

— Бывают личности, — сказал он, — которые аккумулируют в себе все то, что принято считать выдающимися событиями эпохи. О таких личностях пишут книги, их именами называют города, им ставят памятники. Но бывают личности, которые аккумулируют в

себе несчастья эпохи. О них не пишут книги, именами их не называют города, им не ставят памятники. О них молчат, как будто их не было совсем. Такой личностью был наш безвременно ушедший из жизни друг Андрей Иванович Горев. Он появился на свет как одна из первых жертв холодной войны, гонки вооружений и научно-технического прогресса. У него не было семьи. Не было беззаботного детства. С первых дней жизни была детская казарма для инвалидов от рождения. Он не знал материнской ласки и отцовской дружбы. Он в детстве и юности прошел через такие крути ада, до каких не додумался даже гениальный Данте. Он мог стать образцовым мужем и отцом. Ему не дано было это. Он как исследователь и изобретатель мог стать гордостью русского народа. Ему не дали стать таким его соотечественники, его коллеги и сослуживцы. Он мог стать великим учителем нравственности для своих сограждан. Его роль низвели до уровня собеседника нескольких друзей и лектора душ нескольких пропойц и инвалидов. Его заставили всей своей сознательной жизнью расплачиваться за мерзости брежневской эпохи. Он, нисколько не повинный в кошмарах и преступлениях перестройки, оказался одной из первых жертв ее. Лучший работник своего учреждения, отдавший ему свой ум и талант, он остался без работы и без коллектива, которому он отдал свою душу. Так будь же проклята страна и будь проклят народ, обрекающие своих лучших сынов на такую участь!

Народный трибунал

После похорон Горева к Чернову подошел Остряк. Некоторое время шли молча. Потом Остряк сказал, что настало время мстить.

— Кому? — спросил Чернов.

— Это само собой разумеется — перестройщикам, — ответил Остряк. — Перестройщикам. Они фактически превратились в предателей Родины. Если и дальше они останутся у власти, страна погибнет.

— И как же ты предлагаешь бороться против них?

— Бороться обычными методами бессмысленно. Они захватили все средства массовой информации в свои руки. На митинги собираются те, кому они задурили головы, и всякий сброд, которому лишь бы пошуметь и

беспорядки устроить. Остается одно: надо этих подлецов убивать, причем — не одного для примера, а систематически и как можно больше. Я знаю, ты не выдашь нас. Ты сам, насколько я тебя понял, стремился к этому. В Партграде мы наметили для начала десять человек в качестве обвиняемых в измене Родины. Номером один идет Елкина. Подумай! Если надумаешь к нам присоединиться, я тебе дам адрес, куда обратиться. Меня ты там всегда найти сможешь.

— А как я могу вам пригодиться? Я же инвалид!

— Знаю. Нам не столько руки нужны, у нас их хватает, сколько мозги. Понял?

Плоды демократизации

Главным в новом положении безработного для Чернова было не потеря пусть мизерной, но гарантированной зарплаты, а потеря коллектива, в котором проходила самая значительная часть его жизни. Он с детства привык жить в каком-то коллективе. В комбинате он проработал более десяти лет. Какими бы недостатками ни обладал этот коллектив, это был все-таки коллектив. Тут его хорошо знали и ценили. У него тут были друзья. Тут он регулярно встречался со множеством людей, разговаривал с ними, обменивался новостями и шутками, проводил с ними праздники, участвовал с ними в различных мероприятиях. В отделе они регулярно собирались и обсуждали различные проблемы. Совместно с другими он вел исследования, длившиеся годами. Это была жизнь со всеми ее атрибутами. Он, как и его коллеги, воспринимал эту жизнь в ее негативных проявлениях, не замечая ее достоинств. Он воспринимал последние как нечто само собой разумеющееся, как дар природы, подобно тому, как он воспринимал воздух и солнце. Только теперь, потеряв все это и столкнувшись на практике с маленьким кусочком капитализма, он задумался над проблемой: а так ли уж плох наш коммунистический социальный строй? Ведь и он имеет свои достоинства, которыми мы не дорожим, но которые стоило бы ценить не меньше, чем достоинства капитализма, которые нам сулят теперь со всех сторон.

Времени у него теперь было в избытке. И он решил пока не торопиться с поисками работы, а осмотреться

вокруг, получше познакомиться с тем, что происходило в городе и области, расширить круг знакомств, поговорить с людьми разных категорий, всерьез заняться социологией. Как говорится, нет худа без добра.

В первый же день бесцельного хождения по городу он обратил внимание на то, какой интенсивной стала духовная и культурная жизнь Парттграда. Повсюду были расклеены объявления, призывавшие что-то посетить или в чем-то принять участие. Рекламы газет, книг, собраний, выставок, концертов, ресторанов, магазинов. Чернов в изумлении застыл, увидев рекламы западных фирм. Бог мой, в нашей глуши реклама самой роскошной и дорогой автомашины «Мерседес»! А это что? Объявление о конкурсе красоты на звание «Мисс Парттград». Что происходит? Где я? В киосках продавались газеты и журналы, о которых Чернов никогда не слышал. Даже на западных языках, чего никогда раньше в Парттграде не было. Вот лежит журнал «Бурда». Кому он нужен? Неужели кто-то купит? А вот «Плейбой»! Ну, на это покупатель найдется. Чернов поинтересовался, сколько стоит «Таймс». Услышав цену, отдернул руку, как будто коснулся раскаленного металла. Неужели кто-то покупает?!

— Покупают, — сказал продавец, словно угадав его вопрос. — Теперь в городе много богатых людей, владеющих иностранными языками. Для них такая цена пустяк.

Самый центр города превратили в пешеходную зону. Неподалеку от монумента Ленина Чернов увидел стол, за которым сидели молодые люди, и рядом со столом щит с призывом к гражданам поставить свою подпись под требованием переименовать Парттград в Царьград и снести монумент Ленина, якобы позорящий город и портящий архитектурный ансамбль. В стране тяжелое экономическое положение, а они занимаются переименованием городов и улиц, разрушением монументов, подумал Чернов и поразился, что он стал думать так, как будто выступал на семинаре по марксизму-ленинизму. Это же стоит огромных денег. Изменив названия, историю тем самым не переделаешь. К тому же Ленин это тоже часть нашей истории. И какая!

Улицу Красноперекопскую переименовали в Купеческую. Чем новое название лучше старого?! Штурм Перекопа был все-таки выдающимся событием нашей истории. На отрезке улицы в районе пешеходной зоны

устроили что-то вроде толкучки или «блошиного рынка». То, что тут увидел Чернов, добило его окончательно. Он читал в газетах и видел по телевидению, что пешеходную зону сделали по образцу западных городов. Тут разрешили выступать уличным музыкантам и клоунам, выставлять и продавать картины вольным художникам, продавать частным порядком сувениры, бутерброды, кофе и прочие мелочи. Конечно, как и следовало ожидать, в нашем русском исполнении это выглядело убого, грязно и оскорбительно. Но с этим еще можно было мириться. Это можно было просто игнорировать. Чернова поразило то, что тут все это «западное» было оттеснено куда-то на задворки, а на первый план вылез оголтелый, ничем не сдерживаемый антисоветизм и антикоммунизм. Каждый второй певец вопил песни с призывами свергать «коммунистический фашизм» и разрушать «советскую империю». Антисоветские и антикоммунистические лозунги, слова и изображения можно было видеть на значках, на безрукавках, шортах, джинсах, головных уборах. Столы были завалены куклами-кариатурами на Маркса, Сталина, Ленина, Брежнева. Мелькали и карикатуры на Горбачева. Портреты царя Николая Второго, царские флаги, американские и немецкие флаги, порнографические картинки и фотографии... Короче говоря, впечатление было такое, будто Чернов попал на склад вещей, изготовленных для антисоветской и антикоммунистической пропаганды.

Чернову стало дурно. Он выбрался обратно на площадь Ленина, которую грозились переименовать в Губернаторскую. К нему кинулись молодые люди с листом для подписей под требованием снести монумент Ленина, поставив на его место памятник царю Николаю Второму, и переименовать Партград в Царьград. Чернов решительно прошел мимо них.

— Вот еще одна недобитая сталинистская сволочь, — услышал он вслед. — Но погодите, мы до вас еще доберемся!

Лишь дома к Чернову вернулась способность нормально мыслить. Неужели это и есть та армия повстанцев, о которой он сам когда-то говорил как о надежде на прогресс общества?! Неужели пройдет время и смоем грязь с этого отребья, так что оно будет выглядеть для потомков как нечто благородное, заслуживающее восхищения? Неужели все те, кто ему казался героями,

достойными подражания, были аналогичным отребьем для своего времени? Нет, тут что-то не так. В этом надо серьезно разобраться. Этой армии подонков специально дана властями свобода деятельности. С какой целью? Не может быть, чтобы власти не смогли справиться с нею, если бы захотели. Значит, они не хотят. Пока еще не хотят. Почему?

Развал «империи»

Национальные движения непосредственно не касались Партграда. Область была почти что чисто русской. Евреев тут можно было пересчитать на пальцах. А число представителей прочих народов тут не превышало пяти процентов населения. И находилась область в глубине России. Так что тут ни о какой автономии не помышлял никто. Идеи дезинтеграции «советской империи» тут были вбиты в сознание людей исключительно сверху и извне. А войдя в сознание партградцев, эти идеи заняли там прочное место, действуя разъедающе на их души и усиливая идейный хаос. Заявления националистов и демократов во главе с самим Президентом Ельциным о желании вывести Российскую Федерацию из состава Советского Союза ввергло Партград в состояние осатанения и умопомрачения. С одной стороны, стремление периферийных республик отделиться от Советского Союза вызывало у партградцев злобу. Мы их кормили, защищали, несли все тяготы на себе, а они, неблагодарные, хотят особых привилегий, — рассуждали партградцы. С другой стороны, политика высшего руководства во главе с Ельциным истолковывалась не столько как желание улучшить жизнь российского населения, сколько как стремление расколоть страну и лишит центральное правительство реальной власти, дискредитировать его — политика предательская по отношению к русскому народу, в первую очередь, как разбазаривание того, что русский народ завоевал в течение своей многовековой истории.

Маоцзедунька, считавшаяся последовательницей Ельцина, вела себя сдержанно в отношении политики дезинтеграции «империи», получая упреки со стороны демократов, с одной стороны, и горбачевцев, с другой. В газетах появлялись критические статьи в ее адрес с требованием не юлить и четко определить свою пози-

цию. И она высказалась в духе Ельцина. Третий том «Дела» Чернова пополнился новыми материалами.

Чернов, теперь регулярно навещавший Лескова, зашел к нему специально поговорить на эту тему.

— Тут надо избежать односторонности, — сказал Лесков. — Конечно, в этом много опереточного и позы с расчетом на похвалу на Западе. Ельцин явно хочет переплюнуть Горбачева в своем усердии перед Западом, спихнуть его и занять его место. Типичная борьба за власть, в которой конкуренты готовы пойти на любое предательство интересов своего народа, лишь бы дорваться до первого места или удержаться на нем. Но эта возня не безвредна для страны. Если этих подлецов не остановить, страна действительно может развалиться. Я думаю, что в истории еще не было предательства такого масштаба, какое можно видеть в случае Горбачева и теперь Ельцина. И эта сука Елкина туда же клонит, хотя ей в принципе на все и на всех наплевать. Вот вам продукт нашего советского, коммунистического воспитания! Что-что, а подлецов мы научились производить в большом количестве и любого калибра.

Назад к Сталину

Когда до Партграда дошло известие о том, что в Грузии возникло общество «Сталин», имеющее целью возрождение сталинизма, в Партграде уже существовали десятки сталинистских групп. Они скоро объединились в «Союз сталинцев». Самое поразительное в этом факте было то, что в «Союз» вступили не какие-то недобитые сталинские палачи, а рядовые граждане, среди которых были даже жертвы сталинских репрессий, и молодые люди, родившиеся уже после смерти Сталина.

Вот что писали в статье «Назад к Сталину» в газете военного округа «Сын Отечества». «Эйфория от ощущения первых глотков свободы давно прошла. Надежды, ожидания скорых перемен для большинства людей обернулись пустыми мечтаниями. Много наобещавшие радикалы и демократы, пришедшие к власти в Советах всех уровней, пока преуспели лишь на ниве разрушения пусть и негодной, но все же надежной государственной машины, не приведя в действие ни-

каких эффективных механизмов. Люди в рекордно короткие сроки оказались отброшены к грани нищеты, к черте, за которой — полная неопределенность, непредсказуемость, тревога за судьбу своих детей. И все это на фоне повальных словопрений, повсеместных митингов, разгула преступности... Удивительно ли, что многие и многие, разуверившиеся, озлобленные очередями и сплошным дефицитом, обращают свой взор в прошлое, когда жилось, если и не сытно, то вполне терпимо, когда жила вера, а идея действительно материализовывалась в творения конкретных дел. Общество при нынешних условиях просто не могло не возникнуть, хотя бы как стихийный протест против уродливых явлений, которых не смогла избежать наша демократия. Думаю, подобные общества будут возникать одно за другим, набирать силу и общественный вес. Как к ним относиться? Все зависит от каждого конкретного человека. Но считаться с этим, пока еще новым явлением когда-то придется. И считаться всерьез».

На одно из собраний сталинистов Чернов отправился вместе с Лесковым. Ораторы поносили перестройку и Горбачева, противопоставляя им сталинские годы и Сталина.

— Горбачев уверяет нас, будто нет назад пути, — говорил один из ораторов. — Это ложь. На самом деле нет пути вперед. Там, куда ведет нас Горбачев, нас ждет гибель. Есть только один путь спасения страны — путь назад, к основам жизни.

— Горбачевская перестройка, — говорил другой оратор, — была придумана на Западе и навязана нам извне. Наша перестройка — часть всемирной перестройки. Последняя началась после энергетического кризиса 1973 года, наглядно показавшего развитым странам с рыночной экономикой, какую опасность несет мировая нехватка сырья и энергии. По данным ООН, сырья и энергии хватает только на 1 миллиард человек, тогда как в мире на 1 января 1990 года было 5,5 миллиардов, а к 2000 году ожидается более 8 миллиардов. В «золотой фонд» миллиарда входят только такие страны, как США, Япония, страны Западной Европы, а 4/5 населения Земли, включая СССР, которые обладают основной массой сырья и энергии, по существу являются их сырьевыми колониями. На Западе был детально разработан и педантично проводился и проводится в жизнь план разрушения Советского Союза как

великой державы и превращения его в сырьевой и энергетический придаток стран Запада. Поразительно, с какой готовностью советское руководство пошло навстречу планам Запада. Более того, оно сделало гораздо больше того, на что рассчитывали на Западе.

Выступали и противники сталинизма. Один из них полемизировал со сталинистом, призывавшим к сталинскому народовластию. Он сказал, что сталинская власть действительно была народовластием. Но он не склонен обожествлять это. Народовластие — это порою бывает похуже любой тирании. Оно уживается с тиранией. Таким и было сталинское народовластие. Народовластие ведь имеет свою структуру. Во главе — вождь с группой соратников. Аппарат личной диктатуры, позволяющий держать в руках всю систему власти. Снизу — определенная организация масс. Активисты. Доносчики. Энтузиасты. Десталинизация страны при Хрущеве была ликвидацией народовластия и переходом к государственно-бюрократической системе. При всех недостатках последней это было великое благо для страны. Возврат к сталинизму был бы деградацией. Да он и невозможен в нынешних условиях.

— Я согласен с тем, что с перестройкой надо кончать, — заявил другой оратор. — Думаю, что это надо сделать как можно скорее и как можно решительнее. Причем, нужен не лозунг «Назад к Сталину!», а лозунг «Вперед к Сталину!». Как я это себе конкретно представляю? Нужно создать повсеместно комитеты общественного спасения, а в Москве — центральный комитет. В эти комитеты должны войти настоящие коммунисты и патриоты. Центральный комитет должен объявить об отстранении всех реформаторов от власти и об изоляции их в особых лагерях впредь до суда над ними как над предателями Родины. Вся власть должна перейти к комитетам общественного спасения, опирающимся на остатки аппарата КПСС, КГБ и армию. В стране должно быть объявлено военное положение и установлен порядок военного коммунизма. Все реформы и вообще все преобразования перестроечного периода должны быть отменены немедленно. Нужно действовать по-ленински и по-сталински!

Речь последнего оратора была встречена бурными аплодисментами. Чернов и Лесков потихоньку вышли на улицу.

— Что скажете? — спросил Чернов.

— Благими намерениями вымощена дорога в ад.

Манифест гражданской оппозиции

В пешеходной зоне, где Чернов стал бывать довольно часто, он увидел группу молодых людей, продававших журнальчик «Гражданин». Просматривая его, Чернов увидел в нем «Манифест гражданской оппозиции». Купив журнальчик, Чернов прочитал статью тут же.

«Мы называем себя оппозицией гражданской, — говорилось в «Манифесте», — руководствуясь такими соображениями. Мы не имеем ближайшей целью разрушение социального строя в нашей стране и даже реформирование его. Это не означает, что мы принимаем его. Это означает, что мы хотим действовать по правилам серьезной истории. Мы реалисты. Если бы нам было известно лучшее социальное устройство и если бы мы были уверены в возможности его реализации, мы стали бы бороться за него без колебаний. Но, увы, мы пока не видим такой перспективы. Мы ставим перед собою более фундаментальную цель, а именно: борьбу за создание в нашей стране условий, в которых достаточно большое число граждан смогло бы начать обдумывание путей прогресса в интересах широких слоев населения, а не в интересах привилегированных слоев и правящей верхушки. В современных условиях никакая оппозиция не способна организовать жизнь общества лучше, чем это делает партийное руководство. Поэтому мы считаем бессмысленными всякие политические цели в качестве реалистических целей оппозиции.

Мы считаем, что в современных условиях никакие преобразования коммунистического общества, сохраняющие его социальный строй, систему власти и идеологию, неспособны радикально изменить образ жизни населения страны. Незначительные же преобразования может осуществить само руководство обществом. Мы не хотим в этом становиться его добровольными помощниками. А чтобы созрели здравые идеи радикальной (а не фиктивной и пропагандистской, какой является горбачевская) перестройки общества и реальные условия для нее, нужен длительный исторический процесс. Мы отвергаем всякий реформаторс-

кий авантюризм. Мы не намерены дурачить массы соотечественников лозунгами, которые либо в принципе нереализуемы, либо в реальном исполнении ведут к еще худшим последствиям, чем те явления, против которых они направлены. Мы не хотим участвовать в бессмысленных попытках изнасиловать исторический процесс в угоду абстрактным идеям и не считаясь с объективными социальными закономерностями. Мы не хотим участвовать в словоблудии, которое неизбежно возникает в ситуации, когда в оппозиционное движение вовлекается масса случайных людей, начиная от конъюнктурщиков и кончая партийными чиновниками. Мы намерены быть оппозицией на основе интеллектуальной добросовестности здравого смысла и моральных принципов. Поэтому мы отвергаем лозунги многопартийности, выборов чиновников из многих кандидатов и прочие требования «демократизации» системы власти, считая их вздорными. Все требования такого рода могут быть осуществлены самими властями. Она лишь получит дополнительные средства маскировки и обмана населения. Мы не восторгаемся никакими заявлениями и обещаниями властей, не ищем в них некие прогрессивные силы и тенденции, не участвуем в их псевдореформаторской суете.

Мы видим свою основную цель в деятельности по созданию в нашей стране неклассового гражданского общества, т.е. независимой от властей и устойчивой среды из представителей различных слоев населения, своего рода неофициального подобщества со своим образом жизни, со своими вкусами и взглядами, со своими критериями оценки явлений культуры и событий жизни, со своим отношением к официальной идеологии, к власти и вообще ко всем явлениям, входящим в круг их интересов, со своими внутренними связями и отношениями. Мы уверены в том, что лишь при условии возникновения такого гражданского подобщества, в нашей стране может сложиться массовая, устойчивая, преемственная и прогрессирующая оппозиция, способная защитить себя от репрессии со стороны властей и оказывать заметное влияние на весь образ жизни советского общества.

В нашей стране уже сложилось и систематически воспроизводится довольно большое число образованных и профессионально подготовленных людей, которые являются постоянными служащими государства,

имеют гарантированную работу. Условия их труда сравнительно легкие. У них остается много сил и времени на свободную интеллектуальную жизнь. Для многих из них профессиональная деятельность есть их жизненное призвание. Она вынуждает их на размышления и на поведение, выходящие за рамки официально дозволенных и поощряемых. Им гарантирована, по крайней мере, минимальная заработная плата. Они независимы друг от друга материально. Поскольку они довольствуются достигнутым положением на иерархической лестнице социальных позиций, они и в социальном отношении оказываются взаимно независимыми. Благодаря этому складывается сравнительно свободная и некарьеристическая общность людей, имеющих высокий образовательный уровень, свободное время и склонность размышлять на социальные темы. Более того, в этой среде развивается озабоченность положением в стране и желание стать активными участниками исторического процесса.

Многие из этих людей не могут в полную меру развить и использовать свои способности и навыки, а за свою деятельность получают вознаграждение, которое ими воспринимается как несправедливое. Они суть наиболее творческие и деловые члены общества. Их социальный статус не соответствует их самосознанию и жизненным претензиям. Это, естественно, порождает у них недовольство своим положением. В силу их роли в обществе это недовольство принимает форму критического отношения к самому социальному строю и к системе управления общества.

К этой категории граждан относится также большое число молодых людей, начинающих свою трудовую и творческую деятельность. Они отдают обществу все свои свежие силы и способности, получая за это самое мизерное вознаграждение. Они в начале жизненного пути находятся в самом низу социальной иерархии, получая вознаграждение соответственно их положению, а не соответственно их потенциальным способностям и реальной отдаче сил обществу.

Эта категория членов коммунистического общества является относительно немногочисленной с точки зрения их числа в социальных группах, в которых они работают. Но в масштабах страны в абсолютном выражении она представляет весьма значительное явление. Она увеличивается численно с каждым годом. Роль

ее в практической жизни страны становится все более серьезной.

Внутри этой категории граждан уже начался процесс формирования своей идеологии, отличной от официальной, своих правил поведения и форм общения, своих критериев оценки явлений жизни, своих эстетических вкусов и т.д. Этот процесс еще только начинается. Поскольку этой категории граждан принадлежит будущее с точки зрения возрастания их роли в обществе, их идейные, моральные и культурные ценности постепенно будут становиться все четче и будут оформляться в особую систему воззрений на все явления, касающиеся жизни людей. В каких организационных формах это будет происходить, трудно сказать.

Что касается позитивных идей преобразования общества, мы отвергаем всякие утопические и непродуманные проекты на этот счет. Мы помним о величайшем уроке истории, когда стремление к самым светлым идеалам привело к самым мрачным последствиям в нашей стране. Проекты преобразований, хорошо выглядящие на словах, далеко не всегда хороши в реальности. Мы не имеем в своем распоряжении никаких образцов, достойных подражания. Лозунги демократических свобод, прав человека, свободных профсоюзов, рабочего самоуправления, частной инициативы, децентрализации, многопартийности, выборов из нескольких кандидатов и т.п., выдвигавшиеся в последние десятилетия с целью неких коренных преобразований в коммунистических странах, были удобны для шумихи в западных средствах массовой информации, но оказались лишены самого элементарного здравого смысла. Горбачевское руководство, включив их в свою демагогию и допустив на деле кое-что из таких требований, с полной очевидностью обнаружило их бессмысленность в качестве требований оппозиции. Эти лозунги были заимствованы на Западе или навязаны Западом конъюнктурно настроенным диссидентам. Они не имели серьезных оснований в советских условиях и превратились в чисто политические пустышки. Эти лозунги требовали каких-то преобразований общества, причем незамедлительных. При этом полностью игнорировались объективные возможности для преобразований, их неконтролируемые последствия и время, необходимое для них. Эволюционные процессы, требующие исторического времени, мысли-

лись как вневременные акции, как по волшебству молниеносно приносящие желаемый результат.

Мы не отвергаем идеи прав человека и демократических свобод. Но мы к этой проблеме подходим иначе, чем участники правозащитного движения. Мы считаем, что права не даруются сверху властями, а завоевываются в длительной исторической борьбе, причем не просто в виде некоего распоряжения начальства, а в виде создания в самих условиях жизни феноменов, которые лишь закрепляются законодательно. Коммунистическое общество есть общество неправовое в строгом смысле слова. Здесь монополистом в истолковании и исполнении юридических норм является всесильное государство. Здесь на бумаге могут быть декларированы самые прекрасные права человека и демократические свободы. Но на деле они игнорируются или истолковываются так, что в реальности от них ничего не остается. Поэтому мы считаем своим долгом не апелляции к властям с требованием принять законы относительно прав человека и демократических свобод, не требования соблюдать эти законы, а разоблачение неправовой сущности коммунизма. Мы поддерживаем такие действия людей, на которые они не спрашивают разрешения властей, благодаря которым в практику жизни явочным порядком входят феномены, отвечающие интересам масс населения. Строительство правового общества надо начинать с фундамента, а не с крыши. Права человека и демократические свободы не суть нечто такое, что с рождения положено людям от природы. Это — формы организации общественной жизни, добытые в результате длительной эволюции общества лишь определенного типа, а не любого. Бездумный перенос их в чуждую им среду коммунизма порождает лишь самообман и разочарования. В нашей стране нужно еще завоевать более фундаментальные условия человеческого существования, на основе которых со временем, возможно, встанет вопрос о их законодательном признании и закреплении.

Мы не предлагаем никакой альтернативы коммунизму, считая любую альтернативу такого рода в наше время утопией или просто безответственной болтовней. Мы не считаем западные страны образцом общественного устройства, какое мы могли бы рекомендовать советским людям. Блага западных стран далеко не абсолютны. И далеко не все граждане имеют воз-

возможность воспользоваться ими практически. Одними демократическими свободами сыт не будешь. Чтобы насладиться материальным изобилием, нужны деньги. А чтобы заработать деньги, человек должен спуститься в преисподнюю западного рая, которая ничуть не лучше советской. За блага западной демократии тоже приходится платить немалую цену. Да и существовали они не вечно. В борьбе за них были принесены огромные жертвы. Мы намерены ориентировать сознание наших соотечественников именно на неизбежность исторической борьбы за лучшие условия жизни, а не на ожидание их в качестве дара свыше и, тем более, со стороны Запада. Советскому народу предстоит не просто позаимствовать какие-то социальные образцы на Западе и перенести их в готовом виде на свою почву, но начать новую эпоху исторического творчества. Это будет эпоха проб и ошибок, иллюзий и разочарований, успехов и поражений. Жизненные блага, подобные западным (подобные, но не те же самые), будут завоеваны как результат истории, причем на основе тех достижений, которые уже стали привычными. А ведь гарантии удовлетворения минимальных потребностей (работа, образование, медицинское обслуживание и т.д.) стоят того, чтобы за них сражаться. Ирония истории состоит в том, что сами советские власти стали насаждать в стране второстепенные западнообразные явления, дабы как-то оправдать покушение на достижения семидесятилетней советской истории. Наша страна все еще находится в начале нового исторического этапа. Ей еще только предстоит выстрадать идеалы будущего. Мы видим одну из наших задач в том, чтобы разрушать возникшие в последние десятилетия иллюзии, будто Запад есть тот рай земной, к которому следует стремиться. Эти иллюзии деморализуют советских людей, отвлекают их внимание от борьбы за реальные жизненные ценности и от объективного познания своего собственного общества.

В обстановке смуты, идейного хаоса и растерянности, наступившей в нашей стране в последние годы, всякого рода конъюнктурщики и ловкачи навязывают массам населения новую ложь относительно сущности нашего общества, его прошлого и путей к лучшей жизни. Мы намерены противопоставить этому мутному словоблудию и бессовестному бесовству позицию объективности и реалистичности. На спекуляциях за счет

кратковременной политической конъюнктуры серьезную оппозиционную традицию создать невозможно.

В отношении организационных форм мы точно так же предлагаем начинать с естественного начала, а именно: с создания небольших неофициальных групп из лично знакомых людей, связанных общими интересами к проблемам мировоззрения, теории общества, социальной истории, эволюции социальных идей, социальной борьбы, коммунизма, советского общества и его истории. Деятельность таких групп должна определяться стремлением к образованию, независимому от официальной идеологии и подконтрольной ей науки, к самостоятельному исследованию в этих сферах, к обсуждению узнанного и познанного, к распространению полученных сведений и результатов в своем окружении. Иначе говоря, эти группы должны сделать предмет своей деятельности все то, что входит в сферу государственной идеологии и общественных наук, но независимо от них, с иной ориентацией, с иным способом понимания. Результатом этого должно явиться создание мировоззрения, которое послужит основой идейного объединения стихийно возникающих оппозиционных групп. Именно идейное единство должно стать исходным пунктом будущей массовой социальной оппозиции.

Мы, таким образом, настаиваем не на случайном скоплении людей, по тем или иным причинам ставших на путь протеста против отдельных явлений советской жизни, а на идейном объединении обычных граждан, причем на высоком уровне образованности, понимания и убежденности. Мы настаиваем не на бесформенном и негативном инакомыслии, а на вполне определенном и вполне позитивном единомыслии во взглядах на мир, на познание, на общество, на коммунизм, на ситуацию в нашей стране и ее перспективы. Гражданская оппозиция должна породить единое идейное движение, по своему интеллектуальному и творческому уровню соответствующее образованной части человечества конца двадцатого века. Это движение должно привлечь к себе внимание гражданского общества, а через него — широких кругов населения страны. Надо начинать с овладения умами людей и на этой основе — их душами и чувствами. Как они потом будут вести себя в качестве граждан, зараженных оппозиционной идеологией, покажет время.

Мы принципиально иначе, чем диссиденты, подходим к оценке роли Запада в советском оппозиционном движении. Было бы несправедливо игнорировать то, что Запад сыграл огромную роль в создании оппозиционной вспышки в Советском Союзе в хрущевские и брежневские годы. И в будущем «тлетворное влияние» Запада здесь будет ощущаться. Но было бы преступно закрывать глаза на негативные стороны влияния Запада на советскую оппозицию. Поощряя, например, советскую эмиграцию, Запад действовал в удивительном согласии с советскими властями. Он добился того, что многие диссиденты покинули страну, и это стало одной из причин деградации движения. Угождая умонастроениям на Западе, многие бывшие диссиденты встали на путь сотрудничества с советскими властями. Последние даже стали смотреть на советских эмигрантов как на свои форпосты в пока еще мирном вторжении в западные страны.

Запад руководствовался и будет руководствоваться впредь своими представлениями о советском обществе, своими критериями оценки общественных явлений и своими интересами. Запад поощрял в советской оппозиции лишь то, что отвечало его понятиям, вкусам, целям, а отнюдь не то, что отвечало потребностям и возможностям внутренней социальной эволюции самого советского общества. Запад навязал многим тысячам советских людей такое понимание советского социального строя, истории страны и целей социальной борьбы, какие совершенно не адекватны условиям жизни и интересам советских людей. Это привело к дезориентации сознания оппозиции и сочувствующих ей кругов населения, к измельчению социальной борьбы вообще, к замутнению идейной ситуации. Вот почему освобождение от всего того, что Запад стремится навязать советской оппозиции, не считаясь с внутренними закономерностями коммунистического общества и потребностями его граждан, является одной из важных установок нашей оппозиции. В нынешних условиях, когда западные средства массовой информации стали почти единодушно проводниками горбачевской политики, а влиятельные силы Запада, ранее поддерживавшие оппозиционную критику советского режима, фактически предали это дело, освобождение от западной опеки становится абсолютно необ-

ходимым условием создания нормальной отечественной, а не импортной оппозиции.

Наша оппозиция должна существовать не для того, чтобы давать материал для западных средств массовой информации и каких-то людей и организаций на Западе, эксплуатирующих советскую тематику в своих корыстных целях, а для своих собственных целей. Она сначала должна выработать свои собственные качества, соответствующие ее положению в ее собственном обществе, утвердиться в этих качествах как постоянно действующий фактор советской жизни. И лишь на этой основе она должна использовать возможности, какие ей может предоставить Запад.

Наша оппозиция, очевидно, не может при такой установке рассчитывать на сенсации и поддержку на Западе, какие выпали на долю диссидентов. В этом, конечно, есть свои минусы. Но есть и плюсы. В оппозицию будут вовлекаться люди не из соображений личной выгоды за счет оппозиции, а в силу глубоких убеждений, бескорыстно и с готовностью пойти на жертвы. Моральная чистота оппозиции является препятствием в достижении скорых и показных успехов, удостаиваемых внимания прессы, но зато она окупится сторицей в исторической перспективе.

Мысли наедине

Чтобы у нас возникло гражданское общество в духе «Манифеста», нужно сто лет. Да и каким оно будет на самом деле? Сейчас можно с абсолютной уверенностью предсказать это, так как мы фактически имели и имеем его: это — та среда, в которой я жил и работал, т.е. те же самые Мироновы, Беловы, Петровы, Смирновы, Федоровы и прочие. Таких, как я, как Горев, как Малов, как Лесков, как Лаптев и им подобных в это будущее гражданское общество не впускают, если бы мы даже захотели в него войти. Это не для нас. А на что такое гражданское общество будет способно, можно видеть уже сейчас. Набрав силу, оно само набросится на общественные блага и будет хапать их для себя с такой же жадностью, как Портянкины, Сусликовы, Маоцзедуньки. И разве не представили этого будущего гражданского общества стали опорой горбачевских и ельцинских реформ?! Такое гражданское общество

возможно лишь в условиях стабильного коммунизма. А где он?! На горизонте маячит капитализм. Он сделает все наши проблемы и душевные драмы бессмысленными. Похоже на то, что нас лишают даже возможности быть недовольными, переживать свое недовольство как нечто трагически возвышенное и создавать свою систему жизненных ценностей. Впереди пустота!

Случайные встречи

Начав ходить по всякого рода сборищам, Чернов втянулся в это и уже не мог жить иначе. Вынужденное безделье и атмосфера разгулявшейся толпы захватила и его. Все те, кто выходил на демонстрации и митинги, заполнял залы собраний, рынков и толкучек, все вдруг стали знакомыми и все перешли на «ты». С ним, как со старым знакомым, заговаривали люди, которых он раньше не встречал и не встретит в будущем. И он обращался к ним также, ввязывался в их разговоры, не вызывая недоумения и протеста. Партграфом завладела праздная, озабоченная, смеющаяся и одновременно разгневанная толпа. Быстро создавались и так же быстро распадались самые невероятные группы. Высказывались мысли, которые могли прийти людям в голову только в состоянии всеобщего опьянения. Эти мысли тут же забывались или менялись на противоположные.

— Народ опьянел, если не сказать большего, — сказал Юрию парень примерно его возраста. — Но он опьянел по-нашенски, по-русски. Ты знаешь, что опьянения бывают разные.

— Слышал, но не испытал сам, — ответил Юрий. — Я трезвенник.

— Первый раз в жизни встречаю трезвенника. Чтобы русский и не пил — это логически противоречиво. Так вот, опьянение бывает разное. Одно — от пива, другое — от коньяка, третье — от шампанского, четвертое — от водки. Одним словом, разное. А мы теперь пьем даже не водку — дороговато! — а черт знает что. «Горбачуху» дуем. Знаешь о таком чуде Второй Великой революции?

— Смутно.

— Это, брат, новый вид самогонки, изобретенный в год Великой трезвости, т.е. когда началась горбачевс-

кая кампания против пьянства. Из чего ее изготавливают и как — большой секрет. Тоже наша национальная черта, между прочим. В Америке Форд изобрел автомобиль и стал миллионером. У нас какой-то жулик изобрел «горбачуху» и стал миллиардером. Говорят, он способен купить все промышленные предприятия города. Болтают, конечно. Но нет дыма без огня. Так вот, наш народ опьянел так, как будто он надюзгался «горбачухи» до умопомрачения, до полной потери всяких сдерживающих начал. Эта «горбачуха» действует как наркотик. Протрезвление от нее бывает ужасным.

— А наступит ли оно?

— Конечно. Народ не может все время жить на таком «подъеме». Отрезвление уже у многих наступает. Но мне, честно говоря, такое состояние нравится. Я даже хотел бы, чтобы оно навечно осталось. Плохо с деньгами? Так ведь и деньги теперь — ничто. Без них даже лучше. С голоду не умрем!

— А дети у тебя есть? — спросил кто-то из зевак, прислушивавшихся к разговору Юрия и Андрея (так звали парня).

— Нет. А зачем их заводить?! Мы должны мстить всей Мировой Неправедливости своим бесплодием. Пусть привилегированные классы сами плодят своих будущих разов!

Во время разговора Юрия с Андреем около них остановилось еще несколько человек. Они прислушивались к разговору и делали свои реплики. Один из них сказал, что сейчас в Парттраде развелось много людей, которым некуда деньги девать, и он предлагает создать партию по ограблению этих миллионеров. Молодая женщина из зевак предложила создать партию бездельников и болтунов. Кто-то сказал, что такая партия уже есть: это — КПСС. Посмеялись и разошлись.

Остались лишь Юрий, Андрей и упомянутая молодая женщина, назвавшаяся Таней. Побрели, болтая всякую всячину, по пешеходной зоне. От нечего делать забрели на выставку свободных художников. В залах было почти пусто. За столами сидели художники и устроители выставки, пили что-то, громко ругались.

— Ну и мазня, — сказал Андрей, скользнув взглядом по картинам. — Стремление бездарных провинциальных мазил переплюнуть западных мастеров, уже ставших прошлым мирового искусства.

— Вижу, что вы не в восторге от творений этих

свободных гениев, — сказал пожилой мужчина, присоединившийся к группе Юрия. — Я тоже. Я сам художник. Но из тех, кого теперь оплевывают, соцреалист. Позвольте представиться: Сырцов.

Художник

— У нас думают, будто все дело в запретах. Думают, что если бы не было запретов, мы немедленно подарили бы человечеству выдающиеся шедевры кино, живописи, литературы, музыки. Чепуха это! Если люди властей не удержат шедевры, их никакие запреты способности создавать шедевры, ради которых можно было бы пойти на любые жертвы. Сейчас у нас фактически полная свобода творчества. Малюй, что хочешь и как хочешь! А где они, шедевры? Когда были запреты, еще можно было оправдываться тем, что тебе ходу не дают. А теперь?!.. И если уж говорить по-честному, то знаете, кто в первую очередь не дает ходу таланту и гению? Наш же брат художник, артист, писатель, режиссер, музыкант. Слишком много нашего брата развелось. Каждый хочет прослыть талантом и гением. И почти все без исключения бездарны. Или среднеодаренны, что еще хуже. Вот эта банда бездарностей и посредственностей в конце концов душит всякие проблески таланта и гения. А власти... Ведь и власти состоят из той же посредственности. Вот в чем дело! А меценатов, способных оценить подлинный гений, у нас нет и не предвидится.

Сырцов предложил пойти к нему в мастерскую, он покажет полотна, которые в брежневские годы не пускали на выставки как «формалистические», «абстракционистские», а теперь не пускают на выставки как «пережиток соцреализма». Хотя Юрий не был знатоком и даже любителем живописи, то, что им показал Сырцов, произвело на него сильное впечатление. Андрей и Таня тоже были в восторге.

— Это же настоящее искусство! — воскликнула Таня. — Игнорировать такое — преступление перед Россией! Мы должны что-то предпринять, чтобы это стало достоянием народа!

— Ничего не выйдет, друзья мои, — сказал Сырцов. — Многие пытались что-то предпринять, и все впустую.

Народ!.. А что такое народ? Вы сами видите, что творится с народом. Народ безумеет при виде драных джинсов, «Мальборо», видео и прочих благ Запада. Ему не до настоящей живописи, литературы, театра... Ему наплевать на настоящих национальных гениев. Он создает новых ложных кумиров. История проходит мимо нас. Мы в ней излишни.

— Ну, это мы еще посмотрим, — сказал Андрей. — А что, если мы создадим Союз выпавших из истории или ненужных?!

— Неплохая идея, — сказала Таня. — Только много ли членов наберется для такого Союза?

— Увы, — откликнулся Сырцов, — приличные люди никогда не объединяются, как учит опыт истории. Они всегда гибнут в одиночку.

Когда прощались, обменялись адресами. Обещали встретиться. Но слова Сырцова оказались пророческими: они больше уже не встретились. И мастерскую русского гениального художника, выпавшего из потока истории, больше не посетили.

Кузьмин

В Партграде возникла, естественно, и партия «зеленых». Поводов для ее возникновения было более чем достаточно: «Атом» и химический комбинат отравили все окрестности города и целые районы. Партия устраивала митинги, на которые собиралось множество народу. По мнению социологов, партия скоро может составить конкуренцию демократам на выборах местных органов власти. Чернов от нечего делать забрел на такой митинг как раз в тот момент, когда выступавший оратор говорил о необходимости закрытия всех атомных электростанций или о передаче их под контроль специальной комиссии ООН.

— Докатились, — проворчал кто-то за спиной Чернова. — Скоро потребуют передать под контроль НАТО все атомное оружие нашей армии. Вот сволочи!

Оглянувшись, Чернов узнал Кузьмина, с которым встречался летом 1984 года во время отпуска, проведенного в Красноармейске. Тот тоже его узнал. Едва дождавшись, когда оратор закончит свою речь, Кузьмин громко спросил, известно ли тому, что такие атомные электростанции есть и в странах Запада, что на

них происходят аварии, но что там никто не требует поставить их под контроль ООН, и не означает ли призыв оратора на самом деле предательство интересов нашей страны. В зале поднялся рев возмущения. Кое-кто начал аплодировать. На них зашикали. Во избежание недоразумений Кузьмин и Чернов поспешили убраться восвояси.

— Я изучил основательно все то, что у нас творится, — сказал Кузьмин, когда они выбрались на улицу. — И знаете, к какому выводу я пришел? Все эти политические партии, лозунги и программы суть просто потеря социальной ориентации или предательство. Надо всех делить на две партии: одна партия — те, кто разрушает и предает страну, и другая партия — те, кто хочет ее спасти. Первая партия четко оформилась, вторая — нет. Нужно кристаллизующее ядро. Надо создать патриотический фронт национального спасения. Надо сначала общими усилиями спасти Россию, а потом разберемся и в наших социальных проблемах.

— Вы уверены, что это возможно?

— Нет. Но я хочу закончить жизнь с чистой совестью.

— А я уверен, что с нашим народом сознательно ничего не сделаешь. Все должно образоваться само собой. Как в трясине. Меня лично совесть не мучает. Меня мучает другой вопрос: почему мне как доперестроечный, так и перестроечный мир чужды?

— Ну и что вы надумали?

— Что это я им чужд. Моя проблема не имеет решения.

— Нет неразрешимых проблем.

— Верно, если уход в Небытие считать тоже решением.

Эпидемия стяжательства

Партград, как и всю страну, захватила эпидемия стяжательства. Для большинства партградцев и ранее приобретение жизненных благ было основным содержанием их жизни. Для одних это была просто необходимость что-то иметь для Самого примитивного существования, для других это было стремление что-то накопить про запас и для возвышения над нищенским уровнем большинства, для третьих это была страсть приобретения богатства. Особенно сильно болезнью

стяжательства были заражены высшие слои общества, сраставшиеся с уголовным миром «теневого» экономики. Но все же соблюдались какие-то внешние нормы приличия, разоблачались какие-то преступные крайности. Теперь же все ограничения были сняты, преступность была фактически легализована, «теневая» экономика была признана одной из опор перестройки, всей материальной жизнью города и области завладели спекулянты, жулики, хапуги, взяточники, организованные банды. Стяжательство переросло в настоящую эпидемию. Все прочие ценности отошли на задний план, стали средством стяжательства или были разрушены совсем.

Самым фундаментальным стремлением коммунизма было разрушить не только классы частных собственников, но и идеологию и психологию собственников. И это в значительной мере удалось в сталинские довоенные годы. После войны постепенно начался процесс поощрения собственничества. Это проявилось в разрешении частных дач, садово-огородных участков, кооперативных квартир и мелкого частного предпринимательства. Чиновники всех рангов стали обрастать собственностью. Началось сращивание партийно-государственного аппарата с преступным миром и превращение его самого в преступные мафии огромного масштаба. Взяточничество и использование служебного положения стали обычным делом. Так что эпидемия собственничества была подготовлена всем послевоенным развитием.

Многие парттравды и раньше бывали на Западе, привозя дефицитные вещи. Теперь же поездки на Запад стали повальными. Уму непостижимо, как люди ухитрялись это делать. Привозили сумки и чемоданы, битком набитые дефицитной одеждой, обувью, парфюмерией, сигаретами. Привозили видео, компьютеры, автомашины, бытовые приборы, порнографическую литературу, пластинки и кассеты с модной музыкой. Все это теперь продавалось за огромные деньги в специально открывшихся государственных, кооперативных и частных магазинах, а также в пешеходной зоне и на толкучках. Деньги стремительно обесценивались. Натуральный обмен и западная валюта вытесняли рубли. Валютные спекуляции, за которые раньше

давали высшую меру наказания — расстрел, теперь совершались легально и даже поощрялись. В кратчайшие сроки создавались неслыханные богатства. В средствах массовой информации открыто заговорили о «периоде первоначального накопления капиталов» в Советском Союзе.

Бесчисленные делегации устремились во все страны Запада с целью установления деловых контактов и изучения методов «рыночной экономики». Члены делегаций привозили все те же дефицитные и дорогостоящие вещи.

Белов и Миронов стали регулярно выезжать на Запад, Миронов — в качестве правой руки Гробоного, который не владел никакими западными языками, Белов — по приглашениям различных научных, культурных и деловых учреждений и фирм Запада. Они стали энтузиастами перестройки. При Брежнев, не уставали говорить они как в Партграде, так и на Западе, им «затыкали рты», а о поездках на Запад они и помыслить не могли. Теперь они могли говорить безнаказанно все, что хотят, и могут беспрепятственно выезжать в любую страну мира. Они, правда, при этом умалчивали о том, что «любые страны мира» для них были лишь те, куда они могли ездить задарма и где они могли как-то пожить.

В свою очередь, из западных стран в Партград стали приезжать представители многочисленных фирм, привозя те же вещи и скупая в Партграде музейные ценности, старые книги, иконы и... рубли. Квартира Белова стала своего рода опорным пунктом для таких «бизнесменов» из Швейцарии и Австрии. Они за западную валюту приобретали огромное количество обесцененных советских денег и каким-то путем переправляли их на Запад.

Партградские газеты стали писать о жуликах, наживших огромные деньги на трудностях со снабжением населения предметами потребления, просто как о деловых людях, предпринимателях, бизнесменах. Сами эти трудности умышленно усиливались или вообще создавались этими «бизнесменами», причем — в содружестве с чиновниками аппарата власти. По официальным данным, опубликованным в «Партградской правде», в области уже появилось более трехсот мил-

лионеров, не скрывающих свои богатства. А сколько еще затаилось?! Короче говоря, стремительно складывался класс хищников, грозивший взять в свои руки всю власть над душами и телами людей.

Метаморфозы

Чернов по какому-то поводу позвонил Миронову. Тот только что вернулся из поездки в Германию и устраивал у себя прием. Пригласил и Чернова.

Чернов с трудом узнал прежнюю квартиру Миронова. Она была оставлена немецкой мебелью и вообще переоборудована на западный (как это себе представлял Чернов) манер. Гостей было много, человек двадцать. Половина — иностранцы. Угощение было устроено тоже по-западному — на кухне гости сами набирали еду и напитки и располагались, где придется. В условиях продовольственного дефицита и дороговизны алкогольных напитков все это выглядело как непозволительная роскошь. Чернов сказал пару слов хозяину по этому поводу.

— Что поделаешь, — сказал Миронов. — Приходится раскошелиться в интересах дела. Впрочем, мне это почти ничего не стоило. Привез кое-какие вещи из Германии, кое-кому сделал подарки. Вот они в знак благодарности и устроили этот пир.

Все разговаривали только о вещах, об обмене денег, о поездках, о гонорарах, о том, где и что выгоднее покупать и т.п. Сколько сил человечество потратило на то, чтобы корысть, стяжательство, мелкие мещанские интересы перестали быть главной основой бытия, думал Чернов, слушая эти разговоры и все впустую. Результатом более чем семидесятилетней истории коммунизма явилось воспитание не человека, равнодушного к материальным благам и охваченного идейными и духовными интересами, а человека, обезумевшего от стремления обладать материальными благами и готового ради них предать любые идеалы, любые духовные ценности. Капитализм торжествует. Если и дальше так пойдет, я превращусь в коммуниста.

Чернов почувствовал себя лишним в этой компании сытых и самодовольных дельцов. Говорить с ними было

не о чем. И он ушел потихоньку, не попрощавшись с хозяином. Мир становился все более чуждым ему.

Самопознание по-русски

Журналы и газеты Партграда заполнились речами и интервью, статьями западных антисоветчиков и антикоммунистов — они теперь стали для партградцев экспертами в понимании их, партградцев, реальности.

— Если бы мне несколько лет назад кто-нибудь сказал, что такое будет возможно, ни за что не поверил бы, — сказал Чернову незнакомый мужчина, читавший, как и Чернов, на газетном стенде отрывок из книги самого заядлого американского антикоммуниста и антисоветчика Бжезинского, перепечатанный в «Партградских новостях». — Обрати внимание: этот мерзавец прямо требует, чтобы мы согласились на уничтожение Советского Союза. До чего мы докатились?! И ведь это поощряют сами власти! Что это? Глупость? Думаю, что это слабо сказать. Это — предательство, самое настоящее предательство.

— Сейчас у нас свобода, — ответил Чернов. — Вот Вы и заявите публично, что наши власти проводят предательскую и пораженческую политику.

— А кто это напечатает?! А кто будет слушать меня?! Я же не западный антисоветчик, а рядовой русский Иван. Наш народ потерял разум, если, конечно, он его имел. У нас своих здравомыслящих людей никогда не слушали. И не хотят слушать. Вот если ты Оруэлл, Маркузе или Бжезинский, тогда тебе разинув рот внимать будут. Своих русских у нас в лучшем случае слушают, когда они давным-давно умерли, и их слова превратились в бессмыслицу. Но и при этом требуется одобрение Запада.

— А Солженицын? А Сахаров?

— А кто они такие? Почему их раздувают и навязывают нам в качестве духовных вождей? По очень простой причине: они работают в пользу Запада! Они разрушают нашу страну. Они помогают Западу оглуплять наш народ. Ужас в том, что народ наш оглупляется с удовольствием. Знаете, я раньше думал, что наш народ за годы советской власти стал высококультурным

и образованным. Теперь вижу, что ошибся. Он стал псевдокультурным и псевдообразованным. Он не поумнел, — народ вообще никогда не умнеет — а поглупел.

— Что же делать?

— Ничего. Просто ждать. Пройдет время, и народ ринется в другую крайность. Только вот боюсь, что не успеет.

— Почему?

— Запад готовит войну против нас — вот чего не хотят понять наши обезумевшие вожди. Запад хочет довершить то, что не удалось Гитлеру.

— Угроза войны должна способствовать сплочению населения и общественному порядку.

— Если ее осознают и принимают меры. При Сталине высшее руководство понимало это и готовило страну к войне, да и то война застала врасплох. А теперь...

Мужчина плюнул в газету, выругался матом и ушел, не попрощавшись с Черновым.

Религиозное возрождение

Хотя Юрий вырос в глухой провинции, он вырос атеистом. В его окружении не было по-настоящему религиозных людей. Верующими были доживающие свой век старухи, да и то очень вяло и поверхностно. Так называемое «религиозное возрождение» возникло в Партградской области не из недр народной жизни, а было спущено сверху, из Москвы. Московские власти убедились в том, что русская православная церковь превратилась в советское учреждение, в имитацию церкви. Была принята установка не препятствовать ей, а даже помогать. В Партграде открылись церкви и монастырь. Другим источником «религиозного возрождения» явилась интеллигентская мода на религиозность, докатившаяся до партградских интеллектуалов. Эта мода играла роль не религиозную, а скорее политическую и идеологическую, была формой неприятия советского социального строя и его идеологии. Так что оживление религиозной жизни в Партграде следует отнести скорее к оппозиционному движению, а не к религии.

До Красноармейска эта религиозная волна вообще не докатилась. Церковь тут не открыли не столько из-

за властей, сколько из-за нежелания самих попов: это было им невыгодно. И красноармейские старухи ездили в Партград поддерживать иллюзию религиозного подъема.

В окружении Чернова в Партграде многие отдали дань этой иллюзии. Окрестил свою дочь Белов. Вышел из КПСС Сидоров и окрестился со всей семьей. Стала регулярно посещать церковь Федорова. У Чернова подобные преобразования вызывали отвращение. Все эти люди были атеистами, членами КПСС. Федорова прочитала десятки антирелигиозных лекций, заработав на этом большие деньги. Теперь она читает лекции в защиту религии и церкви, зарабатывая на этом еще большие деньги. Это можно понять. Но для чего Белову, образованному человеку, потребовалось крестить дочь? Что он имеет, кроме участия в общем умопомрачении? А Сидоров? Сама Маоцзедунька стала посещать церковные службы. А этой-то зачем нужно играть в верующую?!

Все знакомые Чернова стали отмечать религиозные праздники и игнорировать праздники советские. На демонстрации стало ходить ничтожное число людей. Что мог делать он, Чернов, в такой ситуации? Бороться против всего этого? Но если уж сами власти и органы пропаганды отказались от этого, то как выглядел бы он, Чернов, решив выполнять их прежние функции?

— Плюньте на все это, — сказал как-то Лесков, с которым Чернов разговаривал на эту тему. — Люди перебесятся. Весь этот «религиозный ренессанс» сам содохнет, и восстановится прежнее положение. Русская православная религия и церковь все равно обречены играть роль имитации религии и церкви, служить коммунизму, как они и служили до сих пор. Тут, правда, есть один серьезный аспект. Наша государственная идеология потерпела крах. Образовалась идеологическая пустота в головах людей. Вот в нее и устремилась недобитая и искусственно возрожденная религия. Такая идейная смута будет тянуться до тех пор, пока не будет выработана новая идеология, адекватная условиям жизни и менталитету наших людей. Какая, сейчас этого пока не знает никто.

— Сейчас собираются землю передавать в частную собственность, — сказал Юрий. — Ты в районе бываешь. Как там люди смотрят на это?

— Если землю брать, так ведь на ней работать надо, — сказала мать. — А кто нынче работать хочет?! Помнишь колхоз в Петровском? Его распустили. Землю захватили родственники Елкиной. Фермы устроили. Кое-кого из бывших колхозников взяли рабочими к себе. Тетка говорит, что теперь все рынки в Партграде захватит банда Елкиных.

— Может быть теперь будут на этой земле больше производить, чем производил колхоз?

— Будут. Только смотря что? А то, за что на рынках сумасшедшие деньги драть можно. И вовсе не больше. Плохо ли — хорошо ли, а колхоз выращивал овощей много больше, чем эти Елкины теперь. Овощей-то у нас хватало. И стоили они гроши. А теперь? И люди заняты были. А теперь? Народ грозитя расправиться с этими фермерами Елкиными.

— Только грозятя?

— Пока. А если и дальше так будет, дома сожгут, склады разграбят.

— Что будем делать, если твоя тетка свою торговлю прикроет?

— Живы будем — не помрем. Может быть к Елкиным устроюсь подсобной рабочей здесь в Партграде, на складе.

После разговора с матерю остывшая было ненависть Юрия к Маоцзедуньке вспыхнула вновь. Неужели его мать будет батрачить на эту гадину? Неужели эта перестройка на самом деле создаст класс частных, который вместе с классом правящих чиновников станут новыми господами в стране, а миллионы людей будут превращены в новых рабов?! О чем же думают люди?! Почему не бунтуют именно против этого? Почему они взбунтовались против того, что хоть какую-то защиту им давало? Прав был Малов: народ сошел с ума.

В Москве яростные реформаторы выдвинули план преобразования страны из коммунистической в капиталистическую в течение 500 дней. Маоцзедунька приветствовала этот план. И подобно тому, как в старые времена она ратовала за выполнение пятилетних планов в 4 года, теперь она призвала царьградцев осуществить переход к капитализму не в 500, а в 365 дней.

Упоминавшийся журналист Коровин напечатал фельетон в газетенке «Советский Партград», считающейся рупором недобитых консерваторов. Зачем так много дней, писал он. А почему бы не осуществить этот переход от проклятого коммунизма к райскому капитализму за 7 дней?! Бог за семь дней создал целую Вселенную. Так почему бы нам не впасть в манию величия Бога и не обустроить нашу обновленную матушку-Россию в семь дней?! Это же так просто! В первый день надо продать частникам мелкие предприятия. Во второй день продать частникам средние предприятия; в третий день — крупные предприятия; в четвертый — воды; в пятый — земли; в шестой — воздушное пространство; в седьмой — всех людишек. Просто, ясно, доходчиво. И ничуть не менее реалистично, чем план «500 дней». Одна маленькая трудность при этом возникает: куда девать горы рублей, вырученных от этой распродажи страны жуликам, возведенным теперь в ранг спасителей страны? Нынешние мыслители и вершители судеб России обещают обменять их на доллары, марки и фунты. Если бы это удалось, сколько бы джинсов, жевательной резинки, кожаных пиджаков и прочего добра можно было бы закупить на западных барахолках! Но, увы! Мечта сделать рубль конвертируемым так же далека от осуществления, как мечта средневековых алхимиков превратить в золото человеческие экскременты.

Маоцзедунька, прочитав фельетон, сказала, что «таких гадов, как этот Коровин, надо давить, чтобы другим было неповадно». И уже через пару дней по городу распространился слух, что Коровин якобы был убит в пьяной драке. Никто в это не поверил. Но никто не стал докапываться до истины.

Начав знакомиться с состоянием умов в городе, Чернов стал посещать митинги и собрания анархистов, монархистов, социалистов, демократов, радикалов, фашистов (и такие появились!), националистов и т.п. Наконец, он добрался и до неокоммунистов. Самым парадоксальным в сложившейся ситуации было то, что все упомянутые группы, союзы, течения, движения, партии существовали легально или полулегально, имели свои печатные органы и помещения для сборищ, а эта группа коммунистов была фактически запрещена. У них не было печатного органа. Частники и кооператоры отказывались печатать их листовки и брошюры. Они собирались нелегально в каких-то заброшенных помещениях. Если милиция обнаруживала их сборища, она их разгоняла. Организаторов сборищ задерживали и осуждали на различные сроки (до нескольких месяцев заключения) как хулиганов и нарушителей общественного порядка. Через семьдесят с лишним лет после Октябрьской революции убежденным коммунистам приходилось защищать идеи коммунизма в борьбе против всех, включая членов КПСС и официальных работников партийного аппарата. Ни у кого это не вызывало даже удивления. Если уж в Москве самому секретарю КП Российской Федерации Полозкову глава Моссовета демократ Попов отказал в прописке в столице РСФСР — Москве, несмотря на просьбы (просьбы!) Президента Горбачева, наделенного особыми полномочиями, то что уж говорить о каком-то Парттраде!

Чернов попал на собрание неокоммунистов, когда они обсуждали проект «Нового коммунистического манифеста». Доклад делал руководитель группы Анатолий Горбунов, аспирант исторического факультета университета. Чернов пригляделся к собравшимся. Он не увидел среди них ни одного человека старше тридцати лет. И судя по внешнему виду, их привело сюда не мимолетное желание пооригинальничать, отдать дань моде, поскандалить («побузить»), а что-то более серьезное.

Из Нового коммунистического манифеста

Руководители Советского Союза и их идеологические лакеи предали идеи и дело коммунизма. Само слово «коммунизм» приобрело негативное значение. От него поспешили отказаться многочисленные предатели и дезертиры коммунизма. Западные политики и идеологи громогласно заявили о полном историческом крахе коммунизма и о начале посткоммунистической эры. Эту идею подхватили советские идеологические перевертыши. Оргия антикоммунизма и безудержная фальсификация всего, что было связано с коммунизмом, захлестнула страны Запада и Советский Союз. Вся злоба против коммунизма, копившаяся со времени появления «Манифеста коммунистической партии» К.Маркса и Ф.Энгельса и особенно со времени Октябрьской революции 1917 года в России, которую считали реализацией идей марксизма, вырвалась наружу и неудержимым потоком хлынула в умы и души миллионов впавших в состояние идейной растерянности людей. В среде бывших апологетов коммунизма не нашлось ни одного, кто смело и последовательно выступил бы если не в защиту коммунизма, то хотя бы исторической истины о нем.

Бесспорно то, что коммунистический социальный строй не оправдал те обещания, которые связывали с ним коммунисты, и обнаружил многочисленные недостатки, ставшие предметом всеобщей критики. Но коммунизм принес не только зло, но и добро людям, о чем позабыли или о чем умалчивают умышленно. В тех невзгодах, которые переживает наша страна, повинен не только коммунизм. Его сделали козлом отпущения за все зло, обрушившееся на нашу страну в последние десятилетия, игнорируя другие причины этого зла, в том числе — холодную войну Запада против Советского Союза. Отрицательный образ коммунизма в сознании масс явился результатом не столько их печального опыта, сколько западной пропаганды, встретившей колоссальную поддержку у потенциальных и фактических предателей в нашей стране. Поток дезинформации и идеологической лжи, хлынувший в головы советских людей с Запада, не имеет себе равных в

истории идеологического давления одних стран на другие. Началась беспрецедентная война против коммунизма в сфере идеологии, переросшая в «мирную» войну против самого коммунистического социального строя в нашей стране. В этой обстановке мы, группа советских людей, объявляющих себя коммунистами, считаем своим долгом заявить следующее.

В отличие от марксистов и ленинцев, мы исходим не из прекраснодушных намерений осчастливить человечество или какую-то его избранную часть («трудящихся»), а из наблюдения и изучения реального коммунистического общества, построенного в нашей стране после Октябрьской революции 1917 г. в сталинские годы и достигшего классической зрелости в годы до начала «перестройки» (в брежневские годы). Мы не предлагаем никакую утопию коммунизма, никакого проекта коммунистического земного рая. Мы констатируем как факт существование реального коммунистического общества и открыто смотрим правде в глаза. Мы суть коммунисты-реалисты, а не коммунисты-утописты и не коммунисты-прожектеры.

Маркс, Энгельс, Ленин и их последователи были убеждены в том, что построение коммунистического общества автоматически дает гражданам все те блага, которые им сулили. Советских людей из поколения в поколение приучали терпеливо ждать, когда высшее руководство дарует им эти блага. Мы же утверждаем, что построение коммунистического общества есть лишь основа для борьбы граждан за жизненные блага, за улучшение условий их существования. Мы видим свою задачу в том, чтобы разъяснять это широким слоям граждан и стимулировать их на борьбу за те жизненные блага, достижение которых возможно на основе коммунизма и только коммунизма.

Мы оцениваем нынешнюю ситуацию в стране не как некое ее обновление, не как некую революцию сверху, не как шаг вперед в развитии страны, а как кризис, как болезнь общества, как деградацию, как контрреволюцию по отношению к результатам Октябрьской революции 1917 года. Мы видим выход из этого кризиса не на пути отказа от коммунизма и не на пути создания гибрида коммунизма и капитализма, а на пути восстановления норм коммунистического образа жизни, ка-

кие так или иначе имели место в доперестроечные годы, на пути прекращения политики перестройки и сознательной политики контрперестройки.

Мы не имеем никаких надежд насчет безграничных возможностей прогресса на базе коммунизма. Наоборот, мы считаем эти возможности ограниченными. Но мы считаем при этом, что эти границы настолько значительны, что потребуются многие десятилетия и даже столетия, чтобы исчерпать все возможности коммунизма на этот счет. Какие лозунги и программы выдвинут наши потомки в то отдаленное будущее, не наша забота. На наш век хватит того, чтобы сделать хотя бы первые шаги в этом направлении.

Наша деятельность будет протекать по трем линиям:

1) создание идеологии, опирающейся на подлинно научное понимание всех феноменов, важных для человеческой жизни, особенно сущности реального коммунизма;

2) критика недостатков коммунизма и стимулирование граждан на борьбу за их устранение, причем — в рамках норм коммунизма;

3) воспитание масс населения в том духе, как это необходимо для сохранения, укрепления и прогресса общества как общества коммунистического.

Мысли наедине

«Эти некоммунисты хотят того же, чего хотели коммунисты-утописты, только уже на базе реального коммунистического социального строя. Потому они утописты вдвойне. Что из этого может выйти, мы это уже видели на опыте нашей страны.

Какое все-таки поразительное время наступило! Все эти горбачевы, ельцины, маоцзедуньки и им подобные, все нынешние разоблачители сталинизма и брежневизма, все нынешние антикоммунисты, — все они суть порождение самого коммунизма. Именно реальный коммунизм породил и будет порождать антикоммунистические отбросы, разрушающие его. Как коммунисты, так и противники коммунизма в нашем обществе суть явления однопорядковые! Одни стоят других. Коммунистическое братство, какое хотят создавать эти некоммунисты, рано или поздно будет поглощено аппаратом власти и идеологии».

В журнале «Патриот» Чернов прочитал статью о Горбачеве. Начинаясь статья со ссылки на книгу французского писателя Дрюона «Когда король губит Францию». В предисловии к этой книге, писал автор статьи о Горбачеве, говорится следующее. В начале XIV века Франция была могущественной и богатой страной, которой боялись все соседи. Но прошло немного лет, и Франция была разгромлена страной, население которой было в пять раз меньше, знать ее разбилась на враждующие между собою партии, горожане взбунтовались, провинции отпадали одна за другой, над властями открыто смеялись, деньги обесценились, повсюду царил нищета, исчезла уверенность в завтрашнем дне. Не напоминает ли это тебе, читатель, положение в нашей стране? Почему же рухнула эта держава, что так круто повернуло ее судьбу, ставит вопрос французский писатель. И отвечает: посредственность! Посредственность ее королей, их глупое тщеславие, их легкомыслие в делах государственных, их неумение окружить себя нужными людьми, их неспособность вынашивать великие замыслы или хотя бы следовать тем, какие были выношены до них.

Этот ответ целиком и полностью приложим и к тому, что произошло в нашей стране, и прежде всего — к тому человеку, кто волею обстоятельств оказался на вершине власти — к Горбачеву.

Горбачев начал свою карьеру еще в сталинские годы как комсомольский активист, причем — начал с самого подлого и примитивного предательства. Он предал своего друга, который был комсоргом группы в университете. Предал, чтобы занять его место. Вся последующая карьера Горбачева была путем от самого маленького предательства, как писал автор статьи, к самому грандиозному предательству в истории. Сделав карьеру в рамках КПСС и за счет КПСС, Горбачев предал интересы партии, интересы коммунизма, интересы Советского Союза и всего советского народа. И ради чего? Ради аплодисментов и похвалы на Западе. Ради того, чтобы в конце века быть признанным человеком века за заслуги в разрушении того, что было достигнуто ценой невероятных жертв и усилий миллионов людей.

На Западе в начале перестройки сравнивали Горбачева с Петром Великим, прорубившим окно в Европу. Теперь забыли об этом сравнении. Теперь его сравнивают с Бонапартом. Бонапарт-то он может быть и есть, только особого рода, — Бонапарт не побед и движения вперед, а Бонапарт поражений и движения назад. Россия сделала великую революцию и как бы испугалась этого. Теперь она торопится вернуться назад.

Чернов несколько раз перечитал статью. Горбачев совершил эпохальное преступление против своего народа. Он вполне заслужил казнь. Хотя как личность он есть заурядный партийный карьерист, на Западе его раздули до масштабов деятеля эпохального значения, а с точки зрения зла, причиненного своему народу, он превзошел Сталина. Это не какая-то вздорная Маоцзедунька. Неужели этот подлец вылезет сухим из воды? Неужели из 280 миллионов граждан страны не найдется ни одного, кто смог бы выполнить роль кары Божией?! Не может этого быть! Такой человек должен появиться!

Чернов оказался прав: 7 ноября 1990 года во время демонстрации на Красной площади в Москве прозвучали два выстрела. Стрелял некто Шмонов. Выстрелы предназначались Горбачеву, стоявшему на Мавзолее. Но ему не дали прицелиться. Пули ушли в небо.

Покушение по-советски

Коммунистическое общество дало слишком мало фактического материала для обобщений в сфере покушений. Тем не менее и тут имели место случаи, которые можно считать характерными. Я имею в виду попытку покушения Ильина на Брежнева в 1969 году и попытку покушения Шмонова на Горбачева в ноябре 1990 года.

22 января 1969 года москвичи смотрели прямой телевизионный репортаж о встрече космонавтов. Вот кортеж автомобилей с космонавтами и встречавшими их лицами во главе с самим Брежневым двигался с аэродрома в Кремль, где Брежнев должен был вручать космонавтам награды. Кортеж приблизился к Кремлю, к Боровицким воротам. Но вторая машина почему-то отделилась. Передачу внезапно прервали. возобно-

вили ее минут через сорок. Показали, как награды космонавтам вручал не Брежнев, а Подгорный. Само собой разумеется, поползли слухи. И еще до официального сообщения многие москвичи узнали, что в Кремле кто-то стрелял по одной из автомашин с космонавтами. Сразу же возникли предположения, что выстрелы предназначались не космонавтам, а Брежневу, и что это именно его автомашина отделилась от кортежа и въехала в Кремль не вместе с другими через Боровицкие ворота, а через другие ворота, через Спасские.

На другой день сообщили официально, что «22 января 1969 в гор. Москве во время торжественной встречи летчиков-космонавтов неизвестный гражданин, находившийся среди публики, произвел несколько выстрелов по автомашине, в которой следовали летчики-космонавты тт. Береговой, Николаева-Терещкова, Николаев и Леонов». Сообщили также, что «водитель автомашины был смертельно ранен и легкое ранение получил один из мотоциклистов, сопровождавших кортеж», и что стрелявший был задержан.

Через год, 21 февраля 1970 года в газете «Известия» появилась маленькая заметка «В Верховном Суде СССР». В ней говорилось дословно следующее. Стрелявшим оказался «Ильин, 1947 года рождения, житель гор. Ленинграда. В процессе расследования была проведена судебно-психиатрическая экспертиза, в которой участвовали действительный член Академии медицинских наук СССР А.В.Снежневский, члены-корреспонденты Академии медицинских наук СССР В.М.Морозов и Г.В.Морозов и другие ученые-психиатры. Экспертизой установлено, что Ильин страдает хроническим душевным заболеванием в форме шизофрении. Рассмотрев материалы следствия, заслушав заключение экспертов и допросив свидетелей, суд признал, что Ильин совершил общественно опасные действия в состоянии невменяемости. Учитывая, что Ильин является лицом социально опасным, суд принял решение изолировать его от общества и направить на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа».

Несмотря на скудость официальной информации, многие фактические детали покушения стали извест-

ны в кругах интеллектуалов и диссидентов. Стрелявший был офицером, младшим лейтенантом. Служил он не в самом Ленинграде, а в г. Ломоносове, неподалеку от Ленинграда. Он, переодевшись в милицейскую форму, вклинился в милицейское оцепление. Стрелять он собирался в машину Брежнева, которая должна была быть второй в кортеже. Он не знал, что эта машина направилась в Кремль через другие ворота, и стрелял по второй машине, в которой находились космонавты.

Многое в этой истории вызывало недоумение. Как Ильин из своей воинской части из-под Ленинграда быстро добрался до Москвы? Как узнал точное время прибытия кортежа автомашин с космонавтами и встречавшими? Как узнал, что Брежнев двигался во второй по счету машине? Где достал милицейскую форму? Почему его допустили в оцепление, хотя он был одет не по сезону (не в зимнюю форму), и его соседи по оцеплению не знали его? Все милиционеры в оцеплении были без оружия, их предварительно обыскали. Почему это не сделали с Ильиным? Почему машина Брежнева внезапно покинула кортеж перед поворотом к Боровицким воротам?

В кругах интеллектуалов и диссидентов циркулировала такая гипотеза. Брежнев был выдающейся бездарностью во всех отношениях. Плюс к тому он обладал маниакальным тщеславием. Его холуи вовсю играли на этом, внушив ему мысль, что он — Ильич Второй, т.е. самый крупный деятель в истории после Ленина. И захотелось ему во всем сравняться с Лениным. Потом он решил превзойти Ленина, вообразив себя гениальным писателем. Но это — потом. А сначала ему захотелось иметь в своей биографии такое же покушение, какое имел Ленин. Чтобы покушение было, но чтобы безопасное совершенно. Это вполне в его духе: быть великим полководцем, не командуя ни разу в жизни даже ротой, быть теоретиком, не умея даже толком прочитать написанное другими. Сейчас уже невозможно точно установить, как формировалась у него эта идея и с какой целью. Надо полагать, и охрана тут приложила старания, чтобы набить себе цену. И КГБ, вне всякого сомнения, приложило руку: это покушение можно было бы использовать как предлог распра-

виться со всякого рода недовольными, с диссидентами — в первую очередь, и закрутить гайки. Важно тут то, что идея покушения пришла из разных источников. И каждый из этих источников имел свои собственные виды на него.

И тут представился удобный случай — стало известно о намерении младшего лейтенанта Ильина совершить покушение на Брежнева. И его решили использовать. Как это осуществлялось конкретно, об этом никто и никогда не узнает правду. Ясно только то, что в механизме заговора что-то испортилось или случилось что-то непредвиденное. Брежнева в последний момент направили подальше от того места, где его ждал Ильин.

Прошло двадцать лет. В разгар «перестройки» Ильина перевели в ленинградскую психиатрическую больницу и затем выпустили на свободу. Таким образом, он провел в одиночном заключении двадцать лет. В газетах и журналах появились статьи о нем. Из них следовало, что Ильин был одиночка, возмущенный недостатками «застойного периода» (как стали называть брежневские годы), не вполне психически нормальный, жаждавший прославиться на весь мир.

Во время демонстрации 7 Ноября 1990 года на Красной площади прозвучало два выстрела. Вот что стало известно об этом инциденте из советских средств массовой информации. Стрелял некто Александр Шмонов. Ему тридцать восемь лет. Его отец — полковник милиции. Родился и вырос Шмонов в городе Колпино под Ленинградом. Женат, имеет двухлетнего ребенка. Работал простым рабочим. Жил с семьей в крошечной комнатухе в общежитии. По рассказам знакомых, Шмонов — человек, по крайней мере, необычный, «не от мира сего». Был озабочен положением народа. С началом «перестройки» включился в политическую деятельность. Участвовал в различных политических группах и движениях. Хотел, чтобы его выбрали в депутаты. Окружающие относились к нему с иронией. Хотел немедленных перемен в стране к лучшему. Винил во всех бедах коммунизм, КПСС, а Горбачева считал главным врагом народа. К покушению готовился два года. Купил дорогое ружье. Тренировался в стрельбе. Отрезал приклад, чтобы ружье можно было спрятать в одежде. Пришил к пиджаку специальный кар-

ман для него. Тренировался быстро вытаскивать его для стрельбы. Стрелять собирался в стоявшего на Мавзолее Горбачева. Об этом он написал в записке, приготовленной на случай его гибели при покушении. Эту записку потом нашли при обыске в его кармане. Демонстранты, милиция и сотрудники КГБ помешали ему вести прицельную стрельбу.

В комментариях по поводу покушения мелькнул намек на то, что оно явилось проявлением разочарований в перестройке, которые для многих перешли в состояние безысходности. Так что и это покушение имеет социально-политический характер, кем бы ни был покушавшийся лично и как бы ни было организовано и проведено покушение «технически».

Трудно сказать, принимали в деле Шмонова участие органы государственной безопасности и люди Горбачева или нет. Не исключено, что в перестроечной смуте его могли проглядеть. Однако исключать такое участие было бы ошибочно. Согласно сообщениям следственных органов, поведение Шмонова многим из его окружения казалось странным и подозрительным. Он сочинял и распространял антигорбачевские и антикоммунистические листовки, а также письма с угрозами в адрес руководителей. Хотя он делал это тайно (маскировался), вряд ли это могло ускользнуть от внимания окружающих. Следователь КГБ жаловался, что люди замечали странности поведения Шмонова и слышали от него угрозы в адрес «верхов», но не донесли об этом в КГБ или милицию; я сомневаюсь в том, чтобы советские люди, десятилетиями приучавшиеся к доносительству, вдруг отказались от этой привычки, и чтобы не нашлось ни одного доносчика на Шмонова.

Двусмысленно выглядит и ситуация на Красной площади в момент покушения. Рабочий из-под Ленинграда приезжает в Москву. На это нужны деньги. Он оказался в пятидесяти метрах от Мавзолея. Площадь буквально кишела агентами КГБ и сотрудниками милиции. Тем не менее Шмонову удалось сделать два выстрела. Но что за выстрелы?! Совершенно безопасные как для того, кому они по идее предназначались, так и для окружающих. Около Шмонова оказались отважный демонстрант и сотрудники КГБ, помешавшие ему вести прицельную стрельбу и заставившие

его выстрелить в воздух. И кто теперь может доказать, что выстрелы были не холостыми патронами?!

Невольно возникает вопрос: а не есть ли это всего лишь инсценировка покушения в чьих-то интересах, сделанная по той же схеме, что и покушение Ильина на Брежнева? Все мыслимые варианты слухов на этот счет циркулировали в стране: будто консерваторы хотели убрать Горбачева, будто горбачевцы хотели тем самым повысить престиж Горбачева, будто КГБ хотело создать предлог для усиления борьбы с преступностью и распущенностью и т.п.

Но мало кто воспринял это покушение как нечто подлинное и серьезное. Подобно тому, как горбачевские реформы воспринимались лишь как имитация демократии, рыночной экономики, свободы, президентской системы власти и т.д., случай на Красной площади 7 Ноября 1990 года воспринимался не как покушение в строгом смысле слова, а лишь как имитация покушения. На сцене театра стреляют, но не убивают.

Прощание с терроризмом

Первая мысль Чернова, когда он узнал о попытке Шмонова, была: его опередили! Он пожалел о том, что Шмонов не сумел выстрелить в Горбачева. Но тут же у него возникло сомнение: а почему не сумел? Случайно ли это? Случайно ли Ильину не удалось выстрелить в Брежнева? И почему пресса уделила так мало внимания этому покушению? И какое разочарование перестройкой выразил Шмонов — со стороны радикалов (он принадлежал к ним), обвинявших Горбачева в повороте к прошлому, или со стороны жертв перестройки? Напрашивалась невольно мысль: если бы он, Чернов, попытался бы совершить покушение, оно тоже наверняка не удалось бы, и никакой мировой сенсации из его попытки не сделали бы. Значит, надо вообще расстаться с идеей покушения как с бессмысленной?

Кто выгадал бы, если бы покушение на Горбачева удалось? Только сам Горбачев: он вошел бы в историю как величайший герой, которому не дали возможности довести до конца дело обновления страны — довести до конца Вторую Великую революцию. Вот такое действительно нельзя допустить! Причем, этого можно

добиться. Как? Дать ему возможность до конца обнаружить перед всем миром, что он такое есть на самом деле, и осуществить объективный анализ его перестройки и его роли в ней. Нельзя из таких подлецов делать героев, их надо превращать в посмешище!

Все дозволено

В скитаниях по городу Чернов сталкивался и разговаривал с людьми, о возможности появления которых он ранее даже помыслить не мог, — с монархистами, анархистами, фашистами и прочими «истами», названия которых когда-то мелькали в книгах прошлого. Вседозволенность, отсутствие внутренних сдерживающих факторов и дилетантизм в отношении социальных феноменов позволяли любым уродствам социального сознания проявляться в виде групп, движений, союзов, партий и т.п., заявлявших громогласно претензии на свою роль в истории. Однажды Юрий встретил человека, настаивавшего ни много ни мало как на необходимости организации всего общества по принципам концентрационного или исправительно-трудового лагеря. Это был образованный человек, доктор каких-то наук, бывший член КПСС.

— Я вышел из партии, — говорил этот человек, — вовсе не потому, что стал врагом коммунизма, а потому, что КПСС предала идеалы коммунизма, побоялась пойти до логического конца в их осуществлении. Можно построить некий «демократический коммунизм» или «коммунизм с человеческим лицом», если маленькая страна, и ей никто не угрожает извне. А если в стране сотни миллионов людей, и ей постоянно угрожает нападение со стороны более мощного противника, не остается ничего другого, как сталинский вариант. Сталин был гений. Но, как всякий политический гений, не довел свой замысел до логического конца. Он создал «ГУЛАГ». А надо было всю страну превратить в «ГУЛАГ». Поверьте мне, я не злой человек и не сумасшедший. Но другого пути выжить вообще нет. Либо снова «ГУЛАГ», причем — во много превосходящий сталинский, либо гибель. Третьего не дано.

— А как Вы это себе представляете конкретно? И возможно ли это?

— Думаю, что возможно. Будь моя власть, через месяц в стране был бы образцовый порядок. Как конкретно? Захват высшей власти Центральным Комитетом КПСС, переименованным в Комитет общественного порядка. Объявление всех реформаторов вне закона. Арест всех их. Можно допустить расправу народа над ними. Отстранение всех реформаторов от власти и изоляция их от общества. Передача всей власти партийным комитетам, которые должны опереться на КГБ, армию и вооруженные народные дружины. Короче говоря, объявление в стране военного положения, причем — в самой суровой форме. Если Вас интересуют детали, мы можем встретиться специально. Я разработал детальную программу на этот счет. Я думаю, что это рано или поздно будет. Надо к этому готовиться. На горизонте война.

— Между кем?

— Запад против нас. Как только США почувствует, что мы совсем ослабли, они на нас нападут. Предлог найдется. Надо готовиться к обороне. Над Сталиным в свое время смеялись на Западе, когда он предупредил о войне. Он оказался прав.

— А зачем Западу нападать на нас?

— Молодой человек, в марксизме не все чепуха. Запад — это капитализм. А капитализм — неизбежность кризисов. Запад накануне грандиозного кризиса. Война ему нужна как средство предотвратить кризис или направить его по другому руслу. Я, к сожалению, спешу. Вот мой телефон. Позвоните, когда захотите побеседовать на эту тему. Советую подумать об этом серьезно. Истина, увы, никогда не бывает привлекательной.

— А Вы не боитесь, что за такие мысли?..

— Волков бояться — в лес не ходить. Раз все дозволено, то почему должны быть запрещены самые здравые идеи?

— Именно потому, что они здравые.

— Ого! Да Вы тоже не лыком шиты! Позвоните мне, непременно позвоните! Думаю, что мы найдем общий язык.

Звонить Юрий не стал.

Деньги обесценились. Пенсия превратилась в ничто. Мать зарабатывала гроши. Подрабатывать за счет перепродажи вещей, приобретенных путем долгого стояния в очередях, стало невозможно, этот «бизнес» захватили в свои руки молодые и ловкие «предприниматели». Жить было не на что. Юрий занялся поисками работы. После нескольких неудачных попыток он добился наконец-то аудиенции у Белова. Белов был теперь вторым человеком в комбинате после Грбового. У него был теперь шикарный кабинет, оборудованный немцами по образцу их бюро, секретарша и помощник-немец.

— Давненько тебя не видал, — сказал Белов вместо приветствия, не вставая из-за стола, не протянув руки. — Присаживайся. К сожалению, я не могу уделить тебе больше пятнадцати минут. Дела. Мы теперь работаем по-западному, а это значит, что каждая минута на учете.

— Ты теперь фигура, — сказал Чернов. — Мне нужна какая-то работа, жить не на что. Помогите где-нибудь устроиться. Хотя бы сторожем.

— Сторожа у нас теперь не те, что раньше. Здоровые ребята. Владеют карате. И стрелять умеют. Получают они больше, чем раньше научные сотрудники получали. Об этом и не мечтай. Честно тебе скажу, у нас мест свободных нет. Да ты и не подошел бы, если бы и были. На компьютере ты работать не можешь...

— А мои мозги?! Ты же когда-то считал меня гениальным математиком!..

— Я сам может быть гениальный математик. Ну, если не гений, то талант во всяком случае. Только теперь это никому не нужно. Теперь другая математика нужна, которую и дебилы в состоянии освоить. Я, конечно, постараюсь кое-что разузнать насчет тебя. Позвони через недельку.

Расставшись с Беловым, Чернов вспомнил, как совсем недавно тот же Белов говорил Чернову по поводу отказа напечатать его статью в математическом журнале: «Они не могут простить тебе не столько твою одаренность, сколько свою собственную бездарность. У них претензии на талант, а ты своим существованием даешь им понять, что их претензии не имеют оснований».

Трудовой коллектив

Теперь, потеряв самое главное, что было в его прошлой жизни, — трудовой коллектив, Чернов вспоминал его в идеализированном виде. Раньше достоинства коллектива воспринимались как нечто данное от природы или не замечались совсем. Внимание сосредоточивалось на его недостатках, вернее — на таких его явлениях, которые воспринимались частью членов коллектива как недостатки. Тогда не воспринималось как достоинство то, что люди получали устойчивую зарплату независимо от того, как они работали, получали какое-то жилье или улучшали его, получали путевки в дома отдыха, премиальные надбавки к зарплате и многое другое. А как же иначе?! Так и должно быть! Это стало нормой жизни. Зато в комбинате со страстью обсуждали и глубоко переживали тот факт, что заведующим отдела назначили не лучшего специалиста Горева, а карьериста и хапугу Гробоного, что квартиру дали не многодетному Семенову, критиковавшему директора, а холую директора Рыжикову, проработавшему в комбинате всего два года, что... Теперь же все несправедливости такого рода забылись, отошли на задний план. В памяти стали всплывать встречи и разговоры с людьми, сборища с рассказыванием анекдотов, туристические походы и праздничные вечера, хождение в гости к сослуживцам... Чернову вспомнились собрания, над которыми раньше все издевались. Теперь ему мучительно захотелось посидеть на собрании отдела, послушать новейшие анекдоты, позлословить. Как же мы, русские люди, устроены! Пока не попадем в беду, не можем оценить по достоинству то, что имели. Неужели все это потеряно навсегда? Не может быть! Надо искать работу. Любую работу, лишь бы вновь оцутить себя в коллективе!

Главная проблема жизни

Продавая книги на черном книжном рынке, Чернов встретился с профессором Макаровым. Чернов с трудом узнал его лишь после того, как Макаров назвал себя.

— Преподавание марксизма-ленинизма отменили, —

сказал Макаров. — Меня сразу же на пенсию отправили. А что такое теперь профессорская пенсия!.. Вот продаю книги. Не думал, что так придется заканчивать жизнь. Ну, а Вы как живете?

— Безработный. Продаю последние книги.

— Ясно. Можете не продолжать. А вот мой сын нанес мне удар в спину. Вышел из партии. Участвует в антисоветских и антикоммунистических митингах и демонстрациях. Ударился в частный бизнес.

— Извините за бестактность. Но, как говорится, что посеешь, то пожнешь.

— Вы правы. Должен сознаться, что мы плохо воспитывали молодежь. Слишком много давали, слишком мало требовали.

— Я что-то не заметил, чтобы мне слишком много дали.

— Так Вы и не оказались в лагере перестройщиков. А главная беда, Чернов, заключается в том, что мы не сумели в полной мере воспользоваться возможностями, заложенными в нашем социальном строе. Мы их просто прошляпили, если не употреблять более точные, но неприличные выражения. Если у Вас есть свободное время, а оно должно быть у Вас как у безработного в избытке, зайдите ко мне домой. Тут недалеко. Жена чаем нас напоит. Поговорим.

Чернова удивило, что Макаров жил в маленькой двухкомнатной квартире. Он сказал об этом хозяину. Тот рассмеялся.

— Сейчас всю муссируются легенды, будто бы все члены партии имели привилегии сравнительно с беспартийными, а партийные идеологи будто бы жили в дворцах. Неплохо было бы проверить, как жили и живут сами сочинители этих легенд. А профессор... Что такое теперь профессор? Сколько их теперь? Это раньше профессор что-то значил.

Пока жена Макарова накрывала на стол, Макаров показывал Чернову семейные фотографии. Их было совсем немного — поколение Макарова фотографировалось редко.

— Это перед отправкой на фронт в 1941 году, — сказал Макаров. — Ваш отец служил в армии в войну?

— Да, — ответил Чернов. — Всю войну был на фронте. Несколько раз ранен. Больше десяти наград.

— Значит, он рассказывал Вам о войне?

— Нет. Он умер, когда мне еще не было года.

— Извините, я не знал. Но Вам, надо думать, приходилось читать или слышать о том, что творилось в начале войны.

— Да.

— Нынешнее положение у нас напоминает мне первые месяцы войны в 1941 году. Мы почему-то оказались безоружными. Куда-то исчезли командиры. Появились вражеские диверсанты. Многие дезертировали. Кое-кто перебежал к противнику. Не известно, где находился враг и где следовало занимать оборону. Ходили слухи, будто остались считанные дни до падения Москвы. Люди шептались: «Неужели это конец?! Конец!» Прошло почти пятьдесят лет после этого. Я просматриваю газеты и журналы, слушаю радио, смотрю телевизор, слушаю речи докладчиков и случайных собеседников. Хотя я не слышу артиллерийской канонады, разрывов бомб, скрежета танков и прочих звуков войны, я испытываю то же ощущение, что и в начале войны с Германией в 1941 году. Есть, правда, одно отличие. Тогда было ясно, кто враг. Враг шел с открытым забралом и громогласно заявлял о своих намерениях. Теперь же такой ясности нет. Враг принял обличье освободителей народа от брежневской и сталинской тирании, спасителя от пут коммунизма. Любой может стать и становиться так или иначе пособником врага. Фронт борьбы проходит через умы и души всех советских людей.

Макаров говорил. Чернов молча разглядывал тусклые и потрепанные фотографии. Вот молодой капитан Макаров с очень миловидной девушкой, с будущей женой. Тогда, в 1944 году, он лежал в госпитале в Партграде, а Танечка (так звали ее) была медсестрой. Вскоре они поженились. В мае 1945 года у них родился сын. В 1946 году Макаров демобилизовался из армии и поселился в Партграде. Вот их группа в университете. Почти все бывшие фронтовики. Как жили, лучше не вспоминать. Если бы не Танечка, не вытянули бы. Но жизнь была все равно радостной. Все понемногу улучшалось. Учились. Перспективу видели... А это — в колхозе. Да, Макаров по призыву партии пошел добровольно в колхоз, председателем. И между прочим, за

короткий срок удалось тогда поднять уровень жизни в деревне.

— А Вы в самом деле верите в хороший коммунизм, как теперь говорят — в коммунизм с человеческим лицом? — спросил Чернов, когда жена Макарова пригласила их к столу.

— А что такое человеческое лицо? — заговорил Макаров после некоторого раздумья. — Коммунизм вообще есть общество с человеческим лицом, если не идеализировать человека. Сталин ведь тоже человеческое лицо. И Брежнев. И Елкина. Дело в том, что не бывает абсолютно идеальных обществ. В любом обществе кому-то плохо, кому-то хорошо, в каком-то отношении плохо, в каком-то хорошо. В любом обществе за хорошее нужно сражаться ежеминутно, а не формальными кампаниями. Хорошее не дается само собой. А мы пустили все на самотек. Уговорами занимались. Думали воздействием на сознание заставить людей поступать так, как нужно. А сознание оказалось самой ненадежной нашей опорой. К тому же наше руководство совершило фундаментальную ошибку.

— Какую?

— Направило страну сначала на путь соревнования с Западом, а затем — на путь подражания Западу. Мы были уверены, что наше население имело иммунитет против тлетворного влияния Запада. Мы совершили грубую ошибку. На деле вышло наоборот: Запад приобрел иммунитет против «коммунистической заразы», а мы оказались беспомощными против «заразы капитализма».

— И что же дальше?

— Сражаться.

— За что?

— За коммунизм. Против капитализма.

— Если коммунизм у нас рухнет, Вы считаете это потерей?

— Самой большой потерей за всю историю человечества. Тогда капитализм станет бесконтрольно хозяйничать в мире и приведет род людской к гибели. Но коммунизм не рухнет. Мы выстоим. Помяните мое слово, будет у нас свой, новый Сталинград. А Вы, Чернов, определили свою позицию? На чьей Вы стороне?

— А как бы Вы вели себя на моем месте? Мой отец, герой войны, был арестован в 1946 году по клеветни-

ческому доносу и был осужден на 25 лет лагерей строгого режима. В 1955 году его освободили, но оставили в «Атоме», где он стал жертвой атомных экспериментов. У него вследствие этих экспериментов родился сын урод. Сам он преждевременно умер в страшных мучениях. Где, по Вашему, должно быть мое место в происходящей борьбе?

— Не хочу читать Вам проповедь на эту тему. Это дело Вашей совести. Для моего поколения в такой ситуации проблем не было и нет: на первом месте для нас стояли интересы Родины.

— Про Родину и нам все уши прожужжали с детства. Но жизнь складывалась так, что у моего поколения развивался скорее антипатриотизм. Мы вырастали либо равнодушными к тому, что называлось словом «Родина», либо пораженцами.

— А Вы лично?

— Не знаю. Я пока еще не ощутил того, что такое Родина. Я ощущал в себе ненависть к сталинизму и к брежневизму. Теперь я вроде бы остыл к ним. Потом я стал ощущать в себе ненависть к горбачевцам, ельцинцам и вообще к реформаторам, перестройщикам. Но никакого чувства уважения или любви к тем, против кого они воевали, у меня не появилось. А теперь я начинаю остывать и к ним.

— Да, Вам не позавидуешь. Вам предстоит решить теперь главную проблему Вашей жизни, хотите Вы этого или нет, — проблему, на чьей стороне Вы окажетесь, — на стороне капитализма или коммунизма. Это, Чернов, проблема века. Наша коммунистическая революция не в прошлом, она продолжается. Мы все равно победим.

— Кто «мы»?

— Коммунисты, разумеется. А главная наша ошибка, Чернов, заключалась в том, что мы проявили слабость в отношении диссидентов и прочей нечисти такого рода. Мы были уверены в окончательной победе и расслабились. Когда мы восстановим коммунистический порядок, мы примем самые суровые меры к тому, чтобы очистить страну от такой мрази и не допустить ее появления вновь.

— Опять ГУЛАГ?

— ГУЛАГ был необходим для выживания страны. И он будет необходим вдвойне.

— Я бы пошел с вами, но мне такая перспектива не подходит.

Раскол перестройщиков

20 января (в воскресенье) 1991 года в Москве произошла демонстрация на Красной площади. В ней приняли участие более 300 тысяч человек. Организовали демонстрацию радикалы (или демократы). Демонстрация была антигорбачевской. Демонстранты несли транспаранты, на которых были слова «Горбачев — кровавый палач» (как протест против действий Горбачева в Прибалтике) и «Горбачев — реакционер» (как протест против горбачевской политики контрперестройки). Перед Черновым возникла новая проблема: горбачевцы фактически переняли функции бывших консерваторов, а радикалы (демократы) теперь будут постепенно лишаться фактической власти и оттесняться в оппозицию. Их лидеры так и заявили 20 января, что они создают новую партию «Демократическая Россия» как оппозиционную по отношению к КПСС политическую партию.

21 января в Партграде на площади Ленина состоялся митинг демократов в поддержку московской демонстрации. Маоцзедунька произнесла пламенную речь, в которой обвинила Крутова и прочих партийных руководителей в измене делу перестройки и заявила о своем выходе из КПСС.

Распад партии

22 января Крутов ушел в отставку с поста первого секретаря обкома КПСС. Его имя перестали упоминать в газетах. Лишь однажды в какой-то газетенке написали, будто он заранее подготовил себе руководящее положение в частном бизнесе, вернее — в партградской экономической мафии. Примеру Крутова последовали и другие аппаратчики. В городе распространился слух, будто Крутов и прочие вышли из КПСС,

будто дни партии сочтены. Стали массами выходить из партии рядовые члены, так что во многих учреждениях вообще исчезли партийные организации.

Умеренные реформаторы (горбачевцы), желая спасти партию как свой инструмент, срочно изготовили проект программы КПСС. Но он не произвел никакого впечатления. Чернов, пристрастившийся к чтению всего, что касалось текущих событий, прочитал проект программы внимательнейшим образом и не нашел в нем ничего, кроме растерянности теоретиков партии перед лицом событий и стремления угодить всем, особенно — западным средствам массовой информации. Он решил поговорить на эту тему с Макаровым.

— Вы, конечно, прочитали проект новой программы КПСС, спросил Чернов Макарова.

— Прочитал, — ответил со вздохом тот.

— Ну и что Вы скажете?

— Хочется плюнуть и ругнуться матом.

— Поразительно! Сколько было в партии членов?

— Более 16 миллионов.

— И среди них не нашлось ни одного, кто мог бы сочинить приличную программу!

— Думаю, что нашелся бы, и не один. Но им не дали бы слова.

— Чем это кончится?

— Думается, полным крахом. Идет распад партии. И процесс распада уже ничем не остановишь. Честно признаюсь, я в полной растерянности. Происходит что-то совершенно иррациональное. Мы совершили самую великую революцию в истории, но не могли воспользоваться ее результатами. Мы одержали самую великую военную победу. И опять не использовали ее в своих интересах. Величайшие достижения коммунизма объявлены злом. Мы скомпрометировали самую идею коммунизма. Партия превратилась в сборище подлецов, дураков, предателей, ничтожеств. Нас надо судить. Но не за то, что мы якобы привели страну к краху, а за то, что допустили к власти тех, кто привел страну к краху.

— Неужели нельзя остановить движение к катастрофе?

— В 41 году мы отступали с огромными потерями. Докатились до Москвы. Положение казалось безнадежным. Немцы были уверены, что через несколько

дней войдут в Москву, и ждали из Германии парадное обмундирование, съемочные аппараты и прочее. Командующим обороной Москвы был назначен Жуков. Он приказал расстреливать каждого, кто двигался с Запада на Восток. И отступление прекратилось. В три дня был наведен порядок. Немцы упустили эти дни и не смогли взять Москву.

— Какая отсюда мораль?

— Простая. Чтобы навести порядок в стране, нужен новый Жуков. Надо ликвидировать всякого, кто призывает нас равняться на Запад. Надо отстранить от власти и изолировать от общества всех перестройщиков без исключения. Нужна война против перестройки, настоящая война. Наше руководство зашло слишком далеко и вовлекло в свои преступления слишком много всякого сброда. Спасая свою шкуру, они встали на путь предательства интересов страны и народа. С ними надо вести войну как с предателями. Нужно ввести чрезвычайное положение и очистить страну от предателей, как это в свое время сделал Сталин. Другого пути нет.

— Вы думаете, что это возможно?

— Боюсь, что уже ничего не выйдет. Упущено время.

— Что же делать?

— Будь я помоложе, я объявил бы этим мерзавцам и предателям настоящую войну. Их надо убивать всеми доступными средствами.

— Их много. Всех не убьешь.

— Если показать пример, он может стать заразительным. Можно будет тогда поднять массы и перебить всех. Всех до единого! Иначе гибель. Мы несем ответственность перед будущими поколениями.

— Потомки никогда не ценят жертвы предков.

— Это их дело, как они посмотрят на нас. У нас же есть долг перед своей совестью.

Пропади все пропадом

Социологи провели опрос населения области и установили, что сейчас в области «отрицателей коммунизма вдвое больше, чем его последователей». Социологи сделали вывод, что «идеи коммунизма в нашей стране исчерпали себя».

— Боже, — сказал пожилой мужчина, читавший рядом с Черновым отчет социологов в «Партградской правде» на газетном стенде, — до какого же уровня идиотизма мы докатились!

— Или, лучше сказать, на какой уровень идиотизма мы вознеслись, — сказал другой читатель. — Идеи-то может быть и исчерпали себя. Да вот исчерпала ли себя практика коммунизма?!

— Люди не знают толком, что такое коммунизм. Дана установка свыше отвергать его. Вот они и стараются. Те же люди десять лет назад отвечали совсем иначе на те же вопросы тех же социологов.

— Пройдет еще лет пять, утихомирится эта смута, и обо всем этом забудут как о кошмарном сне.

— А что это меняет? Люди могут проголосовать против плохой погоды, но изменит ли это погоду? Что бы у нас не предпринимали, все равно ничего другого не получится, кроме ненавистного этим людям коммунизма. Коммунизм наша страна выстрадала многовековой трагической историей. А эти идиоты воображают, будто его можно отменить голосованием или опросом невежественных масс, которым задурили головы.

— Все это суета, суета сует, всяческая суета и томление духа. Допустим, все сто процентов партграждан проголосуют: долгой коммунизм. Что изменится? Возродится все то же самое, только под другими названиями и в еще худшей форме. Я ведь просидел в лагерях пятнадцать лет. В 1953 году после смерти Сталина у нас в лагере произошло восстание. Прогнали охрану и все начальство. Установили самоуправление. И началось такое, что страшно вспомнить. К счастью, пришли регулярные войска и восстановили прежний порядок.

— Чтобы теперь в стране навести порядок, какой был при Брежневе, нужно лет десять. Мы до этого не доживем.

— И слава Богу. Пропади тут все пропадом. Все равно с нашим народом ничего хорошего не сделаешь!

Чернов прислушивался к разговору этих умудренных жизненным опытом стариков и чувствовал себя таким же безнадежно старым.

«Похоже, что эти старики правы, — сказал он себе. — Мы, русские, не сумели воспользоваться ни результатами самой великой революции в истории, ни победой в самой великой войне, ни способностью миллионов

людей пойти на любые жертвы ради светлого будущего. Все впустую. И никакого просвета впереди. Впереди угрожает еще худшее. Старики правы: пропади тут все пропадом!»

Лесков

Лескова положили в больницу с диагнозом язвы желудка, как сказали самому ему. Но навестившему его Чернову он сказал, что это рак. Будет операция. Желудок вырежут. Выживет он или нет, сказать трудно. Во всяком случае, после таких операций долго не живут. Он, Лесков, к этому относится спокойно. Ему и так сильно повезло: в принципе он должен был закончить жизнь еще в 1938 году. А он после этого прожил еще 53 года!

— Мне одинаково противны как защитники коммунизма, так и проповедники капитализма, как консерваторы, так и реформаторы, — сказал Чернов, рассказав Лескову о разговоре с Макаровым. Какую позицию выбрали бы Вы на моем месте?

— А народ?

— А что такое народ? Я всю жизнь жил в нашем русском народе, как и Вы. Я его частичка. А много ли добра я видел от него? Крупицы добра, если только это можно было назвать добром, приходилось вырывать ценой невероятных усилий. Зато зло текло рекой со всех сторон само, без всяких преград. К тому же и сталинисты, и брежневисты, и горбачевцы — все это не злые силы из потустороннего мира, а представители все того же народа. Это и есть народ!

— Наш народ не всегда был такой.

— И Вы сами верите в эту легенду хорошего русского народа, испорченного коммунизмом? И как Вы разделите национально русское и советское? Никто и нигде не разделяет в немцах, французах, англичанах, американцах и т.д. национальное и капиталистическое. А в отношении русских все считают возможным разделить национальное и коммунистическое, или советское. Вот Вы, скажите, что такое русский народ, если вычесть из его характера все то, что привнесено советской историей?

— Я затрудняюсь это сделать. Для этого надо быть ученым. А я...

— А Вы достаточно умный человек с огромным жизненным опытом. Вы сами понимаете, что в советские годы раскрылись и проявились качества именно нашего народа. Классы капиталистов, помещиков и кулаков были ликвидированы. Осталось то, что считалось на родом. И народ показал, что он есть такое. Сталинские репрессии — это дело народа. И коллективизация. И индустриализация. И потери в войне. И разгул брежневизма есть дело народа. И нынешний разгул реформаторства и смута суть тоже дело народа.

— Но все же русский национализм имеет свои причины и перспективы.

— Причины имеет, а перспектив никаких. Вчера я посетил собрание русских националистических движений, групп и партий. Все то, что говорили ораторы, было вроде бы верно. Верно, что условия жизни для русских были наихудшими в стране. Верно, что русские несли на себе основные тяготы советской истории. Верно, что прочие народы имели те или иные привилегии сравнительно с русскими, и что «гениальная» ленинская национальная политика была успешной за счет русских. Верно, что основная масса русских были крестьяне, рабочие, мелкие служащие, а в привилегированных слоях и в верхушке власти преобладали нерусские. И за все это русских изображали как эксплуататоров других народов, обвиняли в насильственной русификации их. В награду за все жертвы, понесенные русским народом, раздувание русофобии как в стране, так и на Западе. Но выводы, которые делали ораторы, исходя из таких бесспорных фактов, были абсурдны как с точки зрения оценки русского народа, так и с точки зрения программы на будущее. Русский народ в их речах изображался в идеализированно положительном виде, а будущее его усматривалось в возврате в столь же идеализированное дореволюционное прошлое. Я не хочу видеть русский народ в том облици, как это изображает Солженицын, ничего общего не имеющий с русским народом и думающий лишь о своем ложном, непомерно раздутым величии.

Разговор с Лесковым натолкнул Юрия на мысль, поразившую его самого. Надо выносить приговор не просто Маоцзедунькам как представителям строя и власти. Надо идти глубже: надо судить их как предста-

вителей всего народа. Надо вынести приговор всему народу, породившему его, Чернова, на страдания.

Придя домой, он написал за одну ночь статью о русском народе.

О русском народе

Статья получилась большая. Суть же ее сводилась к следующему. Характер народа не есть всего лишь обобщение характера образующих его людей. Это — его характер как целого. Проявляется он в поступках отдельных его представителей, их групп, их масс. Причем, проявляется не каждую минуту, а в определенных случаях, в определенных жизненно важных ситуациях. В той катастрофе, которая сейчас случилась с нашей страной, повинны не только коммунистический строй, не только руководство страны, вставшее на путь предательства интересов своей страны, не только атака со стороны Запада и «пятая колонна Запада» в лице интеллектуальной и правящей элиты, но и характер самого русского народа.

Имеется целая теория, сводящая все дефекты русского народа к неблагоприятным историческим обстоятельствам. Я категорически отвергаю эту теорию как ложную. Народ сам делает свою историю. Если в его истории что-то получается плохо, то это означает, что народ либо не хочет приложить усилий повлиять на свою эволюцию, либо довольствуется именно тем, что получается. Подлинно человеческая история включает в себя в качестве неперемennого фактора сопротивление некоему естественному потоку и падению. То, каким становится народ, зависит не только от принудительных обстоятельств, но и от сознательных и волевых усилий представителей народа идти против течения истории и карабкаться вверх из трясины принудительных обстоятельств. Всякие ссылки на неблагоприятные обстоятельства русской истории при оценке русского народа играют объективно роль в высшей степени подлую по отношению именно к русскому народу. Они фактически означают желание сохранить этот народ именно в таком его жалком и достойном гнева и презрения состоянии.

Вследствие своего национального характера русский народ не смог воспользоваться плодами своей великой революции и плодами победы в войне над Германией, не смог завоевать привилегированное положение в своей стране, оказался неконкурентоспособным в борьбе с другими народами за лучшие социальные позиции и блага. Русский народ не оказывал поддержку своим наиболее талантливым соплеменникам, а, наоборот, всячески препятствовал их выявлению, продвижению и признанию. Он легко поддавался влиянию всякого рода демагогов и проходимцев в их разрушительных устремлениях. Он никогда всерьез не восставал против глумления над ним, исходившего от представителей других народов, позволяя им при этом безбедно жить за его счет.

Русский народ смотрит на жизненные блага как на дар обстоятельств или дар свыше, дар начальства, а не как на результат собственных усилий, творчества, изобретательности, инициативы, риска. Так он смотрит и на другие народы, с завистью думая о том, что им дали больше, чем ему, или что они ухитрились урвать больше и устроиться лучше, чем он. В русском народе холуйское низкопоклонство перед другими, лучше живущими народами (особенно — перед западными) сочетается с презрением и ненавистью к ним, собственное самоуничижение сочетается с чванством и гордостью за свою никчемность. Русский народ видимость дела и болтовню о деле предпочитает настоящему делу. Он больше проявляет мужества и терпения в переживании бед и трудностей, чем в достижении успеха. Начав какое-то дело, он останавливается на полпути и не доводит его до конца. Замахнувшись для удара, он сам сдерживает силу своего удара, бьет в половину силы. Он долго раскачивается на благое дело, легко впадает в панику. Коэффициент его созидательной деятельности невысок. Там, где западные народы добиваются чего-то с определенными усилиями и в определенное время, русскому народу требуется в десять раз больше усилий и в пять раз больше времени. Русский народ расточителен, незаконномен, немелочен до равнодушия к деталям и точности, непрактичен. Он

делает многое на авось и кое-как, лишь бы отделаться. Короче говоря, этот народ в гораздо большей мере обладает способностью разрушения, чем созидания.

Все попытки привить русским людям наилучшие человеческие качества в течение более чем семидесятилетней советской истории потерпели крах не только и не столько из-за неспособности коммунистической системы осуществить это на деле, сколько из-за неспособности народа стать народом коммунистических ангелов. Ни скачок в культуре и образовании, ни прогресс в материальном и бытовом отношении не смогли улучшить русский национальный характер. Наоборот, произошла во многих отношениях деградация в смысле обострения и огрубления этого характера. Такую массовую эпидемию самоуничужения, антипатриотизма и пораженчества, какая имеет место сейчас в нашей стране, не допустил бы ни один европейский народ. Более того, этого нет и среди других народов нашей страны. Они во всем винят русских, а русский народ охотно берет вину на себя.

Затевая политику перестройки, Горбачев и его советники ни на минуту не задумались над тем, каков характер тех многочисленных народов, какие должны были на практике осуществлять навязываемые им реформы и прежде всего — народа русского. Любой народ способен воспользоваться благами западной цивилизации, если их преподнесут ему в качестве дара. Но далеко не любой народ способен сам создать цивилизацию такого рода или хотя бы стать соучастником ее создания и воспроизводства. Убеждение, будто различные социальные системы суть ступени в развитии одного и того же абстрактного «человечества» и будто любой народ может пройти эти ступени в своей эволюции, ложно фактически и с научной точки зрения. Западную цивилизацию создавали народы с определенным характером. Это — их уникальное и неповторимое творение. Это входит в их натуру, в их характер. Другие народы создавали цивилизации иного типа, более соответствовавшие их характеру и условиям их жизни.

Подглядев, как живут народы западные, нельзя пропагандой их образа жизни и приказами высшего

начальства заставить свои народы начать жить так же. Эти народы нашей страны способны воспринять из западного образа жизни лишь то, что возможно развить у себя с учетом их характера. Навязывание народу образа жизни, не соответствующего его характеру, имеет своим неотвратимым следствием разрушение этого народа и его историческую гибель.

Именно такой губительный процесс происходит сейчас на наших глазах. Русскому народу сегодняшние советские правители, обуреваемые тщеславием и потерявшие чувство ответственности за творимое ими, стремятся навязать образ жизни, чуждый его характеру и уже приведший к неслыханному ранее его разложению.

Но что именно соответствует характеру русского народа? Русскому национальному характеру и исторической судьбе русского народа коммунистический социальный строй соответствует больше, чем любой другой. Он, конечно, усилил отрицательные качества народа. Но одновременно он придал им в значительной мере позитивный смысл. Во всяком случае, русский народ смог сохраниться как народ исторический лишь в качестве народа коммунистического. С любым другим строем он обречен на деградацию и гибель.

Русский народ имел в своем распоряжении достаточно исторического времени и сил, чтобы распорядиться своею судьбою наилучшим для него образом. Он это и сделал фактически. То, что мы имели за годы прошлой советской истории, и то, что мы имеем сейчас, это и есть полное и свободное раскрытие нашего национального характера. Мы как народ ни на что другое вообще не способны. Но то, на что мы способны, мы не способны оценить по достоинству и сохранять как наше историческое достижение. Мы были способны на великие жертвы ради великих идеалов. Но мы оказались способными и на великие подлости и на беспрецедентное в истории человечества предательство в отношении самих себя. Русский народ покрыл себя увядаемой славой, совершив величайшую в истории революцию и отстояв себя в величайшей войне против сильнейшего врага. Теперь русский народ покрыл себя не-

увядаемым позором на всю последующую историю. Нельзя во всем винить коммунистический строй. Коммунизм не успел проявить свои позитивные стороны. Но если мы продержались несколько десятков лет, то этим мы обязаны именно коммунизму и коммунистам. Отказываясь от коммунизма, мы обрекаем себя на историческую смерть.

Правящие верхи нашего народа и их идеологические холуи предали свою страну и свой народ, превратившись в «пятую колонну» Запада. Но происходило это предательство на глазах народа, при его попустительстве и даже с его одобрения. Народ как целое стал соучастником этого исторического преступления. Наш народ стал народом-предателем. Он предал свое прошлое, предал тех, кто принес ради него неслыханные жертвы, предал своих потомков, предал сотни миллионов людей на планете, смотревших на него как на образец, опору и защиту. Пройдут годы, может быть века, и наши потомки осудят нас как предателей, подлецов, дураков, шкурников, холуев, трусов, капитулянтов. И проклянут нас. И это будет справедливо, ибо мы заслуживаем такой суд.

Друзья

Чтобы оплатить перепечатку статьи на машинке и сделать десяток копий, Чернову пришлось продать на черном рынке последние книги. Он послал статью последовательно в основные газеты и журналы города, но вскоре получил отказ с одной и той же мотивировкой: концепция Чернова научно несостоятельна и идеологически порочна. Чернов недоумевал: какую идеологию они имели в виду?!

Потерпев такую неудачу, Чернов решил показать статью Белову и Миронову и попросить их помочь ее напечатать. Белов согласился на новую встречу с Черновым с большой неохотой: он боялся, что безработный Чернов будет опять просить его устроить на работу или попросит денег взаймы. Когда он узнал, что речь идет всего лишь о статье, он вздохнул с облегчением.

— Ты, кажется, поддерживаешь связь со Смирновым и с Петровым, — сказал Чернов. — Оба они издадут

свои журналы. Может быть поговоришь с ними насчет моей статьи? Им ничего не стоит напечатать.

Белов бегло проглядел статью. Заинтересовался. Вернулся к началу и перечитал ее более внимательно. Чернов следил за выражением его лица. Ему показалось, что Белов растерялся и даже был испуган.

— Ты это сам сочинил или скомпилировал? — спросил он, дочитав статью. — Признайся, старик, ты решил меня разыграть?

— Мы с тобой знакомы не первый год, чтобы так оскорблять меня. По-моему, я не давал тебе повода для таких предположений.

— Одно дело — математика. А тут — социология, публицистика, политика. Ты же не специалист в этом.

— За последние годы я начитался настолько, что могу считать себя специалистом именно в этом. Математику я забросил.

— И напрасно! В математике ты — гений. А тут...

— Что тут?! Ты же сам решил, что я списал у какого-то профессионала.

— Как-то странно видеть тебя в новой роли.

— А в роли безработного тебе не странно меня видеть?

— Сейчас многие без работы.

— И многие сочиняют статьи для бесчисленных газет и журналов.

— Так-то оно так. Только со Смирновым и Петровым у меня теперь контактов нет. Они теперь важные персоны, до них не доберешься.

— Ладно, не хочешь — не надо. А что скажешь о статье?

— Статья, я бы сказал, несколько необычная. Я сомневаюсь в том, что такую статью кто-нибудь теперь напечатает.

— Но ты-то сам что думаешь? В чем ты видишь мои ошибки?

— При чем тут истины и заблуждения? Наши газеты и журналы — не бескорыстные искатели истины. Сейчас все стали политиками. И твоя статья выглядит не как претензия на истину, а как выражение определенной политики. Только какой?..

— Какой именно?

— Во всяком случае, я такую политику не принимаю. Хочешь знать, в чем состоит твоя ошибка с этой статьей? Ты по житейской наивности выболтал то, что общеизвестно, но что все скрывают. Ты нарушил одно из важнейших табу современности.

Через неделю Чернов наконец-то получил аудиенцию у... Миронова. Тот держался очень важно: его избрали лидером их новой партии. Уже партии! Чернов поинтересовался, сколько человек в его партии и какие слои населения она представляет.

— Трудно сказать, — ответил Миронов. — Теперь все происходит так стремительно. Неделю назад было двести человек. Теперь — пятьсот. Кто знает, может быть на той неделе будет десять тысяч. Мы изменили нашу программу. Знаешь, массовость вынуждает. Теперь мы называемся Партией демократов-социалистов, сокращенно — ПДС. А что касается слоев населения, интересы которых мы представляем, так это — устаревший взгляд на партию. Ну, покажи, что ты там такое состряпал!

Миронов начал бегло просматривать статью. Чернов следил за выражением его лица. Ему заранее стало ясно, что может сказать этот новоиспеченный глава новоиспеченной партии.

— Ну, что тебе сказать, — начал Миронов, проглядев последнюю страницу. — Честно говоря, мне жаль тебя. Но, как говорится, друг Платон, а истина дороже. Скажу тебе откровенно, как старому другу. Что такое народ как реальность, а не как миф? Сборище ничтожеств, которое служит пьедесталом и средство для немногих ничтожеств жить так, как будто они на самом деле венец творения. Чтобы это положение сохранить, эти немногие исключительные ничтожества изобрели миф народа, с помощью которого они одурачивают народ. Ты этот миф разрушаешь. К тому же политика есть политика. Что такое наш народ — всеочевидно. Семьдесят лет воспитывали, и все впустую. Теперь поманили его всякие подлецы и демагоги антисоветскими и антикоммунистическими лозунгами, и наш народ готов растоптать все прошлые достижения, готов про-

дать все идеалы. А что сделаешь?! Сказать, что народ — сборище глупцов, подлецов и прочей мрази? Это равносильно самоубийству. А ты говоришь это почти без прикрас.

— Можешь не продолжать, — оборвал его Чернов. — Извини, что побеспокоил, оторвал вождя большой партии от сверхважных дел эпохального масштаба.

— Твоя ирония неуместна. Сейчас действительно решаются проблемы эпохального масштаба. Решается судьба коммунизма.

— Ты прав. И знаешь, в чем состоит самый важный результат истории коммунизма?

— В чем же, если это не секрет?

— В том, что он породил многие миллионы всякого рода подлецов. От этого он и погибнет. Туда ему и дорога!

Новый «самиздат»

В 1986 году освободили студентов, выпустивших первый самиздатовский номер «Гласности». Они решили продолжить свое дело, наивно полагая, что теперь их журнал признают официально, дадут средства, помещение, бумагу, множительные аппараты. Но ничего подобного не случилось. Появились другие журналы и газеты, выпускаемые более ловкими и предприимчивыми дельцами. Они захватили все легальные и нелегальные средства публикации. Журнал «Гласность» так и остался нелегальным. Людей, делавших его, и авторов статей не преследовали: не до этого было. Да и журнал на фоне других изданий, ринувшихся разоблачать и поливать грязью все советское, стал выглядеть чуть ли не как орган консерваторов. Это впечатление усиливалось тем, что журнал уже с третьего номера занял критическую позицию по отношению к перестройке, вернее — стал разоблачать деятелей перестройки.

Одним из первых объектов критики в журнале стала Маоцзедунька. В одной из статей говорилось, что целый Троицкий (бывший красноармейский) район превратился в прямом смысле слова в вотчину Маоц-

зедуньки. Клан Елкиных, их родственников и друзей стал полновластным владельцем экономики района. При общем катастрофическом положении с продовольствием эти люди сосредоточили в своих тайных и явных частных складах огромные запасы мяса, молочных продуктов и овощей. Больше половины людей, торгующий на партградских рынках, суть люди из «мафии» Маоцзедуньки. Ими подкуплены милиция, КГБ и все городские власти. Как-то в пьяном виде Маоцзедунька хвасталась, что у клана Елкиных денег больше, чем в государственном банке города.

Этот номер журнала «Гласность» попался на глаза Юрию совершенно случайно: его сравнительно дешево продавал пьяный забулдыга в пешеходной зоне. Прочитав его, Юрий, захватив статью, пошел по адресу, указанному в журнале. Редакция помещалась в необычайно захламленной двухкомнатной квартире в полуразрушенном доме на окраине города. Повсюду валялись газеты, журналы, книги, пустые бутылки, грязная посуда, тряпки, окурки. Накурено было так, что Чернова с непривычки затошнило. В квартире крутилось человек десять мужчин и женщин, вполне под стать виду квартиры.

— Тимошенко, — представился Юрию редактор журнала, молодой человек лет тридцати, с длинными неопрятными волосами, со столь же неопрятной бородой, в джинсовом костюме. — Ну, что ты приволок? У нас, брат, своего говна в избытке, не успеваем печатать. А материальная база у нас, сам понимаешь... Ого! Статья 20 страниц?! Не читая скажу, не пойдет. Не больше пяти страниц. И никаких гарантий. Сейчас вся страна свихнулась на писанине. Все пишут. А почему к нам пришел? Другие печатать не хотят? Вот так и получается: к нам несут всякое говно, какое никто печатать не хочет. Ладно, не обижайся. Оставь свое сочинение. Время найду — полистаю. Позвоню.

— У меня нет телефона.

— Ну, зайти через пару недель. Поговорим. А сейчас, друг, извини. Некогда. Готовим новый номер. Зубодробительный! После появления его Горбачев вряд ли долго удержится у власти.

Чернов решил, что и тут его статью наверняка не напечатают, и забрал ее с собой. Народ! Где он, тот народ, который считается высшей ценностью? И Белов народ. И Миронов народ. И эти люди народ. И Горбачев народ. И Маоцзедунька народ. И никакого другого народа нет и не будет. И этот единственный и неповторимый русский народисторгего, Чернова, из себя как чужеродное тело. Для него никакого народа не существовало.

— Я совершил ошибку, — сказал он себе, — думая, что наш народ надо и можно уберечь от полной гибели. Он сам не хочет этого.

Он изорвал статью и бросил обрывки в ближайшую мусорную урну. Как это случилось, что ее еще не украли?! Вот когда разворуют все помойки, тогда можно будет сказать: конец! А пока помойки еще целы, народ еще жив. Боже, что за народ!

Макаров

Чернов стал изредка навещать Макарова. Тот был этому рад. Встречал Юрия как самого дорогого гостя. Жена Макарова по такому случаю ставила на стол все, что удавалось достать ценой стояния часами в очередях, по знакомству, в обмен на вещи. Макаров, заметив в Юрии внимательного и терпеливого слушателя, стремился высказать ему все самое сокровенное, что накопилось в его душе в результате многолетних размышлений.

— Я коммунист, — говорил Макаров, — и никогда не отрекусь от этого. Недостатки нашей истории и нашей нынешней жизни мне известны не хуже, чем прошлым и нынешним их разоблачителям. Но я считаю, что бросаться тут в другую крайность, т.е. в крайность огульного отрицания всего, что связано с коммунизмом, значит наносить нашей стране еще больший ущерб, чем ей нанесла безудержная апологетика прошлого. Надо трезво и справедливо оценить наше прошлое и результаты нашей советской истории. Вот возьмем, например, проблему Сталина и сталинизма. Что только ни

говорят и ни пишут об этом теперь! И почти все — абсурд, идеологический идиотизм. Я не оправдываю Сталина и то, что было сделано в те годы. Но нельзя так обращаться с великой историей. Это был самый грандиозный период нашей российской истории, каким бы черным и страшным он ни был. И он был не только черным и страшным, он был и светлым и радостным, причем — больше светлым и радостным, чем черным и страшным. Просто инициативу в его оценке захватили в свои руки разоблачители, антисоветчики и антикоммунисты. И они создают идеологическую ложную картину его.

— Сталинизм есть многостороннее и противоречивое явление, — продолжал Макаров. — Диалектика — вещь серьезная. Ее дискредитировали невежды и бездары. Без диалектики не поймешь ни одно серьезное историческое явление. Так вот, Сталин и сталинцы, с одной стороны, создавали и укрепляли то, что потом стало вызывать протесты и критику. Но они одновременно и боролись против этого. Хотели того или нет, в сталинские годы стали складываться новые классы, и прежде всего — привилегированный класс. Сталинисты обрушили репрессии прежде всего на него, хотя делали все, что укрепляло его. Сталинская власть была подлинно народной. Но как власть она с необходимостью становилась антинародной. Это — живая диалектика развития. И наше время можно понять лишь как такой же противоречивый процесс.

Чернову нравилось слушать Макарова. Протестуя против общей тенденции его речей, Чернов вместе с тем чувствовал в них какую-то глубинную правду, которую он еще не мог ощутить во всей ее объективной безжалостности.

— Главное, Чернов, — говорил Макаров, — поймите одну простую истину: Маркс и Ленин были настоящие гении, а не те преступники и дураки, как их теперь изображают. Был великим политическим гением Сталин. Надо к их словам и делам подойти исторически, взять их в реальном историческом контексте, а не вырывать их из него. В живописи, например, нельзя вырывать отдельные мазки из целой картины. Это оче-

видно. Тем более нельзя это делать в понимании исторических явлений.

— Вы, Чернов, выросли в атмосфере антикоммунистических умонастроений, — говорил Макаров, — но и Вы, как я вижу, переживаете то, что у нас происходит, как трагедию. А каково мне, убежденному коммунисту, посвятившему всю жизнь пропаганде идей коммунизма и воспитанию людей в духе коммунизма, видеть, как рушится самое святое дело и самые светлые идеалы?! Мне хорошо известны все недостатки нашей истории и нашего строя. И тем не менее я убежден в том, что этот строй есть наилучший для России. Более того, крушение его равносильно гибели России. Но я бессилён что-то сделать, чтобы помешать этому. Меня никто не хочет слушать. Я остался в университете на почасовой работе — один семинар в неделю, консультации. Предложил парткому лекцию прочитать на тему о том, чего стоит нынешняя критика коммунизма. Назвал лекцию «Устарели ли идеи коммунизма?» Представьте себе, партком отказался! Сказали, что никто не придет. А какая-то антимарксистская группа устроила дискуссию на тему «Нужен ли марксизм?» Я хотел было выступить. В парткоме мне категорически запретили это делать, мотивируя тем, что у меня якобы репутация консерватора и «недобитого сталиниста». Что Вы на это скажете?

— Я Вам сочувствую по-человечески, — сказал Чернов. — Но Вы же знаете, как я изучал марксизм. Честно признаюсь, я в нем так ничего и не понял. Очевидно, тут действует какой-то механизм времени.

Я вообще не встречал ни одного человека, кроме Вас, кто искренне принимал бы марксизм как нечто достойное уважения. А что касается нашего строя — я в своей жизни не могу найти ничего такого, за что я должен быть благодарен ему.

— А образование? Вы же получили хорошее образование. У Вас есть почти бесплатное жилье. Работа...

— Я безработный...

— Вы стали безработным не из-за коммунистического строя, а из-за того, что его стали разрушать. И вообще, люди стали воспринимать как нечто само со-

бой разумеющееся то, что было достигнуто благодаря коммунизму, и захотели иметь еще какие-то блага, которые нам сейчас были не по силам или вообще исключались нашим строем. Если наш строй рухнет, люди заметят, что они потеряли больше, чем приобрели. Но будет уже поздно. Помяните мои слова: люди еще будут вспоминать брежневские годы как Золотой век нашей истории!

Мысли наедине

«По телевидению выступила Маоцзедунька. И такого наговорила о нашем строе, о власти и об идеологии, как будто она была прирожденной и бескомпромиссной диссиденткой. Говорила она и о «преступной политике в сфере атомных экспериментов», о их жертвах в нашей области, о катастрофе в «Атоме». Я слушал эту гадину и чувствовал себя так, как будто меня обокрали даже в моих несчастьях. Эти подонки присвоили себе даже все то, что должно принадлежать таким, как я, по праву жертв их же преступной политики. Было ли нечто подобное в истории человечества? Думаю, что нет. Коммунизм для меня неприемлем хотя бы уже за одно то, что он породил таких гадов, как Маоцзедунька. Но и антикоммунизм неприемлем хотя бы потому, что его возглавили такие гады, как Маоцзедунька. Где выход из этой ситуации? Уйти в сторону? Но куда? А может быть вообще уйти, исчезнуть совсем?!...»

Путч

О возможности государственного переворота с использованием вооруженных сил начали говорить и писать чуть ли не с первых дней перестройки. Но все это было в области пустословия и проявления страхов перестройщиков за свою шкуру. С самого начала перестройки ее инициаторы и активисты в глубине души чувствовали, что они затеяли нечто преступное, за что придется со временем нести ответственность. И мол-

чаливое большинство населения жило с тайной надеждой, что перестроечный кошмар вот-вот кончится, и перестройщиков отправят туда, куда следует, а именно — в тюрьмы и лагеря.

Когда известие о государственном перевороте в Москве дошло до партграждан, они вздохнули с облегчением: наконец-то! Жизнь стала нормализоваться буквально на глазах. Поджали хвосты бандиты и хулиганы. Затаились частники, монархисты, анархисты и даже демократы. Спрятались проститутки и гомосексуалисты (сексуально инакомыслящие, как их называли в Партграде). Спекулянты на рынках снизили цены. Без всяких запретов свыше прекратился выпуск бесчисленных газет и журналов, занимавшихся антисоветской и антикоммунистической пропагандой. Вышедшие из КПСС члены партии вытащили спрятанные на всякий случай партийные билеты и сделали вид, будто они оставались верными коммунистами. Короче говоря, партграждане восприняли событие в Москве как новую установку высшего руководства, которую они ждали несколько лет, и начали возвращаться к старому привычному образу жизни. Но прошло всего менее трех дней, и партгражданам вновь пришлось погрузиться в пучину перестройки: 21 августа стало известно, что угроза переворота предотвращена.

Маоцзедунька

Известие о перевороте в Москве повергло Маоцзедуньку в состояние паники. Неужели она дала маху?! Неужели придется потерять все достигнутое?! Ведь ее, как прочих деятелей перестройки, наверняка отдадут под суд! Могут и расстрелять как врага народа! Выходит, зря она поторопилась выйти из партии! Что делать?! Надо бы с Крутовым посоветоваться. А где он, Крутов, сейчас?! Он сам поспешил пристроиться к частному бизнесу! Вот конъюнктурщик! А еще секретарем обкома партии был! Что за люди! Ни на кого полагаться нельзя!

Не зная, что предпринять, Маоцзедунька напилась до беспамьятства. В этом состоянии она пребывала все

время «путча». Когда путч провалился, и правая рука Маоцзедуньки, Смирнов, прятавшийся эти дни у своей тетки в деревне, примчался на новую роскошную дачу Маоцзедуньки, та валялась под кроватью, облеванная и наделавшая под себя. С помощью прочих вождей демократии Смирнов привел ее в более или менее приличное состояние и приволок в мэрию, где «герои сопротивления» уже соорудили баррикады для защиты центра демократии, хотя в городе не нашлось ни одного человека, который помышлял о нападении на них.

Еще одна революция

29 августа Верховный Совет СССР запретил КПСС как преступную организацию. В городе начался разгул «демократии», т.е. буйство и неистовство всех тех, кто выбрался на арену политической, социальной, экономической, идеологической, культурной и преступной жизни города. Первым делом Маоцзедунька объявила о запрете КПСС в области и об аресте всех явных и неявных участников «контрреволюционного путча». Начались погромы учреждений КПСС, грабежи квартир и дач руководящих партийных работников, увольнения с работы и избиения ни в чем неповинных рядовых членов партии. Были созданы специальные комиссии по расследованию поведения граждан во время «путча». Город срочно переименовали в Царьград. Переименовали также все площади и улицы, носившие имена выдающихся деятелей коммунизма и прошлой советской истории, включая Маркса, Энгельса и Ленина. В какой-то газетенке неокommunistов был напечатан фельетон, в котором предлагалось переименовать город не в Царьград, а в Ретроград. Газетенку тут же запретили, а издателей арестовали как путчистов. Демократическая пресса переполнилась сообщениями о грандиозных приготовлениях реакционеров к путчу в городе, который якобы был сорван благодаря героическому сопротивлению демократов во главе с мэром города Евдокией Тимофеевной Елкиной.

Кульминационным пунктом «новой революции» явился взрыв гранитного монумента Ленина на Губер-

наторской площади (бывший площади Ленина). Демократы во главе с Маоцзедунькой рассчитывали на то, что этот взрыв народ встретит с величайшим ликованием как окончательное освобождение от «проклятого прошлого» (это ее слова). Но ликования не получилось. На площадь пришло поглядеть на зрелище несколько десятков бездельников и пьяниц. После взрыва город погрузился в мрачную апатию. Ждать спасения было больше неоткуда.

Величайшая веха в русской истории

В первый же год перестройки все уцелевшие церкви были открыты и отданы попам в полное распоряжение. В поразительно короткие сроки в Парттграде появились буквально сотни служителей культа всех сортов и рангов. Такого количества их в Парттграде не было даже в дореволюционные годы. Начался неслыханный расцвет церкви. Попы стали обзаводиться домами, дачами, автомашинами, заграничными вещами, включая телевизионную аппаратуру и компьютеры. Вскоре по технической оснащенности парттградская епархия превзошла правящий аппарат области. Наконец, произошло событие, которое все прогрессивные газеты области называли величайшей вехой в русской истории, поставив его в один ряд с крещением Руси: Маоцзедунька, которую президент РСФСР Ельцин назначил своим представителем в области, обратилась с просьбой к парттградскому епископу благословить ее на управление областью. Епископ просьбу выполнил. В кафедральном соборе состоялась специальная процедура «венчания на управление». Во время процедуры Маоцзедунька стояла на коленях перед попами, полжив руку на Библию, и выполняла все их указания.

От нечего делать Чернов забрел в собор. Он был так потрясен происходящим, что стоявший рядом с ним молодой человек рассмеялся, взглянув на его лицо.

— Ни в жизнь не поверил бы в такое, если бы сам не увидел, — сказал он. — Думаю, что это — апогей идиотизма. То, что наши руководители сплошь кретины и подлецы, меня это не удивляет. Но как может народ,

переживший такую трагическую историю, мириться с этим, — этого я понять не могу. Не народ, а мразь сплошная. Я с таким народом не хочу иметь ничего общего, будь он проклят. Тьфу!

Окружающие зашикали на них. Какие-то молодые люди в рясах подбежали к ним и вытолкали из церкви. Появилась милиция. Чернова и молодого человека потащили в отделение. Увидев, что Чернов — безрукий инвалид, засмутились.

— Вы, ребята, небось комсомольцы или даже члены партии, — сказал собеседник Чернова. — Кому и чему вы служите?! Отдаете ли вы отчет себе в том, что тут творится? Ладно, пошли в отделение! Сажайте нас за хулиганство. Только вот простят ли вам ваши потомки ваше участие в контрреволюции и разгроме страны?

Милиционеры сказали, что они и сами понимают, что творится что-то неладное. Но им приказано, и они подчиняются.

— Кому подчиняетесь? — не унимался собеседник Чернова. Кто вам приказал? А своя-то голова у вас есть на плечах?

Свернув за угол, так чтобы не видели попы (а не то донесут начальству, и потом беды не оберешься!), милиционеры отпустили Чернова и его собеседника. Последний назвался Сергеем Потаповым, бывшим комсомольским функционером, ныне безработным. Разговорились.

От эйфории к отчаянию

— Семьдесят с лишним лет боролись с религиозным мракобесием, беспримерную культурную революцию осуществили, образование всем дали, вели грандиозную просветительскую работу, и все впустую, — сказал Сергей. — В чем дело? Ты (Сергей по старой комсомольской привычке сразу стал обращаться к Юрию на «ты») только посмотри! Вдруг обнаружилось, что массы остались такими же дремуче-темными, как в прошлые века. Мелют всякий вздор. Верят во всякую чепуху. Готовы бежать за всяким шарлатаном.

— Я в последнее время начал перечитывать с этой точки зрения все, что читал ранее, — ответил Юрий. —

Массы всегда вели себя и ведут по одним и тем же законам поведения масс. И никакое образование их не переделает. К тому же, как я опять-таки недавно заметил, всякая культура и образованность в конечном счете вырождается в бескультурье и невежество, причем — высокоразвитое и претенциозное. Наше образование породило в итоге миллионы невежд, воображающих, будто они знают и понимают все.

— Ты прав. Я сейчас время от времени просматриваю то, что делала наша пропаганда. Я ведь был секретарем горкома комсомола по идеологии! Я в ужас прихожу от сознания, каким пустословием мы занимались. А ведь тогда это все казалось содержательным, значительным, важным. Знаешь, я в последнее время стал подозревать, что вся эта перестройка есть результат чудовищной глупости и безответственности нашего высшего руководства. Эти подлецы и кретины играют наверху в великую историю, борются за власть, думая, что она позволит им преобразовать жизнь по их произволу. Ничего не выйдет, если их даже наделять полномочиями Бога. В основах жизни лежат какие-то законы, которые не подчиняются никому. Их не в силах преодолеть никакая власть, никакие массы. Их надо принимать во внимание в своей деятельности как законы Бытия, как законы Природы. А именно это и не делается. Люди впадают в эйфорию преобразователей. И делают глупости в надежде на то, что авось что-то получится. А когда начинают ощущать тщетность усилий, впадают в другую крайность — в отчаяние. И начинают творить глупости от отчаяния, от сознания безнадежности любых усилий.

Самоубийство Макаровых

После провала путча и запрета КПСС в городе началась «чистка» — увольнение с работы всех, заподозренных в сочувствии «путчистам», и аресты тех, кого специальные комиссии сочли участниками подготовки путча в Партграде (ныне — в Царьграде). Газеты сообщали о многочисленных случаях самоубийства бывших работников партийного аппарата и КГБ, а так-

же идеологических работников — нераскаявшихся сталинистов и потенциальных путчистов, каких определила демократическая пресса.

Среди покончивших с собой было упомянуто имя бывшего преподавателя марксизма-ленинизма в университете профессора Макарова и его супруги. Прочитав это сообщение, Чернов немедленно направился к дому, где жили Макаровы. У дома стоял милиционер. Он сказал Чернову, что квартира Макаровых опечатана, что никаких похорон не будет, что мэр (милиционер сказал «мера») города приказала всех путчистов, покончивших с собой, сжечь, а прах выбросить на помойку.

Макаров был прав, подумал Чернов. На смену коммунизма в России может придти только еще худший режим. Этих гадов вроде Маоцзедуньки надо убивать. Убивать любыми доступными средствами! Убить хотя бы одну эту гадину, и жизнь будет оправдана!

На другой день Чернов получил письмо от Макарова. В нем было написано следующее: «Вас, быть может, это удивит, но Вы оказались для меня в конце моей жизни самым близким человеком, не считая моей жены. Я желаю Вам найти верный путь в этой чудовищной смуте. Какой — я не знаю сам. Я остался верен своим идеалам. Наш коммунизм разгромлен превосходящими силами внешних врагов и внутренних предателей. Коммунистический эксперимент не провалился. Наоборот, он оказался успешным и потому породил такую злобу у врагов. Пройдут века, и человечество оценит наш эксперимент как величайшую попытку отстоять свой оригинальный путь эволюции и спасти человечество от гибели, которую ему несет Запад. Но сейчас жизнь для меня стала невыносимой. Искренне и навечно Ваш, Макаров. 30 августа 1991 г.»

Оставь надежду

В пешеходной зоне Чернов встретил Лаптева. Тот явно сдал, зарос, обносился. Он брел, игнорируя толпу, которая тоже была к нему равнодушна: такого вида существа стали обычным явлением в городе. Лаптев пригласил Чернова в частную «Чайную».

— Расходы беру на себя, — сказал он. — Я начал лечить одного новоиспеченного миллионера от импотенции. Денег — куры не клюют. Баб — отбою нет. А вот силенок не хватает. Наслышался от кого-то, будто я необыкновенную сексуальную мощь в человеке любого возраста пробудить могу. Обещает миллион, если смогу это сделать для него. А пока в качестве аванса выдал сумму, на приличный обед в ресторане не хватит. Все люди, становясь богатыми, превращаются в жмотов.

— Ну и как, пробудите Вы в нем сексуальную мощь?

— Я сказал ему, что пробужу ровно настолько, насколько он мне будет платить заранее. Знаете, тут дело не в моей алчности. В нашей профессии целителей есть свои правила: пациент должен всецело отдаваться во власть целителя и быть с ним абсолютно честным, иначе лечение не удастся. А почему Вы оказались без работы?

— Перестройка. Наше предприятие превратили в совместное с немцами. Практичные немцы уволили семьдесят процентов сотрудников.

— И набрали, надо думать, новых, которые оказались хуже старых.

— Верно. Как Вы догадались?

— Это банально. То, что у нас было до перестройки, было наилучшим из того, что возможно в наших условиях и с нашим народом. Немцы как западные люди не понимают, что любые улучшения у нас могут только ухудшить то, что было.

— Наши реформаторы этого тоже не понимают.

— Поскольку пляшут под дудочку Запада. А скорее всего — им наплевать на все это. Они думают лишь о том, как бы себе урвать побольше благ, славы, власти, почестей.

— Но немцы не дураки. Они не рассчитывают на бешеные прибыли у нас и за наш счет. У них другой расчет.

— Любопытно! Какой же?

— Хотя мы плохо работали, но за долгие годы так или иначе сделали целый ряд ценных изобретений и открытий. Один Горев у нас работал за целую лабора-

торию. Немцы это, очевидно, знали и на все наши трудности наложили лапу. Скоро это совместное предприятие лопнет. А немцы наживут не один миллион на наших изобретениях.

— Грустно.

— Как Ваши дела? Я читало Вас статьи в газетах. По телевидению видел. Вроде как признание?

— Не будьте таким наивным. Обозначили внимание для гласности и бросили во власть дельцов. Эти жулики хотели большое дело развернуть за мой счет. Реклама. Большие помещения для выступлений. Деньги за вход драли большие, а мне платили мизер. И вырваться из их цепких лап было невозможно. Грозилась убить, если буду артачиться. Пришлось пойти на хитрость: решил читать скучные проповеди и лечить плохо. Дельцы утратили интерес ко мне и отпустили с миром.

— Что Вы думаете о происходящем?

— То же самое, что и Вы. Бессовестные демагоги, используя разочарование людей в нашем образе жизни, пробудили в них надежду на то, будто стоит лишь поломать то, что было, как сразу наступит рай земной. Поломать — поломали, а вместо улучшений — ухудшения. Люди понадеялись на то, что кто-то другой за них сделает то, что нужно для восстановления нормальной жизни. И никто пальцем не шевельнул для этого. Активные негодяи воспользовались этим. Теперь люди почувствовали, что они в ловушке, и в отчаянии готовы крушить все до конца.

— На что же теперь надеяться?

— Надеяться?! Вот не ожидал от Вас услышать это глупое слово!

— Почему глупое?

— Что такое надежда? Последняя соломинка, за которую цепляется утопающий в помойке бытия. Надежда есть самообман. Ничто так разрушительно не действует на сознание, как надежда. Надежда обычно не обоснована. А если она обоснована, она не надежда, а нечто другое — уверенность. Она чаще не сбывается. А когда сбывается, она не приносит ничего неожиданного и не радует так, как если бы то же самое случилось

без нее. Осуществление надежды приносит временное удовлетворение. То, что приходит без нее, дает радость навечно. Отсутствие надежды не есть состояние безнадежности. Это — свобода как от состояния надежды, так и от безнадежности. Надежда делает жизнь тревожной и тоскливой. Отсутствие ее успокаивает. Надежда есть лишний груз. Сбросьте его! По жизни надо идти налегке.

— А если идти некуда?

— В таком случае уходить из жизни надо налегке, сбросив груз надежд. Выход, Чернов, есть из любой безвыходной ситуации: исчезнуть. Наше появление не было необходимым. Его могло и не быть. Зато наше исчезновение неизбежно. От него нельзя уклониться. Мир игнорирует наше существование. От нас не зависит ничто, кроме одного: исчезнуть. Я должен с Вами попрощаться. Меня ждет очень важная персона. Страдает наростами в заднем проходе. Как это символично для России! Человек с задатками и претензиями творца новой религии должен ковыряться в заднем проходе одной из гнусных тварей, рожденных нашим народом.

— Что это за персона?

— Маоцзедунька.

Дар судьбы

Известие об убийстве Маоцзедуньки явилось сокрушительным ударом для Чернова. Он столько лет жил мыслью о покушении на нее, мучался социальными и моральными проблемами, не спал ночей, ища обоснование и оправдание своему предполагаемому преступлению, обдумывал способы его технического исполнения, отрекся от научной карьеры и от семейной жизни, лишил себя всех радостей обычной жизни. Он колебался, отрекался от изначальной цели, возвращался к ней вновь и, наконец, принял окончательное решение. И вот эту гадину, владевшую его мыслями и чувствами всю его сознательную жизнь, убили без него! Убили без всяких трагических идей и переживаний. Убили самым заурядным и пошлым образом, по-рус-

ски, кирпичом по голове, т.е. так как много лет назад предлагал циник Белов. Не потребовалась никакая группа с фанатиком-террористом во главе. Не потребовался его, Чернова, мозговой расчет. Просто два или три пропойцы увидели подходящий случай, схватили первый подвернувшийся под руку кирпич, «тюкнули» по голове «эту жирную корову», схватили ее пузатый чемодан и сумку с документами и деньгами, сбежали с трофеями куда-нибудь в «Атом». И все! И никакого небесного грома! Никаких душевных драм и трагедий!

Что дальше? Как теперь жить? Мир померк для Чернова. Жизнь утратила смысл. В сознании зашевелилась мысль о самоубийстве как об единственном способе решения всех его проблем. Не будет его не будет и мучивших его проблем. Это банально просто! Просто, но живем-то лишь один раз. Неужели он, Человек, так просто капитулирует перед жестокой по отношению к нему, но единственной и неповторимой жизнью?!

Друзья

В таком состоянии его застал Белов. Узнав об убийстве Маоцзедуньки, он немедленно помчался к Чернову, опасаясь, как бы тот не наделал глупостей и не запутал в случае чего в это дело его, Белова. Разговор с Черновым он решил построить в полушуточном тоне, чтобы снизить эмоциональный шок Чернова.

— Вот видишь, — сказал он, — все, что ни делается, все к лучшему. Твою героиню все-таки «шлепнули». Туда ей и дорога. Одной гадиной меньше. Наверняка ее пристукнули бывшие уголовники из «Атома». Но московское начальство вряд ли удовлетворится таким решением. Им потребуется нечто более серьезное. Некий идейный инициатор и вдохновитель покушения. Так что ты имеешь неповторимый шанс. Власти сами пойдут тебе навстречу. Что тебе еще нужно?

— Не паясничай! Я не вор, не хочу присваивать дело рук других.

— Вот именно: дело рук, которых ты лишен, а не мозга, которого у тебя в избытке. Какое значение име-

ет то, кто исполнил покушение физически? Важно, кого сделают ответственным за него. А шанс действительно уникальный. Место в истории будет обеспечено навечно. Это, конечно, далеко не Горбачев. Но у нас не так-то уж часто отправляют на тот свет фигуры и такого масштаба, как Маоцзедунька. Насколько мне известно, это первый случай. Обидно будет, если никто не воспользуется такой удачей и не впишет славную страницу в историю освободительной борьбы в России.

— Если бы я участвовал в этом покушении хотя бы мозгом, я сделал бы это прежде всего лично для себя, и лишь затем — для других, пусть для истории.

— В реальной истории не бывает чистых образцов. Важна не субъективная правда, а общепринятая легенда. Кстати, КГБ наверняка доберется до тебя. У меня к тебе убедительная просьба: если у тебя есть какие-то записки, где фигурирую я, уничтожь. Я не хочу из-за такой нелепости иметь неприятности.

— Не волнуйся, никаких твоих следов в моей жизни не останется. Если что с тобой и будет, то не по моей вине. А теперь оставь меня одного, мне надо собраться с мыслями.

Но одному Чернову побыть не удалось: заявился Социолух. Сообщил новость. Сказал, что КГБ наверняка не остановится на версии заурядного уголовного преступления. Будут искать подоплеку, некие силы, направлявшие руку убийц. Во всяком случае, будут копаться в умонастроениях интеллигенции, подымут все доносы, начнут прочесывать город.

— У меня к тебе просьба. Прощу, пойми меня правильно. Тебя уже таскали в КГБ в связи с Маоцзедунькой, ты у них все равно на заметке. Тебя так или иначе будут щупать, не исключено, что произведут обыск. Если у тебя есть какие-то бумаги, уничтожь все записки, где фигурирует мое имя. Я не хочу иметь неприятности из-за этой глупой истории.

Как это ни странно, визит Белова и Социолуха успокоил Чернова. Оставшись один, он достал свои записки и тщательно просмотрел их. Все листы, на которых упоминались имена его знакомых, он изорвал и спустил в унитаз.

Маоцзедуньки нет. У него, у Чернова, осталось «Дело» — обвинительный документ и приговор ей. Что с ним делать? КГБ обязательно доберется до Чернова. Хотя КГБ вроде бы разрушили и дискредитировали, Ельцин добился создания своего, российского КГБ. И оно служит демократам так же, как старое КГБ служило коммунистам. Будет обыск. «Дело» найдут и заберут, это вне сомнения. Уничтожить «Дело» жаль. Все-таки проделан огромный труд. И кто знает, может быть еще удастся как-то сделать его достоянием людей. Народ, какой бы он ни был, должен однажды взглянуть на себя без прикрас, ужаснуться самому себе и извлечь какие-то уроки на будущее. Надо «Дело» до поры до времени спрятать. Но где?

Он стал перебирать в памяти всех знакомых. Белов и Социолух откажутся, не захотят связываться с «этой грязной историей». Одно дело — разговорчики, за которые ты не несешь никакой ответственности. И другое дело — ДЕЛО, из-за которого можно потерять все и попасть в тюрьму. Отпал и Малов: если доберутся до Чернова, то и он окажется под подозрением. Мог бы выручить Макаров или Горев. Но их уже нет на свете. Группа Горева распалась. Может быть Слепой? Он вроде бы надежный парень. И про него никто не подумает, что он причастен к делу Маоцзедуньки.

Чернов попросил мать уложить папки «Дела» в специально изготовленный для инвалидов его типа рюкзак и помочь ему надеть рюкзак. Номер телефона Слепого он не знал. Он не знал даже настоящую фамилию Слепого, чтобы отыскать номер в телефонной книге и узнать в справочном бюро. Знал только, что Слепой живет в одном доме с Горевым, даже на одной лестничной площадке, рядом с квартирой, где жил Горев. К счастью для Чернова, Слепой оказался дома.

— У меня к Вам важное дело, — начал Чернов. — Оно связано с Маоцзедунькой. К ее убийству я не имею никакого отношения, не пугайтесь. Но еще много лет назад я начал собирать материалы, касающиеся ее жизнедеятельности. На основе этих материалов я вы-

нес ей приговор. Приговор, конечно, идейный и моральный. И вот — это убийство. Если у меня эти бумаги найдут, то... Я бы хотел их сохранить.

— А почему их должны искать у Вас?

— Кто-то в свое время донес на меня в КГБ, что я собирал досье на Маоцзедуньку. Меня вызывали для беседы. Предложили прекратить «эту самодеятельность». Я сказал тогда, что все материалы уничтожил. Мне поверили. Но в архивах КГБ этот случай, надо думать, где-то зафиксирован.

— Ясно. А почему Вы обратились ко мне?

— Мне больше некого просить. Если бы был жив Горев... Вы — друг Горева, значит, Вам можно довериться. И у Вас их искать не будут.

— Вы ошибаетесь. Если доберутся до Вас, то доберутся и до меня. Наша группа была на учете в КГБ все время. А какие разговоры у нас велись, Вы сами знаете. Вы же бывали в нашей компании. Есть ли гарантии, что среди нас не было доносчика?! Так что мне очень жаль, но я помочь Вам не могу. И учтите, ходит слух, будто Маоцзедуньку убрали свои. Будто бы даже по указанию из Москвы. Она зарвалась. Обезумела от пьянства, глупости и тщеславия. Так что простых уголовников Им мало, чтобы нейтрализовать этот слух.

Покинув Слепого, Чернов вспомнил о Лескове. Вот единственный оставшийся надежный человек среди его знакомых! Конечно же, как он, Чернов, не подумал о нем сразу?!

Денег на транспорт у Чернова не было. Пришлось идти пешком. Добрался до дома Лескова только поздно вечером. Открыли соседи Лескова. Они сказали Чернову, что Лесков умер уже две недели назад.

Домой вернулся он поздно ночью. Сбросил мешок с «Делом» и небрежно затолкал его ногой под кровать. Никакого Дела больше не было. Оно тоже оказалось всего лишь иллюзией и пустой, шизофренической надеждой. Народу не нужно его, Чернова, чистое зеркало.

И только теперь он осознал последние слова Слепого.

Итак, с ним, с Черновым, произошло то же самое, что произошло с антисталинистами, боровшимися против Сталина и сталинизма при жизни Сталина: сообщники Сталина сами убили его и осуществили десталинизацию страны, руководствуясь своими шкурническими интересами. С ним произошло то же самое, что произошло с теми, кто пожертвовал жизнью в борьбе против коммунистической системы в период, когда она казалась незыблемой: сами хозяева коммунистического общества разрушили эту систему во имя своих интересов, предварительно разгромив диссидентов и критиков коммунизма.

У него, у Чернова, новые хозяева общества украли дело его жизни — казнь гадины, которая стала для него, для Чернова, воплощением и символом всех мерзостей этого общества. Они исполнили его приговор без всяких душевных драм, без риска для себя и потерь, ради мелких шкурнических интересов. С точки зрения исторической справедливости важен не только результат, сколько то, кто этого результата добился, как и какой ценой. Этот принцип нарушен. Теперь правящие негодяи должны довести дело исторической справедливости до конца: свалить на меня вину за свое преступление, низведя трагедию на уровень подлости и пошлости. Это допустить нельзя. Надо признать ложность всей прожитой жизни и исчезнуть. Исчезнуть бесследно. В конце концов мое появление не было необходимым. Его могло и не быть. Я всю жизнь ощущал себя чужеродным вкраплением в тело своего народа — отщепенцем. Исчезнуть — это самое значительное из всего того, что я способен сделать и что еще осталось в моей власти.

Тихо, чтобы не разбудить мать, он покинул квартиру. Ему было жаль покидать мать: она не перенесет потерю сына, который был смыслом всей ее загубленной жизни. Ему было жаль оставлять это убогое жилье, в котором прошло много лет его жизни. Но у него не было никакого другого пути.

Исчезнуть! Но как? Куда? Он вспомнил о трясине,

около которой он появился на свет и где прошло его детство. С первым же автобусом он доехал до бывшего Красноармейска, называемого теперь Троицком. Какая нелепость, подумал он. Этот город ничего общего не имеет с дореволюционной деревней. Это продукт советской истории на все сто процентов. Переименовали Партград в Царьград совершив такую же историческую нелепость. Люди сошли с ума. Впрочем, о каком тут уме может идти речь?! Трясина есть трясина, и ничего другого в ней быть не может.

Он прошел мимо школы, где он учился одиннадцать лет. Одиннадцать лет! А о чем вспоминать? Девочка Таня, его первая любовь, с четырнадцати лет имевшая сексуальную связь с каким-то взрослым парнем из круга «золотой» молодежи города. Его первый учитель жизни бунтарь Алексей. Что с ним стало? Почему он исчез? Дни и ночи, посвященные математике. Надежды на великий вклад в науку. Новый Лобачевский!.. Смешно вспоминать. Что сделали бы с первым, родился он в нашей трясине?!..

Трясина. Чтобы дойти до нее, надо пройти мимо того места, где стоял их дом. Бабушка и дедушка умерли. Дом сломали. Теперь на этом месте высокие новые дома. В газетах их называют трущобами. Если бы такие «трущобы» им дали тогда!.. Люди сошли с ума. Они забыли, что они — не французы, не немцы, не итальянцы и прочие западные народы, а русские, более того — трясинно-русские. Всякие подлецы посулили им западный рай вместо привычной русской трясины. А что тут возможно, кроме трясины?!..

Было уже совсем светло, когда он дошел до начала трясины. Теперь она была здесь огорожена оградой из колючей проволоки. Он увидел щит, предупреждающий о том, что проход за ограду опасен для жизни. Глупцы, подумал он. Тут следовало бы написать: «Оставь надежду, всяк сюда входящий!»

Он подлез под проволоку и пошел вглубь трясины, не глядя под ноги. Так будь же ты трижды проклят, породивший его, но бесконечно чужой и враждебный ему мир!

Утром 24 сентября 1991 года Маоцзедуньку похоронили. Вполдень Соколов доложили, что «объект» дома не появился. Соколов приказал произвести обыск в квартире. Через час ему доставили три объемистых папки «Дела». Бегло пролистав их и прочитав «приговор», Соколов сказал, что это как раз то, что нужно. Вполне логично выглядело и то, что Чернов — безрукий инвалид: сам он не мог исполнить свой приговор, потому использовал уголовников в качестве технических исполнителей.

Появился Рябов. На лице его отчетливо виднелись следы прошлой ночи. Узнав о результатах следствия и об исчезновении Икса, рассмеялся:

— Все наши проблемы по сути дела пустяковы, — сказал он. — А решения их еще пустяковее. Зато то, что лежит между возникновением проблемы и ее решением, превращается в нечто необычайно сложное и грандиозное. Но, увы, лишь по видимости. Все это есть лишь имитация жизни, а не жизнь. Нет надобности впадать в панику. Приказано прекратить дело и вернуться в Москву. Не стоит поднимать шум из-за такого пустяка. Сейчас не до этого.

— А что делать с этим Черновым, когда он обнаружится? — спросил Горбань.

— Зачем его обнаруживать?! Считайте, что его не было вообще. Сейчас не время создавать новых героев.

— А что делать с этим? — спросил Соколов, кивнув на «Дело».

— Уничтожьте. Сейчас не время создавать новых злодеев.

Мюнхен, 1982 — 1991

Содержание

Катастрофка.....	5
Искушение.....	185

**Александр Александрович
Зиновьев**

**Смута
(Катастрофка, Искушение)**

**Редактор Расторгуев В.Ф.
Технический редактор Буслаев А.И.**

Отпечатано с диапозитивов,
подготовленных издательством «Келвори».
Тираж 25 000 экз. Заказ № 57. Цена договорная.

Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП.
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Александр Зиновьев

СМУТА

Александр Зиновьев